ДОСЬЕ ЭПОХИ

О.С. Смыслов

ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ

Всесильный хозяин СМЕРШа

ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ
Всесильный хозяин СМЕРШа
О.С. Смыслов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга О.Смыслова посвящена одной из таинственных фигур НКВД-МГБ СССР Виктору Семеновичу Абакумову. Несмотря на то что КГБ СССР перестал существовать, дело Абакумова остается засекреченным, Его восхождение по ступеням высшей должностной лестницы ГПУ-НКВД началось во время сталинских чисток 1930-х годов, когда он занимал должность одного из заместителей Л.Берии. Во время Великой Отечественной войны Абакумов был начальником Главного управления контрразведки РККА СМЕРШ. Он контролировал практически всю советскую разведывательную сеть. В октябре 1946 года Абакумов был назначен на должность министра государственной безопасности. В 1951-м его неожиданно сняли с поста министра, и в том же году он был арестован по приказу Сталина. В Лефортовской тюрьме его держали в кандалах и наручниках. Несмотря на жестокие пытки, он ничего не подписал и отверг все обвинения. После короткого суда в 1954 году В.С.Абакумова расстреляли.

- Олег Смыслов
  - От автора
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
  - Часть вторая
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
  - Вместо эпилога
  - Библиография
- notes
  - 1
  - 2

Олег Смыслов
Генерал Абакумов. Всесильный хозяин СМЕРШа

Александру Александровичу Лобову и офицерам военной контрразведки посвящается

От автора

В советской истории В.С. Абакумов так и останется никогда не реабилитированным, точно так же, как и никому не удастся отмыть его от человеческой крови. Сегодня совершенно нет смысла оправдывать эту неоднозначную фигуру, потому что оправдывать-то, собственно, и нечего. Ведь дело совсем в другом — по возможности непредвзято исследовать биографию москвича из рабочей семьи, которому за восемь лет службы в органах удалось от рядового практиканта взлететь до генерала, а потом сразу же стать одним из заместителей наркома внутренних дел Л.П. Берии.

В 1941 г. (в тридцать три года) Виктор Семенович возглавил Управление особых отделов НКВД, в 1943 г. (в тридцать пять лет) Главное Управление контрразведки СМЕРШ[1] НКО, став заместителем уже самого Сталина, а в 1946 г. (в тридцать восемь лет) он возглавил Министерство государственной безопасности СССР. Поистине головокружительная и впечатляющая карьера никому не известного рабочего парня с четырехклассным образованием. Но, как ни парадоксально, в этой карьере случайности переплелись с закономерностями. Став министром, Абакумов верно служил тоталитарному режиму Сталина, а через пять лет им же и был сметен за решетку, чтобы еще три с половиной года в нечеловеческих условиях дожидаться собственного расстрела.

Биографию Абакумова я собирал в буквальном смысле по крупицам и думаю, что мне удалось раскрыть в ней многие тайны, проливающие свет на восхождение всемогущего министра,

от кивка и улыбки которого многих советских людей пробирал холодок.

Многочисленные воспоминания и свидетельства очевидцев, а также архивные документы дали мне возможность намного глубже познать не только особенности профессиональной деятельности Абакумова, но и черты его характера, его личные качества, ощутить его внутреннюю силу и железную волю.

А человеком он был действительно сильным и значимым, несмотря на некоторые человеческие слабости.

Сброшенный с пьедестала власти в одиночную камеру, он не сломался, в отличие от многих, кого сажал сам.

В его по-своему яркой, талантливой и противоречивой личности хватало не только настойчивости и жестокости, упорства и упрямства, но и храбрости и милосердия. Абакумов был верным слугой Сталина, за что, собственно, и поплатился, так как перестал улавливать мысли хозяина. По сути, ему, действовавшему напролом, не хватило воображения, чтобы постигнуть всю глубину политической дальновидности вождя.

* * *

В начале 2002 г. Александр Хинштейн на страницах «Московского комсомольца» рассказал о беспрецедентном скандале в Главной военной прокуратуре, когда из ее особого архива исчезли ценнейшие уголовные дела. Исчезли тогда и некоторые тома из уголовного дела бывшего министра ГБ В.С. Абакумова. Что ж, в таком случае по воле судьбы некоторые тайны так и останутся тайнами.

Пролог

Виктора Семеновича Абакумова отстранили от должности министра государственной безопасности СССР 4 июля 1951 г. Для него это было более чем неожиданно. И тем не менее, будучи человеком чрезвычайно сильным, он надеялся самостоятельно разрешить неблагоприятную для себя ситуацию. Ведь сколько их было за девятнадцать лет в органах! Однако ему всегда удавалось выходить сухим из воды, а потом с легкостью переступать очередную ступеньку служебной карьеры. Он прекрасно понимал, что еще есть время, есть возможности и силы. Не зря говорят в народе, что «надежда умирает последней».

Абакумов не надеялся Он, как всегда, был уверен, что все уладит. Нужно только постараться, пораскинуть мозгами, сделать очередной шахматный ход.

И кое-кто сдаст назад, пойдет на попятную. Куда им тягаться с самим Абакумовым: кишка тонка!

В этот день он никого не принимал. Чего греха таить, настроение было паршивое. Но он старался его не показывать окружающим. У него это всегда получалось. Ведь не арестовали же сразу! Сидя за рабочим столом в своем роскошном кабинете, который был больше, чем комната, но гораздо меньше, чем зал, Виктор Семенович выпил стакан мадеры. До сих пор ему ее присылали из Крыма, почти без сахара, специальной очистки. Такое вино он называл «женским коньяком». Когда осело, расстегнул китель, раскрыл коробку «Тройки» кремлевского выпуска, аккуратно взял папиросу, немного помял, чиркнул дорогой трофейной зажигалкой и закурил.

Пытаясь как-то отвлечься от случившегося, теперь уже бывший министр МГБ как будто впервые осматривал свой кабинет, по-прежнему победно упираясь локтями в огромный письменный стол. Его глаза, имеющие «подвижность подозрительности и сообразительности», устремились на высокий лепной потолок с люстрой, затем на балконную дверь, глухо забитую на все времена, и, наконец, на большие окна, выходившие на площадь. Бездействующий мраморный камин и необычно высокое пристенное зеркало остались как бы незамеченными.

После нескольких минут мучительных раздумий Абакумов на мгновение посмотрел на барельеф вождя, который всегда был перед его глазами, и почему-то ухмыльнулся. Затем он надавил на кнопку в столе и вызвал дежурного офицера.

Когда подполковник открыл дверь и сделал один шаг по

мягкому, ворсистому ковру, Виктор Семенович приказал:

— Готовь машину, минут через двадцать буду выходить.

— Вы домой, или только до улицы Горького? — уточнил офицер.

Абакумов встал из-за стола и как-то загадочно ответил:

— А почему бы сегодня не пройтись пешочком? Ведь еще не все знают, что Абакумова отстранили от работы. Временно. Так вот, пусть думают, что я еще министр. А те, кто сделал это… — После этих слов Виктор Семенович вдруг резко замолчал, сел в кресло и добавил: — Свободен!

Когда офицер вышел, погрузился в воспоминания.

* * *

Его карьера действительно была головокружительной. И очень многие считали такое восхождение к власти совершенно случайным, вне логики и здравого смысла. Но это было не так.

Часть первая
КТО БЫЛ НИКЕМ, ТОТ СТАНЕТ ВСЕМ…

Глава первая
Эволюция московского пролетария

Идите вперед, пока можете, а подкосятся ноги — сядьте близ дороги да глядите на прохожих без досады и зависти: ведь они недалеко уйдут.

И. С. Тургенев

1

То, что произошло в России с началом двадцатого века, до и после рождения Виктора Семеновича Абакумова, стало своего рода неким знамением в его собственной судьбе.

* * *

1901 г. был неурожайным, а перенаселение в деревне сказалось на нищенской оплате сельских тружеников, которая стала ниже. В связи с этим в 1902 г. поднялась настоящая волна беспорядков. Только за период с 1902 по 1904 г. произошло 670 «крестьянских восстаний». В 1903 г. бастовало более 200 тысяч рабочих, а затем волнения коснулись и студентов.

В 1904 г. началась Русско-японская война, которая воспринималась русской общественностью как бессмысленный конфликт в момент глубокого экономического кризиса.

А 9 января 1905 г., когда в так называемое Кровавое воскресенье армия стреляла в народ, который с иконами и хоругвями устремился к Зимнему дворцу, впервые было разбито традиционное представление о царе-защитнике и покровителе.

Страну захлестнула первая волна революционных событий. Забастовочное движение охватило рабочих-железнодорожников, металлургов, работников текстильной промышленности (1 млн чел.). Когда же произошла Цусимская трагедия (15 мая Русский Балтийский флот был разбит японцами в Корейском проливе),

поставившая точку в окончательном поражении России в войне, брожение масс стало возрастать. 12 октября 1905 г. забастовка полностью парализовала всю железнодорожную сеть империи, а на следующий день в Санкт-Петербурге образовался Совет рабочих депутатов.

Вот что писал о том времени А.И. Деникин, русский генерал и писатель, в своей замечательной книге «Путь русского офицера»:[2]

«В народных массах России не оказалось достаточно благоприятной почвы для революции политического характера. Деревня с 1902 и до конца 1907 г., в особенности в Поволжье и в Прибалтике, поджогами и разграблениями помещичьих имений и захватами их угодий пыталась разрешить исключительно аграрную проблему — крестьянского малоземелья, значительно осложненную низким уровнем земледельческой культуры. В Прибалтике, кроме того, играл большую роль элемент национальный — на почве острой вековой вражды между эстонским и латышским крестьянством и помещиками-немцами и крайней бытовой отчужденности этих двух элементов. Под флагом национального освобождения, при безучастии народных масс, в Польше широко применялся террор одной только боевой организацией, «ППС», под руководством Пилсудского (…).

В городах незначительный численно городской и рабочий пролетариат интересовался только улучшением своего жизненного уровня и лишь очень немногие сознательно относились к программным требованиям социалистических революционных партий. Беспорядки в городах, кроме восстания в Москве, сравнительно быстро и легко ликвидировались.

Наконец еще меньше было политического элемента в солдатских бунтах, возникших на почве революционной пропаганды, излишних стеснений казарменной жизни и не везде здоровых отношений между солдатами и офицерами, особенно на флоте. В «требованиях» восставших частей было оригинальное смешение привнесенной извне чужеродной партийной фразеологии с чисто солдатским фольклором. «Четырех-хвостка» (всеобщее, равное, прямое, тайное голосование) стояло рядом с требованием «стричься бобриком, а не под машинку».

И все же 17 октября Николай II поставил свою подпись под «Манифестом свобод», который давал народу: гражданскую свободу (неприкосновение личности, свободу совести, слова, собраний и организаций).

Выборы в Думу с участием трех слоев населения.

А также запрет на законы без согласия Думы.

Тем не менее как только закончилась всеобщая забастовка в

Санкт-Петербурге и в Москве (21 октября), через несколько дней вспыхнул мятеж на военно-морской базе в Кронштадте, а следом в Севастополе. Затем беспорядки охватили всю Транссибирскую магистраль, где взбунтовались воинские части, дожидавшиеся возвращения с Русско-японской войны. Следом, в ноябре — декабре 1905 г. поднялись крестьяне в Симбирской, Курской, Черниговской и особенно Саратовской губерниях. Однако не сдавалась и власть.

Если в декабре 1905 г. в столице было арестовано около 2 тыс. человек, то весной 1906 г. общее число заключенных в тюрьмы и высланных превысило 50 тыс. человек. А с 26 марта по 20 апреля прошли первые выборы (за всю историю России) в Думу, в которых победу одержала партия кадетов, получившая более трети всех мест. И примечательно то, что во время обсуждения аграрного вопроса на заседаниях первой Думы были подавлены крестьянские бунты. Военно-полевые суды только в течение восьми месяцев вынесли около тысячи смертных приговоров. Всего же с 1905 по 1908 г. было казнено 2835 человек. Вторая Российская Дума собралась 20 февраля 1907 г. И несмотря на роспуск первой, вторая оказалась еще более радикальной. В нее вошли более ста депутатов-социалистов, около ста трудовиков, сто кадетов и восемьдесят депутатов от национальных меньшинств. Октябристов представляли 19 и монархистов— 33 человека.

Перед четвертым заседанием этой Думы в семь часов утра начальник охраны Таврического дворца доложил только что избранному ее председателю Ф.А. Головину о происшедшей катастрофе. В зале, где происходили заседания, над правой стороной рухнул потолок, а слева, удержавшийся потолок, косо повис в воздухе над амфитеатром. Позже сам Головин рассказывал: «Картина была потрясающая. Вся штукатурка, толстая и тяжелая, рухнула с высоты восемнадцати аршин (двенадцать метров), поломав и исковеркав на дороге люстры. Она легла двумя громадными пластами на левую и правую стороны полукружья с пюпитрами членов Думы. Если бы эта катастрофа случилась несколькими часами позже, то убитых и изувеченных членов Думы была бы масса. Судя по тому, чьи пюпитры были разбиты, можно предположить, что уцелели бы те члены Думы, которые сидели в центре, а более всего пострадали бы депутаты, занимавшие места на флангах»».

По этому поводу депутат Государственной думы, лидер правых Василий Шульгин спустя десятилетия напишет: «Этот маленький обвал потолка был ведь только предзнаменованием величайшего крушения. Царская корона упала на

Государственную думу, пробила купол Таврического дворца, похоронила народное представительство, а заодно и тысячелетнюю империю. Все это случилось в то роковое 2 марта 1917 г., ровно через десять лет после памятного заседания в круглом зале 2 марта 1907 г., последовавшего за крушением потолка».

Пройдет всего год, и на свет появится Виктор Семенович Абакумов.

Он родился в апреле 1908 г. в Москве. Автор книги «Агент Никто» Е. Толстых утверждает, что «во всех биографиях он (т. е. Абакумов) писал, что родился в апреле 1908 г. в Луховицком уезде Московской губернии. Но в 1952 г. на запрос следствия пришел ответ, что по церковным книгам за 1908 г. новорожденный Абакумов Виктор Семенович в указанной деревне Луховицкого уезда не числится!»

Однако это не совсем верно.

По всем тем документам, которые мне приходилось видеть, В.С. Абакумов — уроженец города Москвы. Указано это в личном деле, в собственноручно написанной им автобиографии, а также в специальной анкете, которую Виктор Семенович заполнял после своего ареста. Отец Виктора Семен Абакумов — до революции работал на Московской фармацевтической фабрике братьев Келлер простым рабочим. Мать Виктора работала швеей по разным мастерским, и, кроме того, ей приходилось еще брать шитье на дом, чтобы подзаработать.

Мальчика крестили в церкви Николы в Хамовниках по месту жительства, в рабочем квартале около Хамовнических казарм.

Вообще же «хамовниками» в Московской Руси назывались «жители одной из многочисленных дворцовых черных слобод, занимавшихся тканьем столового белья на дворец».

Там, в Хамовниках, младенца четы Абакумовых нарекли именем Виктор, то есть победитель. И что удивительно, святое таинство крещения для будущего министра стало пророческим. Такое бывает редко. Жили Абакумовы тяжело. Как писал в своей автобиографии сам Виктор Семенович: «Заработок отец получал очень низкий, семья из 5-ти человек (брат, сестра и я) всегда находилась в нужде».

Вполне вероятно, что нужда стала причиной пьянства его отца.

2

Детство Абакумова проходило в трудное время, но оно стало

как бы плацдармом в его будущей карьере, как, впрочем, и для многих мальчишек его поколения. Сама история делала все возможное.

1907–1911 гг. стали годами спада революционного движения. Разрешенные с марта 1906 г. профсоюзы сократились с 250 тыс. членов в 1907 г. до 12 тыс. в 1910. Число бастующих рабочих снизилось до 50 тыс. При этом поражение революции 1905–1907 гг. раскололо партию социалистов. И что характерно, десятилетие с 1905 по 1914 г. было отмечено расцветом искусства, литературы и философии. Возобновился с небывалой быстротой и рост промышленности в России. Благодаря массовому экспорту продовольственных товаров, а Российская империя экспортировала треть своей товарной продукции зерновых и была самым крупным в мире поставщиком зерна, внешняя торговля была прибыльной, государственный бюджет уравновешенным. Только за пять лет с 1908 по 1913 гг. промышленное производство возросло на 54 %, а общее количество рабочих увеличилось на 31 %.

В 1913 г. Россия занимала пятое место в мире по общему объему промышленного производства; второе — по добыче нефти, вывозу древесины, выпуску пиломатериалов; третье — по выработке хлопчатобумажных тканей; четвертое — по выпуску продукции машиностроения, производству кокса, сахарного песка; пятое — по выплавке чугуна и стали, добыче железной руды, выработке цемента. Удельный вес продукции тяжелой промышленности достиг 43 %. Железнодорожная сеть увеличилась с 28 тысяч до 81 тысячи верст.

С 1880 по 1913 г. сбор хлебов в России возрос с двух миллиардов пудов до четырех миллиардов. В 1911–1913 гг. страна получила зерновых на 28 % больше, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые, и имела 45 млн голов овец. В 1913 г. русский экспорт хлеба превысил 10 млн тонн. Государственные доходы страны выросли с 1,4 млрд 1897 г. до 3,1 млрд рублей в 1912 г. Золотой запас Государственного банка с 648 млн рублей в 1894 г. вырос к 1914 г. до 1604 млн. С 1896 г. была введена в обращение золотая валюта. В 1913 г. можно было официально обменять два рубля на один доллар, десять рублей на один фунт стерлингов, тридцать семь рублей пятьдесят копеек на сто франков.

Если в 1900 г. среднедушевой доход в России составлял 63 рубля, то в 1913 г. — 101 руб. 35 коп. Средняя зарплата петербургского рабочего в 1904 г. составляла 301 рубль в год, а в 1906 г. она поднялась до 323 рублей. Это при том, что фунт пшеничной муки стоил 7 копеек, фунт риса — 10 копеек, мешок

картошки — 1 рубль, фунт масла сливочного — 50 копеек, фунт сыра — 50 копеек, бутылка молока — 7 копеек, десяток яиц — 40 копеек, курица 60 копеек, гусь — 1 рубль 50 копеек, фунт колбасы — 50 копеек, лимон — 6 копеек и т. д.

Однако, несмотря на золотой век капитализма в России (1908–1914 гг.), ее богатства распределялись неравномерно. Размеры вкладов в сберегательные кассы и на текущие счета в банках были увеличены вдвое. Активно выкупались ценные бумаги, издавна находящиеся в руках иностранцев. В 1913 г. общий уровень промышленного производства в России оставался в два с половиной раза меньше, чем промышленное производство Франции, в шесть раз меньше, чем в Германии, в четырнадцать раз — чем в Америке. Но тем не менее курс экономического развития способствовал коренному преобразованию русской экономики и русского общества.

Вечером 1 сентября 1911 г. в киевском театре агент охранного отделения Д.Г. Богров смертельно ранил председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина. Сам государь император Николай II стал свидетелем этого трагического события. 10 сентября он писал своей матери из Севастополя:

«Мы только что вышли из ложи во время второго антракта, так как в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета. Я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову и вбежал в ложу.

Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то. Несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой».

Нет, это была не мистика. Это исторический факт. После выстрела Богрова Петр Аркадьевич стоял лицом к царской ложе, опираясь на барьер оркестра. И прежде чем упасть на ковер, совершил в воздухе крестное знамение, осенив им царя. Так этот трагический день разделил исторический период России между революциями 1905 и 1917 гг. А сама смерть председателя Совета министров нанесла поражение последней попытке сознательного и целенаправленного обновления политической системы в стране.

Весной 1912 г. рабочие волнения возобновились, а в первом квартале 1914 г. число бастующих достигло 1,5 млн человек. Волна забастовок, захлестнувшая преимущественно Москву и Санкт-Петербург в первой половине 1914 г., грозила революционными событиями. Но грянула война.

28 июня 1914 г. наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог Фердинанд, при посещении г. Сараево был убит австрийским подданным Гаврилой Принципом. В годовщину

разгрома Сербии Турцией на Косовом поле эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой прибыл на маневры в столицу Боснии. Австро-венгерское правительство, подталкиваемое германским императором Вильгельмом II, использовало это убийство как предлог для предъявления Сербии 23 июля 1914 г. ультиматума. Для выполнения его пунктов давалось 48 часов. Сербия с небольшими оговорками приняла восемь пунктов, но от шестого (допуск австрийских чиновников к производству следствия на сербской территории) отказалась. После чего Вильгельм записал: «Большой моральный успех Вены. Но он исключает всякий повод к войне».

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Николай II долго колебался. Все же 29 июля вечером он объявил частичную мобилизацию. Но после доклада министра иностранных дел Сазонова принял другое решение: «Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением!..» Потом, с трудом выговаривая слова, государь добавил: «Вы правы. Нам ничего другого не остается, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание об общей мобилизации». Наступили часы священного единения Российской империи. 2 августа 1914 г. сотни тысяч людей пришли к Зимнему дворцу, чтобы на коленях получить благословение царя.

С началом войны в России значительно сократилось число бастующих. За последние пять месяцев 1914 г. их насчитывалось всего 35 тысяч. Однако не все видели в этой войне легкий успех. Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев считал по-своему:

«Вот некоторые легкомысленные люди и офицеры, даже большие офицеры, думают и даже говорят, что мы, мол, окончим войну в три месяца. Вздор и вредный вздор. Противник «сурьезный». Его нахрапом не возьмешь. Война будет на измор. Воюет народ с народом. В таком разе, что же самое главное? Самое главное — это поддержать дух народа. Только в его стойкости или, как мы говорим, в коэффициенте сопротивляемости, залог успеха. Вообще говоря, коэффициент сопротивляемости для русской армии высок. Но сопротивляемость армии и сопротивляемость народа в его целом не одно и то же. Армия есть производное от народа и потому, в конечном счете, решает сопротивляемость народа. Повторяю: самое главное — надо поддержать дух народа». Но дух поддержать оказалось нечем. Уже в мае 1915 г. центрально-европейские державы развернули широкое наступление, и фронт был прорван. В результате Литва, Галиция и Польша перешли под

контроль государств германо-австрийского блока. При этом вынужденное сосредоточение всей промышленной деятельности на военном производстве разрушало внутренний рынок (более 80 % заводов России были переведены на военное производство). Промышленность не удовлетворяла нужды гражданского населения.

За несколько месяцев в тылу образовался дефицит промышленных товаров. Крестьяне сократили поставки в города.

В России воцарилась инфляция и дефицит. С 1914 г. по январь 1917 г. цены на основные товары поднялись в четыре—пять раз.

Заработная плата не поспевала за их ростом. Условия жизни людей ухудшались. С каждым годом росло число бастующих. В 1915 г. — 560 тыс., в 1916 г. — 1100 тыс. Под воздействием военного и экономического кризиса 1915–1916 гг. множились различные комитеты. Все шло к революции.

В феврале 1917 г. власти Петрограда решили ввести карточную систему, и перед пустыми прилавками вспыхнули беспорядки. И если 23-го в международный женский день прошла мирная демонстрация, то 24-го забастовали все заводы. С красными флагами и «Марсельезой» рабочие шли к центру города, где произошло несколько жестоких столкновений с конной полицией.

В воскресенье 26-го к центру города двинулись колонны рабочих. По ним открыли огонь офицеры, так как солдаты стрелять отказались. Более ста пятидесяти человек были убиты. Тогда в ночь с 26-го на 27-е солдаты трех гвардейских полков взбунтовались против своих командиров из-за расстрела мирной демонстрации. А на следующий день демонстранты, побратавшись с солдатами, захватили Арсенал (40 тыс. винтовок), некоторые здания и направились к Зимнему.

Через несколько минут после того как туда вошел Павловский полк, над крышей дворца было установлено красное полотнище. Керенский приветствовал восставших в Таврическом дворце, где в одном из залов был создан Совет рабочих депутатов как штаб революции. А Государственная дума образовала Комитет по восстановлению порядка и связям с учреждениями и общественными деятелями. К концу дня 27 февраля Милюков объявил совету, что Дума «взяла власть». И совет во имя сохранения единства в борьбе против самодержавия отступил.

Николай II, информированный о положении, приказал генералу Иванову восстановить порядок в Петрограде, но войска, узнав, что весь столичный гарнизон перешел на сторону революции, отказался повиноваться. Царь только вечером 1 марта

узнал о победе революции.

По данным А.И. Деникина, жертвы первых дней революции в столице были невелики: «регистрация Всероссийского союза городов определила их для Петрограда общим числом убитых и раненых в 1443, в том числе воинских чинов — 869 (офицеров 60)».

2 марта Временный комитет членов Государственной думы объявил о создании Временного правительства (князь Львов, Милюков, Гучков, Коновалов, Мануйлов, Терещенко, Львов, Шингарев, Годнев, Керенский). В этот же день Николай II, после получения телеграмм от командующих фронтами с пожеланием отречься от престола, в 15 часов в Пскове передал манифест, в котором говорилось: «В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу, благословляя его на вступление на престол Государства Российского.

Заповедаем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены».

Тем не менее народ требовал провозглашения республики. Член Государственной думы С.И. Шидловский в своих мемуарах, которые издал в Берлине в 1923 г., вспоминал: «Михаил Александрович жил в Гатчине, никакого участия во всем происходившем не принимал и, как известно было лицам, мало-мальски его знавшим, всемерно уклонялся от вмешательства в какие бы то ни было дела государственные, всецело предавшись конскому спорту.

Он был приглашен председателем думы в Петроград. Рано утром на Миллионную, в квартиру князя Путятина, выехал временный комитет Государственной думы, и только что прибывший глава Временного правительства князь Львов, и там состоялось свидание с великим князем.

Началось обсуждение вопроса о занятии престола. Михаил Александрович, как и нужно было ожидать, встал, что называется, на дыбы и ни за что не соглашался занять престол при каких бы то ни было условиях, отпрашиваясь от этого всеми силами (…) После долгих споров и рассуждений, которому из двух решений

отдать преимущество, великий князь просил дать ему время обдумать свое решение и удалился во внутренние комнаты, пригласив с собой Родзянко и князя Львова.

Совещание их продолжалось около часа. По истечении которого Михаил Александрович вышел и объявил свою волю принять престол только в случае желания Учредительного собрания.

После этого временный комитет уехал в Таврический дворец, и у великого князя осталось всего несколько человек для составления текста манифеста. Таким образом закончилось царствование в России династии Романовых».

Было это 3 марта 1917 г.

* * *

Удивительно, на новый 1917 г. в ресторанах требовали вина и водки, цена которых колебалась от 50 рублей до 100 за бутылку.

Популярный «Веселый уголок» наторговал в новогоднюю ночь на 38 000 рублей. За кусок мяса филея на пятерых платили 80 рублей, за стерлядь на восьмерых — 180 рублей. За поездку в «Яр» или в «Стрельню» извозчикам платили от 50 до 75 рублей, а парным от 100 до 150. В результате на встречу Нового года москвичи оставили в ресторанах не менее 1 миллиона рублей. Люди гуляли как в последний раз, словно чувствовали приближение развязки.

3

Московский агент пароходства «Самолет» Н.П. Окунев оставил нам увлекательную картину московской жизни времен революции в своих дневниках.

Вот что он записал 1 марта 1917 г.:

«В первом часу дня пошел «куда все идут», т. е. к Думе. И начиная еще от Лубянской площади, увидел незабываемую картину. По направлению к Театральной и Воскресенской площадям спешили тысячи народа обоего пола, а в особенности много студентов и учащихся. С высоты от Лубянского пассажа вдоль к Охотному ряду темнела оживленной массой, может быть, стотысячная толпа. И между пешеходами то и дело мчались в разных направлениях грузовые и пассажирские автомобили, на которых стояли солдаты, прапорщики и студенты, а то и

барышни, и, махая красными флагами, приветствовали публику, а те в свою очередь, восторженно кричали им «Ура»».

И далее:

«Настроение не падает, разъезды «революционных» солдат и студентов не прекратились и вызывают со стороны народа крики «ура», маханье шапками и платками. Необычайные картины: у солдат в одной руке ружье или шашка, а в другой красный флаг; или так: солдат и студент идет обнявшись и у солдата флаг, а у студента ружье». «Одетых» же городовых — нигде, нигде не видно. Революция все-таки уже в полном ходу, и пока, благодаря Бога, в бескровном виде».

2 марта 1917 г. «Жандармы и полиция арестуются, организуется милиция. Управляется Россия пока так: назначены комиссары для заведывания министерствами». «Теперь о впечатлениях сегодняшнего дня с московских улиц. День уже не такой холодный: облачно, изредка небольшой снег, мороза не более 3°. Потоки народа и войск к Думе еще могучее. Нет такой улицы, близкой к центру, на которой не чернело бы, не волновалось море людей. Может быть, с пол-Москвы, то есть до миллиона людей, целый день идут, стоят, машут шапками, платками, кричат «ура» и свищут небольшим группам полицейских, которых нет-нет, да и поведут как арестованных в Думу».

В апреле 1917 г. Виктору Абакумову исполнилось девять лет, и день 18 апреля (1 мая) он должен был запомнить на всю жизнь. По свидетельству очевидца, несмотря на холодную погоду (снег, дождь, град), на улицах и площадях Москвы в те часы сошлось более три четверти всего московского населения: «с 11 ч. утра до 2 ч. дня. За эти три часа мы прошли по Сретенке, Большой Лубянке, Лубянской площади, Театральным проездом, Театральной, Воскресенской и Красной площадям и затем по Тверской до Страстной площади. Везде тучи народа — демонстрирующего и созерцающего. Демонстранты с флагами-знаменами. Конечно, красного цвета, иногда с богатыми украшениями, золотыми и серебряными позументами и кистями, а также с вышивками и рисунками разных эмблем. Участвовали в демонстрации и войска со своими оркестрами, но не скажу, чтобы они радовали своим видом. Как-то шли нестройно, подчеркивающее демократично — не было строевого порядка, офицеры тушевались и, смешиваясь с солдатами, не давали нужного военного тона, одним словом, это уже было не войско, а толпа.

Впрочем, такое явление теперь уже повседневно. И мы «буржуи» уже как-то мало верим в мощь такого воинства —

воинства, не по форме одетого, расстегнутого, неподтянутого, не признавшего в своем укладе чинов и старших, всекурящего, бредущего гражданской косолапой походкой и готового в случае чего «дать в морду» своему начальнику, якобы раньше тоже дававшему им, солдатам. Лучше всего шли юнкера, да оно и понятно — тут полная сознательность».

Россия жила при двоевластии.

Кроме Временного правительства второй властью были советы. Один только Петроградский совет насчитывал 850 рабочих и 2 тыс. солдатских депутатов. Именно совет призвал рабочих создать милицию (Красную гвардию) и вооружить ее захваченным в Арсенале оружием, которая сыграет не последнюю роль в октябрьских событиях семнадцатого.

Приближалась следующая революция. Русская армия перестала быть силой на фронте и тем более в тылу. Дезертирство стало ее неотъемлемой частью. В деревнях начиная с июля 1917 г. было зарегистрировано более 1700 случаев откровенного насилия. А с 1 сентября по 20 октября власти зафиксировали как минимум 5140 «нарушений порядка». В сентябре — октябре около 40 из 200 случаев применения войск закончились актами неповиновения. В сентябре — октябре сотни предприятий были остановлены под предлогом трудностей в снабжении, снижения производительности труда рабочих, забастовок и беспорядков. Государство было бессильно что-либо изменить. События развивались молниеносно.

17 октября меньшевистский журнал рассказал о существовании письма, ходившего в большевистских кругах, в котором «обсуждался вопрос о вооруженном восстании».

21 октября гарнизон перешел на сторону Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК). Вечером 24 октября Красная гвардия и несколько военных частей, действуя от имени Совета, захватили невские мосты и стратегические центры (почты, телеграф, вокзалы). Буквально за несколько часов весь город перешел под контроль восставших.

А в Зимнем дворце все еще заседало Временное правительство. Утром 25-го Керенский отправился за подкреплением, и уже в 10 часов по инициативе Ленина было опубликовано воззвание Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК), в котором говорилось, что правительство низложено и что власть перешла в руки ПВРК. Во второй половине дня 25 октября Ленин заявил на сессии Петроградского совета:

«Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась.

Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

В 22.40, за несколько часов до падения Зимнего дворца, открылся II Всероссийский съезд Советов, на котором через два часа после ареста Временного правительства были ратифицированы два основных документа: декреты о мире и о земле.

Но перенесемся в Москву, где жил Виктор Абакумов.

20 октября в Москве ожидали «выступления» большевиков. Напуганные обыватели готовились к тому, что ночью на их квартиры произойдут вооруженные нападения. В общем, ожидалась «Варфоломеевская ночь».

Но в Москву революция пришла только к утру 28 октября 1917 г.

Очевидец событий записал 10 ноября: «Итак, большевики совершили переворот в свою пользу, но «не бескровно» как похвастался Троцкий. Водной Москве, говорят, от 5000 до 7000 жертв, а сколько испорчено зданий, имущества и всякого добра, и не перечесть.

Уже в субботу вечером, 28 октября, послышались по Москве выстрелы из ружей, пулеметов и пушек, но где происходило, узнать было невозможно.

30-го, в понедельник, было тише, но далеко от дома выходить опасно.

На каждом шагу злые солдатские фигуры. К ним присоединились «красногвардейцы», молодые, плохо одетые люди из тех, которые вечно ищут мест и которые в былые годы жались к Хитрову рынку и составляли собой так называемую «золотую роту».

31-го, во вторник днем, стрельба была страшная. Об выходе из дома думать нечего.

1-го ноября, в среду, попытался пробраться в контору, где на моей ответственности большие деньги и документы, но дошел закоулками и переулками лишь до Лубянского проезда, дальше идти было невозможно: по Лубянской площади летели снаряды, шрапнель и пули. Говорят, юнкера отчаянно защищают здание телефона и Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Возвращался домой под музыку выстрелов. Над головой и где-то близко, незримо, свистели пули, ударяясь в стены домов, разбивали стекла, грохотали по крышам, ранили, убивали и

пугали мирных обывателей, а также — ворон и голубей.

Встречались безумно мчавшиеся автомобили с безумными людьми, злобно поглядывавшими на каждого проходящего и готовыми беспрестанно стрелять в непонравившиеся им морды.

В пятницу 3-го ноября Военно-революционный комитет издал «манифест», в котором торжественно объявляет, что после пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов р. и с.д. 8-го ноября в среду, наконец, вышли настоящие газеты, то есть — «Русск. Слово», «Русск. вед.», «Утро России» и др. На первых страницах — траурное объявление о кончине многих московских обывателей, случайно погибших за эти дни или павших идейно.

В министерстве никто не работает. Чиновники не признают новой власти.

Все отбирается от них насилием. Все спуталось. Все пошло в окончательной разрухе ужасающими скачками».

27 апреля 1917 г., через два месяца после Февральской революции, Василий Витальевич Шульгин сказал оставшимся депутатам четырех дум:

— Не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции. Это было бы неправдой. Но даже не желая этого, мы революцию творили. Нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность.

За шесть последующих месяцев государственный корабль России затонул окончательно. Наступало новое время для таких, как Абакумов. Вот только он сам еще не догадывался об этом.

* * *

Созданное 26 октября новое правительство состояло исключительно из большевиков. Это пятнадцать человек в составе Совета Народных Комиссаров. Во ВЦИК были избраны 67 большевиков и 29 левых эсеров, а еще 20 мест было оставлено для меньшевиков и эсеров, в случае если они вернутся. Дело в том, что последние отказались присутствовать на заседании избранного съездом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в знак протеста против очевидного произвола большевиков. Случилось так, что новый режим выражал волю только большевистской партии, а не Советов. В этом-то и заключался произвол. Ведь даже в декабре 1917 г. на

выборах в Учредительное собрание из 41 млн избирателей за большевиков отдали свои голоса только 9 млн человек, 16,5 млн — за эсеров, менее 9 млн за умеренные социалистические партии, 4,5 млн — за национальные меньшинства и менее 2 млн за кадетов.

5 января 1918 г. открылось Учредительное собрание, которое, кроме всего прочего, отменило октябрьские декреты, а уже 6-го его распустили.

Но самое интересное, что этот очередной произвол остался почти незамеченным. Лишь по нескольким сотням безоружных эсеров, протестовавших против роспуска Учредительного собрания, верные большевикам войска открыли огонь.

Демократия длилась более двенадцати часов, а «власть Советов» стала властью одних большевиков, монополизировавших исполнительную и законодательную власть.

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор, по которому территория России сократилась (в сравнении с 1914 г.) на 800 тыс. квадратных километров. Красная Армия была обязана уйти из Украины, а Республика должна была заключить мир с Украинской Радой, отказаться от претензий на Финляндию и Балтийские страны, отдать Турции Карс, Батум и Ардахан. На этих территориях проживало 26 % населения, производилось 32 % сельскохозяйственной и 23 % промышленной продукции, 75 % угля и железа. Кроме того, советское правительство было обязано выплатить репарацию в размере 6 млрд марок и прекратить революционную пропаганду в центральноевропейских державах. И это было только начало. Большевикам предстояло победить в гражданской войне, создав Красную Армию, национализировав и мобилизовав экономику, установив политическую диктатуру.

4

5 марта 1918 г. Максим Горький в «Новой жизни» отмечал, что «грабят изумительно, артистически. Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, грабят дворцы бывших великих князей, расхищается все, что можно расхитить, продается все, что можно продать, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдок и продают их по 25 р. за шт…»

11 и 12 июля 1918 г. в Москве не давали населению хлеба.

К августу 1918 г. фактическая территория Советской республики составляла 30 губерний с населением около 65 млн

человек. Так называемая «Совдепия».

К середине сентября 1918 г. прожиточный минимум с 1914 г. (1 руб. 52 коп.) вырос в 37 раз до 56 руб. 77 коп. Стало быть, в день. При этом наивысшее жалованье равнялось 800 руб., а наименьшее — 400 руб. В октябре 1918 г. квартиры в Москве не топили, электричества с 8 часов утра до 5 часов вечера не было, не ходили трамваи.

Зато 24 октября началось празднование годовщины последней Революции.

В 12 часов дня прекратились занятия и начались митинги. С 23 октября всем категориям выдавали праздничные подарки: полфунта масла, два фунта хлеба, полфунта конфет и два фунта рыбы. А 25 октября власть обещала бесплатные обеды всем учащимся, всем студентам, всем рабочим и служащим советских учреждений.

В январе 1918 г. во всех советских учреждениях, и в том числе в железнодорожных, за опоздание на службу на 15 минут арестовывали с четырех до девяти вечера, а за большее — до утра следующего дня. Кроме того, провинившихся наказывали принудительными работами по очистке снега и уборке помещений.

Это было время, когда обывателя терроризировали анкетами, декретами, угрозами уплотнения, вселения и переселения.

Кто не хотел быть коммунистом, тот должен был стать обязательно «сочувствующим». Постоянно ходить на различные собрания и митинги. Причем присутствие было обязательным, а неявившиеся увольнялись.

31 декабря 1920 г. очевидец записал в своем дневнике:

«Что сказать о жизни русского человека, такого же рядового, как я? Как он жил, в общем, в 1920 году? Конечно, скверно, но как будто лучше, чем в прошлом. Что же случилось? Ведь был неурожай, было страшное мелководье, были опустошительные пожары, война с поляками, война междоусобная, свирепствовали заразные болезни, царил разврат, грабеж, — одним словом, подобие «египетских казней», но мы почему-то все говорим, что мы живем теперь легче прежнего. Это, должно быть, нам кажется только, потому что наши невзгоды, наши лишения стали нам в привычку, а «привычка свыше нам дана, замена счастию она»?»

К началу 1921 г. объем промышленного производства составлял только 12 % довоенного, а выпуск железа и чугуна — 2,5 %. По сравнению с довоенным периодом объем продуктов для продажи населению сократился на 92 %. Зерно выращивалось на 64 % меньше довоенного уровня. И тем не менее государственная казна пополнялась на 80 % за счет политики продразверстки, что

являлось главной причиной недовольства крестьянства. Водном только 1918 г. в республике произошло 245 крестьянских бунтов против советской власти, а в 1919 г. целые районы перешли под контроль восставших крестьян. Зимой 1920/1921 гг. в Западной Сибири, Тамбовской и Воронежской губерниях действовали целые «повстанческие армии». Весной и летом 1921 г. на Волге разразился жуткий голод. А в городах в начале 1921 г. по-прежнему не хватало продовольствия.

Из-за нехватки топлива закрывались заводы. Только в Петрограде остановились 64 самых крупных завода. Москва потеряла половину своих рабочих, а Петроград — $^2/_3$.

В марте 1921 г. в Москве начал работу X съезд партии, где встал вопрос о замене продразверстки продналогом. После съезда резолюцию по продовольственному налогу дополнили следующими экономическими мерами: была узаконена свобода внутренней торговли и предоставлялись концессии частным предпринимателям. Уже в мае 1921 г. было разрешено создавать мелкие частные предприятия. Только за один год более 10 тыс. предприятий было переуступлено частным лицам, иногда даже бывшим владельцам, на срок от двух до пяти лет взамен 10–15 % производимой ими продукции. Часть из них стали смешанными предприятиями с участием иностранных фирм.

* * *

После революции родители Виктора Абакумова потеряли работу на предприятиях, и его отец устроился уборщиком-истопником в одной из больниц столицы, а мать в этой же больнице устроилась уборщицей.

Сам он до 1921 г. учился в городском училище. В России эти училища существовали с весны 1872 г. специально «для городского населения, и преимущественно для бедной части его». С целью «доставить законченное общее элементарное образование и дать те сведения, которые могут быть наиболее полезны в практической жизни».

Городские училища подразделялись на одно-, двух-, трех-и четырехклассные. Во всех училищах курс учения продолжался шесть лет. Такое разделение основывалось на количестве учителей и денежных средств, отпускаемых на содержание училищ. Их учебный курс включал следующие предметы:

1) закон Божий (до революции); 2) чтение и письмо; 3) русский язык и церковно-славянское чтение с переводом на русский язык (до революции); 4) арифметика; 5) практическая

геометрия; 6) география и история отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии; 7) сведения из естественной истории и физики; 8) черчение и рисование; 9) пение; 10) гимнастика.

И все вроде бы ничего, да только до революции обучение было платное.

Правда, немного, от 8 до 18 рублей в год. В них принимали детей всех званий и вероисповеданий, но не моложе семи лет. И успешно прошедшие курс первых четырех лет (10–13 летнего возраста) могли без экзамена поступать в первый класс гимназий и реальных училищ. Но это опять-таки до революции. Уже после — ни гимназий, ни реальных училиш не стало. Летом 1921 г. газета «Правда» сообщала: «На Поволжье надвинулось страшное несчастье. Засуха была такая, что в ряде губерний хлеба совершенно пропали. Голод охватывает около 25 млн населения. Размеры бедствий превышают размеры голода 1891 г. Голод охватил губернии Уфимскую, Царицынскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Вятскую, Пермскую, Казанскую, а также Сев. Кавказ. Из Саратовской губ. население бежит. Из Самарской губ. население бежит на восток, все губ. на колесах».

Водном только Усть-Медведицком округе голодающих насчитали до 100 000 человек. В станицах обдирали на деревьях кору, в уездах варили студень из сырой кожи, в полях выгрызли всю траву, съели всех сусликов, а потом принялись за кошек и за падаль. От голода люди варили кости, воровали друг у друга лошадей и резали их. При этом смертность увеличивалась. И скорее всего за счет ее число голодающих уменьшилось до 17 млн к весне 22-го. Но и этим летом хлеб дорожал.

В 1921 г. Виктор Абакумов окончил четыре класса городского училища, а в конце года, как сам написал в автобиографии, еще мальчишкой, ушел добровольцем в РККА, где служил во 2-й особого назначения Московской бригаде (ЧОН).

Весной 1922 г. из состава бригады был сформирован отряд для подавления волнений в Шиловском уезде Рязанской губернии, куда и взяли рослого не по годам четырнадцатилетнего парня. Всего в экспедиционный отряд набрали 200 человек, которые составили три взвода (кавалерийский, пулеметный, санитарный) чоновской роты. Абакумова, как и положено, зачислили приказом по бригаде и поставили на котловое довольствие. Проводы на операцию были необычайно торжественными: с оркестром и речами. Потом чоновцы отправились в путь. В районе деревни Желудево, на болотистых берегах реки Пара, отряд второй бригады во взаимодействии с частями особого назначения Рязанского губкома не без труда

окружил повстанцев и после короткой перестрелки заставил последних сложить оружие. Чоновцы потеряли одного товарища, а четверо были легко ранены.

Потери повстанцев составили 20 человек убитыми и ранеными, а 17 были взяты в плен. Бойцов роты после возвращения в столицу командование поощрило деньгами и революционными подарками. Отметили и санитара Виктора Абакумова.

Лето 1922 г. выдалось жарким с умеренными дождями. По свидетельству очевидцев, ночи были тихими и красивыми. Тогда в столице пели и играли везде: в домах, на бульварах, во дворах, но больше всего, конечно же, в бесчисленных кабаре, кафе, ресторанах, чайных и столовых, где москвичи и приезжие распивали самогон, а, заплатив по 4–5 млн за бутылку, еще и выносили с собой. С деньгами можно было жить и тогда припеваючи. На Кузнецком мосту, на Тверской, на Петровке появилось множество магазинов, по изобилию товаров и роскоши обстановки мало чем уступающим довоенным. На каждом шагу можно было встретить и шикарно одетую женщину, и одетого по европейской моде мужчину. Газеты печатали тысячи реклам об алкогольных напитках, о гастрономии и увеселительных заведениях. В Москве появились «Яр» и «Стрельна», и различного рода кафешантаны, а также дома терпимости. При этом в глубинке России продолжали голодать люди. Голодали они и в Москве. На той же Каланчевской площади и прилегающих к ней улицах и переулках лежали семьями и в одиночку на тротуарах и на грязных и мокрых камнях, одетые в лохмотья, без обуви, голодные, бесправные и нищие люди. У каждого перед собой — рваная шапка или фуражка. И просили они у спекулянтов не столько советских тысяч или хотя бы сотен, сколько хлеба.

Москва продолжала жить своей жизнью, заливая электрическим светом снующие трамваи и автомобили, не обращая внимания на барышников у театров, лихачей, длиннейшие хвосты на Арбатской площади, шумную Тверскую, переполненные витрины магазинов для богатых. Это был самый настоящий НЭП!

Пристроенный в чоновскую бригаду Виктор Абакумов находился при деле, был сыт, обут и одет. Особо горевать ему не приходилось. Но произошло несчастье. В 1922-м умер его отец, а в конце 1923-го Виктора демобилизовали из армии, так как части ЧОН начали постепенно расформировываться за ненадобностью. В автобиографии в 1939 г. он напишет: «В конце 1923 г. демобилизовался из армии. В связи с безработицей я весь 1924 г. работал рабочим на разных временных работах».

* * *

Зима 1924 г. в Москве оказалась особенно студеной и снежной. Морозы доходили до минус двадцати восьми.

21 января умер Ленин. По постановлению XI Всероссийского съезда Советов этот день был объявлен днем траура. 23 января тело Ленина привезли в Москву и поместили в Колонном зале. Мимо его гроба прошли до миллиона человек. Видели в толпе и Виктора Абакумова.

27 января на Красной площади состоялись похороны вождя мирового пролетариата. В четыре часа дня его тело опустили в могилу, вырытую в центре революционного кладбища, но ближе к площади, напротив памятника Минину и Пожарскому. В этот момент во всей России на пять минут было прекращено движение транспорта и работы на заводах и фабриках. Коме того, из центральных пунктов по всем передающим радио и по всем телеграфным аппаратам СССР был передан сигнал: «Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу! — и везде работа прекращалась. А через четыре минуты звучал новый сигнал: «Ленин умер, — ленинизм живет!» — и работа начиналась вновь.

5

В марте 1920 г. Всеобуч — Главное Управление всеобщего военного обучения территориальных войск, в состав которых включили и части особого назначения (ЧОН), — возглавил Николай Ильич Подвойский. Биография этого, теперь уже почти забытого, революционера необычайно интересна. Николай Ильич родился 2 февраля 1880 г. в селе Чаусы Стародубского уезда Черниговской губернии. Как сын священника, он бесплатно учился в духовном училище города Нежина и в Черниговской духовной семинарии, из которой его исключали за связь с социал-демократами и участие в недозволенной деятельности. И все-таки его мать добилась разрешения, чтобы он сдал в Чернигове выпускные экзамены.

В 1901 г. в Ярославле Николай Ильич вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию и стал профессиональным революционером. Участвуя во всех революционных выступлениях и полностью отдаваясь партийной работе, Подвойский неоднократно арестовывался, был ссыльным, эмигрантом, сидел в тюрьме. От последней ссылки его спасла Февральская революция.

27 ноября 1917 г. Николая Ильича назначили Председателем

коллегии народного комиссариата по военным делам, а 13 марта 1918 г. сняли с должности, освободив место Л.Д. Троцкому.

Весной 1918 г. Подвойского назначили Председателем высшей военной инспекции, для организации контроля за созданием военных комиссариатов и призывом в армию. 30 января 1919 г. его назначили наркомом по военным и морским делам Украинской республики, в сентябре — начальником Главного управления военно-учебными заведениями, а в октябре отправили в Петроград членом РВС формируемой 7-й армии для борьбы с наступавшими войсками генерала Юденича.

Вначале января 1920 г. Подвойского командировали на Кавказский фронт членом РВС 10-й армии, которая вела бои с войсками генерала Деникина.

В июне 1922 г. решением оргбюро ЦК он получил полуторамесячный отпуск для лечения в Германии, а в его отсутствие по решению реввоенсовета Республики Всеобуч включили в состав штаба РККА. После чего Николай Ильич работал в коллегии Комиссии по изучению материалов истории РКП(б) и Октябрьской революции, руководил отделом истории Красной Армии. Как член ЦКК, принимал участие в чистке ленинградской партийной организации, работал членом Ревизионной комиссии ЦК, постепенно лишаясь всех должностей.

4 января 1935 г. Подвойского свалил очередной инфаркт и ему назначили годичный отпуск для лечения. В мае 1936-го у него в результате инсульта отнялась правая рука и отпуск продлили, а потом оформили персональную пенсию.

Еще в Ярославле Николай Ильич познакомился с социал-демократом Михаилом Сергеевичем Кедровым, который со временем возглавит Военный, а затем Особый отдел ВЧК. В пансионате, в котором они вместе жили, их соседом оказался агроном губернского земства А.А. Дидрикиль. Он-то и познакомил Подвойского с младшей из своих сестер, голубоглазой блондинкой Ниной, с которой они проживут вместе всю жизнь. У них было пятеро своих детей и двое приемных. Во время засухи 1921 г. Подвойские усыновили двух эвакуированных из Поволжья мальчиков, которые прожили у них несколько лет. Николай Ильич умер в 1948 г., спокойно пережив все партийные чистки, все потому, что тогда, в 1918 г., у него не сложились отношения с Троцким. Это его и спасло в роковые тридцатые. Но была у Николая Ильича Подвойского и другая миссия, о которой многие не знали…

Он помогал Виктору Абакумову в его становлении в жизни. Ведь у известного тогда большевика были очень крепкие связи наверху. Кем ему приходился Абакумов, до сих пор неизвестно.

Но могу лишь предположить, что они были родственниками. В некоторых публикациях Абакумова называли сыном Подвойского, но это не верно. Сыном он не был. А вот каким-нибудь племянником, даже двоюродным, мог быть запросто. Дело в том, что Подвойский помогал Абакумову не один раз и тем более в весьма щекотливых ситуациях. Знакомым так серьезно и неоднократно не помогают. Возможно, первая помощь Николая Ильича связана с устройством Виктора санитаром во 2-ю московскую бригаду ЧОН в голодное время.

* * *

Интересное исследование было проведено в Москве в 1922 г., когда подсчитали, что восемь тысяч обследованных детей от восьми до четырнадцати лет— дети «легкой степени преступности»: попрошайки, воришки, хулиганы. Еще восемь тысяч детей от четырнадцати лет нуждаются, по своей причастности к преступной деятельности, в крепких принудительных условиях труда, а четверть из них «составляют тяжелые выродки, нуждающиеся в совершенно особых условиях воздействия».

Судя по всему, Виктора Абакумова два года службы во 2-й московской бригаде ЧОН буквально спасли от тлетворного влияния улицы. Ему судьба уготовила другой путь.

* * *

В 1925 г. Виктор Абакумов поступил упаковщиком в Моспромсоюз (Московский союз промысловой кооперации), где он проработал до конца 1926 г. В 1927 г. он по знакомству получил должность стрелка первого отряда военно-промышленной охраны в ВСНХ СССР. Там же в 1927 г. вступил в комсомол.

В конце 1928 г. Абакумов вновь устроился упаковщиком только на складах Центросоюза, где в 1930 г. вступил в ВКП(б). В автобиографии он написал: «В этом же году, когда проходило выдвижение рабочих в Советский аппарат, меня через профсоюзы выдвинули в систему Наркомторга РСФСР, где я работал зам. начальника административного отдела торговопосыльной конторы и одновременно был секретарем комсомольской организации.

Проработав всего лишь 8 месяцев, в сентябре 1930 г.

решением Замоскворецкого райкома ВЛКСМ я был послан на руководящую комсомольскую работу на штамповочный завод «Пресс». На этом заводе меня избрали секретарем комсомольской организации. В последующем на заводе «Пресс» меня избрали делегатом замоскворецкой конференции, а на конференции я был избран членом пленума и бюро Замоскворецкого райкома ВЛКСМ. В связи с этим меня тогда же перевели на работу в райком ВЛКСМ зав. Военным отделом».

Автобиография есть автобиография. Но за сухими строками, написанными самим Виктором Семеновичем, еле заметна чья-то неведомая рука. Возможно, это и был Подвойский.

В те времена, как правило, тоже выдвигали по знакомству и с улицы не брали. А тут упаковщик в Моспромсоюзе, стрелок в ВСНХ СССР и снова упаковшик на складах Центросоюза. Солидные по тем временам организации.

В девятнадцать комсомолец, в двадцать два член партии. И снова выдвижение: заместитель начальника отдела конторы и секретарь комсомольской ячейки. Затем секретарь комсомола на заводе «Пресс» и, наконец, зав. военным отделом райкома ВЛКСМ. Карьера, да и только. Причем красивая карьера для молодого парня. Но наступили времена, когда кто был никем, тот становился всем. И это про таких, как Абакумов. Но для этого понадобилось три революции и долгая и упорная борьба с самодержавием.

Исследователи биографии Абакумова утверждают, что именно в годы НЭПа у него «стало проявляться стремление к красивой жизни и тяга к слабому полу». И еще: «в годы НЭПа он всегда находился рядом с материальными ценностями».

Во-первых, в стремлении к красивой жизни нет ничего зазорного, а в тяге к слабому полу играет главную роль только природа. И плохо, когда ее нет. В 1928 г. Виктору — двадцать лет, и что же вы хотите от него? А ведь тогда взрослыми становились рано.

Во-вторых, «пребыванию рядом с материальными ценностями» он был обязан прежде всего родству с Н.И. Подвойским. И что здесь говорить, если это была его удача. Ведь, находясь рядом с материальными ценностями, он мог не только зарабатывать, но и кое-что доставать. А разве это плохо?

У него были брат и сестра. Отец умер. Мать уборщицей в больнице зарабатывала мало, а проработав после революции тринадцать лет — заболела и вышла на пенсию. Следовательно, Виктор был единственным кормильцем.

К слову сказать, в середине 20-х годов наблюдался небывалый рост растрат и хищений, большая часть которых

совершалась в государственных организациях (56,2 %), а 22 % растратчиков составляли коммунисты.

* * *

Виктор Абакумов не переставал замечать, как его любимый город преображался не по дням, а по часам. В свете витрин он видел шикарные вещи и слышал, как из ресторанов доносилась музыка. В кинотеатрах крутили боевики. В ГУМе можно было днем и ночью взять напрокат самый роскошный автомобиль.

В 1925 г. его, как и многих москвичей, шокировали «таксомоторы» французской фирмы «Рено». Поначалу пользовались ими лишь нэпманы, потому что даже на тех, кто ездил на автобусах, смотрели косо.

В конце 1930 г. по Москве ходили трамваи 49 маршрутов. Если в 1927 г. они перевозили полтора миллиона пассажиров, то в 1933 г. — целых шесть миллионов в день.

В 33-м в столице появятся первые троллейбусы, а в 35-м откроется метро.

С декабря 1932 г. в Советском Союзе будет введена паспортная система и все граждане страны, кроме сельских, с шестнадцати лет станут получать паспорта. Но только с 1937 г. в паспорта станут вклеивать фотокарточки.

Самой бойкой улицей в столице, на которой продавали самые шикарные вещи, была Петровка. Ее еще называли «котиковой». Именно по ней, со слов очевидца, ходили «шиншилловые мадонны с отсутствующими взорами». Если в годы НЭПа рабочий тратил на питание половину своей зарплаты, то в 1935 г. — 67,3 %. С 1 октября 1935 г. в Советском Союзе отменят карточки на продовольствие и рабочий станет получать в среднем 150–200 рублей. При этом белый хлеб стоил 1 руб. 20 коп., мясо от 5 до 9 руб., картошка — 40 коп., сало — 18 руб., мужские сапоги — 315 руб., ботинки 290 руб., детский костюм — 288 руб., мужская рубашка — от 39 до 60 руб.

И все-таки жизнь налаживалась. Комсомольская карьера предвещала Виктору многое. И это было гораздо выгоднее, чем ходить в пролетариях. Теперь можно было только прикрываться пролетарским происхождением.

Советская власть вполне реально изменила жизнь Абакумова и поменяла роли. Разве не мог он быть благодарен ей за это?

Став зав. отделом райкома, Виктор Абакумов попал на самую низшую ступеньку советской партийной элиты. Следует отметить, что на протяжении 1928–1932 гг. количество членов партии увеличилось с 1,5 до 3,7 млн человек. Во время массовых приемов этих лет численный состав партии увеличился более чем на два миллиона человек. По мнению известного французского историка Н. Верта, «большинство составляли рабочие, чаше всего идеологически не подготовленные. Среди них были как искренние энтузиасты «большого скачка вперед», так и расчетливые карьеристы, которым партийный билет открывал широкие возможности для преуспевания в профессиональной и общественной сферах». И действительно, Виктору Абакумову было всего двадцать три — двадцать четыре года. Четыре класса городского. училища, два года в чоновской бригаде, трудовой стаж с двадцать первого и комсомольская работа.

В принципе неплохо!

Но что представлял собой этот молодой человек? Был ли он искренним энтузиастом или расчетливым карьеристом? Думается, что ответ надо искать в золотой середине, которой почему-то обычно не бывает!.. Но факт в том, что быть в этой так называемой «обойме» партии ему не могло не нравиться.

Передо мной несколько документов из тех, что немцы вывезли в 1941 г. из Смоленска. Так называемый Смоленский архив. Давайте ознакомимся с ними и в какой-то мере убедимся в райской жизни партийцев.

Документ 1.

Выписка из протокола № 12 заседания Пленума ЦК РКП(б) 26 апреля 1925 г. и секретный циркуляр 27 апреля 1925 года.

«Строго секретно.
Секретно.
Циркулярно.

Постановление ЦК РКП(б) от 26 апреля 1925 года.

О порядке привлечения коммунистов к ответственности за проступки, связанные с их работой в партийных, советских, профессиональных, кооперативных и других общественных учреждениях. Осуществление подлинной смычки пролетариата и крестьянства ставит сейчас остро вопрос о проведении революционной законности. Нахождение партии у власти порождает у многих ее членов увлечение властью и игнорирование законных прав и интересов населения, а также их

безответственность и недопустимо презрительное и незаконное отношение к беспартийным.

Обнаруживается значительное количество случаев растраты коммунистами сумм тех государственных, кооперативных, профессиональных и других общественных организаций, во главе которых они стоят. Нередки случаи взяточничества. Господствует чрезвычайно легкое отношение к государственным интересам и кошельку. Все это требует решительной и беспощадной борьбы. Наша карательная политика, однако, является еще далеко не совершенной, и очень часты случаи, когда коммунист, совершивший уголовное преступление, «принимая во внимание революционные заслуги» освобождается от наказания, чем создается в населении впечатление ненаказуемости членов ВКП(б). Иногда так смотрит на дело суд, иногда это происходит вследствие вмешательства партийных организаций. Это ставит коммунистов в глазах населения в положение лиц, которым все дозволено»

Документ 2.

Циркуляр секретариата ЦК РКП(б)
не позднее декабря 1925 г.
Не опубликовать в печати

Всем обкомам и губкомам

Местные комитеты не раз обращали внимание, подвергали обсуждению и выносили решения по вопросу улучшения материального положения членов партии. Практические мероприятия выражались до сих пор в выдаче пособий, продовольственной помощи, обмундирования, в устройстве домов отдыха, санаториев, коммунистических кооперативов и т. д. Причем почти все комитеты рассматривают оказываемую помощь как некоторые нарушения коммунистической этики и проводят ее нередко полуконспиративно. ЦК, считая своевременным внести ясность в вопрос об улучшении материального положения членов партии, предлагает руководствоваться следующими положениями:

1. Партия ни в коем случае не может брать на себя задач социального обеспечения своих членов.

Социальным обеспечением члены партии пользуются на равных основаниях со всеми трудящимися.

2. Недопустимо создание особых коммунистических организаций взаимопомощи в виде каких-либо касс,

кооперативов, предприятий и т. п. Стремлению к созданию особых видов коммунистической кооперации необходимо противопоставлять активное участие членов партии в общерабочих и крестьянских организациях взаимопомощи.

3. Не только допустимо, но, безусловно, необходимо оказывать материальную поддержку той категории членов партии, которая в данный момент действительно ведет активно партийную, профессиональную и советскую работу.

Эту категорию нужно рассматривать, прежде всего, с точки зрения проявляемой активности, памятуя при этом, что без сохранения и материального обеспечения этой категории партработников, работающих непосредственно в рабочих и крестьянских массах, партия не в силах выполнить возложенных на нее обязанностей.

4. Самая помощь должна оказываться только в тех случаях, когда без такой помощи работники не в силах выполнить возложенных на них партобязанностей.

5. Помощь может оказываться денежная, продовольственная, обмундированием, представлением отпусков, помещением в санаторий, дома отдыха и т. п.

6. В первую голову помощь должна оказываться мобилизованным т.т. и разъездным работникам.

7. Помощь должна оказываться открыто, без какой бы то ни было маскировки губкомом и укомом, из предоставленного губкомом в его распоряжение фонда.

8. Помощь не должна оказываться тем членам партии, которые по характеру своей деятельности и занимаемым должностям уже получают различные виды государственного обеспечения, а также членам партии, которые в силу личных способностей (литературной, лекторской и т. п.) имеют возможность увеличить свой бюджет посторонними заработками.

9. Помощь, оказываемая в необходимом случае, в равной мере распространяется на губернских уездных, районных, волостных и сельских работников. Причем особое внимание должно быть обращено на обеспечение работников, связанных в своей работе непосредственно с массами рабочих и крестьян, если они в порученных им пределах ведут активную работу.

Устанавливается общее положение, из которого можно исходить для оказания поддержки членам партии, ведущим активную работу. ЦК предлагает всем губкомам немедленно обсудить и практически разрешить поставленные вопросы, уведомив о принятых решениях в срочном порядке Центральный Комитет.

Со своей стороны ЦК в настоящий момент устанавливает

фонд обмундирования в количестве 40 000 комплектов. Этот фонд разверстывается по губкомам. В первую голову губкомы из этого фонда удовлетворяют мобилизуемых товарищей и товарищей, ведущих разъездную работу. Выдачу должны производить губкомы или укомы по принадлежности за их ответственностью.

Вместе с тем ЦК ставит в известность все партийные организации, что в самом ЦК никаких видов помощи приезжающим в ЦК товарищам оказываться не будет, о чем все командируемые в ЦК должны быть осведомлены.

Настоящее постановление полностью вводится в жизнь с первого ноября с.г.

Секретарь ЦКРКП(б) Молотов

Документ 3.

Циркуляр Смоленского губкома РКП(б)
Не позднее 4 июня 1927 г.
Совершенно секретно

Ответственным секретарям уездных, городских Комитетов ВКП(б) и уездногородским уполномоченным ГКК Смоленской губернии.

Дорогие товарищи!

В связи с наступлением времени представления очередных летних отпусков и необходимости лечения определенного кадра партийных работников. Уже с начала его проведения ГК и ГКК установили ряд нарушений общих директив партии (относительно) «оказания какой бы то ни было скрытой денежной помощи членам партии (скрытый вид зарплаты)».

(Циркуляр ЦККза № 54 2/111–1927 года. Парторганизация— руководитель борьбы за режим экономии.)

Эти нарушения на первый случай выражаются в следующем:

1) за отдельными членами партии сохраняется на время его отпуска по болезни содержание за организацией, в которой член партии имеет оплату труда по основной своей службе; и в то же время передается на содержание страхкассы (получение заработной платы в двойном размере),

2) выдается пособие учреждениями, организациями, превышающее в общей сумме месячные ставки получаемого содержания (не имея на это никаких оправдательных документов).

Документ 4.

Циркуляр западного обкома ВКП(б)
14 августа 1933 года
№ 20/171
Секретно
Секретарям райкомов ВКП(б)

При обслуживании районов установлено, что ряд руководящих работников партийных и советских учреждений и организаций — даже секретари РК, политотделы, пред РИКа, члены бюро РК, члены президиума РИКа, зав. отделами, редактора рабгазет и т. д. — за занимаемые ими дома, квартиры в домах, принадлежащие РИКам горкомхозам, поссоветам или жактам, квартплату не вносят совершенно. Задолженность по квартплате за отдельными работниками достигает до полутора лет (Комаричи).

Имеют место случаи, когда вообще квартплата на районных руководящих работников не начисляется, исходя из соображений бесплатного предоставления квартиры, тогда как это является грубым нарушением закона».

Документ 5.

Письмо исключенного из партии Д. Овчинкина секретарю обкома И.П. Румянцеву.

«13 марта 1936 года.

Иван Петрович!

На протяжении уже 9 месяцев меня трепать морально, а со дня исключения из партии 21/XII 1935 г. начали трепать и физически. Меня лишили столовой, лишили правом пользоваться амбулаторией № 6, без всякого повода с моей стороны выключили из сети квартирный телефон перечислять всего не стану и это за то Иван Петрович, что я честно на протяжении не одного десятка лет, как до революции, так и со дня революции отдавал все делу нашей большевистской партии. Делу революции, делу борьбы рабочего класса».

Судя по вышеперечисленным документам, проблем в партии, кроме решения ее главных задач, было множество. Но самое интересное заключается в том, что люди, находясь у власти, даже незначительной, имели если не все, то почти все, и тем не менее им этого было мало.

Они, безусловно, хотели больше, хотя рядом находящиеся

тысячи простых смертных не имели порой элементарного и подчас голодали. Но ведь воистину правда, что человек слаб, а абсолютная власть развращает абсолютно. Есть над чем задуматься всем поколениям. Даже письмо Овчинкина, чем не пример. Человека исключили из партии и лишили привычных для него привилегий: столовой, амбулатории и телефона. И все, для него жизнь стала невыносимой. А иначе, разве бы он писал в обком первому секретарю? Следовательно, и Виктор Абакумов жил в райкоме гораздо лучше, чем, например, упаковщиком в солидной конторе. Там он был просто Виктор, Витя.

В райкоме же стал Виктором Семеновичем. Человеком значительным и уважаемым, а для кого-то и недосягаемым.

Что поделаешь, власть!

* * *

В автобиографии Виктор Абакумов писал: «В тот же период я неоднократно поднимал вопрос о том, чтобы с комсомольской работы меня отпустили на учебу, но я вместо этого в 1932 г. Московским комитетом ВКП(б) был мобилизован и послан на работу в органы НКВД».

* * *

Виктора Абакумова вызвал к себе секретарь Замоскворецкого райкома ВЛКСМ. Сначала он начал издалека о проблемных вопросах военного отдела, потом заговорил в общем о политике партии и вдруг, как-то сразу в лоб, изменил тему разговора:

— Имеется решение Московского комитета ВКП(б) направить тебя на ответственную работу в органы. Надеемся, что ты оправдаешь доверие партии, правительства, а также нашего райкома.

Абакумов слушал внимательно, то опуская глаза, то вглядываясь в лицо секретаря. У него даже не дрогнул ни один мускул. Складывалось такое впечатление, что он уже был готов к этому разговору и даже ждал его.

Когда Виктор дал свое согласие, секретарь улыбнулся и, совершенно не замечая холодного спокойствия зав. военного отдела, продолжил:

— Ты, Виктор, давай, решай свои дела, в общем, готовься. А мы если что поможем. Замену тебе уже нашли. Думаю, что сегодня этот товарищ появится у тебя. Ты уж расскажи парню, как

и что. Обрати внимание на основные вопросы. Ну, а самое главное, не стращай. Знаю тебя.

— Да что вы, — вдруг резко возразил Абакумов. — Зачем же я сам себе буду яму копать? Все сделаю как надо, даже не беспокойтесь.

— Ну, тогда, Виктор Семенович, ступай к себе. Занимайся. Да, и не забудь на чай пригласить. Как будешь готов, отзвони!

7

В январе 1932 г. по партийной путевке Виктора Абакумова определили на более чем скромную должность штатного практиканта экономического отдела полномочного представителя ОГПУ по Московской области. Но путевка — это только одна сторона медали. Есть еще и другая.

Постановлением ЦИК СССР от 31 июля 1931 г. Генрих Григорьевич Ягода был назначен вторым заместителем Председателя ОГПУ (с сентября 1932 г., как и с 27 октября 1929 г., он вновь — первый заместитель).

Но самое интересное в том, что еще в ноябре 1913-го Ягода трудился в статистическом отделе Больничной кассы Путиловского завода под руководством Н.И. Подвойского. А в 1918 г. Ягода — управляющий делами, инспектор и заместитель у Подвойского в Высшей Военной инспекции. Судя по фактам, родственный семейно-революционный клан надежно обеспечивал карьеру не только его членам, но и друзьям и знакомым семьи подпольщиков.

Генрих Григорьевич Ягода родился 7 ноября 1891 г. в городе Рыбинске Ярославской губернии. В следующем году его родители перебрались в Нижний Новгород, где сняли угол на Большой Покровке во флигеле родственника— полоцкого мещанина Мовши Израилевича Свердлова. Генрих экстерном окончил восемь классов гимназии, а в канун мировой войны женился на Иде Леонидовне Авербах, племяннице Якова Михайловича Свердлова. В 1915 г. Ягода был призван в армию, где в звании ефрейтора был ранен на фронте. По утверждению Михаила Ильинского, приписал себе десять лет партстажа, не с 1917 г., как было правильно, а с 1910 г. «Никто не проверил».

В 1919 г. Свердлов (Председатель ВЦИК) просил Ф.Э. Дзержинского принять своего родственника Ягоду на *рядовую* работу в ВЧК. По этому поводу он даже не поленился написать записку. Вот только Ягоду взяли на *руководящую* работу.

* * *

И все-таки почему Абакумову «дали» путевку в ОГПУ? Если сказать, что в то время многие мальчишки и парни мечтали служить в ОГПУ, «где станут щеголять в галифе и хромовых сапожках», то это только часть правды. Потому что красивая форма закрытого и таинственного ведомства действительно пленила.

Но были еще хорошие оклады и пайки. И самое главное — *власть.*

ВЧК, ОГПУ, НКВД она всегда была гораздо внушительней, чем в той же партии. Хотя чекисты и являлись ее «глазами и ушами». Особенно в знаковые моменты или периоды советской власти. Одним из таких был период «Великого перелома» (1929–1933 гг.), когда в стране была официально объявлена коллективизация и первый пятилетний план: индустриализация, культурная и социальная революция. Сталинская политика в это время вызывала недовольство у некоторых членов партии из старой гвардии. И все это на фоне очень напряженной социальной и экономической ситуации, которая достигла кульминации к осени 1932 г. А с ней расширился и объем чекистских задач. Как раз в этом году Абакумов и пришел в «органы».

* * *

27 декабря 1929 г. И.В. Сталин выступил со знаменитой речью «К вопросам аграрной политики СССР», где прямо заявил перед партией о переходе «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества» к «политике ликвидации кулачества как класса».

Разработка политических мер и способов осуществления «ликвидации кулачества» была поручена В.М. Молотову.

Уже 15 января 1930 г. он возглавил комиссию для выработки мер в отношении кулаков, а через две недели Политбюро рассмотрело подготовленный ею проект и приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». По расчетам комиссии, предполагалось 60 тыс. глав крестьянских хозяйств заключить в концентрационные лагеря или расстрелять, а их семьи выслать в отдаленные районы страны. Кроме того, 150 тыс. крестьянских семей предполагалось подвергнуть ссылке, без уголовного наказания. Из них около 70 тыс. должны были быть сосланы в округа Северного края, 50 — в Сибирь, остальные — на Урал и

Казахстан, в необжитые или малообжитые местности для использования высылаемых или на сельскохозяйственных работах, или на промыслах. С весны 1931 г. началась новая волна раскулачивания. Только теперь кулаков направляли в спецпоселки: на лесоразработки и рудники.

2 февраля 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода подписал приказ ОГПУ № 4421, в котором говорилось:

«В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь в районах сплошной коллективизации в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части — должен быть нанесен сокрушительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено. Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особенно серьезны, сложны и ответственны задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ. От наших органов больше, чем когда-либо, потребуется исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий.

Поставленные задачи будут успешно осуществлены только при условии безусловной поддержки их основной батрацко-бедняцкой и середняцкой массой; только тогда, когда задачи эти будут органически связаны с процессом массовой коллективизации.

Удару должны подвергнуться исключительно кулаки. Удар по кулацкому активу должен дезорганизовать и обезвредить все кулачество. Мероприятия органов ОГПУ должны развернуться по двум основным линиям:

1) Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих к[онтр]-революционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек. (Первая категория.)

2) Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (б[ывших] помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которого формируется к[онтр]- революционный актив, кулацкого антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества.

(Вторая категория).

Для наиболее быстрого и безболезненного проведения кампании по выселению кулаков и их семейств в первую очередь необходимо, чтобы наши органы решительно и немедленно ликвидировали все действующие к[онтр]-революционные кулацко-белогвардейские и бандитские кадры и особенно созданные ими и оформленные к[онтр]- революционные организации, группировки и банды.

Ликвидация таких к[онтр]-революционных образований и отдельных наиболее активных лиц уже начата по всем основным районам союза, согласно телеграфным директивам ОГПУ. Операция эта должна быть в основном закончена к началу развертывания кампании по выселению кулаков и их семейств. Решительные оперативные действия в отношении таких к[онтр]-революционных элементов и особенно проявлений организованной к[онтр]-революционной и бандитской активности, естественно, должны проводиться и в период кампании по выселениям, и после нее. В первую очередь удар должен быть нанесен по активно действующим кулацким элементам первой категории:

1) Кулаки — наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства. Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2) Кулаки — активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты; быв[шие] белые офицеры, репатрианты, быв[шие]. активные каратели и др., проявляющие сейчас к[онтр] — революционную активность, особенно организованного порядка.

3) Кулаки— активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4) Кулаки — наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, быв. помещики и крупные земельные собственники.

По отдельным районам СССР намечено для изъятия при операции следующее количество указанных выше активных кулацко-белогвардейских к[онтр]-революционных элементов (первая категория).

Украина	15 000
Сев. Кавказ и Дагестан	6–8000
Ср. Волга	3–4000
ЦЧО	3–4000

Ниж. Волга	4–6000
Белоруссия	4–5000
Урал	4–5000
Сибирь	5–6000
Казахстан	5–6000

Арестованные по этой категории концентрируются в окружных и обл[астных] отделах ОГПУ. Дела на них заканчиваются следствием в срочном порядке и рассматриваются тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые будут созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных заключается в концлагеря; в отношении наиболее злостного и махрового актива к[онтр]-революционных организаций и группировок и одиночек должны применяться решительные меры наказания, вплоть до В[ысшей] М[еры] Наказания].

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к ВМН, должны быть высланы в Северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств.

Имущество таких семейств конфискуется в том же порядке, как и у выселяемых семейств кулаков. Кампании по выселению кулаков и их семейств проводятся в первую очередь в следующих районах СССР:

УССР выселяется 30–35 000 семейств Сев. Кавказ и Дагестан выселяется 20 000 семейств

Ср. Волж. Край выселяется 8—10 000 семейств

ЦЧО выселяется 10–15 000 семейств

Ниж. Волж. Край выселяется 10–12 000 семейств

Белоруссия выселяется 6–7000 семейств

Сибирь выселяется 25 000 семейств

Урал выселяется 10–15 000 семейств

Казахстан выселяется 10–15 000 семейств

В отношении остальных областей и Республик соответствующие расчеты будут произведены в ближайшее время по согласованию с ПП ОГПУ. Места отправления и количество могут быть изменены в зависимости от условий.

Места поселения для выселяемых кулаков и их семейств и семейств изъятого кулацко-белогвардейского к[онтр] — революционного] актива ориентировочно таковы:

из СКК 23 000 на Урал, 5000 в Казахстан из УССР 50 000 в Сев. Край из ЦЧО 20 000 в Сев. Край из НВК 18 000 в Сибирь

из СВК 4000 в Сибирь

из БССР 12 000 в Сибирь

Ориентировочные сроки начала операции по выселению

таковы:

по СКК, СВК, НВК 10 февраля 1930 г. по УССР, ЦУО 15 февраля 1930 г. по БССР 1 марта 1930 г.

Сроки начала отправки выселяемых со сборных пунктов эшелонами таковы:

по СКК, СВК, НВК 15 февраля 1930 г.

по УССР, ЦУО 20 февраля 1930 г.

по БССР 1 марта 1930 г. (…)».

Далее заместитель Председателя ОГПУ требовал быстрого проведения следствия и срочного рассмотрения дел во внесудебном порядке — в тройках ПП ОГПУ. Все возникающие дела «контрреволюционных организаций, группировок и активных контрреволюционных одиночек» должны были быть ликвидированы в период кампании по выселению кулаков. Для этого в ПП ОГПУ создавались тройки с представителями от крайкома ВКП(б) и прокуратуры, а в округах и областях в окротделах создавались оперативные тройки во главе с начальником ОГПУ. В районах (для непосредственного участия в операции) — районные оперативные группы.

Для приема, учета, бесперебойной отправки выселяемых создавались сборные пункты во главе с комендантом. А при них организовывались агентурно-следственные группы. К операции было запрещено привлекать части Красной Армии.

Планы операции должны были быть представлены не позднее 7 февраля (ПП ОГПУ- УССР, СКК, НВК, СВО, УЧО, ВВС) и к 20 февраля (остальным)».

Следует отметить, что в приказе ОГПУ речь идет прежде всего о проведении крупномасштабной операции по организованной ликвидации кулачества как класса. В том же феврале 1930 г. в специальной секретной инструкции ЦИКам и совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам, которую подписали М. Калинин. А.И. Рыков и А. Енукидзе, следовало разъяснение в дополнение к постановлению ЦИК и СНКСССР:

«Количество выселяемых и расселяемых кулацких хозяйств должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем районам составляло бы в среднем примерно 3–5 %.

Настоящее указание (3–5 %) имеет целью сосредоточить удар по действительно кулацким хозяйствам и, безусловно, предупредить распространение этих мер на какую-либо часть середняцких хозяйств». И еще:

«В районах сплошной коллективизации конфисковать у

кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия производственные и торговые, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также и наличные деньги».

Для облегчения раскулачивания были очерчены и параметры классового врага — кулака: доход в год на едока, не превышающий 300 рублей (но не менее полутора тысяч на семью), занятие торговлей, сдача в наем инвентаря, машин, помещений; наличие мельницы, маслобойни и т. д.

Следовательно, один из этих признаков делал любого крестьянина кулаком. При этом применялся далеко не социальный критерий, а прежде всего имущественный.

Голодные крестьяне препятствовали вывозу хлеба и поднимали восстания по всей стране. В 1929 г. отмечено 1300 мятежей, в январе 1930 г. в волнениях участвовало 125 тыс. крестьян, в феврале— 220 тыс., в марте около 800 тыс.

Поэтому власть могла быть удержана только благодаря террору. При этом масштаб сопротивления привел к массовой чистке, чтобы не было в Советской стране хотя бы теоретически нелояльных.

Борьба с кулаками привела зимой 1932–1933 гг. к голоду. Больше всех пострадали Украина и Казахстан. Число умерших колебалось от 4 до 5 млн человек.

8

Служба Виктора Семеновича, что греха таить, начиналась с азов. Дело было новое и совершенно неизведанное. Начальник пятого отделения оказался человеком жестким и не принимающим возражений. «Комсомолец» из райкома почему-то ему не понравился сразу.

— Виктор, ты давай эти свои замашки райкомовские бросай, — учил он нового сотрудника. — Теперь тебе придется много читать документов, чтобы понять, в чем суть дела. Сначала начнешь с первичных, что еще при Феликсе Эдмундовиче вышли. Сдашь экзамен мне лично, а потом только я тебя к свеженькому подпущу. А коли ты нигде толком не учился — будешь потеть, но я из тебя чекиста сделаю.

— А с чего начинать? — поинтересовался Абакумов.

Начальник молча взял со стола серую папку, достал оттуда потрепанную брошюру и протянул ему:

— Вот, держи. Это вещь особо ценная. С нее, собственно, и начинается чекист. Она называется: «Необходимое руководство

для агентов Чрезвычайных комиссий».

Обязанности работающих по политическому розыску

«1) Ведущий политический розыск должен быть человеком спокойным, самоотверженным, преданным Советской власти. Каждое дело, которое он начинает, он должен взвесить и тогда начинать.

2) Он должен чувствовать свое превосходство над врагом, знать его самого и его среду не хуже их — это залог победы.

3) В своей работе он должен быть весьма конспиративным, стараясь не вести праздных разговоров и не выбалтывать свои дела перед посторонними. Он должен внушать всем работающим с ним об этом. Избегать на улицах разговоров о деле и даже не показывать вида, что они работают вместе.

4) Разговор о службе с посторонними воспрещается.

5) При поездках по службе держать себя следует корректно и скромно, не говорить о службе, но прислушиваться и присматриваться к окружающему.

6) Быть осторожным с прислугой и курьерами, поддерживать с ними официальный разговор, так как все сведения собираются через прислугу. В гостинице все надо осматривать до тонкости.

7) Записные деловые книжки нужно хранить особенно тщательно, хорошо бы вести запись по задуманному самим шифру. Листки записанных сведений от секретных сотрудников после перепечатки их в регистратуре уничтожать.

8) Хранить дома важные документы нужно избегать, но если этого требует дело, то нужно держать их в надежном месте, нужно следить, чтобы ни клочок бумаги не попадал, куда не следует.

Для заведующего политическим розыском важно приобретение сотрудников хороших, чем лучше сотрудник, тем и дело лучше. Чтобы привлечь сотрудника, нужно чаще непосредственно сталкиваться с контрреволюционерами, при производстве дознаний склонить на свою сторону. С уплатой денег нужно быть осторожным, дабы не расходовать государственных денег напрасно, за выдумку, которую будет болтать сотрудник. Сговорившись с сотрудником, нужно немедленно назначить место для свидания, а не таскать его в Отдел, чтобы он здесь ходил, все узнавал и его в свою очередь.

Вести сношения с сотрудником тому, кто ведет розыск. Про сотрудника должен только знать имеющий с ним дело заведующий отделом, Председатель Комиссии. Вести нужно дело так, чтобы при ликвидации не затронуть сотрудника. Сотрудники

не должны знать друг друга и если узнали, то это начало конца.

Нужно уметь хорошо хранить тайну и не выбалтывать, где не следует.

Сотрудника нужно чаще предостерегать, чтобы он был осторожен, и также предостерегать его, если он начинает давать неправильные сведения. Сотрудники не имеют у себя ничего, если производится обыск, то надо арестовать большую группу из них человек пять без последствий, в том числе и сотрудника, тогда он будет открыт. Передавать сведения для дознания формальные, а не формальные передавать лично производящему дознание. Сотрудник из своих домашних никого не должен посещать.

Сведения проверяются перекрестной проверкой или через разведчика. Приходит, сообщает то, то и то. Тогда посылается разведчик, который и устанавливает все с правильностью. Сведения должны не залеживаться, как можно скорее пускаться в дело путем арестов и обысков. Сведения все записываются.

Хорошо заставлять писать самих сотрудников, а затем перепечатывать в агентурный журнал в Отделе соответственной организации. Расплачиваться нужно так, чтобы сотрудник был зависим и не мог шантажировать. Необходимо брать с него расписки. Иногда получающиеся сведения негласные, путем наблюдения на месте, народа и т. п., когда говорят о чем-нибудь, эти сведения надо проверять и предпринимать что-нибудь. Очень нужно иметь специальных разведчиков, которые бы могли посещать, где скопляется толпа.

Иногда поступают сведения через прессу, а также официальные органы. Когда получаются сведения, нужно быть спокойным, разобраться в них и проверить.

Внутренние извещения есть освещение деятельности той или иной контрреволюционной организации. Сотрудник есть лицо, входящее в контрреволюционную организацию, как член ее и дающий сведения ведущим розыск.

Бывает, когда люди и идейные начинают выдавать всех контрреволюционеров, не требуя себе платы, но эти случаи редки.

Нужно осмотрительно относиться к приходящим сотрудникам и не давать им воли. Сотрудника нужно ставить в определенное условие, которое он обязан исполнять, нужно уметь поставить себя с сотрудником в определенные рамки, если Вы успешно будете вести дело, то у Вас работа пойдет очень быстро. Сотрудник, человек посторонний, он вращается в своей среде, нужно не упускать важных сведений и использовать их.

Причины к побуждению сотрудничества таковы:

1) Идейное сотрудничество самое первое.

2) Ссоры личные или семейные, лицо надежное будет все делать.

3) Личные симпатии к заведующему политических розысков; особенно хорошо, если будет женщина, но заведующий не должен увлекаться из личной симпатии. Она многое может сделать, но нужно быть чрезвычайно осторожным.

4) Боязнь ответственности и кары.

5) Корысть.

6) Месть.

Ведущие политический розыск могут пользоваться методом убеждения, для чего нужно беседовать с попавшимися, предлагая им сознаться, указывая на несбыточность их мечты. Для таких бесед должен быть человек всесторонне развитый, который умело бы вел разговор. Можно даже прикидываться перед контрреволюционерами консерватором, указывать, что свободу еще население не совсем правильно понимает, но все-таки и т. п. Но этим можно пользоваться умеючи и знать, как задеть сокровенную сторону человека. Для пользования таким методом нужны сноровка и интеллигентность.

Правильность розыска обусловлена:

1) Знанием психологии и принципов контрреволюционеров.

2) Целесообразными морально чистыми розыскными принципами.

3) Преданностью Советской Власти.

Первое достигается изучением тенденций и учения контрреволюционеров.

Второе — изучением инструкций, издаваемых ВЧК по борьбе с контрреволюцией.

На правильность усвоения комиссарами, следователями и разведчиками должно быть обращено самое тщательное внимание. Важность задачи политического розыска требует не только знания, но любви к этому делу.

Нужно поставить так, чтобы людям представить все методы, которые могут принести неоценимые услуги.

Различие уголовного розыска и политического.

Уголовный розыск ведется по силе совершения преступлений, он не предупреждает преступлений. Политический розыск ведется ранее совершения преступления и таким образом имеет цель предупреждения, знать не только настоящее, но и задуманное».

* * *

Работать Виктору Семеновичу в органах оказалось не сладко. Одной из проблем стали тяжелые взаимоотношения с начальником отделения. Тому в подчиненном не нравилось многое. Любимец и любитель женщин, Виктор обожал фокстрот. Но в то время фокстроты, да и вообще танцы, которые танцевали парами, раздражали. Критики особенно подчеркивали в них «возбуждающие прикосновения».

В 1931 г. «Ассоциацию московских авторов» ликвидировали только за то, что она кому-то напоминала кооперативную лавочку «фокстротчиков» и «цыганщиков». По предрассудкам тех лет фокстрот как музыка для танцев должен был однозначно умереть, но, став музыкой как таковой, имел право на жизнь. Фокстрот особенно «хорошо шел» под водку с закусочкой и требовал не только вечеров, но и бурных ночей с амурными приключениями. На службу Виктор приходил с похмелья.

Начальник кричал в бешенстве:

— Абакумов! Я тебя скоро выгоню к чертовой матери из органов. Ты мне уже во-о-о как надоел своими гульками под фокстрот. Фокстротчик хренов. Лучше бы ты работал, как следует, а то, что ни спроси, пенку пускаешь. Последний раз предупреждаю. Понял меня?

— Понял, — чрезвычайно замученным голосом отвечал Виктор. — Больше такое не повторится!

— Смотри мне!

* * *

Приказом ОГПУ № 224 с 21 октября 1929 г. всем Управлениям и Отделам ОГПУ — центра и аппарата ПП ОГПУ края и областей — предписывалось перейти на непрерывную рабочую неделю.

Единой формой «непрерывки» устанавливалась пятидневная рабочая неделя с 7-часовым рабочим днем (4 дня работы, 1 день отдыха). С системой ежедневного поочередного отдыха. В приказе говорилось:

«По организации форм перехода на непрерывку имеются следующие предложения:

I. Все не возражающие непрерывке предлагают остановиться на пятидневной рабочей неделе (4 дня работы, пятый отдых с тем, чтобы этот отдых давался 1/5 части ежедневно). Эту форму предлагают по тем соображениям, что взаимодействие со всем советско-партийным аппаратом не дает нам возможности иметь суммарный отдых. В этом предложении высказывается только

опасение, можно ли допустить, чтобы аппарат ОГПУ ежедневно работал с составом, сокращенным на 1/5 часть, или 20 %.

2. Есть предложение ГУПО ОГПУ, которое сводится к тому, чтобы «всем полным составом работать первые три дня пятидневки, на четвертый день работает одна половина состава с начальником, на пятый день работает вторая половина состава с заместителем».

3. Есть предположение, чтобы иметь суммарный, компактный день отдыха, т. е. четыре дня работать, а на пятый отдыхать всему составу с тем, чтобы для связи с непрерывно действующими учреждениями и организациями назначать в день отдыха усиленные дежурства в необходимых секторах аппарата, непосредственно связанных с массой (бюро справок, заявлений, жалоб, бюро по выдаче разрешений, регистрации и т. п.) или перевести эти аппараты на непрерывную работу, т. е. частичный перевод аппарата (ПП ОГПУ СКК, ПП ОГПУЛВО). Вот основные предложения форм перехода на непрерывку».

Должное внимание в органах уделялось и форменной одежде. Еще 5 ноября 1923 г. циркуляром ГПУ, подписанным Ягодой, предписывалось всем руководителям низовых органов и подразделений ГПУ соблюдать форму одежды: «Разъясняя, что форменное обмундирование является отличием сотрудника ГПУ от рядового обывателя, обязывающее сотрудника быть примером для других, как при выполнении служебных обязанностей, так и вне их».

В заключение циркуляра следовал категорический запрет. Под страхом сурового наказания, чекистам запрещалось посещать пивные, кафе, рестораны — как «заведения, предназначенные обслуживать нарожденную нэпом буржуазию».

Не менее ответственно подходили в органах и к вопросу аттестования сотрудников. Чекист оценивался по восьми пунктам, а примерная форма аттестации выглядела так:

а) работоспособность— здоров, болезненный (чем), нормальная работоспособность столько-то часов в сутки, при усиленной работе час… нервный, спокойный, усердный, ленивый, настойчивый, мягкий, слабохарактерный, добро- или недобросовестный и пр.;

б) политическая подготовка — развит, неразвит, характеристика ячейки, подробности чистки, широкий, узкий кругозор, к какой партии ранее принадлежал;

в) чекистские способности — опытный, испытанный, находчивый, хороший организатор, администратор, оператор, следственник и пр., наказания, поощрения, главным образом, какие дела вел (агент, след., и пр.), талантливый (особые

способности — специальность);

г) заслуги — как чекиста — какие дела (агент, следствен.) разработал выдающимся образом, под чьим непосредственным руководством, что сделал в организационной работе — поставил такой-то отдел, дивотделение, какие особые поручения хорошо выполнены;

д) отношения к сослуживцам — хороший товарищ, склочник, интриган, карьерист, оппозиционер, подобострастный перед начальством и пр.;

е) образ жизни — самоснабженец, привлекался за то-то, круг знакомства, частные отношения и пр.;

ж) взаимоотношения —;

з) почему ушел из органов ЧК.

* * *

В 1932 г. штатного практиканта 5-го отделения ЭКО ПП ОГПУ МО Виктора Семеновича Абакумова аттестовали следующим образом: «Активный и исполнительный, работает интенсивно. Ориентируется быстро. Кругозор развит, но требуется дальнейшая работа по расширению общественных знаний».

Ни много ни мало. И тем не менее процесс пошел

Глава вторая
Большой террор и карьера чекиста

Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками.

Ф.Э. Дзержинский

1

В 1933 г. начальнику отдела экономического управления ОГПУ Михаилу Шрейдеру позвонил первый заместитель полпреда ОГПУ Московской области Яков Абрамович Дейч. После обычных в таких случаях приветствий Дейч сказал:

— Есть у меня на примете хороший парень, который не сработался с начальником 5-го отделения. В органах работает всего ничего и, возможно, поэтому звезд с неба не хватает. Но за него очень-очень просят. И я вас очень прошу, возьмите его к себе

и сделайте из него человека. А уж если не получится, выгоните к чертовой матери.

— А как хоть его фамилия? — спросил Шрейдер.

— Абакумов, — ответил Дейч и тут же добавил: — Виктор Семенович.

— Родственник Подвойского?

— Да. Наверно, он интересный фрукт. Но, впрочем, присылайте этого парня. Я с ним поговорю и что-нибудь придумаю.

И снова за Виктора просили: «очень-очень». При этом схема была до банальности проста. Николай Ильич Подвойский просит Ягоду, Ягода звонит Дейчу, а Дейч Шрейдеру. И судьба Абакумова вновь решена. Виктора назначают уполномоченным Экономического Управления ОГПУ.

При встрече с Абакумовым Шрейдер расставил все точки над «i»:

— За вас просил Яков Абрамович, и я не могу отказать уважаемым людям. Тем более что сотрудников у меня не хватает. Будете курировать керамическую и силикатную промышленность. Но я вас предупреждаю, что буду требовать только полноценной работы и никаких амурных и фокстротных дел у себя в отделении не потерплю.

* * *

Яков Абрамович Дейч родился в семье служащего коммерческих фирм в 1898 г. Еврей. В партии с ноября 1917 г. Образование — 8 классов гимназии в Петрограде (к 1917 г.). В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с мая 1920 г. — следователь Кавказского фронта. С 12 ноября 1931 г. — начальник секретно-оперативного управления полпреда ОГПУ по Московской области. С 20 апреля 1932 г. — второй заместитель полпреда ОГПУ по Московской области. С 8 апреля 1933 г. — первый заместитель полпреда ОГПУ по Московской области.

Когда Дейч просил за Абакумова, он даже не мог себе представить, что их судьбы пересекутся еще раз. Мир, как известно, тесен для людей.

* * *

Служба не складывалась и здесь. Однако в кругу друзей и тем более женщин Виктор слыл хорошим парнем. Всегда ходил с

патефоном. «Это мой портфель», — говорил он. В углублении, которое там имелось, у него постоянно лежала бутылка водки и уже нарезанная колбаса. Как отмечал очевидец: «Женщины, конечно, от него с ума сходили — сам красивый, музыка своя, танцор отменный, да еще с выпивкой и закуской».

Из аттестации уполномоченного 1-го отдела Экономического Управления ОГПУ Абакумова Виктора Семеновича за 1933 год: «К оперативной работе имеет большое влечение. Порывист. Иногда мало обдумывает последствия агентурного хода работы. В следственных делах участия не принимал. Дисциплинирован».

Помощником уполномоченного 1-го отделения ЭКУ ОГПУ СССР с 20 февраля 1933 г. работал Павел Мешик. Личность легендарная. Родился в Конотопе в 1910 г. в семье служащего. Украинец. Закончил школу-семилетку в г. Конотопе в 1925 г., затем школу ФЗУ при механическом заводе (там же в 1927 г.), следом курсы по подготовке в высшее учебное заведение в г. Каменец-Подольском (январь 1930 г. — август 1930 г.). Учился в энергетическом институте в Самаре с октября 1931 г. по март 1932-го. Работал слесарем с июня 1925 г. по декабрь 1929 г. и с августа 1930 г. по октябрь 1931 г. По комсомольской путевке пришел в ОГПУ в марте 1932 г. Ас апреля 1932-го по февраль 1933 г. учился в высшей школе ОГПУ СССР.

В Экономическом Управлении он познакомился в Абакумовым. Одному двадцать три, другому двадцать пять. В дальнейшем их судьбы будут пересекаться неоднократно. И в конечном итоге дойдут до противостояния. Но это будет потом. А пока… По слухам, они вместе пропили кассу взаимопомощи отдела. И это только один грех Абакумова. Был и второй, известный со слов самого Шрейдера. В течение первых месяцев Абакумов несколько раз докладывал ему о своей огромной деятельности. А через два месяца сам Шрейдер решил проверить эту работу по факту: «В день, когда он должен был принимать своих агентов, я без предупреждения приехал на конспиративную квартиру, немало смутив Абакумова, поскольку застал его там с какой-то смазливой девицей. Предложив Абакумову посидеть в первой комнате, я, оставшись наедине с этой девицей, стал расспрашивать ее о том, откуда она знает, что такой-то инженер (фамилия которого фигурировала в подписанном ею рапорте) является вредителем. А также, что она понимает в технологии производства, являясь канцелярским работником? Она ответила, что ничего не знает, а рапорт составлял Виктор Семенович и просил ее подписать. Далее мне без особого труда удалось установить, что у нее с Абакумовым сложились интимные отношения с самого начала «работы».

При проверке двух других «завербованных» Абакумовым девиц картина оказалась такой же. На следующий день я написал руководству ЭКУ рапорт о необходимости немедленного увольнения Виктора Абакумова как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще к работе в органах. По моему рапорту Абакумов был из ЭКУ уволен».

Из аттестации уполномоченного 1-го отдела экономического управления ОГПУ Абакумова Виктора Семеновича за 1934 г.: «К оперативной работе влечение имеет. Порывист. Быстро делает выводы, подчас необоснованные. Иногда мало обдумывает последствия. В следственных делах не участвовал. Дисциплинирован. Требуется руководство воспитательного характера».

По воспоминаниям чекиста С. Федосеева, причины увольнения Абакумова следует искать в другой плоскости: «У Абакумова, как у многих других людей, не получивших систематического образования, отсутствовали аналитические способности и прихрамывала память. Собираясь на доклад к начальству, он зазубривал относящиеся к делу цифры, даты и факты и все равно не раз попадал впросак. Зато крепкое телосложение делало его незаменимым при обысках и задержаниях».

К слову сказать, 23 сентября 1933 г. под грифом «совершенно секретно» вышел приказ ОГПУ № 00 325 «О дисциплине в органах и войсках ОГПУ», подписанный Г. Ягодой. В нем, в частности, говорилось:

«Значительное количество фактов, отмеченных за последнее время, говорят о проявлениях недисциплинированности, а в некоторых случаях о полном отсутствии дисциплины в рядах чекистов. Недисциплинированность начинается с таких проявлений, как неряшливость, небрежное ношение формы, пьянство и распущенность, что неизбежно приводит не только к ухудшению качества работы каждого отдельного чекиста, но и к притуплению энергии и бдительности в борьбе с к.-р.» И вот еще: «Грязный, неряшливый, распущенный, пьянствующий чекист — позорит наши ряды и должен быть немедленно изгнан из них. Эти же чекисты, в результате болтовни и сплетни, зачастую разглашают секреты нашей работы, этим самым играя на руку врагам. Таким чекистам также не должно быть места в наших рядах. Внешняя недисциплинированность, вялость, личная дезорганизованность приводит к несвоевременному, а иногда и полному невыполнению оперативных указаний и приказов.

Такой чекист начинает откладывать на завтра то, что он может и должен сделать сегодня, немедленно, — для того чтобы

своевременно выявить и ударить по врагу.

За последнее время отмечены серьезные случаи нарушения дисциплины, выражающиеся в недопустимой медлительности, а иногда и прямо невыполнении приказов ОГПУ и Полномочных представительств нижестоящими органами».

Стоит добавить, что еще в 1920 г. **в приказе ВЧК № 108** «О положении и работе в органах ЧК на местах» перечислялись целых 17 недостатков в работе 7 губернских ЧК. Эти недостатки назывались позорными, которые требовалось искоренить беспощадно и безжалостно.

Судя по всему, и в 1933 г. от них не избавились:

«1. Первый недостаток заключается в том, что во всех ЧК отсутствует железная товарищеская дисциплина, о которой говорится в положении о ЧК, утвержденном 4-й конференцией. Выражается это в том, что сотрудники, начиная от старших и кончая младшими, не точно исполняют свою работу, а часто и совсем не исполняют.

Тут мы найдем неисполненные приказы ВЧК, несвоевременную явку на работу и уход с последней и многое другое.

2. Второй недостаток — это позорящие ЧКи чекистов выпивки, которые разлагают работников, создают впечатление у посторонних наблюдателей, что все чекисты — алкоголики и что этому учреждению доверять нельзя, ибо оно подмочено. С этими явлениями нужно вести беспощадную борьбу и с корнем вырвать их из обихода ЧК.

3. Третий недостаток — это грубость чекистов, которую они позволяют себе в отношении товарищей и граждан, коим приходится по разным причинам сталкиваться с ЧК. Эти явления позорны для нас и также должны быть искоренены беспощадно, ибо подобные явления, кроме вреда, ЧК ничего не дают и не могут дать. Это может быть выгодно только нашим противникам, которые стараются всемерно использовать каждый наш минус и раздуть его невероятно. Это так просто и очевидно, что не понять этого нельзя. Чекисты должны быть изысканно любезны не только с товарищами, но и со своими противниками».

Таким образом, борьба за чистоту в чекистских рядах стала одной из причин увольнения Абакумова из Экономического управления.

2

Как написал в своей книге «Русская судьба, исповедь

отщепенца» известный писатель и ученый А. Зиновьев: «Тридцатые годы были самыми мрачными и, одновременно, самыми светлыми в советской истории. Самыми мрачными в смысле тяжелых условий жизни масс населения, массовых репрессий и надзора. Самыми светлыми по иллюзиям и по надеждам». Ведь действительно, было и светлое. Газеты писали об открытии Нижегородского автомобильного завода, пуске доменной печи на Магнитогорском металлургическом комбинате, закладке города Комсомольска-на-Амуре, о высокой производительности труда забойщика Горловской шахты Н.А. Изотова. В кинотеатрах смотрели первые звуковые фильмы «Путевка в жизнь» и «Встречный». Свет увидели такие выдающиеся произведения, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Петр Первый» А. Толстого.

В общем, жизнь понемногу налаживалась. Но было и мрачное. В течение 1931–1933 гг. по стране прошли очередные волны арестов специалистов, ученых, служащих и партийных работников.

* * *

19 и 22 ноября 1932 г. на имя Сталина поступили два письма члена партии М.А. Савельева, написанные со слов некоего Н.В. Никольского, в которых сообщалось, что Эйсмонт Н.Б. в разговоре с Никольским на вечеринке 7 ноября 1932 г. (на квартире Эйсмонта) вел антипартийный разговор, дискредитирующий руководство ЦК партии, и высказывался о необходимости «убрать» Сталина. Для выполнения этой цели Эйсмонт предложил Никольскому «самоопределиться» и высказать свое мнение относительно своего участия в этом деле. По сообщению Савельева, Никольский, оценивая свой разговор с Эйсмонтом, предположил наличие сформировавшейся правой антипартийной группы, в которую входил Смирнов А.П. — председатель комиссии по благоустройству коммунального хозяйства при ВЦИКе, Эйсмонт Н.Б. — нарком снабжения РСФСР и Толмачев В.Н. — начальник Главдортранса при СНК РСФСР. В связи с этими сообщениями в Президиум Центральной контрольной комиссии 24 и 25 ноября 1932 г. вызвали Эйсмонта Н.Б., Толмачева В.Н. и Никольского Н.В. (по этому делу в период с 24 ноября по 4 декабря 1932 г. органами ОГПУ без санкции прокурора были арестованы Эйсмонт, Толмачев, начальник финансово-планового сектора управления кадров Центрального управления дорожного транспорта при СНК СССР В.Ф. Попонин, секретарь 1-го отдела

Наркомата земледелия СССР Е.П. Ашукина).

На заседании Президиума ЦКК Эйсмонт и Толмачев «категорически отвергали утверждения Никольского о каких-либо антипартийных разговорах, наличии антипартийной группы и намерении «убрать» Сталина, считая их надуманными, хотя, как следует из показаний Эйсмонта, настроение о замене Сталина на посту Генсека ЦК высказывалось.

Как Эйсмонт, так и Толмачев не отрицали своих встреч со Смирновым А.П., объясняя их давнишним с ним знакомством по подпольной работе и совместной работе в СНК и на Северном Кавказе.

Они признались, что при встречах между ними велись обычные разговоры, касающиеся внутренней жизни страны, высказывали суждения по отдельным хозяйственным вопросам, о положении дел в ряде районов страны, где приходилось им бывать в то время, выражалось беспокойство положением в сельском хозяйстве, создавшимся в результате допущенных перегибов при проведении коллективизации, в том числе и на Северном Кавказе, где Эйсмонт и Толмачев долгое время работали».

Но тем не менее в Президиуме ЦКК эти объяснения признали лживыми и исключили фигурантов дела из партии. В тот же день их арестовали как участников антипартийной группы. Далее начинается работа органов ОГПУ, где в секретно-политическом отделе 24 ноября допрашивают самого Никольского, тем самым проверяя информацию провокатора. В этот же день берут показания у Эйсмонта, а на следующий, 25-го, проводят очную ставку.

Из протокола очной ставки:

«Вопрос Никольскому: Я прошу повторить, как было сказано Вам Эйсмонтом мнение Смирнова А.П. о Сталине.

Ответ Никольского: Это было сказано в такой форме: вот мы завтра едем с Толмачевым к Смирнову, и я знаю, что первой фразой, которой он нас встретит, будет — и как до сих пор не нашлось в стране человека, который мог бы Сталина убрать.

Эйсмонт: Такой фразы, о которой говорит Никольский, не было. Возможно, что Никольский перепутал. Я действительно говорил о предстоящей поездке к Смирнову, и поскольку мы вели разговоры вообще на общеполитические темы, то, как будто бы я говорил о том, что в разговоре со Смирновым как-то говорилось примерно так: «Неужели в партии нет человека, который мог бы заместить Сталина»».

В результате простейших следственных действий «фабрики лжи» начальник СПО ОГПУ Г. Молчанов подготовил справку на

А.П. Смирнова (6 стр.) и список лиц (12 стр.), проходящих по делу группы Эйсмонта, Толмачева и др., в которой собраны показания по пунктам:

1. Отношение Смирнова к ЦКВКП(б) и т. Сталину.

2. Отношение Смирнова к решениям партии по вопросам сельского хозяйства, коллективизации и снабжения.

3. Роль Смирнова в группировке Смирнов — Эйсмонт — Толмачев.

Далее идет список лиц с краткими биографическими и компрометирующими данными и их показаниями.

В списке 31 фамилия, в том числе сам Никольский и его жена.

27 ноября 1932 г. на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, затем 1 и 2 декабря на заседании Комиссии ЦКК разбиралось поведение Смирнова А.П. На этих заседаниях, затем и на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК (7–12 января 1933 г.) Смирнов категорически отрицал предъявленные ему обвинения в сколачивании им антипартийной группировки и утверждал, что он не высказывал никаких намерений «убрать» Сталина. Отвечая же на вопросы членов комиссии относительно «смены» или «замены» Сталина, заявил, что это «абсолютная ложь». Однако доводы Смирнова Пленум во внимание не принял и, основываясь лишь на одних показаниях Никольского и материалах ОГПУ, исключил его из партии. Одобрил Пленум и решение Президиума ЦКК об исключении Эйсмонта и Толмачева из членов ВКП(б).

16 января 1933 г. постановлением Особого совещания ОГПУ Эйсмонт и Толмачев были осуждены «за антисоветскую агитацию» к заключению в спецлагерь сроком на 3 года.

После отбытия срока наказания Толмачев 30 марта 1937 г. по этим же обвинениям был арестован вторично и 20 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР «за контрреволюционную деятельность» приговорен к расстрелу. 8 февраля 1938 г. по этому же ложному обвинению Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к расстрелу и Смирнова. Эйсмонта от второго и более сурового приговора «спасла» лишь смерть в 1936 г. при авиационной катастрофе.

И все же почему Никольский «застучал» Эйсмонта? В 1962 г. инструктор партийной комиссии Н.Н. Гуляев в беседе выяснил некоторые вопросы:

«…Что Вы можете сказать о Толмачеве? Как возникло это дело?

Никольский: Ничего плохого про Толмачева сказать не могу. Как и Эйсмонт, он был очень хороший человек. Обстоятельства

возникновения дела Вам, очевидно, хорошо известны; мои прежние показания имеются в материалах дела. Как я уже сообщал, все началось с того, что Эйсмонт предложил мне вступить в антипартийную группировку.

Гуляев: Когда и где Вы познакомились с Эйсмонтом?

Никольский: Мы были хорошо знакомы с ним со времени нашей совместной работы на Северном Кавказе. Я в то время был начальником крайплана, мы часто встречались с ним по работе, хорошо знали друг друга.

Гуляев: С Северного Кавказа Вы приехали в Москву в 1925 году? Эйсмонт к этому времени был уже в Москве?

Никольский: Да. Я же был переведен в Москву по предложению А.И. Микояна, который в это время был кандидатом в члены Политбюро ЦК, а затем Наркомторгом СССР.

Гуляев: В Наркомторге Вы работали до какого времени? До конца?

Никольский: Нет, только до 1930 г., когда меня «выставили» в связи с чисткой партии, которая в Наркомторге проходила несколько позже. А обстоятельства дела были таковы: перед чисткой ко мне, как к члену коллегии Наркомата, обратился начальник экономического отдела, бывший эсер, некий Гриш. Он возмущался, что Рыков подвергся репрессиям, и настаивал, чтобы я со своей стороны предпринял какие-нибудь меры в поддержку Рыкова. Я доложил об этом Эйсмонту и высказал мнение, что коллегия Наркомата должна укрепить руководство экономическим отделом.

Эйсмонт со мной согласился, и Гриш вскоре был переведен на хозяйственную работу. Во время чистки я выступил и указал на антипартийное поведение Гриша и сослался, что Эйсмонт может это подтвердить. Однако, к моему удивлению, хотя после инцидента с Гришем прошло только 8–9 месяцев, Эйсмонт на Комиссии отказался подтвердить мое выступление, сославшись, что он якобы не помнит этого. Сам я чистку прошел нормально. Однако спустя примерно полгода, когда я находился в длительной командировке в Ташкенте, я неожиданно узнал, что Комиссия при проверке не утвердила мой партстаж с 1905 г., а изменила его, сильно сократив, с 1917 г. Перерыв в стаже у меня действительно был, когда я в 1908–1913 гг. учился в Петроградском Политехническом институте, где у нас была только меньшевистская организация. В партбилете мне изменений по стажу не внесли. Сколько я ни пытался потом найти это решение Комиссии, мне так это и не удалось.

После этого Эйсмонт счел невозможным оставить меня на работе в составе коллегии Наркомата и я, весной 1931 г., решил

поехать работать на Крайний Север, в Игарку.

Гуляев: Какая Ваша специальность? В качестве кого поехали в Игарку?

Никольский: Инженер-технолог.

Гуляев: Когда и в связи с чем вы вернулись в Москву?

Никольский: Вернулся в Москву в 1932 году. Осенью, в связи с окончанием двухгодичного срока. Решил остаться на работе в Москве.

Гуляев: С Вами в Игарке была и Ваша жена? Это была Ваша первая жена?

Никольский: Со мной в Игарке была моя третья жена, с которой мы жили с 1925 года.

Гуляев: Ее впоследствии, кажется, тоже арестовали?

Никольский: Да.

Гуляев: Какие еще родственники есть у Вас?

Никольский: Сестра, старая женщина, пенсионерка; был брат — умер; есть еще вторая сестра.

Гуляев: Как же произошла ваша встреча с Эйсмонтом после Вашего возвращения из Игарки? Где он тогда работал?

Никольский: Эйсмонт работал там же, в Наркомторге. Во время работы в Игарке я поддерживал с ним связь, часто бывая в Москве. Эйсмонт помогал и моей жене, когда она была в Москве. Вскоре после возвращения, как будто бы на ноябрьские праздники, я был с женой на вечеринке у Эйсмонта. Было много народа. Пили шампанское. Потом, в конце вечеринки, Эйсмонт отвел меня к себе в кабинет и начал рассказывать о тяжелом положении в стране, предложил мне вступить в антипартийную группу. В моих заявлениях обо всем этом сказано. Тогда же он сказал, что нужно убрать Сталина».

Вообще, Никольский отомстил Эйсмонту, да и только. Но пострадали и другие. Банальное же стукачество обернулось новым «политическим процессом», состряпанным в недрах ОГПУ, где показания провокатора стали связующим звеном в цепи лжеследствия.

* * *

В 1933 г., после «раскрытия дела», Никольскому предложили работу на строительстве БАМа.

Стукач расценил это как выдвижение на более ответственную работу после той «услуги», которую он оказал партии. Сталин даже отправил соответствующую телеграмму на стройку с рекомендацией. Но по каким-то причинам ее скрыли, а вместо

нее была объявлена бумага, в которой Никольский характеризовался как человек, не заслуживающий доверия с политической стороны из-за участия в правом уклоне (!).

Со слов самого Николая Васильевича это сказалось на чистке партии в 1933 г., а также на том, что за все время его работы на БАМе (1933–1937 гг.) его ни разу не избирали ни в бюро ячейки, ни в партком. Ни разу не назначали даже руководителем рядового партийного кружка. Кроме того, Никольского назначали заместителем начальника строительства БАМа, но к строительству как таковому так и не допустили.

А в июле 1937 г. транспортным отделом НКВД г. Свободного была арестована его жена (инспектор начальника строительства БАМЛАГ НКВД), которую через восемь месяцев осудили на десять лет за контрреволюционную агитацию.

Удивительно, но Никольскому все вернулось бумерангом.

* * *

В августе 1942 г. на 57-летнего Николая Васильевича Никольского, оставшегося к тому времени без работы, вышли сотрудники 1-го отделения 1-го отдела 3-го Управления НКВД.

А 17 августа этого же года заместитель начальника 1-го отделения 1-го отдела старший лейтенант государственной безопасности Колпаков под рапортом своего подчиненного, где было специально для него начертано «Согласен», расписался. В рапорте указывалось:

«Согласно утвержденному плану 10.VIII.с.г. была проведена вербовка в качестве агента Никольского Николая Васильевича, чл. ВКП(б), временно не работающего, по профессии инженера-технолога. Никольский вербовался для выявления и разработки связей врагов народа Эйсмонта— Толмачева. В процессе вербовки было установлено, что Никольский в настоящее время поддерживает дружеские связи с Анцеловичем Н.М., бывш. Наркомлесом (разраб. по дф), его другом — Кузнецовым— инж. НКОССР и Кохановичем В.Г., посещавшим антисоветские сборища, происходившие на квартире Эйсмонта. После того, как Никольскому было предложено сотрудничать с органами НКВД, он охотно дал свое согласие и избрал псевдоним «Орехов».

Сообщая о вышеизложенном, прошу санкционировать зачисление «Орехова» в действующую сеть агентуры 1 отд. 1 отдела 3 Упр.».

Что ж, «поезд» Никольского был необходим органам и на запасном пути. А вдруг пригодится!

3

Итак, Виктор Абакумов потерпел серьезное поражение, после которого его ожидала лишь неизвестность. Из Экономического Управления его все же убрали. Как чекист он не состоялся за два года работы в ОГПУ. И тем не менее свершилось чудо. Генрих Григорьевич (Енох Гершенович) Ягода часто оставался за Вячеслава Рудольфовича Менжинского, который болел. Вначале 1934 г. Сталин поручает Ягоде, Кагановичу и Куйбышеву в пятидневный срок представить проект предложений по организации союзного Наркомата внутренних дел с включением в него ОГПУ. А значит, такое доверие ***самого*** подчеркивало значимость первого заместителя, а фактически уже Председателя ОГПУ. Так оно в общем-то и случилось. После продолжительной болезни от сердечного приступа 10 мая 1934 г. умер Менжинский, а 10 июля Ягода стал наркомом. По просьбе Подвойского он и позвонил Матвею Давыдовичу Берману — начальнику ГУЛАГа ОГПУ, своему старинному соратнику по ВЧК и ОГПУ. Естественно, последний все решил.

* * *

В 1934 г. Виктора Семеновича перевели на работу в Центральный аппарат Главного управления лагерей — уполномоченным. А вскоре его отправили в командировку в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь (УХТПЕЧЛАГ). Дело в том, что еще зимой 1934 г. начальник Главного управления лагерей ОГПУ в своем приказе № 43 указал:

«Большинство сотрудников Глав. Упр. Лагерями ОГПУ до сих пор не были ни разу в лагерях и совершенно не представляют ни лагерной обстановки, ни проводимой работы в самом лагере».

Получив свое задание, выехал и Абакумов. В конце лета 1929 г. на берегу таежной речки Чибью, притока Ухты, высадили десант заключенных. Так начиналось освоение бассейна Печоры, где был основан лагпункт УСЕВЛОНа или «база Ухтинской экспедиции ОГПУ». Экспедиция должна была оценить промышленное значение Ухтинского нефтяного месторождения, провести разведку нефтегазовых месторождений в Ижевском и Печорском районах, а также угольных залежей в Воркуте и попутно выявить источники радиоактивных вод. Летом 1931 г. экспедицию реорганизовали в самостоятельный Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь, начальником которого назначили Я.М. Мороза, выведенного из положения заключенного

и восстановленного в рядах ВКП(б).

Осенью 1932 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) был организован Ухто-Печорский трест, руководство которым было возложено на ОГПУ.

На следующий год тресту утвердили программу работ по нефти, углю, радию. Было намечено завершение строительства узкоколейной железной дороги: рудник — Воркута — Вом, рудник Щугор— р. Печора и трактов Усть — Ухта— Воя, рудник Воркута— Обдорск. Наркомтяжпром и Наркомвод получили соответствующие распоряжения о выделении УХТПЕЧЛАГу необходимого оборудования. Но это еще не все. ОГПУ совместно с Наркомпросом и Наркомтяжпромом следовало организовать в Ухте и Печоре два техникума — нефтяной и угольной промышленности и комплекговать их выпускниками местных школ и за счет колонистов. Весной 1933 г. завезти на Печору три тысячи семей спецпереселенцев.

«Из основных нефтяных и угольных районов Союза решено мобилизовать 25 партийных и хозяйственных работников для укрепления лагеря руководящими кадрами и 25 горных мастеров.

ГУЛАГ выделил УХТПЕЧЛАГу 26 млн 750 тыс. рублей. Установил план поставки «рабсилы». «Увеличить число осужденных в УХТПЕЧЛАГе с 15 тысяч в первом квартале 1933 г. до 25 тысяч в четвертом квартале. Намечено колонизировать 1700 заключенных. Предстояло построить 80 тыс. кв. м жилья для колонизированных, 15 тыс. — для специалистов, 30 тыс. — для заключенных».

В 1934 г. Чибью и Промысел-1 становятся практически городом, где было построено 48 нефтяных вышек, строилось 8 бараков, при буровых появилась новая электростанция, а ремонтно-механический завод пополнился литейным и сварочным цехом. Для ВОХРа строилась большая казарма, для вольнонаемных и колонизированных — четырнадцать больших домов, новая столовая, школа, театр на 600 мест, рабочий городок на 40 домов, парк культуры и отдыха и т. д. Проводилось десять километров водопровода, пять километров канализации, тротуары. На протяжении шести километров асфальтировались улицы и дороги.

В общем, жить можно.

Но какое бы значение ни придавалось Ухтинскому нефтяному месторождению, лагпункту УСЕВЛОНаи какой бы замечательный город там ни строился, Виктору Абакумову невозможно было оставаться здесь навсегда или хотя бы на продолжительный срок. Москву — любимую, единственную и неповторимую, ему невозможно было поменять на что-то другое, а уж тем более на

далекое, холодное и чужое. Там, где он прожил двадцать шесть лет, было все. И менять теперь это «все» на «ничего» было бессмысленно. А попросту даже глупо.

Известный ученый и писатель А. Зиновьев так охарактеризовал столицу:

> «Москва — это многие миллионы людей, сотни тысяч из них суть процветающие партийные и государственные чиновники, министры, генералы, академики, директора, артисты, художники, писатели. Спортсмены, попы, спекулянты, жулики и т. д. Сотни тысяч выходцев из разных районов страны ежегодно вливаются в Москву, несмотря ни на какие запреты — за взятки, по блату, на законных основаниях. Очень многие из них добиваются успеха. В Москве убогие магазины. А одеты москвичи в среднем не хуже, чем в западных городах. Продовольственные магазины пусты. А привилегированные слои имеют все по потребности. В Москве можно посмотреть любой западный фильм, прочитать любую западную книгу, послушать любую западную музыку. Здесь много возможностей пристроиться к лучшей жизни и сделать карьеру. Каналы карьеры здесь неисчислимы. Здесь с продовольствием лучше, чем в других местах. Здесь есть виды деятельности, каких нет нигде в стране».

Метко, точно. А самое главное, и добавить нечего.

В августе 1935 г. Виктор Абакумов после ознакомления с жизнью ИТЛ возвращается в Москву, в центральный аппарат ГУЛАГа, где он еще просидит целых два года. Но, как говорится, лучше в шапке по Москве, чем в папахе по тайге.

А в декабре 1936 г. В.С. Абакумову было присвоено специальное звание младшего лейтенанта госбезопасности, что обозначали три нарукавных усеченных треугольника красного цвета на обоих рукавах и серебряный продольный жгут на петлицах.

* * *

В июне 1936 г. приказом НКВД СССР № 226 было объявлено постановление ЦИК и СНК СССР от 16 октября 1935 г. «Об утверждении положения о прохождении службы начальствующим составом Главного управления государственной безопасности НКВД Союза ССР». Во-первых, Положение устанавливало

специальные звания начальствующего состава Главного управления государственной безопасности: сержант ГБ, младший лейтенант ГБ, лейтенант ГБ, старший лейтенант ГБ, капитан ГБ, майор ГБ, старший майор ГБ, комиссар ГБ 3-го ранга, комиссар ГБ 2-го ранга и комиссар ГБ 1-го ранга, которые должны были присваиваться по совокупности следующих данных:

1) служебные аттестации;

2) специальная подготовка;

3) стаж работы по государственной безопасности;

4) оперативная квалификация по государственной безопасности.

Во-вторых, им определялись соответствующие сроки пребывания в каждом звании. Два года для сержанта и младшего лейтенанта. Три года для лейтенанта и старшего лейтенанта. Четыре года для капитана и пять для майора.

В-третьих, устанавливались знаки различия нарукавные и на петлицах.

В-четвертых, в нем определялся порядок назначения на должности и предельные сроки пребывания на службе.

В-пятых, рассматривались вопросы увольнения и порядок присвоения специальных званий находящимся в запасе.

* * *

В штате Главного управления лагерей, трудовых поселений и мест заключений НКВД СССР № 59 от 15 апреля 1937 г. Виктор Абакумов отмечен в секретно-оперативном отделении отдела охраны лагерей — оперуполномоченным, где начальником и одновременно помощником был С.А. Бронштейн (место помощника было вакантным).

Всего в отделении работали шесть оперуполномоченных (В.С. Абакумов, А.М. Гительман, И.И. Сорокин, А.П. Лейман, Е.Г. Константинов, П.А. Завьялов), шесть помощников оперуполномоченных (одно место оставалось вакантным) и два сотрудника для поручений (одно место вакантное). То есть по штату в отделении было предусмотрено 18 должностей, а занятыми оказались только 15. Всего же в ГУЛАГе было 634 штатных единицы. Но это в 1937 г. Зато семь лет назад, в 1930 г., его штат насчитывал лишь 96 должностей. И это тоже факт весьма примечательный.

Отдел охраны лагерей, кроме секретно-оперативного отделения, включал отделения охраны и режима.

Главное управление исправительно-трудовых лагерей и

колоний СССР сложилось в 1931 г. И что характерно, в лекции для слушателей Высшей школы НКВД СССР было четко указано: что «ГУЛАГ не хозяйственный трест, а орган НКВД, призванный на переходный от капитализма к коммунизму период защищать диктатуру пролетариата и осуществляемое им социалистическое строительство от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированного элемента, так и неустойчивых элементов среди трудящихся (из ИТК РСФСР)».

В соответствии с этим исправительная политика пролетариата преследовала две цели: «1. Ставить осужденных в условия, преграждавшие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству и 2. Перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общеполезные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе социалистического соревнования и ударничества».

Не более и не менее! Однако на основании подлинной производительной деятельности ГУЛАГа можно судить о том, что это был мощнейший хозяйственный трест в мире. Но только прежде всего принудительного труда. Не иначе как сталинская империя. Она охватывала промышленность, сельское хозяйство и строительство крупнейших индустриальных центров. Только промышленность включала в себя 17 различных отраслей, самой крупной из которых являлась лесная. К 1939 г. удельный вес лесозаготовительных лагерей в народном хозяйстве вырос настолько, что уже в 1938 г. ГУЛАГу было предоставлено право основного лесозаготовителя с одновременным освобождением от попенной платы. С 1938 по 1939 г. свое интенсивное развитие получила горно-металлургическая промышленность ГУЛАГа, которая занималась добычей и обработкой медно-никелевых руд в особо отдаленных районах страны. Топливная промышленность ГУЛАГа включала в себя угольные месторождения: Воркутинское, Букачагинское, Растчихинское и Ухтинский нефтяной район. ГУЛАГ самостоятельно производил значительные гидротехнические сооружения. На февраль 1938 г. только в лагерях содержалось 1157,4 тыс. заключенных. В пятнадцати лагерях-стройках — 526,2 тыс. заключенных, в тринадцати лагерях— 174,8 тыс., а в восьми сельскохозяйственных лагерях 456,4 тысячи.

Всего в СССР на февраль 1938 г. насчитывалось 2259,5 тысячи заключенных в 4493 местах содержания, будь то лагеря, колонии, тюрьмы, трудкоммуны, КПЗ милиции и т. д. При этом на более

чем 2 млн зэков было всего 294 тысячи работников исправительных учреждений.

Среднегодовая норма содержания одного заключенного равнялась 2765 рублей, в которое входило стоимость продовольствия (полтора рубля в день), вещевое довольствие (менее рубля в день), медико-санитарные расходы (от 27 коп. до 53 коп. в день), расходы на аппарат и охрану (от 62 коп. и выше) и прочие (более 40 коп.).

По плану капитальных работ ГУЛАГа на 1938 г. по лимитам НКВД (ГУЛАГ) только на пятнадцать строек было выделено 1634,0 млн руб.

В том числе на Ухта-Печорский трест 130,0 млн рублей (объем капитальных вложений).

Если на 21 февраля 1938 г. в УХТПЕЧЛАГе числилось 61,4 тыс. чел. заключенных, то на выполнение работ требовалось довести эту цифру до 70 тыс. При этом согласно схематической карте района работ расстояния УХТПЕЧЛАГа НКВД отличались громадной протяженностью: Котлас — Княжпогост 287 км, Княжпогост — Чибью 200 км, Чибью — Кожва 250 км, Кожва — Кочмес 230, Кочмес — Воркута 227 км.

При этом план добычи угля на 1938 г. составлял 200 000 тонн. А ведь с 1929 г. по 1937 г. было всего добыто 509 399 тонн угля, что подтверждает повышенную требовательность к принудительному труду в ГУЛАГе, а это в свою очередь влекло необходимость увеличения количества заключенных для выполнения этих планов. Думаю, что нереальных, а если хотите проще, то нечеловеческих.

* * *

Та работа, которой занимался в ГУЛАГе Виктор Абакумов, не зря называлась оперативной. Секретно-оперативное отделение, а раньше третье информационно-следственное отделение обеспечивало руководство и проведение оперативно-чекистского обслуживания заключенных, спецконтингента и вольнонаемных работников исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД.

В его задачи входило: обеспечение своевременного выявления вражеской деятельности среди заключенных и других лагерных контингентов, своевременное предотвращение организованных контрреволюционных выступлений среди них; обеспечение своевременного выявления и предотвращения готовящихся групповых вооруженных и индивидуальных побегов, а также хищений и разворовывания лагерного имущества. И кроме того,

организация работы по выявлению и агентурной разработке оставшихся на воле не разоблаченных преступных связей заключенных, а также руководство следственной работой по делам, вскрытым в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. По своей сути это не иначе, как обеспечение государственной безопасности в исправительно-трудовых лагерях, проводимое за счет комплекса оперативно-чекистских мероприятий. А работы хватало.

В марте 1933 г. начальником Главного управления последующим расследованием было установлено «полное разложение Соловецкого отделения СЛАГ ОГПУ и его аппарата. Группа заключенных на островах уголовников, при попустительстве и способствовании лагерного аппарата в течение продолжительного времени (с осени 1931 г. и до второй половины 1932 г.) производя систематические кражи, избиения заключенных и надзорсостава, грабежи, пьянство, картежную игру, членовредительство, поножовщину и т. д., выросла в явно бандитскую группу, совершенно терроризировав остальное лагерное население.

Кражи из лагерных предприятий и складов носили характер систематического явления, достигнув своего апогея в январе 1932 г., когда был обокраден распределитель для вольнонаемных сотрудников на сумму свыше 5000 руб.

Не встречая никакого отпора со стороны лагерной администрации, уголовники дошли до того, что в камерах систематически устраивали дебоши, ломали оборудование, стены, двери, взламывали замки в камерах штрафников и выпускали арестованных, оказывали вооруженное сопротивление стрелкам ВОХРа и надзору.

Аппарат 3-го отделения, состоящий из заключенных, не только не боролся с преступностью, а наоборот, сам разложился, сотрудники его срослись с преступным элементом, систематически пьянствовали, брали взятки за незаконное прекращение дел о преступлениях, расхищали вещественные доказательства, устраивали оргии с з/к женщинами, всячески поощряя среди них проституцию, установлены случаи изнасилования з/к женщин, снабжения уголовников оружием для совершения краж, имели связь с шпионским элементом, расшифровывали агентуру и т. д. и т. п.». 17 февраля 1933 г. коллегией ОГПУ в судебном заседании был рассмотрено следственное дело об указанных преступлениях.

Наиболее активно проявившие себя в бандитизме (29 человек) были расстреляны. Шесть человек бывших сотрудников 3-го отделения из числа заключенных, способствовавших

развитию бандитизма и непосредственно участвовавших в преступлениях, были расстреляны.

Начальник 3-го отделения получил 10 лет, начальник Соловецкого отделения, его помощник по административной части и начальник лагерного пункта — получили по 5 лет.

Остальные обвиняемые были приговорены к различным срокам заключения. В приказе начальник ГУЛАГа ОГПУ обратил внимание на отсутствие должного руководства и контроля со стороны Управления СЛАГа и полное притупление чекистской бдительности чекистского аппарата.

Он приказал: «1. Начальникам лагерей обеспечить такое наблюдение, руководство и контроль над лагерными подразделениями (отделениями и лагпунктами), которое бы исключало возможность подобных фактов. 2. Поднять боеспособность и чекистскую деятельность аппарата 3-х отделов, охраны и других звеньев. Обеспечить сохранение внутрилагерного порядка и дисциплины на должной высоте. 3. Решительно пресекать всякое проявление воровства, пьянства, хулиганства, отказа от работы, бандитизма и т. п. преступные действия со стороны уголовного элемента, создав здоровую обстановку для заключенных, добросовестно относящихся к труду в лагерях».

* * *

Судя по тем задачам, которые приходилось решать В.С. Абакумову в ГУЛАГе, будучи оперуполномоченным, и судя по его огромному влечению к оперативной работе, можно с уверенностью сказать, что те несколько лет, которые он провел там, не прошли даром. В любом случае он получил знания, умения и навыки в контрразведывательной практике по агентурной проработке заключенных с целью выявления не вскрытых в процессе следствия их прежней преступной деятельности и связей, а также по агентурной разработке лиц из вольнонаемного состава, подозрительных по шпионажу. Приходилось ему заниматься выявлением и предотвращением вредительства.

4

1 декабря 1934 г. в кабинете Сталина раздался обычный телефонный звонок. Молотов, находившийся рядом, услышал, что

звонит начальник У НКВД СССР по Ленинградской области Медведь, который доложил, что сегодня в Смольном убит товарищ Сергей. Сталин сказал в трубку: «Шляпы».

В этот день Михаил Васильевич Росляков с коллегами по областному финансовому отделу заканчивали заказанную С.М. Кировым справку:

«Я позвонил в обком к Н.Ф. Свешникову, чтобы узнать, куда сдать для Кирова материал. Николай Федорович сказал, что Сергея Мироновича в Смольном нет и вряд ли будет. «Звони ему на квартиру». На звонок ответил Киров, попросил прислать справку ему домой и добавил, чтобы я обязательно был у Чудова на комиссии. (…) К назначенному времени поехал к М.С. Чудову. Заседание происходило в его кабинете, который он занимал с октября 1934 г. на 3-м этаже, а через комнату Н.Ф. Свешникова находился и новый кабинет С.М. Кирова. Собралось человек 20–25 руководящих работников области и города. (…) Во время заседания комиссии два раза Чудову звонил Киров, интересовался ходом работы и некоторыми текущими делами. Из этих разговоров было понятно, что Киров дома готовится к докладу и у него нет намерения приехать в Смольный. Таким образом, мы знали, что Киров должен прямо из своей квартиры поехать во Дворец Урицкого (Таврический) к 18.00, к началу работы актива.

И вдруг в пятом часу мы слышим выстрелы — один, другой. Сидевший у входных дверей кабинета Чудова завторготделом А. Иванченко первым выскочил в коридор, но моментально вернулся. Выскочив следом за Иванченко, я увидел страшную картину: налево от дверей приемной Чудова в коридоре ничком лежит Киров (голова его повернута вправо), фуражка, козырек которой уперся в пол, чуть приподнята и не касается затылочной части головы; слева подмышкой — канцелярская папка с материалами подготовленного доклада: она не выпала совсем, но расслабленная рука ее уже не держит. Киров недвижим, ни звука, его тело лежит по ходу движения к кабинету, головой вперед, а ноги примерно в 10–15 сантиметрах за краем двери приемной Чудова. Направо от этой двери, тоже примерно в 15–20 сантиметрах, лежит какой-то человек на спине, руки его раскинуты, в правой находится револьвер. Между подошвами ног Кирова и этого человека, чуть более метра, что несколько превышает ширину входной двери приемной Чудова, где находился его секретарь Филиппов».

Удивительно и совершенно невероятно: только после этого «подходит отставший в большом коридоре охранник Кирова — Борисов».

Михаил Росляков продолжает:

«Коснусь одной детали убийства Кирова. Пуля, сразившая его, как установила судебно-медицинская экспертиза, попала в голову, и Киров мгновенно упал. Следовательно, Киров сражен одной пулей, а мы ведь слышали два выстрела. Где же вторая? Револьвер, как выше описано, находился в расслабленной правой руке лежащего убийцы. Смотрим кругом и видим входное отверстие пули на верхнем карнизе правой стороны коридора, где произошло убийство. Кому же она предназначалась? Кирову? А почему пуля ушла далеко вправо и высоко? Возможно. Если у него работала мысль (а меткое попадание в Кирова свидетельствует об этом), то он не мог не понимать безнадежности своего положения в этом коридорчике. Куда бежать? Только назад, в длинный коридор, по коридору идет охранник Борисов, да и там много работников из районов, отделов обкома и товарищей, прибывших на актив. А может быть, ему обещано освобождение от ответственности за совершаемое преступление? Тогда кем? А может быть, все проще — непроизвольный спуск курка в момент падения Николаева на спину?»

После оказания Николаеву первой медицинской помощи и произведенного опознания он был доставлен на Литейный, 4, в здание Ленинградского управления НКВД.

«1 декабря медики осматривали Николаева дважды, — пишет Алла Кирилина. — В составленном ими акте отмечалось: Николаев на вопросы не отвечает, временами стонет и кричит. Пульс 80 ударов в минуту. Признаков отравления нет, имеются явления общего нервного возбуждения».

Второй раз — после его доставки во 2-ю ленинградскую психиатрическую больницу, в заключении которой говорилось: «Николаев находился в кратковременном истерическом состоянии, при сильном сужении поля сознания, наблюдается ожог левой ноздри нашатырем и значительное выделение слюны. Из которого выведен мерами медицинского характера с применением двух ванн и душа, но повторение истерических припадков в дальнейшем возможно».

Очевидцы запомнили, как Николаев не просто кричал, а выкрикивал: «Я ему отомстил! Я отомстил!»

На допросах он находился в состоянии прострации. Очень долго отказывался отвечать и плакал.

Его истерика начиналась через каждые пять минут. Но постепенно с его слов становилось известно, что он достаточно натерпелся неприятностей от отсутствия к нему внимания со стороны горкома и самого С.М. Кирова: «Причина одна —

оторванность от партии, от которой меня оттолкнули события в Ленинградском институте истории партии, мое безработное положение и отсутствие материальной помощи со стороны партийных организаций.

Все мое положение сказалось с момента моего исключения из партии (8 месяцев тому назад), которое опорочило меня в глазах партийных организаций. О своем материальном и моральном положении я многократно писал в разные партийные инстанции: Смольнинскому райкому партии, парткому института истории партии, обкому и ЦК ВКП(б), в Ленинградскую комиссию партконтроля, а также партконтролю при ЦК ВКП(б). Но письма Кирову и Сталину не помогали. Ниоткуда я реальной помощи не получил».

И поначалу Николаев стоял на одном: «Совершил индивидуальный террористический акт в порядке личной мести».

В печати же опубликовали следующее сообщение НКВД: «Данными предварительного следствия установлено, что фамилия злодея, убийцы тов. Кирова — Николаев (Леонид Васильевич), 1904 г. рождения, бывший служащий РКИ. Следствие продолжается».

Однако убийца был безработным. Тоже очень интересная деталь!

Леонид Васильевич родился 10 мая в Петербурге в семье рабочего. Его семья жила в нужде, а сам Леонид из-за рахита до 11 лет не мог ходить. Два года он лежал в больнице (в гипсе), а в это время его отец пил запоем. В школе он неплохо учился и много читал. В 1916 г. окончил школу и работал учеником у часовщика.

С января 1919 г. по 1920 г. в Самаре Николаев — секретарь сельского совета;

с 1921 г. по 1922 г. — конторщик в Выборгском отделе коммунального хозяйства;

с 1922 г. по 1923 г. — управделами в Выборгском РКЛКСМ;

с 1923 г. по 1925 г. — подручный слесаря на заводе «Красная Заря»;

с 1925 г. по 1926 г. — управделами в Лужском укоме РЛКСМ;

с 1926 г. по 1928 г. — подручный слесаря на заводе «Красный Арсенал»;

с 1929 г. по 1932 г. — строгальщик на заводе «имени Карла Маркса»;

с мая 1932 г. по август 1932 г. — референт кустарно-промысловой секции в обкоме ВКП(б);

с августа 1932 г. по октябрь 1933 г. — инспектор инспекции цен в Ленинградской областной РКИ;

с 19 октября 1933 г. по 8 апреля 1934 г. — инструктор по приему документов в институте истории партии.

И далее безработный.

Дело в том, что весной 1934 г. проводилась партийная мобилизация на транспорт, а когда выдвинули кандидатуру Николаева, то он решительно отказался. В связи с чем партком исключил его из рядов партии с формулировкой: «За отказ подчиниться партдисциплине, обывательское реагирование на посылку по партмобилизации» Но надо знать Николаева, он неумолим и никогда не признает себя виновным. И более того, всегда жалуется.

Вскоре в Смольнинском райкоме ВКП(б) его восстанавливают в партии с формулировкой: «Ввиду признания допущенных ошибок», но за «обывательское отношение» объявляют строгий выговор. Николаева не устраивает и такой вариант. В июне и в августе он обращается в комиссию партийного контроля при Ленинградском обкоме ВКП(б) и настаивает на снятии партийного взыскания и восстановления на работе в Институте истории партии.

Но ничего не получается, а идти на завод он не хотел, так как там зарплата была в два раза ниже (а то и меньше), чем в том же институте истории партии. По утверждению Аллы Кирилиной: «Поэтому Николаев требовал не просто должности, а «руководящей»». Но руководящую ему больше не предлагали. Он жил на зарплату жены с двумя детьми и тещей. Естественно, был обозлен, так как мнил себя Наполеоном. При аресте у Николаева изъяли план убийства, в котором он определил несколько мест возможного совершения террористического акта.

Первое. Дом, где жил Киров на улице Красных Зорь.

Второе. Три точки по маршруту правительственной трассы.

Третье. Смольный.

Мысль же об убийстве Кирова у него возникла в начале ноября 1934 г.

Жена Николаева Мильда Драуле, которая работала в Ленинградском управлении тяжелой промышленности, на допросе показала о дневнике своего мужа: «Он вел дневник. Последний раз я познакомилась с его дневником летом (…), а потом дневник стал отражать упаднические настроения Николаева, который выражал тревогу по поводу материальной обеспеченности семьи».

При обыске у Николаева были найдены копии десятков писем в различные инстанции. Он себя считал незаслуженно обиженным. Например, 9 ноября 1934 г. он записал в дневнике: «Если на 15/X и на 5/XI я не смог сделать этого то теперь готов —

иду под расстрел, пустяки — только сказать легко».

14 ноября 1934 года: «Сегодня (как и 5/XI) опоздал, не вышло. Уж больно здорово его окружали — как мал[енького] вел[и]. На вокз[але] с Кр[асной] стр[елы] Я сознаю, настолько] серьезное положен[ие]. Я знаю, что если только взмахну, то мне дадут по шапке.

Ведь 15/X только за попытку встретиться меня увезли в «Дом Слез». А сейчас за удар получу 10 000 [ударов] и больше возможно».

То есть его задерживали, но отпускали. Итак, в день убийства 1 декабря 1934 г. Николаев дважды звонил жене на службу и просил достать билеты на актив (звонил из Смольного). К часу дня, убедившись в том, что жена этого сделать не сможет, он поехал в Смольнинский райком, где обратился к знакомым сотрудникам с той же просьбой. Один ему отказал, а второй пообещал, предложив зайти вечером.

Тогда Николаев возвращается в Смольный и там у знакомых просит билет. Примерно с 1 часа 30 минут до 2 часов 30 минут дня он находится в здании Смольного. Как Николаев прошел в Смольный? Вход на первый этаж (секции Ленсовета, служебные помещения) и второй этаж (исполкомы Ленсовета и области, рабоче-крестьянская инспекция) был общедоступным. А на третий — по партийным билетам и служебным пропускам. Поэтому Николаев по своему партийному билету прошел совершенно свободно через пост охраны, находившийся при входе на третий этаж.

Там он обращался к двум женщинам-сотрудницам горкома и к трем мужчинам (руководитель сектора партийных кадров обкома, инструктор горкома, секретарь сельскохозяйственной группы), у которых просил билет. И только последний пообещал ему его дать, если хоть один (из восьми) у него останется к вечеру. Далее из показаний Николаева 3 декабря 1934 г.:

«Затем я сошел вниз, вышел из здания Смольного и гулял в течение часа вернулся в Смольный. Поднявшись на третий этаж, я зашел в уборную, оправился и, выйдя из уборной, повернул налево (направился к выходу). Сделав два-три шага, я увидел, что навстречу мне идет Сергей Миронович Киров на расстоянии 15–20 шагов. Я, увидев Сергея Мироновича Кирова, остановился и отвернулся задом к нему, так что когда он прошел мимо, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя на 10–15 шагов, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина коридора была

пуста — я подбежал шагов пять, вынув на бегу наган из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз. Я повернулся назад, чтобы предотвратить нападение на себя сзади, взвел курок и сделал выстрел, имея намерение попасть себе в висок. В момент взвода курка из кабинета напротив выскочил человек в форме ГПУ, и я поторопился выстрелить в себя. Я почувствовал удар в голову и свалился.

Когда я очнулся и постепенно начал приходить в себя, я подумал, что сейчас умру. Ко мне кто-то подбежал, меня стали осматривать и унесли в комнату».

Таким образом, убийство Кирова Николаевым было банальным актом личной мести и не более. А в соответствии с ней тут же отпадают другие версии: Николаеву помогали руководители Ленинградского НКВД Медведь и Запорожец по приказу Троцкого и Зиновьева (сталинская версия) и Кирова убил Николаев с помощью Медведя и Запорожца по приказу Сталина (хрущевская версия). Но существовала еще и третья. О ней написал генерал П.А. Судоплатов (один из руководителей разведки советских органов безопасности) в своих мемуарах:

«Высшие чины НКВД, особенно те, кто был осведомлен о личной жизни Кирова, знали: причина его убийства— ревность обманутого мужа. Но никто из них не осмеливался даже заговорить об этом, так как версию о заговоре против партии выдвинул сам Сталин, и оспаривать ее было крайне опасно». И еще:

«Материалы, показывающие особые отношения между Мильдой Драуле и Кировым, о которых я узнал от своей жены и генерала Райхмана, в то время начальника контрразведки в Ленинграде, содержались в оперативных донесениях осведомителей НКВД из ленинградского балета. Балерины из числа любовниц Кирова, считавшие Драуле своей соперницей и не проявившие достаточной сдержанности в своих высказываниях на этот счет, были посажены в лагеря за «клевету и антисоветскую агитацию»».

Что ж, можно допустить и эту версию, но все-таки правдоподобной выглядит личная месть Николаева за свое тяжелое положение с момента увольнения из Института истории партии. Человеком он был крайне самолюбивым, эмоциональным, честолюбивым, надменным, мстительным, злобным, замкнутым и нервным. Именно таким его рисуют очевидцы.

Николаева отовсюду выбрасывали, и что же этому неуравновешенному, физически неполноценному, обиженному жизнью человеку оставалось делать? Только мстить! Кстати

сказать, 2 декабря при загадочных обстоятельствах погиб охранник Кирова. Его везли к Сталину, который лично сам вел опрос всех работников Смольного. Тогда же прошла информация, что когда его везли из Большого дома, то при повороте Борисов выпал из открытой грузовой машины и разбился насмерть.

Думаю, теперь не особенно важно: убили Борисова или он выпрыгнул сам, испугавшись ответственности. Но если даже и убили, то только для того, чтобы не всплыли факты безобразного отношения к охране первого лица г. Ленинграда. Борисову было уже около 50. И все знавшие его удивлялись, как такой сугубо штатский, пожилой человек приставлен к охране С.М. Кирова.

И еще, Михаила Васильевича Рослякова, который присутствовал в момент убийства Кирова в Смольном, так никто и не допросил ни разу. С 4 декабря меняется руководство Лениградского управления НКВД, меняются следователи, и с 4 по 8 декабря Николаев признает свое знакомство с рядом известных оппозиционеров. В результате из 14 человек, привлеченных по делу «Ленинградского центра», только трое на предварительном следствии на допросе признали свою причастность к убийству Кирова. Девять обвиняемых признали лишь свою принадлежность в прошлом к оппозиции, а один ни в чем себя виновным не признал.

Тем не менее 29 декабря в 6 часов 40 минут суд огласил приговор.

14 человек вместе с Николаевым были приговорены к расстрелу.

В своей замечательной книге-расследовании Алла Кирилина впервые приводит уникальный документ, подписанный начальником Ленинградского управления НКВД Л. Заковским и начальником СПО Ленинградского управления НКВД Лупекиным: «С 1-го декабря [1934] по 15 февраля 1935 г. всего было арестовано по контрреволюционному троцкистско-зиновьевскому подполью — 843 человека.

Эта цифра слагается из репрессированных:

1. По делу «Ленинградского центра».

2. По делу «Московского центра».

3. Членов зиновьевской контрреволюционной организации, связанной с обоими центрами.

4. Участников зиновьевско-троцкистского подполья, арестованных до 3 февраля 1935 г.

5. Зиновьевцев и троцкистов, арестованных по трем последним операциям в количестве 664 человека».

(Операции по арестам 664 человек проводились в течение трех дней — 3, 10 и 15 февраля.)

Через десять дней после убийства Кирова областное управление НКВД уже составило списки тех, кто подлежал высылке из Ленинграда. Не внушающих политического доверия набралось около одиннадцати тысяч человек.

На следующий день после суда над Николаевым Сталин разослал всем членам Политбюро письмо ко всем партийным организациям: «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова».

А через два дня после убийства газеты сообщили о постановлении Президиума ЦИК: дела обвиняемых в терроризме вести в ускоренном и упрощенном порядке, прошения о помиловании по таким делам не принимать, приговоренных к высшей мере наказания сразу же казнить.

Все шло к большому террору.

5

15 июля 1936 г. в **приказе НКВД** СССР **№ 00240** о повышении чекистской бдительности Г. Ягода указывал:

«Уроки, вытекающие из убийства товарища Кирова, обязывали все органы НКВД, всех работников НКВД коренным образом перестроить методы своей работы в соответствии с усложнившейся обстановкой борьбы, повысить дисциплину в работе и, прежде всего, решительно покончить и до конца выкорчевать оппортунистическое благодушие и ротозейство».

«Решение задач, поставленных перед Главным управлением государственной безопасности в новых условиях утонченнейшей и ожесточеннейшей борьбы остатков разгромленных классов, подонков троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации и белогвардейщины, требовало от руководителей органов НКВД коренной перестройки агентурной и следственной работы, приведения в порядок агентурно-осведомительной сети, личного оперативного, конкретного и повседневного руководства ею. Именно эти задачи и были поставлены в моем закрытом письме № 001 от 26 января 1935 г.…

Однако как показала проверка ряда местных органов НКВД, некоторые руководящие работники органов НКВД не извлекли для себя всех уроков из убийства товарища Кирова, не положили в основу своей работы мои практические указания, изложенные в закрытом письме и последующих приказах, и тем самым не обеспечили выполнения требований, поставленных партией и правительством перед органами НКВД об охране государственной безопасности.

Некоторые руководители органов НКВД больше заняты представительством, чем чекистской работой, привыкли только распоряжаться и командовать, не способны сами практически работать; не учат, да и не могут учить, подчиненных им работников.

Это уже не чекисты, а зазнавшиеся вельможи, негодные для работы на боевом посту чекиста-руководителя.

Некоторые из этих вельмож пытаются собственную бездеятельность и лень прикрыть рассуждениями о том, что аппарат ЧК слишком много работает. Что надо культурнее работать, сохранять силы аппарата и т. п. Слов нет, что в нашу работу надо внести более культуры, организованности и целеустремленности в борьбе с врагами. Но когда вся «культура» у этих «горечекистов» сводится к тому, что подчиненные им люди работают как в кооперативе от и до определенных часов, когда эта «культура» приводит к потере остроты в борьбе с врагом, ничего кроме вреда для дела это дать не может.

Такой «культуры» нам, чекистам, не нужно.

Вследствие оппортунистического благодушия, самоуспокоенности, забвения старых чекистских традиций и бездеятельности, — эти работники оказались не в состоянии распознать и разоблачить новые методы борьбы врагов против партии и советского государства и оказались неспособными обеспечить государственную безопасность».

Но как ни старался Ягода, он и сам не успел перестроиться.

25 сентября 1936 г. Сталин отправил из Сочи телеграмму членам политбюро. Под его подписью стояла подпись члена оргбюро ЦК, кандидата в члены политбюро А.А. Жданова:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей наркомвнудела». И уже 26 сентября, т. е. на следующий день, Генеральный комиссар ГБ Г.Г. Ягода был освобожден от должности наркома ВД СССР и назначен наркомом связи СССР.

К власти пришел кровавый карлик, которого Сталин до поры до времени называл Ежевичкой. Николай Иванович Ежов, окончивший один класс начального училища, в докладной к вождю писал: «В НКВД вскрылось так много недостатков, которые, по-моему, терпеть дальше никак нельзя. В среде руководящей верхушки чекистов все больше и больше зреют настроения самодовольства, успокоенности и бахвальства. Вместо

того чтобы сделать выводы из троцкистского дела и покритиковать свои собственные недостатки, исправить их, люди мечтают теперь только об орденах за раскрытое дело».

Подводя итоги, новый нарком предлагал: «Стрелять придется довольно внушительное количество. *Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью*».

Всего в аппарате государственной безопасности числилось 25 тысяч сотрудников, и Ежов почистил из них пять тысяч, то есть пятую часть.

Сам Ежов казался скромным, доступным и даже приятным человеком. Говорят, он любил выпить и погулять, хорошо пел и сочинял стихи и держался достаточно демократично.

Новому наркому в 1936 г. исполнился 41 год. В партию он вступил в 1917 г., в Красную Армию попал в 1919-м. С 1922 г. — ответственный секретарь парторганизации Марийской автономной области, в 1925 г. — секретарь Киргизского обкома РКП(б), с 1927 г. — инструктор орграспредотдела ЦК, с 1930 г. — заведующий орграспредотделом ЦК ВКП(б).

М.П. Шрейдер написал в своих мемуарах: «После смерти Менжинского и назначения на пост наркома Ягода совершенно распоясался, вел себя грубо и развязно, нецензурно выражался на больших совещаниях, терпеть не мог возражений, зато обожал подхалимов и любимчиков. Ягода устраивал у себя на квартире обеды и ужины со своими подхалимами, «упивался славой». И вот после убийства Кирова началось внедрение Ежова в дела НКВД.

Он приходил в аппарат НКВД, не информируя Ягоду, и, неожиданно спускаясь в оперативные отделы, сам лез во все дела. Особенно это стали замечать в начале 1936 г., когда начинались дела по троцкистской организации. Ежов явно подбирался к Ягоде и меры последнего, которые применялись к изоляции карлика от своего аппарата, оставались безуспешными. Его готовили, а он готовился сам».

Шепилов вспоминал: «Перед нами — маленький, щуплый человек, к наружности которого больше всего подходило бы русское слово «плюгавый». Личико тоже маленькое, с нездоровой желтоватой кожей. Каштаново-рыжеватые волосы торчат неправильным бобриком и лоснятся. На одной щеке рубец. Плохие, с желтизной зубы. И только глаза запомнились надолго: серо-зеленые, впивающиеся в собеседника буравчиками, умные, как у кобры. В ходе беседы он тяжело и натужно кашлял. Ходили слухи, что Ежов чахоточный. Он кашлял и сплевывал прямо на роскошную ковровую дорожку тяжелые жирные ошметки слизи».

* * *

28 ноября 1936 г. был организован секретариат НКВД СССР во главе с комиссаром ГБ 3-го ранга Я.А. Дейчем. Сам Дейч с июля 1934 г. занимал должность 1-го заместителя начальника Управления НКВД Московской области, с февраля 1935 г. по ноябрь 1936 г. — начальник Управления НКВД Калининской области, а теперь стал начальником Секретариата НКВД. Он-то и похлопотал в очередной раз за Виктора Семеновича Абакумова, который томился на рядовой оперативной работе в ГУЛАГе. После чего в апреле 1937 г. Абакумова перевели в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в 4-й секретно-политический отдел (СПО).

А через одиннадцать месяцев впервые выдвигают на повышение, после шести лет на низовой работе в органах. Абакумов становится помощником начальника отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР (март 1938 г.). 9 мая 1938 г. лейтенанта ГБ Абакумова награждают знаком Почетного работника ВЧК — ГПУ. Этот знак давал чекисту немало (9 ноября 1929 г. вышел приказ № 245 по ОГПУ с объявлением статута, прав и обязанностей кавалера Почетного знака ВЧК— ОГПУ). В его «статуте» отмечалось, что «почетное звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости, но и предоставляет немало благ и льгот по общественно-бытовому и санитарному обслуживанию, по бесплатному лечению, по получению курортно-санитарной помощи, в членстве с ДСО «Динамо», в преимущественном праве при направлении на рабфак, в ВУЗ и др. заведения, при сохранении жилплощади в домах, подведомственных ОГПУ и т. д.»

В сентябре 1938 г. Абакумов назначается помощником начальника отделения второго отдела ГУГБ. Кстати сказать, 27 сентября 1938 г. умер во время следствия Я.А. Дейч, которого арестовали 29 марта этого года. (С 29 сентября 1937 г. по 31 января 1938 г. он был начальником УНКВД Ростовской области.) Второй отдел назывался оперативным, а его сотрудники занимались обысками, арестами, наружным наблюдением и установкой подслушивающей техники. Леонид Млечин считает, что «физически очень крепкий, Абакумов идеально подходил для такой работы». Возможно, и так, но 29 сентября 1938 г., после очередного реформирования (приказом НКВД СССР № 00 641), была объявлена новая структура, и 2-й отдел стал секретно-политическим. Начальником 2-го отдела назначили Кобулова, который с 15 сентября 1938 г. возглавлял 4-й отдел, где присмотрел старшего лейтенанта Л.Е. Влодзимирского (на должности зам. начальника отделения) и лейтенанта ГБ В.С. Абакумова (на должности помощника). Тот ему нравился, да и

отзывы были хорошими. Богдан Захарович, набирая свою команду, почему-то подумал, что такой парень вполне сгодится. В ноябре 1938 г. Кобулов выдвигает Абакумова и назначает начальником отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

* * *

3 апреля 1937 г. постановлением ЦИК СССР Ягоду отстранили от должности и арестовали. А ведь еще 7 ноября 1936 г. его участь была предрешена, когда Сталин перед парадом, здороваясь с руководителями, демонстративно не подал руку наркому связи Ягоде.

8 апреля 1937 г. пять сотрудников НКВД докладывали по факту производства обыска (с 28 марта по 5 апреля) у Г.Г. Ягоды в его квартире, кладовых по Милютинскому переулку, дом 9, в Кремле, на его даче в Озерцах, в кладовой и кабинете Наркомсвязи СССР.

Из 130 перечисленных в документе пунктов обратим внимание на некоторые.

«1. Денег советских — 22 997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.

2. Вин разных— 1229 бут., большинство из них заграничные и изготовления —1897, 1900 и 1902 г.

3. Коллекция порнографических снимков — 3904 шт.

4. Порнографических фильмов — 11 шт.

5. Сигарет заграничных разных египетских и турецких— 11 075 шт. (…)

7. Пальто мужск. разных, большинство из них заграничных — 21 шт. (…)

15. Костюмов мужских разных заграничных— 22 шт.

16. Брюк разных — 29 пар. (…)

18. Гимнастерок коверкотовых из заграничного материала, защитного цвета и др. — 32 шт. (…)

20. Сапог шевровых, хромовых и др. — 19 пар.

21. Обуви мужской разной (ботинки и полуботинки), преимущественно заграничной — 23 пары. (…)

105. Резиновый искусственный половой член— 1. (…)

116. Посуда антикварная разная — 1008 пред. (…)

119. Патрон — 360 (…)

121. Антикварных изделий разных — 270».

Кроме того, расходы на содержание Ягоды Г.Г. и его ближайшего окружения с 1.01 по 1.10.36 г. (за 9 месяцев) составили 3 718 500 рублей.

Нетрудно себе представить, с каким омерзением читал все это аскет Сталин.

Ягода всегда интересовался материалами архивов царской охранки. Все документы-компроматы в отношении видных деятелей партии и государства он подавал лично Сталину со словами: «Есть любопытный материал (документ). Достоин нашего интереса». Разве Ягода думал, что НКВД будет вести проверку и по нему после ареста. В Горьковском секретном архиве очень долго находились на хранении материалы бывшего охранного отделения Нижегородского жандармского управления, по которым проходил бывший анархист Г.Г. Ягода под кличкой Сыч как активный участник анархической группы. В переписке между охранными отделениями по анархистам в зашифрованной форме указывалось о связи Ягоды с охранным отделением.

Осенью 1935 г. вечером на квартиру заведующего Горьковским областным секретным архивом А.А. Евстифееву в пригородный поселок Печоры приехал секретарь начальника Управления НКВД Горьковской области Куракин и предложил срочно поехать с ним в областной архив и выдать по требованию начальника Управления Погребинского дело за 1910 г. № 27 в зеленой обложке. От соответствующей расписки в получении дела Куракин отказался и только пригрозил, что нет оснований не доверять начальнику Управления НКВД. Следует отметить, что Погребинский до этого неоднократно знакомился с рядом дел из секретного архива лично и снимал копии с интересующих его документов.

Протокол допроса Евстифеева А.А. об изъятых из архива Погребинским материалах секретного характера о Г.Г. Ягоде вместе с выпиской из отношения № 296 262 от 28.04.1912 г. Московской охранки, в котором сообщалось Департаментом полиции о Г.Г. Ягоде: «В 1908 г. в городе Нижний Новгород был заподозрен в сношении с охранным отделением», 10 августа 1937 г. были отправлены начальником УНКВД по Горьковской области майором ГБ Лаврушиным начальнику секретариата НКВД СССР комиссару ГБ 3-го ранга Дейч. Но, не смотря на соответствующую проверку НКВД, Сталин не проявил интереса к этому делу. И это направление следствия было закрыто.

13 марта 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР Г.Г. Ягода был приговорен к расстрелу, а 15 марта его расстреляли. Это было в 2 часа ночи.

* * *

На Ежова написал донос начальник Ивановского управления НКВД старший майор ГБ В.П. Журавлев. Он обвинял кровавого карлика в потворстве врагам народа.

А ведь не без помощи Ежова Журавлев за неполные два года с должности начальника С ПО в Томском горотделе НКВД «дослужился» до начальника областного управления. Но что оставалось делать Журавлеву, если его попросил об этом Лаврентий Павлович? Положение же Ежова было шатким.

А все начиналось, когда 22 августа 1938 г. первым заместителем Ежова назначили Л.П. Берию (29 сентября — начальником ГУГБ НКВД СССР, 11 сентября — присвоено звание комиссара ГБ 1-го ранга).

За Берией потянулись свои. Заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР назначили В.Н. Меркулова (11 сентября — присвоено звание комиссара ГБ 3-го ранга). Начальником 4-го отдела 1-го управления с 15 сентября становится Б.З. Кобулов (11 сентября — присвоено звание старшего майора ГБ).

19 ноября 1938 г. заявление Журавлева рассмотрели на заседании Политбюро и признали политически правильным.

Ежов понял, что лучше уйти самому, а то получится, как с Ягодой, и 23 ноября написал в Политбюро ЦК ВКП(б) той. Сталину:

«Прошу ЦК ВКП(б) освободить меня от работы по следующим мотивам:

1. При обсуждении на Политбюро 19-го ноября 1938 г. заявления начальника УНКВД Ивановской области т. Журавлева целиком подтвердились изложенные в нем факты.

Главное, за что я несу ответственность, это то, что т. Журавлев, как это видно из заявления, сигнализировал мне о подозрительном поведении Литвина, Радзивиловского и других ответственных работников НКВД, которые пытались замять дела некоторых врагов народа, будучи сами связаны с ними по заговорщицкой антисоветской деятельности. В частности, особо серьезной была записка т. Журавлева о подозрительном поведении Литвина, всячески тормозившего разоблачение Постышева, с которым он сам был связан по заговорщицкой работе. Ясно, что если бы я проявил должное большевистское внимание и остроту к сигналам т. Журавлева, враг народа Литвин и другие мерзавцы были разоблачены давным-давно и не занимали бы ответственных постов в НКВД.

2. В связи с обсуждением записки т. Журавлева на заседании Политбюро были вскрыты и другие, совершенно нетерпимые недостатки в оперативной работе органов НКВД.

Главный рычаг разведки — осведомительная работа

оказалась поставленной из ряда вон плохо. Иностранную разведку по существу придется создавать заново, так как ИНО был засорен шпионами, многие из которых были резидентами за границей и работали с подставленной иностранными резидентами агентурой. Следственная часть также страдает рядом существенных недостатков. Главное же здесь в том, что следствие с наиболее важными арестованными во многих случаях вели неразоблаченные еще заговорщики из НКВД, которым удалось, таким образом, не давать разворота делу вообще, тушить его в самом начале и, что важнее всего— скрывать своих соучастников по заговору из работников ЧК. Наиболее запущенным участком в НКВД и связанным с ними иностранным разведкам за десяток лет минимум удалось завербовать не только верхушку ЧК, но и среднее звено, а часто и низовых работников, я успокоился на том, что разгромил верхушку и часть наиболее скомпрометированных работников среднего звена. Многие из вновь выдвинутых, как теперь выясняется, также являются шпионами и заговорщиками. Ясно, что за все это я должен нести ответственность».

24 ноября решением Политбюро просьба Ежова об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел СССР была удовлетворена. На время за ним сохранили должности секретаря ЦКВКП(б), председателя комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта.

На время, потому что 10 апреля 1939 г., т. е. через пять месяцев, его арестовали.

25 ноября 1938 г. наркомом Внутренних дел назначают Берию, а 17 декабря его заместителем становится Меркулов. В отличие от Ягоды Ежов оказался скромнее. При обыске в его квартире в Кремле были обнаружены: в письменном столе в кабинете «в одном из ящиков незакрытый пакет с бланком «секретариат НКВД», адресованный в ЦКВКП(б) Н.И. Ежову, в пакете находилось четыре пули (три от патронов к пистолету «наган» и одна, по-видимому, к револьверу «кольт». Пули сплющены после выстрела. Каждая пуля была завернута в бумажку с надписью карандашом на каждой «Зиновьев», «Каменев», «Смирнов» (причем в бумажке с надписью «Смирнов» было две пули)».

«При осмотре шкафов в кабинете в разных местах за книгами были обнаружены 3 полбутылки (полные) пшеничной водки, одна полбутылка с водкой, выпитой до половины, и две пустых полбутылки из-под водки».

Пил кровавый карлик, заливал горе да хранил пули, уничтожившие «врагов народа», — его врагов. То ли получая от

этого удовольствие, то ли считая их талисманом.

В мае 1939 г. Ежову на допросе предъявили документ:

«Народному комиссару внутренних дел Союза ССР
Комиссару государственной безопасности первого ранга
тов. Берия.

Рапорт

Согласно вашего приказания о контроле по литеру «Н» писателя Шолохова доношу: в последних числах мая поступило задание о взятии на контроль прибывшего в Москву Шолохова, который с семьей остановился в гостинице «Националь» в 215 номере. Контроль по указанному объекту длился с 3.06 по 11.06.38 г. Копии сводок имеются.

Примерно в середине августа Шолохов снова прибыл в Москву и остановился в той же гостинице. Так как было приказание в свободное от работы время включаться самостоятельно в номера гостиницы и при наличии интересного разговора принимать необходимые меры, стенографистка Королева включилась в номер Шолохова и, узнавши его по голосу, сообщила мне, нужно ли контролировать. Я сейчас же об этом доложил Алехину, который и распорядился продолжать контроль. Оценив инициативу Королевой, он распорядился премировать ее, о чем был составлен проект приказа. На второй день заступила на дежурство стенографистка Юревич, застенографировав пребывание жены тов. Ежова у Шолохова.

Контроль за номером Шолохова продолжался еще свыше десяти дней. Вплоть до его отъезда. И во время контроля была зафиксирована интимная связь Шолохова с женой тов. Ежова.

Зам. начальника первого отделения 2-го специального отдела НКВД

лейтенант госбезопасности (Кузьмин)

12 декабря 1938 г.».

Евгения Соломоновна Ежова, молодая и привлекательная женщина, была легкомысленной особой, которая проявляла неподдельный интерес к творческим личностям. В свое время она

работала в Советском полпредстве в Берлине машинисткой, затем увлекалась журналистикой, работала в крестьянской газете и стала заместителем главного редактора журнала «СССР на стройке».

Сам Ежов знал, что знаменитый полярник Отто Шмидт и писатель Исаак Бабель были любовниками его жены.

В последнем слове Николай Иванович сказал: «Я почистил 14 000 чекистов. Но моя вина заключается в том, что я мало их чистил. У меня было такое положение. Я давал задание тому или иному начальнику отдела произвести допрос арестованного и в то же время сам думал: ты сегодня допрашиваешь его, а завтра я арестуют тебя. Кругом меня были враги народа, мои враги. Везде я чистил чекистов. Начистил лишь только их в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа». Его расстреляли 4 февраля 1940 г. Это было выгодно всем.

6

Выступая на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25 августа 1938 г., И.В. Сталин говорил: «Правильно ли вы предложили представить им список на освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы — награды и т. д.? Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо. Нужно набрать таких людей десять тысяч, набрано пока две тысячи. Будут освобождаться лучшие люди. А оставаться худшие.

Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы люди эти оставались на работе — награды давать, ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. Я говорю о нашем решении: если по этому решению досрочно освобождать, эти люди опять по старой дорожке пойдут.

Может быть, так сказать: досрочно их сделать свободными от наказания с тем, чтобы они оставались на строительстве как вольнонаемные? А старое решение нам не подходит.

Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили

бы людей оставаться на месте. Досрочное снятие судимости — может быть, так сказать? — чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти, и режим для них изменить несколько, может быть, их вольнонаемными считать. Это, как у нас говорилось, — добровольно-принудительный заем, так и здесь— добровольно-принудительное оставление».

Думаю, что это только один штрих к ответу на вопрос о Большом терроре. Добровольно-принудительное оставление, как и добровольно-принудительный заем, было необходимо системе, которую создал Сталин.

Достаточно прочитать оперативный приказ НКВД СССР № 00 447. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» (30 июля 1937 г.).

По всей стране предполагалось расстрелять около 76 тыс человек, а отправить в лагеря около 200 тыс. Леонид Млечин пишет, что «приказ о чистке вызвал невиданный энтузиазм на местах — областные руководители просили ЦК разрешить им расстрелять и посадить побольше людей. Увеличение лимита по первой категории утверждал лично Сталин. Он никому не отказывал».

При этом соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требовались.

11 августа 1937 г. новый оперативный приказ НКВД СССР № 00 485 «Об операции по репрессированию членов польской Военной организации в СССР». В нем говорилось:

«Даже сейчас работа по ликвидации на местах польских шпионско-диверсионных групп и организация «ПОВ» полностью не развернута. Темп и масштаб следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули даже от оперативного учета (из общей массы перебежчиков из Польши, насчитывающей примерно 15 000 человек, учтено по Союзу только 9000 человек. В Западной Сибири из находящихся на ее территории около 5000 перебежчиков учтено не более 1000 человек). Такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши».

15 августа 1937 г. следующий оперативный приказ НКВД СССР № 00 486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины».

Считается, что страх перед надвигающейся на Советский Союз войной был главным двигателем репрессий.

Сталин говорил: «Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не

больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику».

Могу лишь предположить, что основная идея сталинских репрессий — это прежде всего внушение страха во всей стране. После Гражданской войны, чистки партии, арестов оппозиционеров, раскулачивания и коллективизации, где были затронуты миллионы людей, а в числе обиженных оказалась значительная часть населения Советского Союза, политика тотального страха стала необходимостью. Системе нужно было заставить замолчать недовольных и болтунов. И это одна сторона медали. А другая объясняла «вредительство», то есть все промахи, недочеты и т. д. Так было удобно не только Сталину, а системе в целом. «Враги народа» объясняли многое, но самое главное, что этот термин был главным козырем в государстве для расправы с любым человеком.

«Добровольно-принудительный враг народа». Только так можно назвать эту категорию людей, ставших изгоями в государстве. С одними оно расправлялось за прошлое, например оппозицию, с другими за дружбу или товарищеские отношения с бывшими оппозиционерами. Но в целом это была государственная пирамида, на верхушке которой только расстреливали, а внизу больше сажали в лагеря, чем расстреливали. Это было безотходное производство, когда с увеличением количества врагов увеличивалась бесплатная рабочая сила, а значит, и могущество государства, дисциплина в нем.

Зачем нужно было расправляться с семьями репрессированных? А чтобы не сомневались в правильности государственной политики. Чтобы не болтали, не ныли. Они считались более полезными в лагерях. А выживут, значит, повезло.

Вячеслав Михайлович Молотов рассказывал Феликсу Чуеву:

«Тысяча девятьсот тридцать седьмой год был необходим, если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться.

Мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны». Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданы, когда все хорошо,

когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в тридцать седьмом, была правильной. Документы скрыты пока, со временем ясность будет внесена. Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были. А самое главное, что в решающий момент на них надежды не было».

Лазарь Моисеевич Каганович говорил почти то же самое:

«Сталин вел принципиальную борьбу, а не личную, с Троцким ли, с Бухариным ли. А у многих психология была такая, что шли за тем, кто лично нравился. А не за идеей». (…)

««Пятая колонна» была у нас. «Пятая колонна» была. Если бы мы не уничтожили «эту пятую колонну», мы бы войну не выиграли. Мы были бы разбиты немцами в пух и прах». Однако при этом соратник вождя добавлял: «Мы виноваты в том, что пересолили, думали, что врагов больше, чем их было на самом деле».

Ю.Н. Богданов в своей книге об отце придерживается несколько иной версии. Он называет массовые репрессии 1937–1938 гг. «Операцией прикрытия». При этом его умозаключения основаны всего лишь на книгах В. Суворова «Ледокол», «День-М» и «Последняя республика». Вот что пишет автор: «В этих книгах-исследованиях на основании скрупулезного анализа многочисленных открытых источников автор убедительно доказывает, каковы же были истинные причины и цели Второй мировой войны, кто являлся ее действительным зачинщиком и надеялся пожать из этой самой кровавой в истории человечества бойни свои специфические плоды».

«В условиях этих особенностей национального существования Сталин задумал главное дело всей своей жизни, представлявшее собой проведение военно-партийной операции по осуществлению освободительного коммунистического похода в Европу с целью установления в странах, расположенных на этом континенте, советской власти и объединения их в единый социалистический лагерь во главе с Советским Союзом. Обязательными составляющими такого сверхшироко-масштабного мероприятия являлись: создание мощнейшей материальной базы, изготовление с ее помощью несметного количества военной техники, подготовка огромных людских ресурсов и, главное, обеспечение скрытности планов и выполнявшихся действий для введения в заблуждение противника и достижения фактора внезапности начала боевых действий. В подготовке и реализации грандиозных предначертаний должен был участвовать буквально каждый советский человек из более чем 240 миллионного населения

страны. А значит, каждый что-то знал на своем рабочем месте или служебном участке и мог этими сведениями поделиться со своими товарищами, те передали бы (как это принято у нас) услышанные новости дальше и т. д.». Далее автор, по сути, уже утверждает: «Для сохранения в глубокой тайне грандиозной подготовки всей страны к наступательной войне требовались чрезвычайные меры. Ради решения этой непростой сверхзадачи Сталиным было задумано и планомерно реализовано жесточайшее по своей сути, но необходимое для сокрытия замыслов мероприятие, всемирно известное как массовые репрессии».

Ну это уже слишком!

Не думаю, что Зиновьева или Каменева, да и других «врагов народа» расстреляли именно за это. Не думаю, что укравший мешок зерна, или опоздавший на несколько минут на работу, или посылающий вождя на три буквы получали свои сроки именно за это. Не думаю. Нельзя из истории лепить бредовые монументы. Из нее нужно брать только то, что было, а не высасывать факты из пальца.

Дмитрий Волкогонов рассуждал более прагматично: «Политические процессы имели еще одну цель. С их помощью, прямо или косвенно, Сталин пытался доказать, что все бывшие оппозиционеры, троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы, меньшевики, дашнаки, эсеры, анархисты, бундовцы объективно навсегда остались на позициях, враждебных социализму. К ним фактически «пристегнули» и большинство из тех, кто бывал за границей: дипломатов, деятелей культуры, производственников, ученых, даже тех, кто выполнял интернациональный долг, воевал в Испании. К «врагам» отнесли многих вернувшихся на родину эмигрантов, немало зарубежных коммунистов, работавших в Коминтерне или его организациях. В легион «врагов» попадали чаще те, кто когда-либо был исключен из партии, кто был «обижен» Советской властью, кто когда-либо выражал политические сомнения. Автоматически «врагами» считались и близкие родственники репрессированных».

Эдвард Радзинский пришел к своему выводу: «События 1935–1938 гг., приведшие к тотальному уничтожению всей ленинской партии, оставались величайшей загадкой правления Сталина, в том числе для самих жертв. Почему он с такой непостижимой жестокостью истребил подчинившуюся ему партию?»

И далее: «XVII съезд окончательно убедил: они не дадут создать страну его мечты — военный лагерь единомыслящих, подчиненный вождю. Но только с такой страной можно было осуществить Великую мечту. Великую тайную мечту. Перед ним

стояла грандиозная задача— единая послушная партия. Задача, поставленная еще Ильичом. Практика показала: Ленин не выполнил ее до конца. Теперь Сталин приготовился ее выполнить».

«…Кровавая чистка должна была разрешить еще одну проблему. Созданная им система базировалась на абсолютной власти партийных начальников, но все это были профессиональные революционеры, мало понимающие в технике и экономике.

Ход индустриализации доказал их катастрофическую некомпетентность.

В середине февраля 1937 г. его выдвиженец — молодой инженер Георгий Маленков, ставший секретарем ЦК, написал докладную. Из нее следовало: среди секретарей обкомов низшее образование имеют 70 процентов, среди секретарей райкомов и того больше — 80 процентов. Так что, говоря языком Хозяина, «кадровый вопрос стоял очень остро»».

Кроме того, за двадцать лет у власти они сильно постарели, обросли семьями, родственниками, любовницами (…). Полуграмотная, «подразложившаяся» верхушка, проявлявшая «желание отдохнуть», должна была освободить места для нового, образованного, энергичного, выросшего при нем поколения. Но как избавиться от прежних соратников, не тратя много времени и безболезненно? В отставку? Это значит создать оппозицию».

Но это мнение — мнение драматурга! Оно не совсем близко к истине. Историю можно разыграть на сцене, но это будет все же постановка, а не сама история. По данным партийной переписи за 1922 г., в РКП(б) входило около 400 тысяч человек. И те, кто вступил в партию до революции и в 1917 г., составляли около 11 % от общего числа членов. Профессор Ю.С. Борисов в интервью «Комсомольской правде» (2.04.1988 г.) полагал:

> «Ленин предчувствовал, что если раскол возникнет в этой среде, то будущие события будет трудно предугадать».

Так, по сути, и произошло. После смерти Ленина внутрипартийная борьба вспыхнула с новой силой. Обострению дискуссии, непримиримости сторон способствовало привнесение в споры элементов борьбы за власть. Это, несомненно, противоречило самому духу большевистской партии. Сталин, который по своему положению в партии обязан был противостоять этим пагубным тенденциям, лишь обострял их. Собственно, это было свойственно его натуре, о чем и предупреждал Ленин. В этой обстановке процветала

групповщина. Логика такой борьбы неминуемо придавала ей фракционный характер.

В январе 1933 г. Сталин считал, что при определенных условиях «могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов».

А в ряде своих выступлений в конце 20-х, а затем в 1934–1936 гг. вождь выдвигал теорию обострения классовой борьбы по мере упрочения позиций социализма. Таким образом Сталин периодически настраивал свою страну на ожидание кровавых чисток.

А ведь многие советские люди действительно поверили, что идет настоящая борьба с теми, кто хочет реставрировать капитализм в нашей стране.

В своей книге о Сталине Троцкий напишет: «Для установления того режима, который справедливо называется сталинским, нужна была не большевистская партия, а истребление большевистской партии».

«Многие обращали внимание на тот факт, что у Сталина не получалось длительного примирения ни с одним из его бывших противников. В 1929–1930 и следующие годы были ближайшие годы повальной капитуляции. Среди капитулянтов руководящее место занимали старейшие большевики, члены Центрального Комитета, и многолетние сотрудники Сталина, несомненно, в первый период было много лицемерных покаяний. Оппозиционеры пытались играть в прятки с историческим процессом, притворяться в покровительственной окраске более благоприятного момента и затем выступить открыто. Эти действия в корне фальшивые, с точки зрения революционной политики, потому что капитуляция есть не секретный конспиративный прием военной хитрости, а открытый политический акт, который влечет за собой немедленно политические последствия, именно укрепления позиций Сталина и ослабления оппозиции».

И вот Троцкий отвечает на вопрос: «Почему Сталину понадобилось разрушать, истреблять этих людей, которые в известном смысле были преданы ему вдвойне?»

«Сперва Сталин не доверял, и нередко вполне основательно, покаяниям, опасаясь применения политики троянского коня, — говорил Лев Давидович. — С течением времени, путем контроля, отбора, обысков, перлюстрации переписки и т. д. это опасение отпало. В партии были восстановлены, правда, на второстепенных

советских постах те, кто искренне покаялись. Но когда наступила пора московских театральных процессов, все эти бывшие члены оппозиции, хорошо знакомые с условиями оппозиции, хорошо знавшие вождей оппозиции и действительное содержание их работы, становились величайшей опасностью для адского замысла истребления старшего поколения революционеров. В населении оказались рассеяны многие тысячи, десятки тысяч свидетелей оппозиционной деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и других.

Они могли шепнуть ближайшим друзьям, что обвинение есть подлог (…)».

Опасных свидетелей надо было устранить.

К моменту убийства Кирова уже была подготовлена законодательная база, которая позволила развернуть массовые репрессии. Весь комплекс уголовных наказаний был готов. И считается, что убийство Кирова стало поводом. Однако обратимся к статистике (справка начальника 1-го спецотдела МВД СССР от 11 декабря 1953 г.): если в 1929 г. за контрреволюционные преступления было арестовано 132 799 человек, тов 1930 г.- 266 679; в 1931 г.- 343 734; в 1932 г.- 195 540; в 1933 г.- 283 029; в 1934 г. — всего 90 417; в 1935 г.- 108 935; в 1936 г. — всего 91 127; в 1937 г. — 779 056 и в 1938 г. — 593 326 человек.

Следовательно, убийство Кирова не могло стать главным двигателем или предлогом репрессий. Статистика однозначно опровергает такое мнение: в 1930 г. арестовано более 266 тысяч, а в 1935 г. всего более 108 тысяч! То есть число арестов после убийства Кирова более чем в два раза меньше, чем в 1930 г.

При этом пик репрессий приходится именно на 1937 г. — более 779 тысяч и в 1938 г. — более 593 тысяч.

В 1939 г. начинается резкий спад большого террора: всего осуждено за контрреволюционные преступления — 63 889 человек.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., подписанном Сталиным и Молотовым, отмечалась «большая работа, проделанная органами НКВД по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, а также от шпионов, переброшенных в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и проч.».

Но далее работа НКВД подвергается критике: «работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу,

предпочли действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой систематической, агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы предоставления им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов».

Таким образом, репрессии, начавшиеся сразу же после революции 1917 г. в борьбе за власть большевиков, продолжились в борьбе за единоличную власть Сталина.

В тридцатые годы вождь истребил всех бывших и возможных противников с целью искоренения недовольства, сближения недовольных и предотвращения критики и рассуждений, назвав горстку людей, пьющих чай за одним столом, — оппозицией, а другую, сидящую за столом за рюмкой коньяка, — заговорщиками.

Репрессии изначально были рассчитаны на бывших членов партии, старых большевиков, непокорных кулаков, «бывших людей» и т. д., которых периодически сажали. Но со временем, в тридцатые годы, после громких процессов, проходивших в Москве, была создана такая система подозрительности, а Наркомат внутренних дел получил такие права, что репрессии превратились в массовые (за ерунду давали срок и страдали рядовые граждане) и уже начали выходить из-под контроля и рамок некой невидимой программы. Но в любом случае для Сталина их цель была достигнута. Во-первых, ГУЛАГ периодически получал огромный людской потенциал или, проще сказать, бесплатную рабочую силу.

Во-вторых, политикой тотального страха система заткнула рты недовольным и болтунам, объяснила вредительство и все остальные промахи власти.

В-третьих, Сталину удалось не просто уничтожить своих реальных и потенциальных противников, но и предварительно вывалять их в грязи аморальности, измены и предательства. Вождь сумел заставить поверить мир в грандиозный абсурд, а расстрелянных партийцев покаяться в никогда не совершенных ими преступлениях.

Все это нужно было той системе, над которой стоял вождь всех времен и народов. Думаю, что без репрессий и чисток Сталин не видел Советский Союз державой.

Без страха нельзя было построить мощное государство и армию, при этом сделав партию и народ послушными и преданными только ему.

7

По свидетельству чекиста А. Ведерникова, Абакумов даже пальцем подследственных не трогал: «Бывало, допрашиваешь какого-нибудь вредителя, а он врет, изворачивается, сочиняет всякие небылицы. Вот слушаешь, потом не вытерпишь и закатишь ему оплеуху, чтобы сказки не рассказывал. Бывало в моей практике и такое, чего греха таить, бывало. Молодой был, горячий. А вот Абакумов, тот нет, пальцем подследственного не тронет, даже голоса на допросах не повышал. Помню, один деятель из троцкистов так прямо измывался над ним. Развалится на стуле, как у тещи на блинах, и дерзит, угрожает даже. Мы говорим, что ты, Виктор Семенович, терпишь, дай разок этому хаму, чтобы гонор поубавил. Он на нас глянул так, словно на врагов народа. Может, и не орудовал кулаками Абакумов, но его отдел в репрессиях принимал самое активное участие!»

* * *

В марте 1931 г. после слияния секретных и информационных аппаратов как в ОГПУ центра, так и в местных органах в целях усиления агентурно-оперативой работы по активизирующим контрреволюционным элементам города и деревни, а также улучшения постановки дела политинформации путем использования данных не только Инфсети города и деревни, но и данных, получаемых в результате оперативной деятельности, были организованы секретно-политические отделы ОГПУ в составе 4-х отделений. Первое отделение называлось «рабочим». Оно освещало политнастроения рабочей массы, выявляло, прорабатывало и учитывало антисоветский элемент на производстве.

Освещало и вело агентурно-оперативную работу в учреждениях, обслуживающих рабочую массу. Обеспечивало агентурно-оперативное обслуживание всех учебных заведений, имеющихся на производстве.

Обеспечивало раскрытие и ликвидацию террористических групп среди молодежи на промпредприятиях, вело разработку антисоветских и политпартий, антипартийных организаций и группировок.

Второе отделение называлось «крестьянским» и занималось кулаками, сельской интеллигенцией и молодежью.

Третье отделение решало задачи по информационно-агентурному обслуживанию городской контрреволюции.

Преимущественно религиозно-монархического толка.

Это прежде всего «бывшие» чиновники, фабриканты, торговцы и кустари. Занимались там и агентурно-оперативной работой среди верующих, в том числе и сектами нового образования. В задачи отделения входила разработка и оперативные мероприятия по бывшим провокаторам, жандармам и полиции, а также общее освещение и оперативное обслуживание центрального советского аппарата, не являющегося объектом работы других отделений.

Одной из не менее важных задач считалось обслуживание органов милиции. Четвертое отделение обрабатывало информационно-агентурные материалы, составляло и выпускало информационные сводки и доклады, прорабатывало отчеты о низовом секретном аппарате, вело общий учет осведомительной сети и резидентуре. В задачи отделения входили мобилизационная работа всего отдела и агентурно-оперативное обслуживание Наркомата просвещения со всеми его органами.

* * *

Оперативную работу в ОГПУ и НКВД перестраивали неоднократно. Но после убийства Кирова в марте 1935 г. эта перестройка стала, по сути, ключевой. В **циркуляре № 55 597** указывалось:

«Недобитые остатки классового врага законспирировались, ушли в глубокое подполье и делают попытки вести против пролетарской диктатуры борьбу в самых острых формах и там, где наши органы теряют чувство партийной и чекистской бдительности, подрывная работа врага наносит нам тяжелые поражения».

А вот еще:

«Необходимость улучшения работы Управления государственной безопасности и окончательного завершения организации НКВД сверху донизу, как единого действенного аппарата по охране государственной безопасности и революционного порядка, — требуют:

1. Всемерного укрепления Главного управления государственной безопасности и его местных аппаратов, как основного ведущего Управления НКВД.

Все остальные управления и отделы НКВД и УНКВД, и в первую очередь милиция, должны строить свою непосредственную работу, подчинив ее задачам обеспечения государственной безопасности и революционного порядка.

2. Создания действительного единого, монолитного и гибкого аппарата (начиная от районного отделения) НКВД и УНКВД».

С этой целью тогда же подняли квалификацию и сжали аппарат УГБ путем упразднения всех должностей уполномоченных, пом. уполномоченных и практикантов во всех аппаратах УГБ, небольшого увеличения количества должностей оперуполномоченных и помощников нач. отделений, выдвижения на должности помощников нач. отделений наиболее квалифицированной части оперуполномоченных и выдвижения на должности оперуполномоченных наиболее подготовленных уполномоченных; при этом помощники оперативных уполномоченных самостоятельной оперативной работы (руководство и прием агентуры и самостоятельное ведение следствия) вести не имели права.

В циркуляре особо подчеркивалось: «При этом нужно твердо учесть, что оперуполномоченный должен являться основной оперативной единицей».

* * *

К большому террору готовились долго. При этом совершенствовалась прежде всего оперативная работа. Так, в приказе НКВД СССР № 00 321 «О порядке обслуживания начальствующего, оперативного состава ГУГБ в условиях оперативной работы» (25.09.1936 г.) говорилось:

«Обследованием следственных комнат в Бутырской тюрьме установлено, что эти комнаты для ведения следствия не приспособлены: темные, грязные, отсутствуют элементарные удобства (чистые умывальники, чистые полотенца, мыло). Нет письменных принадлежностей, настольных ламп и т. д.

Начальствующий оперативный состав, проводящий следствие, лишен возможности получения горячей или холодной пищи и даже стакана чая.

В целом ряде случаев работники, ведущие следствие, благодаря отсутствию надлежащего порядка службы связи, при наличии достаточного количества легковых машин, вынуждены со следственными делами и другими оперативными документами до Бутырской тюрьмы и обратно добираться пешком или трамваем.

В самом здании НКВД, благодаря неумелому внутреннему распорядку, начальники отделений и их помощники, несмотря на перегруженность, вынуждены нерационально тратить рабочее время — беготня в буфет, затрата большого времени на получение стакана чая, бутерброда и т. д., причем и здесь грязная посуда, безвкусные грубо приготовленные бутерброды, зачастую невысокого качества.

В комнатах оперативных работников ГУГБ, в особенности вечером, зачастую можно видеть грязные столы, грязные чернильницы и пепельницы, окурки на полу и на окнах, клочки бумаги, разбросанные на столе и т. п.».

Что уж тут говорить про внутренний порядок в НКВД, если при Ежове в органах госбезопасности высшее образование имел один процент сотрудников, а более семи — десяти процентов — только низшее.

Среди руководящих работников НКВД число лиц, имевших начальное, среднее и незаконченное среднее образование на сентябрь 1938 г. составляло 82 процента. Число же руководителей, имевших высшее и незаконченное высшее образование, только десять процентов.

Сами понимаете, не до культуры им было.

* * *

Незадолго до прихода Абакумова в секретно-политический отдел Н.И. Ежов выступил перед мобилизованными на работу в НКВД молодыми коммунистами и комсомольцами:

— Без агентурной работы разведки и разведчиков не существует, — говорил Николай Иванович, — Главное в нашей работе — это агентурная работа. И вот тут разрешите, товарищи, остановиться на некоторых видах нашей агентуры. Прежде всего, вы знаете, что у нас агентура в самом широком смысле слова делится на две категории, даже на три, если можно так сказать. Давайте делить на две категории, это будет понятнее.

Первая категория. Это агентура в собственном смысле слова, когда мы имеем дело с агентом, квалифицированным человеком, специально обработанным и т. д. Это представляет относительно тонкую прослойку нашу и по существу дела не может быть очень большой. Более широкая сеть — это сеть осведомителей, которая в известном смысле может быть названа агентурной, но не представляет собой категорию агентуры в том смысле, как мы привыкли ее понимать (…) если, например, капиталистическая разведка, в частности, царская, в осведомлении базировалась главным образом на дворниках и в большинстве на старших дворниках, которые выявляли, что жильцы делают, как они живут, конечно, они о такой массовой разведке не могли даже мечтать. У нас же каждый соглашался быть осведомителем.

В свое время эта осведомительная сеть сыграла огромнейшую роль. Больше того, если подытожить всю оперативную чекистскую работу, поставить какой-то итог, то можно с уверенностью сказать, что определенные сложные дела давались от осведомителей.

Особенно дела, связанные с закордоном, они шли через агентуру, но были случаи, когда очень большие дела шли не от агентуры, а от осведомления.

Например, шахтинское дело, которое было по преимуществу вскрыто осведомлением, а не агентурой, т. е. массовой сетью рабочих шахтеров, которые работали в шахтах и каждый на своем участке давал материал (…).

Кроме того, товарищи считают, например, в чекистской среде, что общая информация, которая базируется на массовой осведомительной сети, если ее, так сказать, соответствующим образом умело обобщить, дает основной канал к выявлению контрреволюции, что на этом материале можно строить агентурную работу. Есть такие товарищи, которые считают, что без агентуры прожить можно припеваючи, а вот осведомление это

главное, это наши глаза и уши и перечисляют все части тела. Все это осведомление. Это получается потому, что агент — сложное дело.

Его нужно завербовать, им нужно руководить, а осведомительной сети сколько угодно можно иметь и очень легко (…).

Второе. Если Вы решаете, что Вам агент для этого нужен, Вы должны предварительно изучить среду, в которой люди вращаются, и выбрать себе из этой среды лучших людей, которые в той или иной среде могут представлять наибольший интерес. Например, вам надо иметь агентуру в колонии иностранных специалистов: вы должны облюбовать человека, у которого есть больше возможностей для работы, наметить наибольшее количество людей, если не могли человека к вербовке подготовить, подготовьте его к вербовке. Подготовка может быть самая разнообразная, все зависит от того, из какой среды человека вы вербуете. В вашей работе часто вам будут встречаться необходимости вербовать людей, которые явно враждебно настроены, — например, в той же среде иностранных специалистов, иностранных рабочих, сектантов, словом, любой группы людей, которая является враждебно настроенной средой для советского строя…

Кстати сказать, товарищи, о платности нашего агента. Мы свою работу строили на бесплатную работу, иногда пытались еще с агентуры что-нибудь получить (смех). Мы должны платить агенту и платить, обязательно по его стоимости. Вербовка агентуры должна быть самая разнообразная, например, запутать его в каких-нибудь вещах, можно и уголовное дело создать, имеется масса возможностей для этого. Вы должны создать такие условия и среду, при которых он сам к вам в лапы полезет, чтобы вы его привязывали не ниточкой, а настоящим стальным канатом, и чтобы с него взять именно все.

Коснувшись следственной работы, Ежов подчеркнул:

— Со следственной работой у нас получилась казусная вещь. У нас, вопреки всем планам разведки, ее природы, *являлась наследственная работа.* Если взять соотношение этой агентурной работы во всем, возьмем и следственную работу, то следственная работа у нас занимает, по крайней мере, 80 **%.** Такое соотношение совсем неправильно, оно поворачивает все дело наоборот (…). Следствие у нас должно занимать минимальную часть нашей работы — 20 **%.** При хорошей агентуре не больше. Враг не успеет накопить силы, и следствие мы по-другому поведем. Тогда оно будет обладать такой суммой материала, что допрашиваемому некуда будет деваться. Если вы сейчас тратите

на следствие 15 дней, тогда он будет моментально давать все показания и признаваться в виновности, поэтому следственная работа не будет занимать столько времени, как сейчас.

Именно Ежов подготовил письмо в ЦК ВКП(б) об утверждении проекта постановления об организации следственного отдела Главного управления государственной безопасности. Получилось так, что оперативные отделы ГУГБ одновременно занимались и агентурной, и следственной работой. По мнению Ежова, все это отрицательно сказывалось прежде всего на агентурной работе. Потому что как только возникало серьезное следственное дело, все лучшие оперативные работники вынужденно на время прекращали свою агентурную работу и занимались исключительно следствием.

Кровавый карлик с подачи своих подчиненных считал, что «агентурная работа требует кропотливой, вдумчивой, индивидуальной работы с каждым секретным агентом и осведомителем в отдельности, его тщательного инструктажа, его политического воспитания, внимательной разработки всех агентурных донесений, не пренебрегая данными, кажущимися на первый взгляд мелочными, но которые, как это подтвердил опыт, играют во многих случаях существенную роль при вскрытии крупнейших контрреволюционных организаций». Подводя итог вышеизложенному, Ежов делал следующий вывод: «Из сказанного вытекает необходимость немедленно произвести в работе ГУГБ такое разделение труда, при котором за оперативными отделами была бы оставлена только агентурно-оперативная и розыскная работа; для производства же следствия выделить специальный следственный отдел, в котором сосредоточить следствие по всем делам, возникающим в ГУГБ».

* * *

А теперь некоторые факты.

В марте — апреле 1935 г. в Москве особым совещанием при НКВД СССР было рассмотрено дело так называемой «Московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции»». По этому делу были привлечены 18 человек. Судя по официальной формуле обвинительного заключения, подготовленного в 1935 г. НКВД, эта группа не имела ничего общего с «рабочей оппозицией», кроме того, что некоторые из ее участников в свое время действительно поддерживали известную группе платформу «рабочей оппозиции», прекратившей существование еще в 1922 г. В сфальсифицированных обвинениях

в 1935 г. ив 1937 г. в НКВД попытались искусственно связать участников так называемой «Московской контрреволюционной организации — группы «рабочей оппозиции»» с якобы продолжавшейся в 30-е гг. деятельностью бывшей оппозиционной группы внутри РКП(б). 26 марта и 14 апреля 1935 г. особым совещанием при НКВД СССР 12 человек по этому делу были лишены свободы на 5 лет ссылки. Через два года, в 1937 г., приговоры многим участникам так называемой «рабочей оппозиции» были пересмотрены и ужесточены. Например, по делу 1936–1937 гг. А.Г. Шляпников признан виновным в том, что, являясь руководителем контрреволюционной организации «рабочая оппозиция», осенью 1927 г. дал директиву харьковскому центру этой организации о необходимости перейти к индивидуальному террору как методу борьбы против ВКП(б) и Советского правительства; в 1935–1936 гг. давал директивы о подготовке террористического акта против И.В. Сталина и вел переговоры с Г.Е. Зиновьевым о совместной террористической деятельности. Виновным себя А.Г. Шляпников не признал, обвинение его основывалось на противоречивых показаниях ряда арестованных по другим делам и свидетеля (тайного агента осведомителя НКВД) Н А. Сергиевского. По вновь сфабрикованным обвинениям в подготовке террористических актов многие из них были осуждены Военной коллегией Верховного Суда СССР и приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Сам Сергиевский в декабре 1956 г. и январе 1957 г. показал, как фабриковались обвинения: «Содержание моего заявления от 31 января 1934 г. не соответствует действительности. Еще раз должен указать, что какие-либо факты контрреволюционной деятельности Шляпникова, а также упоминаемых в заявлении: Бруно, Правдина, Челышева, Прокопенко и других лиц — мне известны в тот период времени не были. Встречи этих лиц на квартире Шляпникова носили семейный характер. Разговоры, которые велись при этих встречах, иногда, правда, касались и политических вопросов, но я не помню таких фактов, чтобы эти политические вопросы обсуждались с антисоветских позиций».

По делу так называемого «Московского центра» в декабре 1934 г. были арестованы, а 16 января 1935 г. осуждены к тюремному заключению на различные сроки от пяти до десяти лет 19 человек. Аресты осужденных по делу лиц производились по принципу принадлежности их в прошлом к «зиновьевской» оппозиции, с тем чтобы возложить на них обвинение в подпольной контрреволюционной деятельности и в организации убийства С.М. Кирова. Арест Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и

других осужденных явился началом осуществления замысла использовать убийство С.М. Кирова для политической дискредитации и физического уничтожения бывших оппозиционеров, обвинив их в организации, подготовке и осуществлении этого преступления.

Бывший работник НКВД А.И. Кацафа, конвоировавший на суде Л.Б. Каменева, на допросе в 1956 г. показал, что в его присутствии, непосредственно перед открытием судебного заседания, помощник начальника секретно-политического отдела НКВД СССР А.Ф. Рутковский, проводивший следствие по делу, обратился к Л.Б. Каменеву со следующими словами: «Лев Борисович, Вы мне верьте, Вам будет сохранена жизнь, если Вы на суде подтвердите свои показания». На это Л.Б. Каменев ответил, что он ни в чем не виноват. А.Ф. Рутковский же ему заявил: «Учтите, Вас будет слушать весь мир. Это нужно для мира». В пятидесятые годы проверкой было установлено, что в период 1928–1932 гг. осужденные поддерживали личные связи, во время встреч вели разговоры и по политическим вопросам, при этом они высказывали критические суждения о переживаемых страной трудностях и относительно проводимых партией и правительством мероприятий, а также проявляли неприязненное отношение к некоторым руководителям партии и правительства, особенно к Сталину. И этого оказалось достаточно, чтобы их расстрелять.

Дело «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» рассматривалось Военной коллегией Верховного Суда СССР 19–24 августа 1936 г. Суду были преданы 16 человек. Методы следователей тех лет очень ярко видны из заявления Л.А. Шацкина (22.10.36) на имя Сталина:

«Вот как допрашивали меня. Мой следователь Гендин составил текст моего признания в терроре на четырех страницах (…). В случае отказа подписать это признание мне угрожали: расстрелом без суда или после пятнадцатиминутной формальной процедуры заседания Военной коллегии в кабинете следователя, во время которой я должен буду ограничиваться только односложными ответами «да» и «нет», организованным избиением в уголовной камере Бутырской тюрьмы, применением пыток, ссылкой матери и сестры в Колымский край. Два раза мне не давали спать по ночам: «пока не подпишешь». Причем во время одного сплошного двенадцатичасового допроса ночью следователь командовал: «Встать, очки снять!» и, размахивая кулаками перед моим лицом: «Встать! Ручку взять! Подписать!» и т. д. (…) Важнее, однако, допросов: следователь требует подписания признания «именем партии и в интересах партии»».

В период реабилитации было установлено, что к осени 1936 г. фальсификация протоколов допросов стала более откровенной. Была введена система составления парадных протоколов — после ряда допросов в отсутствие арестованного составлялся протокол, печатался на машинке, и в таком виде его давали на подпись арестованному.

В январе 1937 г. в Москве Военная коллегия Верховного Суда СССР в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра». По этому делу были арестованы и преданы суду 17 человек. Большинство из обвиняемых в 20-х гг. являлись сторонниками Л.Д. Троцкого и участвовали в оппозиционной борьбе. В 1938 г. бывший заместитель наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский показал, что лица, проводившие следствие по этому делу, начинали допросы, как правило, с применением физических мер воздействия, которые продолжались до тех пор, пока подследственные не давали согласия на дачу навязывавшихся им показаний. До признания арестованными своей вины протоколы допросов и очных ставок часто не составлялись. Практиковалось оформление одним протоколом многих допросов, а также составление протоколов в отсутствие допрашиваемых. Заранее составленные следователями протоколы допросов обвиняемых «обрабатывались» работниками НКВД, после чего перепечатывались и давались арестованным на подпись. Объяснения обвиняемых не проверялись, серьезные противоречия в показаниях обвиняемых и свидетелей не устранялись.

На одном из допросов в Верхне-Уральской тюрьме 10 июня 1938 г. осужденный по данному делу на десять лет тюремного заключения В.В. Арнольд заявил: «После моего ареста в Анжерке 6.IX.1936 г. во время следствия в Новосибирске следователем мне было заявлено: «Нам известно, что вы из себя представляете, и мы располагаем достаточным материалом, чтобы обвинить вас в шпионаже, но сейчас мы тебя обвиняем как участника террористической организации и др. показаний не требуем, выбирай, кем хочешь быть: или шпионом, или террористом?» На поставленный передо мной вопрос я ответил, что являюсь участником террористической организации и обязуюсь дать показания».

Профессор Н. Маслов в конце перестройки, оценивая процессы, подчеркивал: «Все эти процессы связаны между собой и характером, и содержанием предъявлявшихся обвинений, и методами «доказательства» вины обвиняемых. И ссылками на якобы ранее «установленные» факты и, наконец, той

«теоретической юридической основой, на которой строилось обвинение»».

Надолго из обращения была изъята «презумпция невиновности», а в печати еще до начала судебных процессов не только утверждали виновность обвиняемых, но и определяли содержание будущего приговора. Генерал Судоплатов в своих мемуарах, на мой взгляд, представляющих огромный интерес для нас, написал: «Сознательно или бессознательно, но мы позволили втянуть себя в работу колоссального механизма репрессий, и каждый из нас обязан покаяться за страдания невинных. Масштабы этих репрессий ужасают меня. Давая сегодня историческую оценку тому времени, времени массовых репрессий — а они затронули армию, крестьянство и служащих, — я думаю, их можно уподобить расправам, проводившимся в царствование Ивана Грозного и Петра Первого».

8

22 августа 1938 г. Берию утвердили первым заместителем наркома внутренних дел СССР, а уже 25 ноября 1938 г. его назначили наркомом. Однако сообщение в газетах о смене руководителя карательного ведомства было опубликовано только 8 декабря 1938 г. Не думаю, что забыли, просто так решил Сталин.

* * *

Вначале ноября 1938 г., в двадцать первую годовщину октябрьской революции, в клубе работников госбезопасности перед самым началом торжественного собрания поднялся страшный шум. Оказывается, лейтенант госбезопасности Абакумов очень громко и неподдельно возмущался, что портрет Лаврентия Павловича висит слишком далеко от центра сцены. Произошло это именно в тот момент, когда в зал входил среднего роста, полный, с опущенными плечами и короткой шеей плешивый человек в пенсне.

— Что случилось? — поинтересовался Берия. Тогда причину переполоха объяснил Кобулов, а затем на вопрос: «Кто такой?» дал подчиненному лестную характеристику.

* * *

Три месяца Берия принимал дела на Лубянке, а сразу же после утверждения в должности Наркома провел массовую чистку. В 1939 г. из органов госбезопасности были уволены 7339 человек, то есть каждый пятый оперативный работник. В этом же г. на оперативные должности было взято 14,5 тыс. человек, абсолютное большинство — из партийных и комсомольских органов, Лаврентий Павлович сменил три четверти руководящих работников госбезопасности. Из органов исчезли поляки, латыши, немцы и резко сократилась численность евреев.

10 января 1939 г. Сталин подписал шифротелеграмму, адресованную секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий нацреспублик, где указывалось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК. ЦКВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». А ведь еще летом 1932 г. в письме всем чекистам, которое подписал заместитель председателя ОГПУ И. Акулов, рассматривался вопрос о недопустимости применения мер физического воздействия:

> «Издевательства над заключенными, избиение и применение других физических методов воздействия присущи только нашим классовым врагам, малейшее допущение таких приемов у нас позорят органы ОГПУ».

С собой на Лубянку Берия притащил своих друзей и товарищей. 17 декабря 1938 г. первым заместителем НКВД СССР и начальником ГУГБ НКВД СССР стал комиссар ГБ 3-го ранга В.Н. Меркулов.

Всеволод Николаевич Меркулов работал с Берией с 1922 г. По мнению А. Сухомлинова, он «выгодно отличался от всей этой компании своей образованностью и интеллектом». Увлекался спортом, хорошо рисовал и писал пьесы. Как пишет Леонид Млечин: «ему не хватало решительности и безжалостности Берии, да и его организаторских талантов тоже».

Меркулов был вежлив, разговаривал спокойно, без крика.

2 декабря 1938 г. начальником 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР и 17 декабря 1938 г. заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР, да еще начальником 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР был назначен комиссар ГБ 3-го ранга В.Г. Деканозов. Владимир Георгиевич Деканозов — ровесник Берии. Вместе они начинали службу в Азербайджанской ЧК.

В органах он работал не постоянно, а с большими

перерывами. А. Сухомлинов пишет: «В конце 30-х годов он был даже заместителем председателя Совета Министров Грузии и председателем Госплана».

По воспоминаниям очевидцев, Деканозов был высоко эрудирован, начитан, в общении вежлив и культурен.

Начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР старший майор ГБ Б.З. Кобулов 17 декабря 1938 г. стал заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР и с 22 декабря 1938 г. начальником следственной части НКВД СССР.

Богдан Захарович Кобулов работал с Берией в ГПУ Грузии с 1925 г. Он был самым близким к Лаврентию Павловичу человеком. Богдан Захарович ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами. При этом огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене.

Бывший заведующий отделом печати НКИД Евгений Гнедин вспоминал, как его после ареста привели к Кобулову (май 1939 г.): «Передо мной за солидным письменным столом восседал тучный брюнет в мундире комиссара первого ранга— крупная голова, полное лицо человека, любящего поесть и выпить, глаза навыкате, большие волосатые руки.

Кобулов заканчивал разговор по телефону. Заключительная реплика звучала примерно так:

— Уже сидит и пишет, да-да, пишет, а то как же!

Кобулов весело и самодовольно хохотал, речь шла, очевидно, о недавно арестованном человеке, дававшем показания.

Обернувшись ко мне, Кобулов придал лицу угрожающее выражение. Не отводя глаз, он стал набивать трубку табаком из высокой фирменной коробки «Принц Альберт». Я сам курил трубку и очень ценил этот превосходный американский табак, который в Москве нельзя было достать. Грозным тоном Кобулов заявил мне, что я разоблачен и вскоре буду расстрелян. Он потребовал, чтобы я рассказал ему о моих «связях с врагами народа»».

Серго Берия в своей книге написал о Кобулове так:

«У него была большая голова и жирное лицо, выдававшее в нем человека, любившего хорошо поесть, глаза навыкате, большие волосатые руки и короткие кривые ноги». По мнению сына Берии, «Кобулов был жирным отвратительным типом, питавшим слабость к роскоши, особенно к произведениям искусства».

Летом 1953 г. В.Н. Меркулов написал докладную записку Н.С. Хрущеву о своей работе в качестве первого заместителя Берии. Она заслуживает нашего внимания: «Берия, вероятно, был

недоволен своим назначением в конце августа 1938 г. к Ежову заместителем наркома внутренних дел СССР. Берия рассчитывал на перевод в Москву на работу, но, видимо, не думал, что ему придется работать в НКВД да еще заместителем Ежова. Прямо об этом он не говорил, но это чувствовалось из его отдельных замечаний. Он предложил мне ехать с ним, и я согласился. Вскоре Берия выписал из Тбилиси ряд работников: Кобулова, Мамулова, Деканозова, Шария, Капанидзе, Эсилава, Гагуа и др. Приехало из Грузии так много работников, что позже Берия пришлось часть из них откомандировать обратно, т. к., кажется, т. Сталин обратил на это внимание.

В Тбилиси у Берия была практика каждый воскресный день созывать у себя на даче руководящих работников Закрайкома и ЦККП(б) Грузии, в том числе бывал, конечно, и я. В Москве он перестал меня звать к себе домой, и за 15 лет моего пребывания в Москве я у него дома по службе был не более 2–3 раз и то в первые месяцы пребывания в Москве.

Здесь он приблизил к себе Кобулова и именно с ним часто по окончании ночной работы уезжал домой или на дачу. Кобулова я в Тбилиси почти не знал и познакомился с ним ближе здесь, в Москве. С его слов я знаю, что в Тбилиси Берия, оказывается, крепко его поддерживал в оперативной работе и давал ему различные задания в период своей работы в Закрайкоме.

Хотя в конце 1938 г., когда Берия стал наркомом Внудел СССР вместо Ежова и, несмотря на мои просьбы не делать этого, выдвинул меня своим первым заместителем, он в оперативной работе все же опирался главным образом на Кобулова. Сейчас мне совершенно ясно, что Берия выдвинул меня на эту должность главным образом потому, что я был единственным русским из его окружения. Он понимал, что назначить первым заместителем Кобулова или Деканозова он не может. Такие кандидатуры не будут приняты. Оставалась одна моя кандидатура».

«Кобулыч», как называл его Берия, своим помощником в следственную часть взял старшего лейтенанта ГБ Льва Емельяновича Владзимирского. Несколько слов о нем. Родился в 1905 г. в Барнауле, русский. Официально его год рождения значился как 1903-й. Просто в молодости он приписал себе два года.

Член ВЛКСМ с 1923 г., в партии с 1931 г. Образование: три класса начального городского училища в Москве (1917 г.), вечерние общеобразовательные курсы при ПУР Черноморского флота (1924 г.), вечерняя совпартшкола 2-й ступени (1930 г.). Участник Гражданской войны. С 1920 г. рулевой-боцман Севастопольского военного порта. С 1925 г. секретарь

Кисловодского РНК, в 1927 г. — безработный, затем уполномоченный Уголовного розыска Терского округа АО. С 1928 г. — сотрудник Терского окружного отдела ГПУ, с 1934 г. уполномоченный СПО УГБ УНКВД Северо-Кавказского края, с 1937 г. врид начальника отделения 4-го отдела УГБ УНКВД Орджоникидзевского края, заместитель начальника отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР май 1937 — сентябрь 1938 г., зам. начальника отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР сент. 1938 г. — декабрь 1938 г.; и теперь пом. нач. следственной части. 1 января 1939 г. Б.З. Кобулов вторым помощником к себе в следственную часть возьмет старого знакомого Абакумова — лейтенанта ГБ Павла Яковлевича Мешика. Из массы сотрудников «Кобулыч» отбирал людей лично. В первую очередь выделялись преданные и исполнительные или, точнее, способные быть преданными и исполнительными. Только потом он смотрел на их профессиональные качества и двигал, как шахматные фигурки на поле.

Для него это было не сложно. Все назначения своих людей утверждал Берия лично. Осечек не должно было быть. Богдан Захарович старался.

* * *

Почистив Центральный аппарат НКВД, Л.П. Берия начинает чистку руководства областных управлений. В первых числах декабря 1938 г. в областные и республиканские центры выехали группы по пять — семь офицеров госбезопасности.

Евгений Жирнов пишет:

«Об их приезде в месте назначения предупреждался шифровкой только первый секретарь обкома. Схема действий этих бригад была единственной во всех городах. Прямо с вокзала они приезжали к первому секретарю, объявляли, что располагают неопровержимыми доказательствами того, что начальник местного УНКВД — враг народа, и предлагали немедленно пригласить его в обком. Затем они арестовывали ничего не подозревавшего коллегу и отправлялись в управление, где секретарь обкома представлял их коллективу как новых руководителей госбезопасности области.

Замов начальника управления и начальников отделов арестовывали лишь после того, как они передавали дела своим преемникам. Как рассказывал мне один из ветеранов госбезопасности, начальник отдела, которого менял он, все понимал и две недели, передавая хозяйство, безостановочно

рыдал. Некоторые из «вычищаемых» стрелялись, не дожидаясь ареста. В Москве подобные инциденты считались проколом: требовалось, чтобы смена власти в НКВД производилась без лишнего шума».

В Ростов с комиссией выехал Кобулов. Берия отправил его туда не зря. По информации, которая шла от Сталина, при Ежове там занимались беспределом и натворили дел. Если полгорода не поубивали, то положили людей «от души».

Секретарем с собой «Кобулыч» взял Абакумова, своего любимца, свою надежду и теперь уже опору.

* * *

Вначале прошлого века город Ростов-на-Дону (1761 г.) занимал удобное местоположение на водном пути реки Дона и в узле трех железных дорог и считался одним из богатейших южнорусских городов, хозяйство которого по-прежнему ведалось городским общественным управлением. В теперь уже старинной и весьма красочной энциклопедии Брокгауза и Ефрона записано следующее: «Три предместья: Затемерницкое поселение, Новое поселение и Богатый источник. Городской земли около 4 тыс. десятин. Новое поселение (Нахаловка) населено ремесленниками, фабричными и чернорабочими, самовольно занявшими часть городской земли. Домов до 15 тыс.; жителей (не считая Нахичевани) 119 889 (57 593 женщины); большинство жителей пришлое, много иностранцев. Кроме того, во время навигации в Ростов-на-Дону стекается пришлого люда до 60 тыс. человек, преимущественно русских, евреев, армян и греков (…).

Много оптовых складов, снабжающих Кавказ и Донскую область разными товарами, преимущественно мануфактурными (…). Не менее значительна и фабрично-заводская промышленность города; две весьма значительные табачные фабрики, паровые мукомольные мельницы, заводы чугунолитейные и механические, спиртоочистительные и медо-пивоваренные, мыловаренные, лесопильные и канатные; корабельная верфь, писчебумажная фабрика, заводы колокольный и гвоздильный».

После революции и Гражданской войны Ростов изменился, но не сильно стал советским.

* * *

В Ростов приехали вечером, и если верить в буквальном смысле слухам, то ночью расстреляли начальника областного управления НКВД, а с утра стали смотреть дела заключенных. Тех, кого еще не успели расстрелять. Во время работы комиссии Абакумов умудрился разыскать в городе пожилую женщину, которая до революции держала здесь дом терпимости. И уже через нее организовал хорошеньких девочек своему шефу и всем остальным.

Стол накрывали напрямую из ресторана «Деловой двор», что располагался на улице Фридриха Энгельса.

Водку завозили ящиками, а шашлыки прямо на шампурах и горячие.

* * *

Уже 5 декабря 1938 г. В.С. Абакумова назначают временно исполняющим должность начальника Управления НКВД по Ростовской области, одновременно с присвоением звания — капитан государственной безопасности (минуя звание старшего лейтенанта ГБ). Кобулов был доволен своим выдвиженцем. По воспоминаниям полковника Федосеева: «Абакумов появился на Лубянке в новой форме с тремя прямоугольниками на петлицах и долго ходил туда-сюда по коридорам: наверное, хотел, чтобы как можно больше товарищей увидели его триумф».

Областное управление НКВД было структурой серьезной. Оно состояло из аппарата Управления госбезопасности (экономический отдел, секретно-политический отдел и т. д.), работой которого непосредственно руководил начальник управления НКВД.

Далее шла инспекция внутренней охраны, управление милиции, аппарат инспекции резервов, инспекция противопожарной охраны, старший инструктор, аппарат связи, финансовое отделение, секретариат.

Не думаю, что руководить управлением НКВД при Берии было легко. Только угождать и выполнять все указания из Москвы было не достаточно. Ведь ветер мог подуть и в другую сторону и, наконец, с другой стороны. Время было такое, не совсем определенное. Абакумову же везло. По воспоминаниям одного из ветеранов ГБ: «В то время от территориальных Управлений ничего особенного не требовалось — выполняй указания Москвы и вовремя отчитывайся. Приказывали пересматривать дела на арестованных и осужденных — мы пересматривали, многих отпускали. Приказывали очистить оборонные предприятия от

поляков, потенциальных вражеских агентов, — мы очищали».

Сын Берии — Серго в книге про отца написал: «В одну из таких групп включили тогда и Абакумова. Именно там он и выдвинулся. При его непосредственном участии было освобождено до 60 процентов заключенных, арестованных в Ростовской области. Потом пошла гулять версия, что Абакумов «освобождал заключенных огульно», зарабатывая на этом авторитет. Так это или нет, судить не могу, но доброе дело он сделал».

27 апреля 1939 г. Абакумова назначили начачьником Управления НКВД по Ростовской области. А в марте 1940 г. в его кабинете раздался звонок. Звонил Кобулов, комиссар Госбезопасности 3-го ранга и начальник Главного экономического управления НКВД СССР:

— Привет, Виктор.

— Здравствуйте, Богдан Захарович.

— Ты еще ничего не знаешь, так вот, разреши тебя поздравить с присвоением звания — старший майор. Сам понимаешь, через ступень не просто так присваивают. Но я надеюсь, что ты оправдаешь доверие партии и наркома. Кстати сказать, он очень тобой доволен. Молодец, Виктор.

— Спасибо, Богдан Захарович, — твердым голосом уже состоявшего начальника управления благодарил своего покровителя Абакумов. Теперь на петлицах он носил по два ромба, что приравнивалось к званию комдива, а с 1940 г. к званию генерал-майора в армии.

* * *

В 1939 г. за контрреволюционные преступления в СССР было осуждено 63 889 человек, в том числе по 58 (п. 10) статье — 24 720. А к высшей мере наказания было приговорено только 2552 человека. Для сравнения: в 1938 г. за контрреволюционные преступления было осуждено 593 326 (из них за антисоветскую агитацию 57 366). К высшей мере наказания приговорили 328 618. Следовательно, при Абакумове репрессивного вала не было. И в некоторых случаях даже приходилось соблюдать социалистическую законность. Автор книги «Нарком СМЕРШа» В.Н. Степаков сообщает:

«В период советско-финляндской войны 1939–1940 годов ростовские чекисты проявили сверхбдительность, ликвидировав на территории области финскую шпионскую организации. По этому делу было арестовано 16 человек, в большинстве финской

или карельской национальности и, как исключение из правил, некий Гореликов, цыган по национальности. Все арестованные обвинялись в шпионаже, подготовке диверсий и распространении враждебных слухов». Однако успех сотрудников Госбезопасности вызвал у начальника Управления Абакумова недоверие. Он лично взял на контроль пересмотр дел по так называемой шпионской организации, в ходе чего был выявлен целый ряд нарушений социалистической законности. Так, оперуполномоченный Чебрак, который вел дело по обвинению гражданина Пюхавайнена в подготовке диверсий на железнодорожном перегоне Ростов — Батайск, заставил на допросах последнего сознаться в том, что он «работает на белофинскую разведку с 1921 года», а диверсии на перегоне планировал устраивать посредством «развинчивания стыков рельсов, подкладывания на рельсы железнодорожных костылей и загромождения путей шпалами».

В результате пересмотра дел всех арестованных освободили. А сотрудников, виновных в нарушениях закона, отдали под суд. Не повезло только цыгану. За распространение «злостных слухов и клеветы, порочащих Красную Армию», он получил заслуженную по тем временам десятку. Все ж в ГУЛАГе от него было больше пользы, чем на улицах города Ростова.

26 апреля 1940 г. старшего майора ГБ В.С. Абакумова наградили орденом Красного Знамени № 4697. 14 декабря 1939 г. в автобиографии Виктор Семенович написал:

> «Работая в органах НКВД (УНКВД МО, ЭКУ НКВД, 3-й отдел ГУЛАГа, 2-й отдел ГУГБ) я все время был на низовой работе.
>
> В 1939 г. руководством НКВД СССР был выдвинут на руководящую чекистскую работу— нач. УНКВД Ростовской области. Работая начальником УНКВД Ростовской области, я был избран делегатом на XVIII съезд ВКП(б). Являюсь членом бюро и пленума Ростовского обкома ВКП(б) и членом пленума горкома ВКП(б).
>
> Жена — Смирнова Т.А., дочь сапожника. Дома учится».

К слову сказать, Татьяна Андреевна Смирнова так и осталась гражданской женой Виктора Семеновича. Тогда почему-то было модно жениться не регистрируясь. Так жили многие товарищи Абакумова, годами не оформляя своего брака.

Глава третья

Тринадцатый главный особист

Человек, как известно, животное общественное. Но не совсем. Есть у человека и личная жизнь. В античном греческом мире людей, которые не занимались политикой, то есть общественным, а только жили личной жизнью, называли «идиотами». Это отнюдь не было бранное слово. Таковым оно стало гораздо позже, то есть когда люди сильно поглупели.

В. В. Шульгин

1

25 февраля 1941 г. Абакумова назначили заместителем наркома внутренних дел СССР.

После разделения НКВД СССР 3 февраля 1941 г. на два наркомата— НКВД и НКГБ, приказом НКВД СССР № 00212 от 26 февраля 1941 г. была объявлена новая структура НКВД СССР. Наркомом внутренних дел оставался Л.П. Берия.

Первым заместителем Наркома назначили С.Н. Круглова, затем два «чистых» зама: В.С. Абакумов и В.В. Чернышев и еще два И.П. Маслеников (по войскам) и Б.П. Обручников (по кадрам).

В должности заместителя наркома внутренних дел Абакумов курировал Главное управление милиции (ГУМ), Главное управление пожарной охраны (ГУПО) и 3-й отдел НКВД (контрразведывательное обеспечение пограничных и внутренних войск НКВД, пожарной охраны и милиции).

* * *

Если вспомнить биографию Абакумова, а это сделать необходимо, то получается интереснейшая картина одной стремительной карьеры. Как мы помним, в ОГПУ он пришел в 1932 г. и до 1937 г. не только не смог выдвинуться, но чудом остался на работе в органах вообще. Его спасали звонки, исходившие от Подвойского, а значит, ему помогали удержаться

на плаву.

Итак, с 1932 по 1937 г., за пять лет, Виктор Семенович: штатный практикант экономического отдела, уполномоченный отдела экономического управления, уполномоченный и оперуполномоченный в центральном аппарате ГУЛАГа.

В апреле 1937 г. его с божьей помощью переводят в Главное управление госбезопасности в 4-й секретно-политический отдел. Отметим, в апреле, т. е. в месяц его рождения и в год большого террора. Практически через год, в марте 1938 г., впервые за шесть лет в органах его назначают помощником начальника отделения. В сентябре Абакумова замечает верный соратник Лаврентия Павловича — Кобулов и уже в ноябре 1938 г. ставит начальником отделения.

В декабре 1938 г. тот же Кобулов назначает Абакумова временно исполняющим должность начальника Ростовского управления. В апреле 1939 г. его утверждают в этой должности. И снова в месяц рождения. Ему тридцать один год. Следовательно, карьера Виктора Семеновича состоялась в течение двух лет с апреля 1937 г. по апрель 1939 г. в секретно-политическом отделе ГУГБ НКВД СССР именно в годы сталинских репрессий.

До этого Абакумов не был замечен своими начальниками в течение целых пяти лет. Удивительное совпадение, не правда ли? Следующий факт. Согласно положению о прохождении службы начсоставом ГУГБ НКВД СССР от окгября 1935 г. устанавливался порядок присвоения специальных званий и сроки пребывания в каждом звании: младший лейтенант ГБ — два года; лейтенант ГБ — три года, старший лейтенант ГБ — три года, капитан ГБ — четыре года и майор ГБ — пять лет.

А значит, чтобы дослужиться от младшего лейтенанта ГБ до старшего майора ГБ, при наличии соответствующих должностей, требовалось прослужить целых семнадцать лет.

Виктора Семеновича Абакумова атгестовали в декабре 1936 г. на звание младшего лейтенанта ГБ. К весне 1938 г. он — лейтенант ГБ (в мае награжден знаком «Почетный работник ВЧК ОГПУ»), а к концу 1938 г. — уже капитан ГБ, минуя звание старшего лейтенанта ГБ. Ив марте 1940 г. — старший майор ГБ, минуя звание майора ГБ. (Фактически в тридцать один год он стал генералом.) Следовательно, вместо семнадцати (максимального количества) лет, Виктор Семенович прошел это расстояние чуть более чем за три года. При этом только два звания сэкономили ему восемь лет, а остальной срок он проскочил менее чем в два раза быстрее. За два года от лейтенанта до старшего майора. К тому же орден Красного Знамени в апреле 1940 г. (снова ко дню рождения) подтверждал

его скоростные и необычайные успехи. Теперь ясно, что после встречи с Кобуловым и их совместной работы жизнь и судьба Абакумова изменились очень круто. И тут же возникает вполне закономерный вопрос: а почему? Чем он мог понравиться Богдану Захаровичу, что тот его не просто выдвигал, а продолжал выдвигать?

Думаю, что в то страшное время тотального террора сотруднику госбезопасности невозможно было выжить, будучи бесхитростным человеком, с естественным поведением. Там, где ничего не принималось на веру, там, где ложь и предательство, шантаж и подлог, насилие и преступление приобретали повседневный характер, трудно было выжить обыкновенному человеку, имея душу и совесть. А значит, Виктору Семеновичу, человеку с определенными талантами, пришлось пересмотреть свои взгляды на жизнь, и для этого у него было целых пять лет (1932–1937 гг.). К 1937 г. он оказался в своей стихии. Он сумел подстроиться, приспособиться и в итоге стать не самим собой. Его всегда считали, да он и был, активным и исполнительным сотрудником. А самое главное, Абакумов быстро ориентировался и имел огромное влечение к оперативной работе. Возможно, его порывистость и понравилась Богдану Захаровичу, не считая других человеческих и профессиональных качеств.

Со временем он научился обдумывать последствия агентурного хода работы и делать обоснованные выводы, научился опережать взмахи шашкой своих начальников и быть им угодным в самый нужный момент.

К тридцати годам Виктор Семенович обретал черты заметной, а самое главное, сильной личности. Теперь в нем стали замечать ровность, которая пришла на смену порывистости. Таким образом, не только аресты в чекистской среде расчистили Абакумову пути для стремительного служебного роста, но и его личные качества, стремления и помыслы привели его в русло той самой карьеры, о которой он еще недавно даже и не мог мечтать. При этом Виктор Семенович не интриговал, не писал кляузы, не подсиживал своих начальников. Он самостоятельно обеспечил свое попадание в струю, которая вынесла его на самую вершину власти государственной тайной полиции. Это было его поприще, где он побеждал, мастерски пользуясь приемами своей профессии для достижения поставленной цели. Он учился самостоятельно и у него получалось.

А. Зиновьев так сформулировал три принципа делания карьеры: «Карьеру не делают, карьера делается сама собой. Если она делается, ей не надо мешать. Всякая помощь делающейся карьере ведет к помехам. Если карьера не делается, надо

подождать, когда она начнется делаться. Если это не происходит, карьера бессмысленна».

Карьера Абакумова не делалась, и он подождал. А когда она началась, он ей не мешал. При этом, где-то в глубине души, и сам не знал: правильно ли поступил? Но был безумно счастлив.

* * *

Завершая тему большого террора, еще раз коснемся некоторых цифр.

В своей книге «Генералиссимус» писатель В. Карпов приводит интересный документ. Привожу его полностью, чтобы можно было объективно оценить его суть.

«Сов. Секретно.
Товарищу Сталину

Справка

В период с 1919 по 1930 гг. органами ВЧК — ОГПУ было расстреляно около 2,5 млн врагов народа, контрреволюционеров, саботажников и пр.

В период с 1930 по 1940 гг. органами ОГПУ — НКВД СССР привлечено к уголовной ответственности и осуждено врагов народа по приговорам судов по ст. 58 УК РСФСР 1 300 949 чел. Из них расстреляно по приговорам судов 892 985 чел. Продолжают отбывать наказание 407 964 чел. В том числе:

Контрреволюционеры, бывшие ленинские партийные лидеры, вставшие на путь контрреволюции: осуждено 937 110 чел. Расстреляно 686 271 чел.

Продолжают отбывать наказание 250 839 чел.; члены Коминтерна, вставшие на путь контрреволюции и вредительства: осуждено 180 300 чел. Расстреляно 95 854 чел. Продолжают отбывать наказание 8444 чел.

По делу врачей-вредителей осуждено 3959 чел. Расстреляно 1780 чел. Продолжают отбывать наказание 2066 чел;

по делу писателей-«гуманистов» осуждено 39 870 чел. Расстреляно 33 000 чел. Продолжают отбывать наказание 6870 чел. Из числа военнослужащих и вольнонаемных РККА осуждено за измену Родине шпионов и врагов народа 76 637 чел. Расстреляно 35 000 чел. Продолжают отбывать наказание 37 568 чел.

Из числа сотрудников НКВД разоблаченных, выявленных врагов народа осуждено 63 079 чел. Расстреляно 41 080 чел. Продолжают отбывать наказание 22 319 чел.

Из всех осужденных врагов народа 90 %— лица еврейской национальности.

Данные приведены без учета смертности в лагерях.

Приложение: сведения по регионам СССР, Таблица на 2-х листах, рапорт начальника 1 СО НКВД СССР тов. Баштакова на 2-х листах.

Народный комиссар Внутренних дел Союза ССР

(Л. Берия)».

Остановимся на периоде с 1930 по 1940 г. Итак, в документе, который приводит В. Карпов, фигурирует цифра 1 300 979 чел., привлеченных к уголовной ответственности и осужденных врагов народа по приговорам судов по ст. 58 УК.

Однако по справке исполнявшего обязанности начальника первого спецотдела МВД СССР полковника Павлова с 1930 по 1940 г. было арестовано за контрреволюционные преступления 2 887 538. В том числе за антисоветскую агитацию 584 159. Из числа осужденных к высшей мере наказания было приговорено 726 030.

А теперь мы подошли к самому интересному. В документе указывается, что: «из всех осужденных врагов народа 90 % — лица еврейской национальности». То есть из 1 300 979— 90 % евреи. Так ли это? По переписи 1926 г. по всему СССР в городах и местечках проживало евреев 2211 тыс. (83 % всего еврейского населения), в сельских местностях 467 тыс.

По переписи января 1939 г. в СССР было 3 020 000 евреев. Причем 40 % из них составляли служащие, к категории интеллигенции отнесли 364 тыс. чел. 106 тысяч — инженерно-технических работников (14 %); 139 тысяч — руководителей различного уровня (70 %), 39 тысяч врачей (27 %), 38 тысяч учителей (более 3 %), более 6,5 тыс. писателей, журналистов и редакторов, более 5 тыс. актеров и режиссеров, более 6 тыс. музыкантов, менее 3 тыс. художников и скульпторов, более 5 тыс. юристов.

Таким образом, судя по этим цифрам, еврейское население с 1926 г. значительно выросло с более чем двух до трех миллионов. В той же столице евреев по переписи 1926 г. — 131 тыс., в 1933 г. — 226,5 тыс., в 1939 г. — 250 тыс. А значит, не мог тов. Сталин осудить и уничтожить из 1 300 949 — 90 % лиц еврейской национальности.

А.И. Солженицын пишет, что «если к 1939 году евреи по численности стояли на седьмом месте среди народов СССР — то после присоединения всех западных областей стали четвертым народом СССР, после трех славянских». Обратимся к справке о составе заключенных, содержащихся в ИТЛ НКВД на 1 января 1939 г.: русские — 810 647, украинцы— 182 536, белорусы 43 726, татары — 24 301, узбеки— 23 855 и только потом идут евреи— 19 262 (6 место). Следовательно, тов. Сталин мог осудить и уничтожить в таком процентном соотношении прежде всего русскую нацию. И если бы в документе, который опубликовал писатель В. Карпов, вместо 90 % было указано хотя бы 9 %, то он бы выглядел правдоподобнее. А так получается, что в репрессиях пострадали одни евреи.

* * *

Это было в начале мая 1941 г., когда стояла совсем уже летняя погода. Виктор Семенович собирался в Главное управление милиции. У дома № 2, что по улице Дзержинского, его уже часа два как ожидал «Паккард», приписанный к автобазе № 1. Когда он выходил из подъезда центрального здания, направляясь к машине, то абсолютно неожиданно нос к носу столкнулся с бывшим сослуживцем по ГУЛАГу — Игорем Сорокиным.

— Привет, Сорокин, — улыбаясь, сказал Абакумов и протянул руку.

— Здравствуйте, Виктор Семенович, — испуганно ответил Сорокин и чуть не сморщился от крепкого рукопожатия.

— Что ж ты, Игорь, со мной уже на «вы» перешел. Давно ли не виделись?

— Да нет, Виктор Семенович. То было тогда. А теперь вы вон как взлетели. А я всего-навсего старший лейтенант.

— Но голова-то у меня не закружилась, — перебил его Абакумов. — Наслышан, небось?

— А то как же, Виктор Семенович. Об этом говорят все, кто вас знает. Ведь вон как в жизни бывает. И четыре года не прошло, а вы уже заместитель наркома. А я то вас только опером знал.

— Ладно, Игорь, не будем эту тему развивать. И хоть я сегодня немного занят, давай вместе пообедаем. Не возражаешь?

— С вами, конечно, нет! — ответил Сорокин.

— Ну, тогда поехали.

Уже в машине Сорокин поинтересовался:

— А куда мы едем?

— Я тебя приглашаю в «Националь».

Виктор Семенович не особенно жаловал это знаменитое московское заведение хотя бы потому, что сюда обычно стекались люди искусства, иностранные дипломаты и журналисты. Все эти категории если и не раздражали старшего майора ГБ, то, по крайней мере, не особо были ему симпатичны. Но сегодня по какой-то неведомой никому причине он решил посетить именно «Националь».

В огромной зале офицеры НКВД смогли устроиться так, чтобы им никто не мешал. Для начала они попробовали отменного борща, а на второе заказали шашлык.

Абакумов быстрым движением налил в рюмки водку из графина и провозгласил тост:

— За встречу!

Эффектно чокаясь со своим бывшим сослуживцем, он добавил:

— Один на один все же обращайся ко мне на ты.

— Хорошо, Виктор, — ответил тот улыбаясь.

— Вот так будет лучше.

Выпили они немного, всего по две рюмки, когда официант подал шашлыки.

— Скажи, Виктор, а ты веришь во врагов народа? — неожиданно спросил Сорокин. Абакумов удивленно посмотрел на товарища и неохотно ответил:

— Ну, как тебе сказать, Игорь, — тут он резко замолчал, видимо, обдумывая свой ответ. — Вопрос, конечно, интересный. Но не наше дело думать об этом. Иначе на хрена мы носим форму НКВД. Вот я тебе такой пример приведу. В 1938 г. арестовали начальника Ростовского управления милиции Фокина по личному распоряжению Ежова. Почему? В двадцать девятом он был начальником паспортного отдела Главного управления милиции и получил задание сопровождать Троцкого из Алма-Аты до Константинополя. Перед Константинополем Троцкий вручил Фокину письмо и попросил передать своему начальству. Фокин, вернувшись в Москву, как и положено, сдал этот документ руководству, но перед этим снял копию для себя и хранил ее дома. Ну, хранил и хранил. Так нет же, однажды, то ли по пьянке, то ли еще почему, взял да и рассказал о содержании письма своему сослуживцу, а тот доложил по команде.

Спрашивается, какого черта эта сволочь хранила письмо Троцкого? Ну, скажи мне Игорь, зачем оно было нужно?

— Не знаю.

— Не знаешь? — Абакумов пристально посмотрел на Сорокина. — А я знаю. Наверное, думал, что Троцкий еще

вернется и это письмо пригодится при раздаче должностей. Так кто он после этого?

— Враг народа!

— Вот и я думаю, что враг.

2

В мае 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНКСССР приняли постановление «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». В связи с чем в Литву было решено откомандировать наркома госбезопасности СССР Меркулова, в Латвию заместителя наркома государственной безопасности СССР тов. Серова и в Эстонию заместителя наркома внутренних дел СССР Абакумова для проведения операции.

НКГБ и НКВД в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР должны были, во-первых, арестовать с конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5-ти до 8-ми лет (а после отбытия наказания сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза сроком на 20 лет) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических белогвардейских организаций, бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков; бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего госаппарата трех государств; бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий; уголовных элементов. Во-вторых, арестовать и направить в ссылку на поселение в отдаленные районы СССР на 20 лет членов семей активных членов контрреволюционных партий, бывших жандармов, помещиков, чиновников, офицеров и т. д. А также членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение; членов семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к ВМН; лиц, прибывших из Германии в порядке репарации, а также немцев, записавшихся на репарацию в Германию и отказавшихся выехать.

В-третьих, выслать в административном порядке в северные районы Казахстана сроком на 5 лет проституток, ранее зарегистрированных в бывших органах полиции.

Операцию планировалось провести всего за три дня, однако она по объективным причинам затянулась на несколько недель.

17 июня 1941 г., за несколько дней до войны, были подведены ее окончательные итоги. Там, где был Меркулов (Литва), арестовано 5664 человека, выселено 10 187 человек. Всего 15 851 человек. Там, где был Серов (Латвия), арестовано 5625 человек, выселено 9546 человек. Всего 15 171 человек.

Там, где был Абакумов (Эстония), арестовано 3178 человек, выселено 5978 человек. Всего 9156 человек.

На первый взгляд может показаться, что цифры у Абакумова гораздо скромнее, чем у других представителей органов из Москвы. Но это только на первый взгляд. Так как здесь надо учитывать, что и он соблюдал некую пропорцию утвержденного плана операции. А если точнее, то установленный руководством лимит. Дело в том, что в Литве тогда проживало 2879 тыс. чел., в Латвии 1971 тыс. чел., а в Эстонии всего 1132 тыс. человек. Все очень и очень просто. И Виктор Семенович свою задачу выполнил честно.

* * *

22 июня 1941 г. началась война. Вероломное нападение немецко-фашистских войск на Советский Союз останется навсегда в истории — вероломным. И чтобы ни говорили любители истории о подготовке Сталиным освободительного похода Красной Армии в Европу, факт остается фактом. Если о том, что Гитлер готовился к нападению на Россию или СССР, имеется бесчисленное множество документов, то о том, что Сталин собирался напасть на Гитлера, — нет ни одного. К сожалению, в сегодняшнее вольное или, точнее, безвольное, но свободное время на факты не обращают внимание. Их домысливают, их додумывают, а в результате пишется своя история. Но тем не менее вероломное нападение Германии для нашей страны обернулось беспрецедентными по своим масштабам разрушениями и колоссальными человеческими жертвами. Это тоже исторический факт, который невозможно опровергнуть.

* * *

Вечером 22 июня 1941 г. Абакумову доложили по линии третьего отдела НКВД:

«22 июня 1941 г. 5-й мотострелковый полк совершал марш по маршруту г. Барановичи — г. Рига, возвращался из оперативной командировки. В 10.00 перед г. Шяуляем полк был атакован

немецкой авиацией. В результате бомбардировки ранило одного красноармейца.

Шяуляй горел, немецкая авиация зверски расправлялась с беженцами и войсками, совершавшими движение по шоссе. Из этого стало ясно — началась война. После налета авиации полк сосредоточился в лесу, укрылся от фашистских стервятников. Прибыл нарочный с приказанием полку срочно прибыть в Ригу, так как в городе неспокойно. Дальнейший марш полк совершал по 2–3 автомашины и к 18.00 22 июня сосредоточился в г. Риге».

Из дальнейших докладов стало ясно:

«В Риге враждебные элементы развернули активные действия: наводили панику в тылу армии, деморализовали работу штабов, правительственных и советских учреждений, тормозили эвакуацию ценностей и совершали диверсии.

Враги установили на колокольнях церквей, башнях, на чердаках и в окнах домов пулеметы, автоматы и вели обстрел улиц, зданий штаба Северо-Западного фронта, ЦК Литовской КП(б), СНК, почты-телеграфа, вокзала и НКВД.

Такое положение заставило развернуть самую жестокую борьбу с криминальным элементом в городе».

Командир 5-го мотострелкового полка войск НКВД «объединил все войска НКВД Рижского гарнизона, организовал усиленную охрану всех важных объектов, выставил посты и пикеты на улицах города, систематически патрульными отрядами освещал весь город. С «пятой колонной» повел жестокую борьбу, на каждый произведенный выстрел из окна, с башни или колокольни отвечал огнем пулеметов и танковых пушек.

За 23, 24, 25 июня сего года активность «пятой колонны» была подавлена. По приказу начальника охраны Северо-Западного фронта генерал-майора т. Ракутина были расстреляны 120 человек пойманных негодяев из «пятой колонны», о чем было объявлено населению (…)».

* * *

9 июля 1941 г. В.С. Абакумову было присвоено звание комиссара Госбезопасности 3-го ранга. На его петлицах теперь красовались по три ромба на каждой, что приравнивалось к генерал-лейтенанту в армии. Абакумову тридцать три года — возраст Христа!

А 19 июля 1941 г. его назначили начальником Управления особых отделов НКВД СССР.

* * *

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД СССР и НКГБ СССР были вновь объединены в единый наркомат: НКВД СССР во главе с Л.П. Берией. Первым заместителем наркома ВД СССР был снова назначен В.Н. Меркулов.

Постановлением СНКСССР от 30 июля 1941 г. заместителями наркома внутренних дел СССР были назначены: С.Н. Круглов. В.С. Абакумов, И.А. Серов, Б.З. Кобулов, В.В. Чернышев, И.И. Масленников, А.П. Завенягин, Л.Б. Сафразьян и Б.П. Обручников.

Теперь Абакумов догнал своего покровителя Б.З. Кобулова еще и в звании комиссара ГБ 3-го ранга. Выравнялись они и по должности заместителя наркома.

Вот только отставали некоторые знакомые и сослуживцы Виктора Семеновича. Старший майор ГБ Мешик возглавил Экономическое управление НКВД (ЭКУ). Майор ГБ Влодзимирский — следчасть по особо важным делам НКВД. Мешик и Влодзимирский до сентября 1939 г. были помощниками начальника следственной части НКВД СССР у Богдана Захаровича. Когда Кобулов 4 сентября 1939 г. был назначен начальником Главного экономического управления НКВД СССР, то начальником следчасти своего управления он назначил Мешика, а его заместителем Влодзимирского. Затем 4 марта 1940 г. Мешика назначают начальником 1-го отдела ГЭУНКВД СССР, а Влодзимирский остается в заместителях до 22 июля 1940 г., когда его переводят первым заместителем начальника третьего отдела ГУ ГБ НКВД СССР. 25 февраля 1941 г. Кобулов назначается заместителем наркома госбезопасности, а с 26 февраля 1941 г. Мешик— нарком госбезопасности УССР, Влодзимирский — начальник следчасти Н КГБ СССР. С 30 июля 1941 г. — Кобулов замнаркома внудел СССР, Мешик — нач. ЭКУ НКВД СССР, Влодзимирский — нач. следчасти по ОВД НКВД СССР. В общем, все в порядке, кадры Богдан Захарович двигает в нужном направлении.

Среди заместителей наркома внутренних дел первой перед Абакумовым значится фамилия С.Н. Круглова, а следующей после него фамилия И.А. Серова. Пока они не более чем коллеги, но пройдет немного времени, и они станут лютыми врагами.

Сергей Никифорович Круглов родился в 1907 г. в Тверской губернии (д. Устье Зубцовского уезда). В школе проучился всего полтора года и в четырнадцать лет нанялся пастухом. В семнадцать лет его взяли секретарем сельсовета, затем он

работал рабочим и слесарем в совхозе, а следующее место оказалось в потребительском обществе «Созвездие», где его и приняли в партию в 1928 г. В конце 1929 г. Круглова призвали в армию, а после демобилизации он работал инструктором-механиком в зерносовхозе Кустанайской области. В ноябре 1931 г. его зачислили в Индустриально-педагогический институт в Москве, где активного студента заметили и в марте 1934 г. перевели в Институт востоковедения слушателем особого японского сектора. А через год в Институт Красной профессуры.

При этом доучиться ему не дали и в 1934 г. забрали в аппарат ЦК ВКП(б) ответственным организатором отдела руководящих партийных кадров ЦК. Но и здесь Круглову толком не дали поработать, потому что направили на работу в НКВД помогать Л.П. Берии. В декабре 1938 г. его назначили особоуполномоченным НКВД СССР, ответственным за расследование дел сотрудников аппарата наркомата, совершивших проступки. Как пишет Л. Млечин:

«Круглов Берии понравился, и через два месяца Сергея Никифоровича назначили заместителем наркома и начальником отдела кадров НКВД. Круглов стал замнаркома всего в тридцать два года! Карьеры тогда делались быстро.

После раздела НКВД на два наркомата в начале 1941 г. Берия сделал Круглова своим первым заместителем и передал в его ведение то, чем не любил заниматься сам: ГУЛАГ и производственно-строительные управления. Оперативной работой Круглов занимался мало, это и спасет его в 1953-м».

После объединения НКВД и НКГБ в июле 1941 г. Сергей Никифорович назначается уже простым заместителем наркома внутренних дел, однако с 5 июля он находится в действующей армии членом Военных Советов фронта Резервных армий и Западного фронта. С октября 1941 г. Круглов— начальник 4-го управления оборонительных работ и командующий 4-й саперной армией. Итак вплоть до 26 апреля 1943 г., когда его вновь назначат первым заместителем наркома внутренних дел.

Иван Александрович Серов родился в 1905 г. в семье крестьянина-середняка в Вологодской губернии. В 1916 г. окончил сельскую школу, а в 1923 г. школу 2-й ступени. В 1925 г. поступил в Ленинградскую пехотную школу, после окончания которой служил командиром огневого взвода. В 1931 г. Серова откомандировали на артиллерийские курсы усовершенствования комсостава РККА, после которых он получил под командование батарею, причем топографическую. На этой должности он прослужил с сентября 1931 г. по март 1934 г. Теперь его назначают помощником начальника штаба и исполняющим

обязанности начальника штаба артиллерийского полка.

В январе 1935 г. он поступает в Военно-инженерную академию, откуда через год его переводят в Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1939 г. он успешно заканчивает ее, по приказам Главного политического управления РККА его распределяют в НКВД. Там начинается другая карьера, более успешная. Сначала он заместитель начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции, а с 18 февраля 1939 г. уже ее полновластный начальник.

С 29 июля 1939 г. Серов начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР и заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР. 2 сентября 1939 г. Серов назначен наркомом внутренних дел УССР, 25 февраля 1941 г. первым заместителем наркома ГБ СССР. Теперь же его поставили в один ряд с Абакумовым в должности заместителя наркома внутренних дел. Причем звание комиссар ГБ 3-го ранга Серов получил раньше — 4 сентября 1939 г. Но ведь совсем недавно ему присвоили звание старшего майора ГБ — 30 апреля 1939 г. А 26 апреля 1940 г. вручили орден Ленина, что гораздо выше, чем орден Красного Знамени у Виктора Семеновича.

Судя по всему, у Абакумова было достаточно причин ненавидеть и Круглова, и Серова. Для него, прослужившего в органах с 1932 г. в течение шести лет в самом низу, были непонятны такие выдвижения. В одном случае абсолютно гражданского человека— «пиджака», а в другом — абсолютно военного «сапога». Это были чужие среди своих, и они отпугивали непредсказуемостью. Но самое главное — они были опасные конкуренты, которых стоило бояться.

3

Итак, В.С. Абакумов возглавил Управление особых отделов НКВД СССР. Однако прежде немного истории. Первоначально «борьба с контрреволюционными элементами в армии» была поручена отделу по борьбе с контрреволюцией ВЧК. Потом уже возникли фронтовые чрезвычайные комиссии. А в Наркомате по военным и морским делам существовала своя контрразведка, именовавшаяся военным контролем.

19 декабря 1918 г. решением ЦКРКП(б) на базе Военного контроля РВС и армейских (фронтовых) чрезвычайных комиссий был создан Военный отдел, а 1 января 1919 г. он переименован в особый отдел (ОО) при ВЧК. Задача — бороться со «шпионажем, изменой Родине и другими контрреволюционными

преступлениями в частях и учреждениях Красной Армии».

3 февраля 1919 г. В ЦИК утвердил положение об Особых Отделах при Всероссийской ЧК. В нем говорилось:

«§ 4. Общее руководство вышеуказанной (борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте. — ***Примеч. авт.)*** борьбой возлагается на ВЧК, которая через свой особый отдел руководит работой местных особых отделов и контролирует их деятельность.

§ 5. Органами, ведающими активной борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и в тылу, являются особые отделы при ВЧК, фронтовые и армейские — непосредственные подчиненные Особому отделу ВЧК.

§ 6. Районы действий губернских, фронтовых и армейских особых отделов определяются особыми инструкциями.

§ 7. Фронтовые и армейские особые отделы вместе с тем непосредственно выполняют все задания Реввоенсовета Республики, фронтов и армии, а Особые отделы Губчека— местных военных комиссариатов.

§ 8. Реввоенсоветам, через одного из своих членов, и военным комиссарам предоставляется право контроля над выполнением упомянутых в пункте 7-м заданий.

§ 9. Заведующие всеми местными особыми отделами назначаются Особым отделом при ВЧК непосредственно, или по представлению местных ЧК, или армейских и фронтовых Реввоенсоветов.

§ 10. Особым отделам предоставляется право ведения следствия и всех связанных с ними действий, как то: обысков, выемок и арестов, кои производятся по ордерам ВЧК или Губчека (…)».

В каждом фронтовом управлении и в каждой армии создавался особый отдел, а в дивизиях — особые отделения.

1–3 июня 1919 г. состоялась 3-я Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий, где было принято положение об особых отделах, в котором указывалось, что борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте возлагается на особый отдел ВЧК, который находится под непосредственным контролем Реввоенсовета республики и выполняет все его задания. Кроме того, на конференции было принято положение об организации секретно-оперативных отделов (СОО) ВЧК: «охрана революционного порядка и предупреждение и пресечение подготавливающихся или свершенных контрреволюционных явлений». Вначале Военный отдел (особый отдел) возглавил М.С. Кедров.

С 18 августа 1919 г. вместо него руководство особым отделом

поручено Ф.Э. Дзержинскому, а с 20 июля 1920 г. — В.Р. Менжинскому. С 1922 по 1929 г. начальником Особого отдела ГПУ-ОГПУ работал Г.Г. Ягода, затем с октября 1930 г. — Я.К. Ольский, с августа 1931 г. — Г.Е. Прокофьев, с ноября 1931 г. — И.М. Леплевский, с 1933 г. — М.И. Гай, с 1936 г. (во второй раз) — И.М. Леплевский, с 1937 г. — Н.Г. Николаев-Журид, с мая 1938 г. — Н.Н. Федоров, с декабря 1938 г. — В.М. Бочков, с августа 1940 г. — А.Н. Михеев и с 19 июля 1941 г. — В.С. Абакумов. Если учитывать, что И.М. Леплевский дважды возглавлял особый отдел, то В.С. Абакумов стал тридцатым главным особистом.

Как пишут А.И. Кокурин и Н.В. Петров:

«В 1921 г. были заложены основы дальнейшего развития центрального аппарата ВЧК-ГПУ на многие годы вперед». В частности, при Менжинском особый отдел имел следующую структуру: три сотрудника для поручений; 13-е спецотделение (контрразведывательная работа против Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии); 14-е спецотделение (контрразведывательная работа против стран Востока); 15-е спецотделение (контрразведывательная работа против стран «Большой Антанты»; 16-е спецотделение (контрразведывательная работа в Красной Армии); 17-е спецотделение (контрразведывательная работа против офицеров).

В июне 1922 г. Особый отдел разделили на два отдела: контрразведывательный (КРО) с задачами борьбы со шпионажем и белогвардейскими организациями и особый отдел (ОО), в ведении которого осталась чекистская работа в армии. При этом, в отличие от других подразделений госбезопасности, особые отделы стали более самостоятельными.

В марте этого года особым отделам были определены следующие задачи: борьба с контрреволюцией и разложением в Красной Армии, борьба со шпионажем (разведывательным и вредительским), борьба с открытыми контрреволюционными выступлениями и вспышками (бандитизмом) путем разведки сил противника и разложения его рядов, охрана границ РСФСР и борьба с политической и экономической контрабандой и незаконным переходом границ, выполнение спецзаданий Реввоенсовета Республики. Как пишет Л. Млечин, «особые отделы создавали «агентурно-осведомительный аппарат в армии, на флоте и среди гражданского населения, имеющего непосредственное соприкосновение с войсковыми частями»». И вот еще: «Под руководством Менжинского особые отделы опутали соединения, части и подразделения вооруженных сил, все красноармейские коллективы сетью негласных осведомителей.

Особисты информировали начальство не только о ходе боевой подготовки и учебы, но и о настроениях бойцов и командиров; в первую очередь их интересовали политические взгляды и жизненные устремления командного состава».

* * *

В Российском государственном военном архиве (РГВА) мне удалось найти несколько документов в рамках докладов о чрезвычайных происшествиях (1.1.34 г. — 20.10.34 г.) в Красной Армии.

«Документ № 1.

О нападениях на объекты охраны НКВМ за 1933 г.

	1932 г.	**1933 г.**
Число нападений:	**184**	**124**
Из числа нападавших:		
задержано	**62**	**95**
из них ранено	**15**	**17**
убито	**27**	**28**
Потери караула:		
убито	**8**	**3**
ранено	**32**	**26**

Начальник Главного Управления РККА 4 января 1934 г.

Документ № 2.

О групповых нарушениях дисциплины

За 1933 г. отделом Учета ГУРККА зарегистрировано 150 случаев групповых нарушений дисциплины с 1116 участниками против 326 случаев с 4451 участниками в 1932 г. Наибольшее число групповых нарушений дисциплины в МВО— 24, СибВО -18 и в ОКДВА — 16 случаев, а из дивизий в 74 сд— 7 и 1 колхозной сд — 6 случаев.

Среди участников (в *%)* 1933 г.

Коммунистов 10,6 %
Комсомольцев 15,9 %
Рабочих 19,1 %

Формы групповых нарушений дисциплины (в %)

Неисполнение приказаний 50,7 *%*
Отказ от пищи 36,0 %
Письменные жалобы 10,0 %
Отказ от жалованья и
обмундирований 1,3 *%*
Прочие 2,0 %

Начальник Главного управления РККА 14 января 1934 г.

Документ № 3.

О хищениях и утерях оружия в РККА за 1933 г.

1. Похищено и утеряно:	1932 г.	1933 г.
револьверов	1145	1165
винтовок и затворов	151	119
штыков, шашек и т. п.	16	23
Итого:	1312	1307

Примечание: кроме того, в 1932 г. было утеряно 4 пулемета, а в 1933 г. — 3. Все пулеметы найдены.

2. Обстоятельства или место хищения	1932 г.	1933 г.
Из охраняемых помещений	376	414
в местах общественного пользования	582	599

и из квартир		
в прочих местах	354	292

Начальник Главного управления РККА 15 января 1934 г.

Документ № 4.

О голодовках

Отделом Учета ГУРККА за 1933 г. зарегистрировано голодовок против 31 в 1932 г. и 88 в 1931 г. Из 16 голодовок — 3 в ап АКУКС **(ЛВО)** и 2 во 2-м отд. Штрафном батальоне **(ЛВО)** Мотивы:

1. Недовольство арестом 8 чел.
2. Недовольство выговором 1 чел.
3. Требование ускорения суда 3 чел.
4. Протест против неправильного использования (техника-строителя, писарем) 1 чел.
5. Нежелание служить 2 чел.
6. Недовольство арестованного сопровождением в столовую взводным 1 чел.

Состав:

(пом. Начальника штаба 3 эксплуат. жд полка Тюрик и кр взвода 17 ОМСБ Ченышев— оба в знак протеста против наложенных на них дисциплинарных взысканий).

Коммунист 1 чел.

Комсомолец 1 чел.

Рабочий 1 чел.

Начальник Главного управления РККА 14 января 1934 года.

Документ № 5.

О самоубийствах

Отделом учета за 1933 год зарегистрировано 734 случая самоубийств и покушений на самоубийство против 973 случаев в 1932 г. Смертельных случаев за истекший год 476 против 453 в 1932 г.

Наибольшее количество самоубийств и покушавшихся в УВО — 141 чел., МВО— 113 и в ОКДВА— 87 чел., а из дивизий в 74, 20

и 85 сд по 7 человек.

Среди самоубийц и покушавшихся 1933 г.

Высшего начсостава 3 чел.

(профессор ВИА Лолейт, пом. Нач-ка факультета ВВА Воскресенский и флагманский химик МСТМ Остапенко).

Старшего начсостава 26 чел.

Среднего начсостава 232 чел.

Младшего. 149 чел.

Курсантов ВУЗ 33 чел.

Рядового состава 288 чел.

Переменного состава тер. частей и вневойсковиков, проходивших обучение 3 чел.

Коммунистов 257 чел.

Комсомольцев 103 чел.

Рабочих 137 чел.

Мотивы самоубийств и покушений (в *%)*

Начальник Главного Управления РККА 14 января 1934 г.».

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что к 1924 г. Красная Армия была сокращена до 565 тыс. человек, а с 1924 по 1925 г. был осуществлен переход к смешанной территориально-кадровой системе. Поэтому вышеприведенные цифры вполне выглядели тревожно. А по фактам происшествий к делу приступали особисты.

* * *

В 1930–1931 гг. особисты арестовали более трех тысяч бывших офицеров и генералов царской армии, честно служивших в Красной Армии в Москве, Ленинграде, на Украине и в Белоруссии. Это большое дело получило условное наименование «Весна». Все они голословно обвинялись в принадлежности к антисоветским офицерским организациям и в проведении вражеской деятельности. В буквальном смысле колебания этих людей по некоторым вопросам политики партии были квалифицированы как организованная деятельность против Советской власти.

Среди арестованных оказались преподаватели Военной академии Какурин и Троицкий, наиболее близко стоявшие по совместной работе в Академии к Тухачевскому. Их показания сразу же были использованы против будущего маршала.

Кроме того, от арестованного по делу «Весна» преподавателя Военной академии Бежанова-Сакворелидзе в ОГПУ были

получены показания, что в состав Московского контрреволюционного центра входит Пугачев С.А. и Шапошников Б.М. Однако на очной ставке в марте тридцать первого в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Орджоникидзе, Шапошников и Пугачев изобличили Бежанова в клевете. В этот же день Пугачева освободили из-под стражи. При этом некоторых военачальников вообще не арестовывали, хотя на них также имелись показания.

Удивительно лишь то, что отдельные руководящие работники ОГПУ в 1931 г. считали дела на военных специалистов «дутыми», искусственно созданными и выражали недоверие к показаниям арестованных. Но это привело к тому, что на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) решили направить специальное письмо секретарям ЦК, крайкомов и обкомов за подписью Сталина:

«Т.т. Мессинг и Вельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления с направлением его в Туркестан на должность пп на том основании, что: а) эти товарищи вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ (…).

3. ЦК отмечает разговоры и шушуканья о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы, как слухи, идущие, без сомнения, из вражеского лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горе-коммунистами».

4. ЦК считает, что ОГПУ есть и остается обнаженным мечом рабочего класса, метко и умело разящим врага, честно и умело выполняющим свой долг перед Советской властью».

Так что стоило заменить этих товарищей, и дело пошло. Хотя Е.Г. Евдокимов выдвинулся на высокую должность после фабрикации «шахтерского дела», а Я.К. Ольский отличился в борьбе с крестьянством. Тогда же решением Политбюро от 5 августа 1931 г. Реввоенсовет СССР лишили права давать особому отделу задания и осуществлять контроль за их выполнением, «с тем, чтобы особый отдел был непосредственно подчинен ОГПУ».

Но вернемся к непосредственным жертвам. Если Какурин в 1932 г. во внесудебном порядке был осужден к расстрелу с заменой в последующем 10 годами лишения свободы, содержался в строгой изоляции и умер в 1936 году, то Троицкий еще в 1930 г.

был осужден к 3 годам ссылки и с того же времени негласно сотрудничал с НКВД. Тем не менее в 1938 г. по вновь сфальсифицированным материалам его арестовали как участника военного заговора, возглавляемого Тухачевским. На следствии он подтвердил свои показания, данные им в 1930 г. Однако в судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 11 мая 1939 г. Троицкий виновным себя не признал, а от прежних показаний отказался. Он заявил, что вынужден был говорить неправду по принуждению. Его приговорили к расстрелу.

* * *

Одним из самых «ценных» агентов ОГПУ-НКВД в разработке Тухачевского и других считалась дочь бывшего генерала царской армии Зайончковская, которая, нигде не работая, умудрилась сотрудничать с органами с 1922 по 1937 г. (находилась под следствием по обвинению в шпионаже) и спустя некоторое время сотрудничала аж до 1954 года.

Считается, что она действовала активно, проявляя инициативу в добывании любых слухов и сплетен вокруг Тухачевского, которые, искусно обрабатывая, дополняла своими домыслами и предположениями.

Так, в одном из донесений 9 декабря 1934 г. Зайончковская информировала: «Из среды военной должен раздаться выстрел в Сталина выстрел этот должен был сделан в Москве и лицом имеющим возможность близко подойти к т. Сталину или находиться вблизи его по роду своих служебных обязанностей».

Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Гай 13 декабря на нем написал следующее: «Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума. Вызвать ее ко мне».

Давая оценку работы Зайончковской как агенту ОГПУ-НКВД, бывшая сотрудница ОГПУ-НКВД Тарловская (секретарь начальника отдела Сосновского, затем оперуполномоченный) встречалась с ней как с агентом до декабря 1936 г. и по этому поводу показала в августе 1937 г.: «Она являлась агентом Сосновского. Он встречался с ней, принимал сводки, платил ей деньги. Еще до меня с ней встречался и относил ей деньги секретарь, который работал до меня, Феропонтов. Она имела кооперативную книжку и билет в санчасть. После отъезда Сосновского в Ленинград, я по поручению Сосновского стала встречаться с нею, получала сводки и передавала их Гаю. По указанию Гая я передавала сводки по назначению, так, по военным вопросам — Добродицкому и Гарту, по немцам —

Волынскому и Кононовичу. Все от ее сводок открещивались и не хотели их брать, считая их лживыми. Она много писала на руководящий армейский состав, на Якира, Тухачевского, Корка и др. Об этом же писал и ее муж, что мне известно со слов Гарта.

Над этими сводками смеялись, когда я приносила их Добродицкому и Гарту, и говорили, что она выдумывает.

Она особенно хорошо относилась к Сосновскому и Гаю. Однажды ей Гай дал 1000 рублей на дачу и, с ее слов, мне известно, что ей раньше Гай подарил золотые часы. Внешне к ней относились хорошо, рассказывали, что она в прошлом давала очень ценный материал, но в последнее время якобы «исписалась», часто ее сводки называли бредом сумасшедшей и держали ее за прежние заслуги».

* * *

Седьмой главный особист И.М. Леплевский останется в истории военной контрразведки по двум причинам: во-первых, он дважды возглавил особый отдел (с 1931 по 1933 г. и с 1936 по 1937 г.), а во-вторых, в период его руководства начались массовые аресты среди командно-начальствующего состава РККА и именно при нем в практику деятельности особистов вводились незаконные методы следствия.

Израиль Моисеевич Леплевский родился в Брест-Литовске в 1894 г., в семье еврея-мещанина. Получил начальное образование. С 1909 по 1914 г. был членом еврейской организации «Бунд», с 1914 по 1917 г. служил в армии, в 1917 г. вступил в партию. С 1918-го— сотрудник Самарской губчека, а в 1922 г. — председатель Екатеринославского губернского отдела губчека.

В 1929 г. — заместитель начальника ГПУУССР, с 1931 по 1933 г. — начальник Особого отдела ОГПУ, в 1934 г. — полпред ОГПУ по Саратовскому краю, затем нарком внудел Белорусской ССР. С 1936 г. по 1937 г. вновь начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР, а с 1937 г. по 1938 г. — нарком внудел Украинской ССР.

А теперь факты: бывший сотрудник НКВД СССР Вул в 1956 г. сообщил: «Лично я видел в коридоре дома 2 Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому. Одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унизить его. Все следствие по делу Тухачевского и других было закончено

очень быстро. Помимо мер физического воздействия, определенную роль в получении показания сыграли уговоры следователей». Вот что показал бывший сотрудник НКВД Карпинский:

«Эйдеман отрицал какую-либо свою связь с заговором, заявлял, что он понятия о нем не имеет, и утверждал, что такое обвинение не соответствует ни его поведению на протяжении всей жизни, ни его взглядам.

Угрожая Эйдеману применением мер физического воздействия, если он будет продолжать упорствовать и скрывать от следствия свою заговорщическую деятельность, Агас заявил, что если Эйдеман не даст показаний сейчас, то он — Агас продолжит допрос в другом месте, но уже будет допрашивать по-иному. Эйдеман молчал. Тогда Агас прервал допрос и сказал Эйдеману, чтобы он пенял на себя: его отправят в тюрьму, где его упорство будет быстро сломлено.

Дня через три в дневное время мне было предложено срочно прибыть в Лефортовскую тюрьму, где меня ждет Агас. Я туда поехал. В эту тюрьму я попал впервые; то, что я увидел и услышал в тот день в Лефортовской тюрьме, превзошло все мои представления. В тюрьме стоял невообразимый шум, из следственных кабинетов доносились крики следователей и стоны, как нетрудно был понять, избиваемых. Я нашел кабинет, где находился Агас. Против него за столом сидел Эйдеман. Рядом с Агасом сидел Леплевский… Дергачев. На столе перед Эйдеманом лежало уже написанное им заявление на имя наркома Ежова о том, что он признает свое участие в заговоре и готов дать откровенные показания».

Бывший сотрудник НКВД СССР Соловьев А.Ф. в 1962 г. писал:

> «Я лично был очевидцем, когда привели в кабинет Леплевского ком. войск УВО Якира. Якир шел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в распахнутой гимнастерке, а вид его был плачевный, очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением. Якир пробыл на этом допросе в кабинете Леплевского 2–3 часа».

Бывший сотрудник Особого отдела НКВД СССР Авсеевич показал:

«В мае месяце 1937 г. на одном из совещаний пом. нач. отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний, Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу физические меры воздействия». После «военно-фашистского заговора» Леплевский приехал на Украину.

Бывший сотрудник НКВД УССР Б.П. Борисов (Коган) и Н.А. Григорьев рассказали: «В 1935 и 1936 гг. запрещенных методов следствия не проводилось. Их начали применять в конце 1936 г., а в особенности в 1937 году, когда прибывший на должность наркома внутренних дел УССР Леплевский И.М. лично наносил побои арестованным». А вот показания полковника в отставке В.М. Казакевича в 1955 г.:

«С приездом на Украину на должность наркома внутренних дел УССР Леплевского в аппарате НКВД УССР установилась практика жестокого избиения арестованных. Этот пример показывал сам лично Леплевский. Подражая Леплевскому бить стали арестованных и другие сотрудники аппарата НКВД УССР. До приезда на Украину Леплевского о фактах избиения арестованных в НКВД УССР я не слышал».

Летом 1938 г. комиссара госбезопасности 2-го ранга Израиля Леплевского расстреляли.

* * *

В марте 1937 г. согласно временному положению на Особый отдел ГУГБ НКВД была возложена контрразведка по Красной Армии, ВМФ, пограничным и внутренним войскам.

Структура была следующая.

Первое отделение (штабное), второе (вооружение), третье (полевых войск), четвертое (авиационное), пятое (морское), шестое (строительно-хозяйственное), седьмое (вузовское), восьмое (склады), девятое (осоавиахимовское), десятое (войска НКВД), одиннадцатое (оргучет), двенадцатое (мобилизационное).

В приказе народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 0032 «О работе особых отделов НКВД Союза ССР» говорилось:

«1. На особые отделы НКВД возлагаются специальные задачи по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в рабоче-крестьянской Красной Армии, Военно-морском флоте и пограничных и внутренних войсках НКВД.

2. Особые отделы НКВД осуществляют эти задачи путем:

а) организации агентурно-осведомительного аппарата в армии, флоте и среди гражданского населения, имеющего непосредственное соприкосновение с войсковыми частями, учреждениями, снабженческим аппаратом и отдельными военнослужащими;

б) ведения следствия по делам о контрреволюции, шпионаже, диверсии, измене Родине, вредительстве в РККА и Военно-

морском флоте, войсках НКВД и среди указанного выше гражданского населения и путем производства в связи с этим обысков, арестов и выемок».

В феврале 1941 г., после разделения Наркомата внутренних дел на Наркомат госбезопасности и Наркомат внутренних дел, военная контрразведка тогда же была передана в подчинение Наркомата обороны. Это событие генерал П. Судоплатов назвал в своей книге знаковым:

«Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение в разделении функции спецслужб с целью выведения из-под контроля одного человека — Берии и непосредственное подчинение лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка». О том, почему военная контрразведка стала специальным органом, который был придан наркому обороны, П. Судоплатову рассказал В. Меркулов:

«Главной причиной такого решения было то, что Ворошилов — нарком обороны — мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦКВКП(б) и управление кадров Наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация — наличие компрометирующих материалов и проверки руководящего состава офицерского корпуса.

Как ни странно, информацией о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной Армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как председатель Совета Народных Комиссаров. НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения информации до наркома обороны, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился».

Таким образом, военная контрразведка оказалась в двойном подчинении: «Во-первых, они подчинялись непосредственно наркому обороны, минуя Генштаб, т. е. это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности — с территориальными и центральным аппаратом. Военная контрразведка сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было своих следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она

должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативного и слухового контроля. Она имела весьма и весьма ограниченную базу».

Но, как известно, выделение военной контрразведки из НКВД — Н КГ Б накануне войны оказалось кратковременным (февраль 1941 г. — июль 1941 г., или пять месяцев). Уже 17 июля 1941 г. вышло Постановление ГКО № 187СС «О преобразовании органов 3-го Управления в Особые отделы»:

«1. Преобразовать органы 3-го Управления как в действующей армии, так и в военных округах от отделений в дивизиях и выше в Особые отделы, а 3-е Управление — в Управление Особых отделов.

2. Подчинить Управление Особых отделов и Особые отделы Народному Комиссариату Внутренних Дел, а уполномоченного Особотдела в полку и Особотдел в дивизии одновременно подчинить соответственно Комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей Особых отделов на период войны считать решительную борьбу с шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе.

4. Дать Особым отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение Особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД.

6. Обязать начальников охраны тыла иметь прямую связь с Особыми отделами и оказывать им всяческую поддержку.

Этот документ подписал сам Сталин как председатель ГКО. Здесь стоит отметить, что с началом войны задачи особых отделов изменились на 180 градусов. Теперь борьба с контрреволюцией вышла на второй план.

4

На посту начальника Управления особых отделов Абакумов сменил Анатолия Николаевича Михеева. Существует версия, что Михеев попросил направить его в действующую армию. «На это решение повлияла фальсификация уголовного дела командующего Западным фронтом Павлова, в которой он был вынужден принять участие по указанию замнаркома обороны Льва Мехлиса, — пишет Владислав Крамар. — Грязным интригам бригадный комиссар предпочел передовую». Но это не совсем так. Во-первых, Михеев был майором ГБ, а во-вторых, 19 июля 1941 г.

ему присвоили специальное звание комиссара ГБ 3-го ранга.

В-третьих, не думаю, что Анатолий Николаевич тяготился своей должностью только из-за фальсификации уголовного дела генерала армии Павлова. В сущности, он мог вообще тяготиться должностью главного особиста, на которой прослужил менее года с 23 августа 1940 г. до 17 июля 1941 года. Сначала начальником ОО ГУГБ НКВД СССР, а с 8 февраля 1941 г. — начальником 3-го управления НКОССР. Хотя и это вызывает сомнение. После сокрушительного поражения Западного фронта в конце июня 1941 г. возник вопрос о доверии командным кадрам Красной Армии. По этому поводу П.А. Судоплатов в свое книге написал: «По линии военной контрразведки были подняты компрометирующие материалы на всех командующих фронтами, командующих армиями, корпусами и дивизиями. Все ложные и выбитые показания о мифическом военном заговоре, о якобы причастности к заговорщической группе Тухачевского и других были доложены Сталину и Молотову. Сталин поручил изучить эти документы секретарю ЦК Г. Маленкову. Однако следует иметь в виду, что справки и заключения, подписанные Михеевым, начальником контрразведки, направлялись в ЦК, как это было заведено, без комментариев НКВД. Докладывалось лишь о наличии таких материалов. Несмотря на компрометирующие данные о причастности к делам мифических групп и военных заговорщиков, по всем лицам, о которых шла речь в этих документах, в июле — августе 1941 г. состоялись решения ЦК об утверждении их командующими армиями и соединениями Красной Армии. Таким образом, имею смелость утверждать, что Сталин, Молотов, Берия, Маленков уже тогда знали истинную цену так называемых «дел» о военном заговоре.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство. Все командующие армиями и соединениями Красной Армии, переформированными после поражений в июне 1941 г., были утверждены в ЦК партии тогда, когда «наверху» принималось решение о характере предъявляемого Павлову обвинения. Его обвинили не в измене Родине, а в воинском должностном преступлении».

Стоит отметить, что аресты генералов РККА в апреле — июне 1941 г. производились при Михееве перед самым началом войны.

Например, генерал-майора Мищенко С.М. арестовали 21 апреля; генерал майора Филина А.И. — 23 мая; генерал-майора Шахта Э.Г. — 30 мая; генерал-лейтенанта Пумпур П.И. — 31 мая; генерал-полковника Штерна Г.М. — 7 июня; генерал-майора Крустиныиа А.Н. — 8 июня; генерал-лейтенанта Смушкевича Я.В. — 8 июня; генерал-майора Левина А.А. — 9 июня; генерал-

майора Юсупова П.П. — 17 июня; генерал-лейтенанта Алексеева П.А. — 18 июня; генерал-полковника Локтионова А.Д. — 19 июня и т. д. Аресты продолжались и дальше. Причем обычно особисты арестовывали без санкции прокурора на основании имевшихся у них «материалов» и только потом получали санкцию на арест. И снова всем генералам вменялось участие в антисоветском военном заговоре. Их пытали и при Михееве, а потом при Абакумове.

Штерна сломали 27 июня, через двадцать дней пыток. С первых дней истязали и Локтионова. В заявлении от 16 июня 1941 г. он писал: «Я подвергаюсь огромным физическим и моральным испытаниям. От нарисованной перспективы следствия у меня стынет кровь в жилах. Умереть, зная, что ты не был врагом, меня приводит в отчаяние. Я пишу последние слова — крик моей души: дайте умереть честной смертью».

Так что фальсификация не могла повлиять на желание Михеева освободить свое кресло другому, потому что тогда еще очень многое фальсифицировалось. А как еще расписать заговоры, если их не было?

Михеев родился в 1911 г. в семье сторожа. В 1927 г. окончил школу второй ступени в Архангельске, вступил в комсомол, работал чернорабочим. В 1928 г. поступил в военно-инженерную школу, которую окончил в 1931 г.

Командовал взводом отдельного саперного батальона, затем ротой. В 1932 г. вступает в партию. В 1933 г. его переводят в войска ОГПУ-НКВД на должность курсового командира саперно-маскировочного дивизиона 4-й пограничной школы в Саратове.

В 1935 г. он — руководитель оборонительных и необоронительных построек 4-й пограничной школы. В этом же году Анатолий Николаевич поступает в Военно-инженерную Академию РККА им. Куйбышева, в которой он успел окончить только 4 курса. В феврале 1939 г. его назначают начальником Особого отдела НКВД Орловского Военного округа, а в сентябре 1940 г. начальником особого отдела НКВД Киевского Военного округа. В 1936 г. он еще старший лейтенант РККА, в 1938 г. — капитан РККА, в 1939 г. — майор РККА. Далее, 4 февраля 1939 г. — капитан ГБ, 7 сентября 1939 г. — майор ГБ. 26 апреля 1940 г. Михеева наградили орденом Красной Звезды. Следом за майором ГБ ему присваивают звание — дивизионный комиссар. В общем, вполне блестящая карьера, если не одно «но». Михеев военный человек, но с чисто инженерным образованием. Такому не под силу решать задачи карательного ведомства в полном объеме. И такой Михеев не особенно устраивал Лаврентия Павловича. С началом войны Нарком внутренних дел видел на

этой должности более исполнительного и более опытного выдвиженца Кобулова — кадрового сотрудника Абакумова.

Тем более что Михеев даже не пытался сопротивляться. Он сам рвался на фронт, на передовую, освобождая дорогу Виктору Семеновичу.

23 сентября 1941 г. раненный в ногу комиссар госбезопасности третьего ранга А.Н. Михеев, находясь в окружении, погиб под гусеницами танка.

Даже мертвый, он сжимал в руке маузер, в котором не осталось ни одного патрона.

* * *

Генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова арестовали 4 июля 1941 г. в Довске по распоряжению ЦК.

30 июня по приказу Сталина его вызвал в Москву Жуков. Разгромленный фронт Павлов сдал генералу Еременко и на следующий день выехал в столицу. Первый, к кому он зашел, был Жуков. По воспоминаниям маршала, он не узнал бывшего командующего, так похудел и осунулся тот всего за восемь дней войны. Разговор у них состоялся тяжелый. 2 июля Павлова принял Молотов. Дмитрий Григорьевич попытался объяснить, почему его фронт оказался прорван. А третьего числа Павлов уехал в сторону Смоленска, чтобы получить новое назначение. Дело в том, что Еременко пробыл на должности всего несколько дней.

Сталин изменил свое первоначальное решение и назначил командующим фронтом маршала Тимошенко. К нему-то и ехал Павлов. Прощаясь с женой, он старался быть бодрым:

— Поеду бить Гудериана, он мне знаком по Испании.

— Положить тебе парадную форму? — спросила жена.

— Победим, приедешь в Берлин и привезешь!

Но судьба его уже была решена.

Членом Военного Совета фронта вождь назначил Л.З. Мехлиса, которому, напутствуя, сказал:

— Разберитесь там, на Западном фронте, соберите Военный Совет и решите, кто, кроме Павлова, виновен в допущенных серьезных ошибках.

По идее, Павлова должны были арестовать еще в Москве, но военные контрразведчики дело завалили. Бывшего командующего взяли по дороге на фронт. Берия был явно недоволен. Следовательно, Михеев не уловил момент, не справился. Л. Млечин пишет: «В постановлении на арест, составленном

следственной частью 3-го управления (военная контрразведка) НКВД, Павлову предъявлялось традиционное обвинение как участнику «военного заговора».

Постановление об аресте утвердил Тимошенко. Павлову сказали, что «он арестован по распоряжению ЦК»».

6 июля Мехлис сообщил вождю:

> «Военный Совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение.
>
> **Военный Совет решил**:
>
> 1. Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских, бывшего заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии фронта Клича».

Сталин продиктовал ответ тут же: «Тимошенко, Мехлису, Пономаренко. Государственный комитет обороны одобряет ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта».

Допрос Павлова зафиксирован 7 июля 1941 г. в один час тридцать минут. Допрашивают: врио зам. начальника следственной части 3-го Управления НКОССР старший батальонный комиссар Павловский и следователь 3-го управления НКОССР младший лейтенант госбезопасности Комаров.

Со второго вопроса сразу в дамки:

— В таком случае приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.

— Вы с ума сошли? Я не предатель, — отвечает Павлов. — Поражение войск, которыми я командовал, произошло по независящим от меня причинам.

Павловский настаивает:

— У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом.

— Яне изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию.

— Как же в таком случае это произошло?

И Дмитрий Григорьевич излагает обстановку, при которой начались военные действия. Павловский по ходу его рассказа лишь подбрасывает вопросы, как в топку дрова. Но где-то около

16 часов он возвращается в самое начало:

— Если основные части округа к военным действиям были подготовлены, распоряжение о выступлении вы получили вовремя, значит, глубокий прорыв немецких войск на советскую территорию можно отнести лишь на счет преступных действий как командующего фронтом.

— Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал.

Старший батальонный комиссар уточняет свой вопрос:

— На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие войска вклинились глубоко на советскую территорию.

Повторяю, что это результат изменнических действий с вашей стороны.

— Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ.

И вот кульминация первого допроса, который закончился в 16 часов 10 минут:

— Напрасно вы пытаетесь свести поражение к независящим от вас причинам. Следствием установлено, что вы являетесь участником заговора еще в 1935 г. и тогда имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти данные.

Но Павлов пока не сдается:

— Никогда нив каких заговорах я не был и ни с какими заговорщиками не вращался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжелое и неправильное с начала до конца.

Следующий допрос (9 июля в 12 часов) Павловский начинает со старой песни, но бывший командующий все же уклоняется от слова «организация» и уходит от членства в ней. Пока он не сдается. Заканчивая допрос в 15 часов 10 минут, Павловский заявляет:

— Следствие убеждено, что вы умышленно предали фронт, и будет разоблачать вас в этом.

11 июля допрос начался в 13 часов 30 минут. Вопрос к Павлову:

— На допросе 9 июля текущего года вы признали себя виновным в поражении на Западном фронте, однако скрыли свои заговорщические связи и действительные причины тяжелых потерь, понесенных частями Красной Армии в первые дни войны с Германией. Предлагаем дать исчерпывающие показания о своих вражеских связях и изменнических делах.

И только теперь Дмитрий Григорьевич сдался:

— Действительно, основной причиной поражения на Западном фронте является моя предательская работа как участника заговорщической организации, хотя этому в значительной мере способствовали и другие объективные условия, о которых я показал на допросе 9 июля т.г.

— На предыдущем допросе вы отрицали свою принадлежность к антисоветской организации, а сейчас заявляете о своей связи с заговорщиками. Какие показания следует считать правильными?

— Сегодня я даю правильные показания и ничего утаивать от следствия не хочу.

И Павлов дает нужные показания, как в безумном сне, в агонии, но говорит, то, что надо, или просто подписывает протокол, аккуратно «отшлепанный» на машинке. Он не выдержал, сломался. С ним очень «плодотворно» поработал следователь Комаров или, точнее, тот, который обозначен в протоколе допроса как следователь Комаров. Всего несколько слов об этом, если так можно сказать, человеке.

Комаров Владимир Иванович родился в 1916 г. в Ленинграде, русский, член партии с 1942 г. Выходец из рабочих. Слесарь. Всего семь классов образования. После ФЗУ работал помощником машиниста на Московском заводе «Каучук», затем комсоргом в московской школе. В 1938 г. по комсомольской путевке пришел на работу в органы НКВД помощником оперуполномоченного в особом отделе центра, а в 1939 г. назначен следователем.

Высокий и полный, с толстыми губами и сросшимися мочками ушей, Комаров мастерски орудовал кулаками и не менее виртуозно — резиновой дубинкой. Впоследствии он напишет: «Читая составленные мною протоколы допросов, Абакумов часто говорил мне: «Ты — дуб», я, по его мнению, писать совсем не умел». Но при этом Комарова Абакумов возьмет к себе секретарем в 1942 году. Значит, справлялся. Так что не случайно Павлова допрашивали двое. Один задавал вопросы, а второй в буквальном смысле «колол» бывшего генерала армии, что называется, «от души».

Почему следствие усердно раскручивало предательский сговор Павлова с фашистами? Об этом написал в своей книге Н.А. Зенькович:

«Когда речь зашла о деле генерала армии Павлова и других арестованных видных генералах, Мехлис заявил, что он подозревает бывшего командующего фронтом в сговоре с немцами, перед которыми Павлов открыл фронт.

Тимошенко не поверил:

— Какие у вас доказательства измены Павлова? — спросил у

Мехлиса маршал.

— Надеюсь, что Павлов сам запираться не будет, — многозначительно ответил Мехлис.

Присутствующие притихли. Все знали, что Мехлиса на фронт прислал Сталин. А вдруг это поручение Сталина? Тогда понятно, почему следователи требуют от Павлова признаний в измене.

Неожиданно Тимошенко поддержал Ворошилов.

— На каком основании вы подозреваете Павлова в пособничестве фашистам? — сердито обратился он к Мехлису. — В чем, по-вашему, Павлов не будет запираться?

— Павлов часто впадает в невменяемость, — загадочно произнес молчавший человек со знаками различия бригадного комиссара. — В такие минуты он может подписать любое обвинение.

Все повернулись к сидевшему на приставном стуле рядом с начальником особого отдела фронта бригадному комиссару. Это был прилетевший из Москвы начальник Управления особых отделов наркомата обороны.

Тревожную тишину нарушил Тимошенко, спросивший, какие показания дают арестованные.

— Павлов вину признал, — ответил бригадный комиссар. — Другие отрицают.

— В чем вину?

— В неподготовленности войск округа, в потерях авиации на пограничных аэродромах, в потере штабом округа связи с армиями, — перечислял бригадный комиссар. — Но продолжает упорствовать в отрицании предательства.

— А у вас есть основания для того, чтобы предъявлять Павлову подобные обвинения?

Начальник Управления особых отделов пытался поймать взгляд Мехлиса, но тот отвернулся.

— Мы обязаны всесторонне ставить вопросы, — неуверенно произнес бригадный комиссар.

Мехлис перевел обсуждение в политическую плоскость:

— Товарищи, мы должны подумать над тем, как объяснить партии, народу, да и всему миру, почему Красная Армия отступает».

Как вы догадались, бригадный комиссар — это Михеев. Только снова путают звание. Он был майором госбезопасности.

* * *

После сдачи должности Михеев в четыре часа утра выехал из

Москвы в Бровары (под Киевом), в штаб Юго-Западного фронта. Его сопровождали заместитель и адъютант.

А 22 июля 1941 г. состоялся суд. В ноль часов двадцать минут председательствующий армвоенюрист В.В. Ульрих открыл судебное заседание и объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению бывшего командующего Западным фронтом — генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича, бывшего начальника штаба Западного фронта — генерал-майора Климовских Владимира Ефимовича — обоих в преступлениях, предусмотренных ст. 63–2 и 76 УК БССР; бывшего начальника связи штаба Западного фронта — генерал-майора Григорьева Андрея Терентьевича и бывшего командующего 4-й армией — генерал-майора Коробкова Александра Андреевича, — обоих в преступлении, предусмотренном ст. 180 п.»6» УК БССР. И Павлов сразу же отказывается от тех показаний, которые выбил из него Комаров:

— Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя в участии в антисоветском военном заговоре не признаю. Участником антисоветской заговорщической организации я никогда не был.

Я признаю себя виновным в том, что не успел проверить выполнение командующим 4-й армией Коробковым моего приказа об эвакуации войск из Бреста. Еще в начале июня месяца я отдал приказ о выводе частей из Бреста в лагеря. Коробков же моего приказа не выполнил, в результате чего три дивизии при выходе из города были разгромлены противником.

Я признаю себя виновным в том, что директиву Генерального штаба РККА я понял по-своему и не ввел ее в действие заранее, то есть до наступления противника. Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу».

Следует отметить, что, как и следствие, суд был скорым. Уже в 3 часа двадцать минут был оглашен приговор. Генералов лишили званий и наград и приговорили к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Пройдет более пятнадцати лет, и 31 июля 1957 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР будут рассмотрены заключения Генерального прокурора СССР в отношении Павлова, Климовских, Григорьева, Коробкова и Клича (генерал-майор, начальник артиллерии). С доводами заключений Генерального прокурора СССР Военная коллегия будет согласна: «Прорыв гитлеровских войск на фронте обороны Западного Особого военного округа

произошел в силу неблагоприятно сложившейся для советских войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован Павлову и другим осужденным как воинские преступления, поскольку это произошло по независящим от них причинам».

Приказом министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова № 01 907 от 15 августа 1957 г. отменен приказ НКО от 28 июня 1941 г., которым был объявлен приговор по делу Павлова и других.

Однако обратимся к биографической справке о Павлове в 6-м томе Советской военной энциклопедии, изданном в 1978 году, где написано следующее:

«В сложных условиях начального периода войны, не имея регулярных и точных сведений о ходе боев, состоянии своих войск, Павлов не сумел проявить должной твердости и инициативы в управлении войсками фронта».

В книге «Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия», изданной в 1985 году, читаем о генерале Павлове: «Впервые дни войны командовал Западным фронтом. В связи с допущенными просчетами в руководстве войсками был отстранен от занимаемой должности».

Дело в том, что просчеты действительно были, но следствие прежде всего искало заговор, а деталями даже не интересовалось. Не обратили внимание на детали и в пятидесятые. Хотя их не мало.

Бесспорно, что для немецкого командования западное направление было главным в операции «Барбаросса», поэтому в группе армий «Центр» оно сосредоточило 40 % всех своих дивизий, развернутых от Баренцева до Черного моря (в т. ч. 50 % моторизованных и 52,9 % танковых).

В полосе наступления группы армий «Центр», в непосредственной близости от границы, находилось пятнадцать советских дивизий, а четырнадцать располагались в 50–100 км от нее. Остальные войска начали сосредоточение к границе в середине июня, и к 22 июня в движении находились войска четырех стрелковых корпусов (десять дивизий). Кроме того, на территории округа в районе Полоцка сосредотачивались войска 22-й армии из Уральского ВО, из состава которой к 22 июня прибыло на место три стрелковые дивизии и один механизированный корпус из Московского ВО.

К моменту начала войны войска Западного округа, содержащиеся по штатам мирного времени, уступали противнику только в личном составе (1,8:1), но превосходили его в танках (1,9:1), самолетах (1,2:1) и незначительно в артиллерии.

Красная Армия стратегическое сосредоточение и развертывание на Западном ТВД начала в мае 1941 г., которое должно было завершиться к 15 июля. Поэтому 22 июня ее, не имеющей ни оборонительной, ни наступательной группировки, застали врасплох и громили по частям. Группа армий «Центр» осуществляла двойной охват войск Западного округа, расположенных в Белостокском выступе, ударом от Сувалок и Бреста на Минск, поэтому основные силы противника были развернуты на флангах, и это одна сторона медали. А другая? В час ночи 22 июня Павлов докладывал обстановку наркому. В докладе он отметил: «очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армией Кузнецова, в течение полутора суток в Сувальский выступ шли беспрерывно немецкие мото-мехколонны».

Он прекрасно знал, что на участке Августов — Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снято проволочное заграждение. Отсюда следует, что Павлову докладывали о всех передвижениях противника и он должен был понимать, что это война. Но только теперь, во втором часу, по указанию наркома он предложил привести войска в боевое состояние. А что, собственно, мешало Павлову это сделать 21 или 20 июня? Скорее не неисполнительность, а отсутствие обыкновенной инициативы. Военачальник обязан всегда идти на риск, лишь принимая меры к степени его уменьшения. Но, исключая риск, он никогда не будет уметь успех. Это аксиома.

Около четырех часов утра командующие армиями доложили, что все у них спокойно, но прошли считанные минуты, и началась война. Около пяти часов утра связь с армиями была прервана, а управление войсками было потеряно.

Отсутствие данных о потерях живой силы и материальной части 22 и 23 июня, растерянность при мгновенно меняющейся обстановке, невозможность вовремя отдать приказ, отсутствие контроля за выполнением поставленных задач, невыполнение разведывательных задач, отсутствие бронебойных боеприпасов, отсутствие горючего для механизированных корпусов (хранилось в Майкопе), несоответствие приказов и распоряжений и т. д. В общем, самый натуральный бардак, который был узаконен до войны.

В последнем слове Павлов сказал на суде:

— Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне.

И это чистая правда. Например, проверка боевой подготовки

артиллерии в 1940/1941 учебном году показала только в Западном округе следующие результаты: по надземной артиллерии проверялся командный состав пяти артиллерийских полков, из них четыре получили плохую оценку и только один посредственную. В большинстве частей отсутствовала система, планы и программы подготовки командного состава и штабов. Но самое страшное, что не выполнялись приказы наркома обороны. Еще в 1939 г. нарком потребовал обязательной маскировки всех вновь строящихся оперативных аэродромов, а также маскировки всей аэродромной сети ВВС. Вы думаете, что-то сделали? Конечно, нет! В декабре 1940 г. нарком приказывает закончить маскировку всех аэродромов, расположенных в 500-километровой полосе от границы. Вы думаете, теперь что-то сделали? Опять-таки нет! 19 июня 1941 г. выходит приказ наркома, где говорится о том, что по маскировке аэродромов до сих пор ничего существенного не сделано. И он снова приказывает: «категорически воспретить линейное и скученное расположение самолетов». Но теперь было уже поздно.

Генерал Штеменко в своих мемуарах писал: «Одним из важнейших качеств полководца является чувство предвидения, или, как его часто называют, интуиция. Предвидение, или интуиция, — это способность полководца мысленно представлять себе ход и исход будущего сражения до мельчайших деталей».

К сожалению, Павлов, командуя округом, а потом фронтом, не дорос не только до уровня полководца, но и военачальника. Поэтому неудивительно, что из 24 маршалов и генералов, выдвинутых на роль командующих фронтами в 1941 г. суровый отбор прошли только пять человек, «оказавшись командующими войсками фронтов на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Это Еременко, Жуков, Конев, Малиновский и Мерецков. И сегодня, отвечая на вопрос о виновности генерала Павлова, можно сказать лишь одно: высокая должность наделена не только неограниченными правами, но прежде всего высочайшей ответственностью. Следовательно, чем выше должность совершившего преступление, тем строже должно быть и наказание.

И все же следователи 3-го управления на предварительном следствии пятнадцать дней допрашивали Павлова о заговоре, вместо того чтобы установить его действительную вину. Хотя лично я сомневаюсь в том, что это бы у них получилось!

Штаты центрального аппарата Управления особых отделов НКВД СССР были утверждены 15 августа 1941 г. и дополнительно 24 января 1942 г. Теперь Виктору Семеновичу Абакумову полагалось три заместителя и секретариат, а его Управление состояло из оперативного отделения, следственной части, 1-го отдела (генштаб, Военная прокуратура, Разведуправление), 2-го отдела (ВВС), 3-го отдела (Бронетанковые войска. Артиллерия), 4-го отдела (основные рода войск), 5-го отдела (интендантская и санитарная службы), 6-го отдела (войска НКВД), 7-го отдела (оперативный розыск, учеты, мобработа), 8-го отдела (шифровальная служба).

При Высшей школе НКВД СССР уже с 26 июня 1941 г. начали функционировать курсы подготовки оперативных работников для особых отделов численностью 850 человек. По мере необходимости курсы краткосрочного обучения создавались и на местах. С августа по декабрь 1941 г. были назначены заместители Абакумова — Ф.Я. Тутушкин, Н.А. Осетров. Л.Ф. Цанава.

Всего по штатам Управления особых отделов числилось 387 человек.

В январе 1942 г. в состав УООНКВД вошла контрразведка флота — как 9-й отдел (ВМФ), а в июне были введены еще три отдела: 10-й (контрразведка особых органов фронтов и округов); 11-й (инженерные и химические войска, саперные армии, оборонительное строительство и войска связи); 12-й (Главное управление формирований и комплектования Красной Армии).

В июне 1942 г. штатная численность Управления особых отделов НКВД СССР составила 225 человек.

Теперь у В.С. Абакумова уже четыре заместителя (С.Р. Мильшгейн, Ф.Я. Тутушкин, Н.А. Осетров, Л.Ф. Цанава). Секретариат возглавлял Я.М. Броверман, Оперативное отделение А.В. Миусов, Следственную часть (три отделения) Б.С. Павловский, 1-й отдел (три отделения) И.И. Москаленко, 2-й отдел (пять отделений) А.А. Авсеевич, 3-й отдел (три отделения) В.П. Рогов, 4-й отдел (четыре отделения) Г.С. Балясный-Болотин, 5-й отдел (два отделения) К.П. Прохоренко, 6-й отдел (четыре отделения) С.П. Юхимович, 7-й отдел (два отделения) А.Ф. Соловьев, 8-й отдел (два отделения) М.П. Шариков, 9-й отдел (два отделения) П.А. Гладков, 10-й отдел — И.И. Горгонов, 11-й отдел — А.Е. Кочетков, 12-й отдел — П.М. Чайковский.

Следственная часть занималась шпионажем, антисоветскими формированиями и руководило следственной работой на периферии:

1-й отдел обслуживал оперативное управление Генерального штаба, штабы фронтов и армий. Остальные управления и отделы

Генштаба, Главное разведывательное управление Генштаба, разведорганы фронтов и армий.

2-й отдел — штаб ВВС, вооружение и тыл ВВС, Академии ВВС и периферийные части ВВС, ПВО, ВДВ.

3-й отдел — Главное Автобронетанковое управление, управления фронтов, армий, танковых армий, корпусов и бригад, Главное артиллерийское управление Красной Армии;

4-й отдел — руководил агентурно-оперативной работой особых органов (по родам войск) на Карельском, Ленинградском, Волховском, Северо-Западном, Калининском фронтах, в 7-й отдельной армии, резервных армиях, руководил агентурно-оперативной работой на Западном, Брянском, Юго-Западном, Южном, Северо-Кавказском фронтах, занимался борьбой с изменой, дезертирством и самострелами, организацией заградительной службы, обслуживал редакции военных газет, органы военной прокуратуры, военные трибуналы, военные академии, Центральный дом Красной Армии;

5-й отдел — Главное интендантское управление, Управления фронтов, интендантские отделы армий, Управление снабжения горючим, Главное санитарное управление, Ветеринарное управление, фронтовые и окружные сан. и вет-службы, Главное автодорожное управление, Главвоенстрой, Военпроект (академии);

6-й отдел обслуживал пограничные войска и учебные заведения войск НКВД, внутренние войска и войска охраны тыла фронтов, железнодорожные, промышленные и конвойные войска, органы военного снабжения войск НКВД;

7-й отдел занимался действующим учетом управления особых отделов, отчетностями фронтовых особорганов, учетом изменников, шпионов, диверсантов, террористов, паникеров, дезертиров, самострельщиков и антисоветских элементов, особым учетом изменников Родины, агентов разведки и лиц, скомпрометированных по показаниям последних, проверкой номенклатуры ЦКВКП(б), НКО, НКВМФ, шифроработников, допуском к секретной, мобилизационной работе, проверкой командируемых за границу и личного состава Красной Армии и ВМФ;

8-й отдел — агентурно-оперативное обслуживание шифроорганов, инспектированием шифроорганов особых отделов, учетом и пересылкой шифров;

9-й отдел — курировал Главный морской штаб, разведуправление ВМФ, школу разведупра, управление наркомата и учреждения центрального подчинения и их периферийные объекты, управление, штаб, узел связи ВВС ВМФ,

управление ПВО ВМФ;

10-й отдел — руководил контрразведывательной работой особых органов фронтов и округов;

11-й отдел — обслуживал инженерные и химические войска, саперные армии, оборонительное строительство и войска связи;

12-й отдел — Главное управление формирований и комплектования Красной Армии.

* * *

Иван Александрович Чернов пришел на работу в органы в 1932 г. После школы НКВД занимался оперативной работой.

В 1936 г. проводил операцию в Китае: через Монголию организовывал доставку оружия для воинских частей Мао Цзэдуна в Яньани. Затем служил в Разведуправлении Красной Армии — помощником начальника отдела специальных операций в Генштабе. Занимался Китаем. В сентябре 1941 г. подал рапорт о направлении в Действующую армию и его вызвали в Управление особых отделов к Абакумову. Так старший батальонный комиссар Чернов впервые встретился с будущим начальником ГУКР СМЕРШ.

Абакумов в упор посмотрел на Чернова и сказал:

— Вы отстали от чекистской жизни, будете замначотделения, большего дать не можем.

Иван Александрович попытался ему объяснить, что у него три шпалы, да и все-таки работал помощником начальника отдела, мол, куда еще ниже. Но тут же понял, что говорить об этом бесполезно. «Но раз идет война — разве можно отказаться», — подумал он.

Спустя десятилетия, И.А. Чернов вспоминал: «С наступлением холодов перебрался я на Лубянку, там оставалась группа управленцев и небольшая часть оперативного состава — основные силы были эвакуированы в Куйбышев. Работали днем и ночью, спали когда придется, урывками, а мылись во внутренней тюрьме, где был душ».

А вот что вспоминал о В.С. Абакумове ветеран-особист А.И. Нестеров: «Он пришел к нам уже сложившимся чекистом. Опыта у него хватало — все-таки почти десять лет в органах. На основе мельчайших деталей не всегда, но довольно часто он делал правильные выводы и принимал верные решения. В чем ему нужно было отдать должное — хватка у него была крепкая. Он требовал беспрекословного исполнения своих указаний и уж о данных поручениях никогда не забывал и если что-то решал, от

своего решения не отступал никогда, жестоко настаивая на своем. Работать с ним было нелегко, но всегда была уверенность в том, что назавтра он не скажет: «Я ничего подобного вам не поручал».

Чекисты высоко ценили Абакумова, хотя многие и побаивались его».

* * *

5 октября 1941 г. в 17 часов 30 минут члену Военного совета Московского военного округа генералу К.Ф. Телегину поступили сообщения из Подольска: комендант Малоярославского укрепрайона комбриг Елисеев сообщал, что танки противника и мотопехота заняли Юхнов, прорвались через Малоярославец, идут на Подольск. До Москвы от Малоярославца по шоссе менее ста километров. По тому времени это два с половиной часа в пути. Информация, прямо скажем, страшная. Генерал Телегин о случившемся тут же доложил в Генеральный штаб и приказал командующему ВВС МВО полковнику Сбытову проверить данные, поступившие от Елисеева. Летчики Сбытова несколько раз вылетали в сторону Юхнова и информация подтвердилась…

В это время из Генштаба доложили Верховному, потому что вскоре Телегину позвонил Берия и спросил:

— Откуда вы получили сведения, что немцы в Юхнове, кто вам сообщил?

А после доклада генерала сказал свое резюме:

— Слушайте, что вы там принимаете на веру всякую чепуху? Вы, видно, пользуетесь информацией паникеров и провокаторов.

Затем позвонил сам Сталин:

— Телегин? Это вы сообщили Шапошникову, что танки противника прорвались через Малоярославец?

— Да, я, товарищ Сталин, — ответил генерал.

— Откуда у вас эти сведения?

— Мне доложил из Подольска комбриг Елисеев. А я приказал ВВС немедленно послать самолеты и перепроверить, и еще также проверку осуществляю постами ВНОС.

— Это провокация. Прикажите немедленно разыскать этого коменданта, арестовать и передать в ЧК, а вам на этом ответственном посту надо быть более серьезным и не доверять всяким сведениям, которые приносит сорока на хвосте.

Никто не хотел верить в очевидное. Уж слишком быстро немцы подошли к столице Советского Союза.

К начальнику Управления особых отделов вызвали и полковника Сбытова. Все по тому же вопросу. Причем требование

было: прибыть немедленно. Можно только представить, что он испытал, поднимаясь по этажам дома № 2 на улице Дзержинского в кабинет Абакумова.

«Когда Сбытов вошел к нему в кабинет, Абакумов резко и грозно спросил:

— Откуда вы взяли, что к Юхнову идут немецкие танки?

— Это установлено авиационной разведкой и дважды перепроверено.

— Предъявите фотоснимки.

— Летали истребители, на которых нет фотоаппаратов, но на самолетах есть пробоины, полученные от вражеских зениток. Разведка велась с малой высоты, летчики отчетливо видели кресты на танках.

— Ваши летчики — трусы и паникеры, такие же, видимо, как и их командующий. Мы такими сведениями не располагаем, хотя получаем их, как и генштаб. Предлагаю вам признать, что вы введены в заблуждение, что никаких танков противника в Юхнове нет, что летчики допустили преступную безответственность и вы немедленно с этим разберетесь и сурово их накажете.

— Этого сделать я не могу. Ошибки никакой нет, летчики боевые, проверенные и за доставленные ими сведения я ручаюсь.

— А чем вы можете подтвердить такую уверенность, какие у вас есть документы?

— Прошу вызвать командира 6-го истребительного авиакорпуса ПВО полковника Климова. Он, вероятно, подтвердит.

Абакумов стал вызывать Климова, а до его прибытия Сбытова задержали. Когда прибыл Климов, Сбытова снова вызвали в кабинет Абакумова.

— Чем вы можете подтвердить, что летчики не ошиблись, сообщив о занятии Юхнова танками противника? — обратился Абакумов к Климову.

— Я такими данными не располагаю, летали летчики округа.

Тогда Сбытов попросил вызвать начальника штаба корпуса полковника Комарова с журналом боевых действий, рассчитывая, что в журнале есть соответствующие записи. Комаров прибыл, но так же, как и Климов, заявил, что работу летчиков корпус не учитывает и в журнал боевых действий не заносит. После тяжелого и мрачного молчания Абакумов повернулся к Сбытову, сказал:

— Идите и доложите Военному Совету округа, что вас следует освободить от должности как не соответствующего ей и судить по законам военного времени. Это наше мнение».

Но танки действительно оказались в Юхнове, и это спасло полковника Сбытова.

Тут следует отметить, что приказ «разобраться» Абакумов получил от Лаврентия Павловича. Атак как тогда больше всего боялись паники, то любая непроверенная информация считалась не более чем слухом. И Виктор Семенович был обязан проверить поступившие сведения, запросив командующего ВВС М ВО лично. Однако удивляет то, что информация о подходе немцев пришла не по линии органов и разведки разведупра, а от военных. При этом полковник Сбытов так и не смог документально подтвердить данные воздушной разведки. По этому поводу можно говорить что угодно, но какой же он тогда был командующий? 10 октября членам ЦК объявили, что немцы прорвали фронт, а 12 октября командующий резервным фронтом и Московской зоной обороны генерал-лейтенант П.А. Артемьев доложил из Малоярославца Сталину, что между наступающими немцами и Москвой советских войск нет.

— Вас назначили командующим фронтом, а вы превратились в командира взвода разведки. Возвращайтесь в Москву, — ответил ему вождь.

В этот день он подписал распоряжение ГКО с поручением Наркомату внутренних дел взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве с запада и юга.

14 октября немецкие танки вошли в Калинин. Члену Военного Совета Западного фронта Булганину доложили: «Все население в панике убежало, эвакуированным оказался и весь транспорт. 13 октября из города сбежала вся милиция, все работники НКВД и пожарная команда. Милиции имелось в городе до девятисот человек и несколько сот человек работников НКВД. Настроение у всех руководителей было не защищать город, а бежать из него».

В ночь на 15 октября Сталин подписал постановление ГКО об эвакуации столицы СССР г. Москвы.

Из отчета Московской городской подпольной организации ВЛКСМ о ситуации в Москве в октябре 1941 г.:

> «13 октября наши войска оставили Вязьму (…). В райкоме сногсшибательные факты — как прямое следствие паники. У хлебного киоска на Трубной площади давка, хулиганство — ломают киоск. Рабочие молокозавода задержали директора с молочными продуктами. Продукты и машину отняли, директора окунули в бочку со сметаной (…).
>
> Вот Крестьянская застава. Десятки тысяч народу. Машины стоят и движутся. Давка. Сотни милиционеров

не в состоянии навести порядок. С ними расправляются как с мальчишками. Водно мгновение и милиционера стащили с лошади. Вот мчится машина, сигналит. Публика преграждает путь, останавливает машину, вытаскивает шофера и выбрасывает вещи. Это не первая и не последняя. Пешеходы, запрудившие движение, как на спортивном празднике, выбрасывают тюк за тюком».

И все же паника в столице была.

Например, два милиционера сорвали петлицы и выпороли канты, а некоторые москвичи, чтобы доехать до Горького, платили по 3 тысячи рублей водителям остановившихся машин.

Кто мог, бежал из Москвы, забирая с собой самое ценное. Так, директор Московского планового института «бросил свой пост и сбежал», похитив 23 688 рублей. Огромные деньги по тем временам. Целое состояние! Некоторые партийцы в спешке бросали даже секретные документы: (15 октября) «в 15 часов, при обходе туннеля Курского вокзала работниками железнодорожного отдела милиции было обнаружено 13 мест бесхозяйственного багажа. При вскрытии багажа оказалось, что там находятся секретные пакеты в МК ВКП(б), партийные документы: партбилеты и учетные карточки на членов и кандидатов ВКП(б), личные карточки на руководящих работников МК, МГК, облисполкома и облНКВД, а также и на секретарей райкомов города Москвы и Московской области».

Из рапорта заместителя начальника 1-го отдела НКВД СССР Д.Н. Шадрина о результатах осмотра здания ЦК ВКП(б) после эвакуации персонала (20 октября 1941 г.) можно узнать и о других преступлениях военного времени сбежавших коммунистов:

«После эвакуации аппарата ЦК ВКП(б) охрана 1-го отдела НКВД произвела осмотр всего здания ЦК. В результате осмотра помещений обнаружено:

1. Ни одного работника ЦКВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было.

2. Все хозяйство: отопительная система, телефонная станция, холодильные установки, электрооборудование и т. п. оставлено без всякого присмотра.

3. Пожарная команда также полностью вывезена. Все противопожарное оборудование было разбросано.

4. Все противохимическое имущество, в том числе больше сотни противогазов «БС», валялись на полу в комнатах.

5. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦКВКП(б) и другие документы.

6. Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжен.

7. Оставлено больше сотни пишущих машинок разных систем, 128 пар валенок, тулупы, 22 мешка с обувью и носильными вещами, несколько тонн мяса, картофеля, несколько бочек сельдей и других продуктов.

8. В кабинете тов. Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов. В настоящее время помещение приводится в порядок».

Очевидец тех событий Л.И. Тимофеев записал в своем дневнике:

«16 октября. Утро. Итак, крах. Газет еще нет. Не знаю, будут ли. Говорят, по радио объявлено, что фронт прорван, что поезда уже вообще не ходят, что всем рабочим выдают зарплату на месяц и распускают, и уже ломают станки. По улицам все время идут люди с мешками за спиной (…). Метро не работает».

Так что же происходило на самом деле? Не ранее 12 октября 1941 г. заместитель Абакумова комиссар госбезопасности 3-го ранга Мильштейн докладывал Наркому внутренних дел тов. Берии:

«В связи с имевшим место паническим отходом частей 43-й и 33-й армий в Юхновском направлении, Управлением особых отделов НКВД СССР 5 октября с.г. была командирована оперативная группа в составе 8 оперативных работников и 50слушателей Высшей школы НКВД под руководством капитана госбезопасности тов. Виноградова для наведения порядка и установления причин создавшейся паники. Перед группой также была поставлена задача — ознакомиться с состоянием укрепрайона и его частей.

Состояние частей и вооружение представляется в следующем виде.

649 кап занимает огневые позиции 1-й линии обороны в районе села Ильинского. Полк укомплектован кадровым командно-начальствующим составом, который неоднократно успешно участвовал в боевых действиях сколочен и опытен. Однако этот полк материальной частью оснащен недостаточно и, в связи с этим, часть его личного состава используется как стрелковое подразделение».

В полку вместо 12 пушек, положенных по штату, в наличии

имелось только три, вместо 18 пулеметов — только 6, вместо 100 станковых пулеметов— 10, вместо 950 винтовок — 394, а кроме того из 60 телефонных аппаратов полк имел 15. Из 24 положенных раций не было ни одной.

Особисты только пожимали плечами: каким образом полк будет взаимодействовать с пехотными частями и руководить боем? Одному Богу известно. 64-й артиллерийский полк входил в артгруппу первой линии обороны. Но и там было не лучше. Не хватало 476 человек старшего, среднего, младшего комначсостава и красноармейцев, 5 пушек, а 3 требовали капитального ремонта. Из 120 телефонных аппаратов полк имел только 27. Из 37 раций — 1.

Курсантский батальон Подольского артучилища из-за отсутствия материальной части использовался как стрелковый батальон. При этом в артполках стрелковых дивизий и штабных батареях отсутствовали специалисты артиллерии.

Далее из документа: «В беседе с командующим группой войск района Малоярославец генерал-майором Смирновым и комиссаром Подольского артучилища, последние возмущались отсутствием руководства со стороны представителей, прибывающих из штаба армии и фронта. 12 октября 1941 г. генерал-майор Смирнов заявил:

«Создавшееся положение на фронте требует принятия решительных мер и твердого руководства. Однако до сих пор не имеется единого руководства и я, как нач. группы, не знаю, кому подчиняюсь. Получаю приказания от генерал-майора Никольского, нач. укрепрайона, командующего армии, и был факт, когда мне нач. укрепрайона приказал перейти в наступление и занять деревню, что было сделано 12 октября. Командующий фронтом, узнав о моих действиях, заявил: «Этого делать было не нужно. Подчиненному мне 108-у запасному полку был непосредственно отдан приказ, о чем я не был поставлен в известность»».

В общем, Москву защищать было нечем.

16 октября Сталин позвонил Жукову и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков, — уверенно ответил Георгий Константинович.

Однако обстановка на фронте не позволяла верить в успех.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал вождь. — Но все же набросайте план отхода войск фронта за Москву, но только чтобы кроме вас, Булганина и Соколовского

никто не знал о таком плане, иначе могут понять, что за Москву можно и не драться.

18 октября на Каланчевке в полной готовности стоял поезд, предназначенный для вождя. Однако прибыв на вокзал, он неожиданно отказался от отъезда из столицы и вернулся на дачу. А на следующий день продиктовал постановление ГКО о введении в Москве осадного положения.

Тем не менее войска отступали. 27 октября противник взял Волоколамск.

2 ноября 1941 г. Абакумову докладывал начальник 3-го отдела майор ГБ Рогов:

«По Вашему приказанию выездом на место в г. Тулу проведенной разведкой через группу оперативного состава и личным выездом на линию обороны гор. Тулы установлено: противник в течение дня 29-го октября стремился прорваться в Тулу. В 17 час. 30 мин. 7 танков и до взвода автоматчиков противника вышли на южную опушку леса села Ясная Поляна. Во второй половине дня 29 октября авиация противника в количестве 17 самолетов бомбила линию обороны, занимаемую 290 стрелковой дивизией (дивизия в составе 1800 человек занимала район обороны Рисуновский, Старая Колпна, Малая Кожуховка).

В результате действий авиации противника основной командный пункт дивизии был уничтожен, запасной командный пункт подготовлен не был. Управление дивизией было потеряно. Командир 290 стрелковой дивизии к концу дня оставил дивизию и явился к командующему 50-й армии. Дивизия самовольно снялась с рубежа и открыла участок обороны (…).

Следует отметить, что в составе 50-й армии находятся части, вышедшие из окружения, по составу малочисленные, с большим недостатком вооружения. Так: 290 стр. дивизия, занимая оборону, на 29 октября имела 1800 человек, из них 300 человек без винтовок. Противотанковых средств (пушек, гранат, бутылок «КС») дивизия не имела. По борьбе с дезертирами, трусами и паникерами особым отделом НКВД 50-й армии организовано 26 заградительных отрядов в составе 111 человек и 8 патрульных групп в составе 24 человек. Работает группа оперативного состава в г. Туле на сборном пункте формирования.

По Вашему приказанию 30 октября в районе гор. Тулы заградительная работа была усилена. Непосредственно в районе гор. Тула выставлено 6 заградительных отрядов.

По городу организовано патрулирование оперативным составом. Дополнительно к группам, из состава роты, создано 2

патруля из оперативного состава отдела. Высланы заградительные отряды в г. Сталиногорск и гор. Винев. По шоссе на гор. Винев (основное движение воинских частей) выставлено 2 заградительных отряда и опер, чекистская группа.

Для связи с особыми отделами и оказания им помощи в борьбе с дезертирами выслано в дивизии 5 оперативных работников.

С 15 по 31 октября заград. отрядами задержано 2681 человек, из них арестовано 239 человек. В числе арестованных преобладающее большинство дезертиры. В то же время задержано и изобличено ряд немецких шпионов. (…) По постановлениям особых отделов НКВД расстреляно 38 дезертиров.

31 октября 1941 г. в г. Туле была попытка начать грабежи. Особым отделом НКВД 50-й армии из числа грабителей двое публично расстреляны».

Все же, несмотря на нечеловеческое противостояние, немецким войскам удалось 28 ноября форсировать канал Москва — Волга и 5 декабря выйти к московскому пригороду Химки. Но дальнейшие попытки противника прорваться к Москве были сорваны. И в этом немалая заслуга принадлежит военным контрразведчикам Абакумова. Для укрепления дисциплины и повышения стойкости войск, кроме активизации политической работы на фронте, широко использовались и заградительные отряды, которые действовали на линии фронта и в прифронтовой полосе. Только с начала войны до 10 октября 1941 г. заградотряды особых отделов задержали более 650 тыс. отставших от своих частей и оставивших фронт военнослужащих. До сих пор по этому поводу можно услышать осуждение, но, к сожалению, без репрессий остановить врага было невозможно.

Еще летом 41-го в распоряжение особых отделов передавались вооруженные отряды войск НКВД по охране тыла Действующей армии. При особых отделах фронтов формировались стрелковые батальоны, при особых отделах армий — роты, при особых отделах дивизий и корпусов — взводы. 4 декабря 1941 г. НКВД СССР направил в ГКО сведения, полученные из особых отделов Западного, Северо-Западного, Южного, Юго-Западного и Ленинградского фронтов, о переходах военнослужащих на сторону противника, а также данные о предотвращении таких попыток. Согласно документам, с начала войны (по неполным данным) было совершено 102 групповых перехода общей численностью 1944 человека. Одновременно были пресечены намерения перехода на сторону врага 159 групп в составе 1874 военнослужащих и 2773 одиночных попытки совершить такого рода преступления.

Сначала войны по 1 декабря 1941 г. особыми отделами НКВД было арестовано 35 738 чел., в том числе шпионов — 2343, диверсантов — 669, изменников — 4647, трусов и паникеров — 3325, дезертиров— 13 887, распространителей провокационных слухов — 4295, самострельщиков — 2358, за бандитизм и мародерство— 4214; расстреляно по приговорам — 14 473, из них перед строем — 411.

Только на Западном фронте в 1941 г. особисты во взаимодействии с войсками НКВД по охране тыла задержали и разоблачили свыше 1000 немецких агентов, на Ленинградском и Южном фронтах — около 650, на Северо-Западном — свыше 300.

Следует отметить, что репрессии коснулись и членов семей военнослужащих. Только по 10 августа 1942 г. к ответственности было привлечено 2688 семей изменников Родине. Из них осуждены — 1292 человека.

В книге «Семь вождей» Д.А. Волкогонов писал: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей «упереться», призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

6

«На новом посту дела у Абакумова тоже пошли хорошо, — пишет Е. Жирнов. — Начальство по-прежнему было уверено, что может на него положиться, а среди подчиненных он сумел прослыть человеком слова, суровым, но справедливым и заботливым командиром. Стиль руководства Абакумова в значительной степени отличался от методов управления Берии и Кобулова. Оба его шефа считали, что дисциплина может держаться только на страхе и окрике. Берия мог вызвать провинившегося и в течение суток не принимать его, но и не отпускать из приемной, и подчиненные, не сходя со стула, получали инфаркты или седели. Кобулов мог обложить площадной бранью любого подчиненного. Абакумов, по воспоминаниям подчиненных, материл исключительно руководителей, которых считал виновниками в любом просчете рядовых сотрудников. И практически все офицеры СМЕРШа, с которыми мне довелось беседовать, рассказывали какую-либо историю о том, как Абакумов позаботился о них или их семьях: для кого добился усиленного пайка, а кому-то дал свой личный самолет, чтобы слетать в глубокий тыл к заболевшим близким».

Несмотря на приличный опыт работы в органах, Виктору Семеновичу была свойственна прямолинейность: «Оперативную работу, как и отношение с коллегами, Абакумов всегда выстраивал предельно просто. Разрабатывавшиеся лично им операции никогда не отличались особым изяществом». Один из ветеранов утверждал: «Тонких многоходовых комбинаций продумывать и организовывать он не любил и не умел. Подход был кавалерийский: руби — и делу конец. Он считал, что чем проще операция, тем лучше».

При этом нельзя забывать, что Виктор Семенович возглавил Управление особых отделов в начале войны, когда военная контрразведка только начинала вставать на ноги, решая порой абсолютно новые задачи методом проб и ошибок. Нередко он лично сам подбирал людей, создавая вокруг себя работоспособную команду, легко выдвигал тех, кто показывал хорошие результаты и, на его взгляд, был перспективен. А в людях он умел разбираться. Сам же Абакумов осваивал свою новую должность, учился вместе со своими подчиненными. А ведь именно в годы Великой Отечественной войны военная контрразведка сделала огромный шаг вперед.

* * *

Как отмечается авторами книги СМЕРШ, «только после победы советских войск под Москвой, а затем под Сталинградом возросла активность особых отделов НКВД СССР в борьбе со специальными службами противника. Постепенно складывалась система сбора оперативных данных о немецких разведорганах, их структуре, дислокации и личном составе, о методах их подрывной и шпионской работы, об экипировке и маскировке. Налаживалась и зафронтовая работа особистов».

К середине лета 1942 г. НКВД СССР было учтено 36 школ германской военной разведки, функционировавших на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории, и получены данные на 1500 разведчиков и диверсантов из числа военнопленных. На немецкой стороне считали успехом, если из 10 завербованных в спешке агентов хотя бы один выполнял порученное задание. Однако массовая заброска в советский тыл практически необученной и непроверенной агентуры не достигла цели.

Так, например, 21 ноября 1941 г. красноармеец Клубков Василий Андреевич в составе группы разведчиков, красноармейца Крайнова и Космодемьянской Зои, получил задание отправиться в

деревню Петрищево Дороховского района и поджечь квартиры, в которых был расквартирован немецкий батальон. В ночь с 21 на 22 ноября они перешли линию фронта и в течение четырех суток пробирались к намеченному объекту. В 2–3 часа 27-го Клубков подошел к дому, разбил бутылку с «КС» и бросил, а когда она не загорелась, увидел немцев, струсил и убежал в лес. Там его и задержали. На допросе он все рассказал и выдал своих товарищей.

Утром 27 ноября Клубкова немцы отправили в Можайск, где поместили в доме с группой 30 человек, а 11 декабря всех отправили в Смоленск, куда они добирались несколько дней. Конечным пунктом стал Красный Бор. В этом местечке недалеко от Смоленска обучение проходили 500 человек бывших заключенных, детей раскулаченных и большая часть военнопленных. С 20 декабря по 3 января 1942 г. курсантов учили собирать сведения о расположении и вооружении частей Красной Армии, штабов и складов с боеприпасами. Два часа шла лекция, потом немецкий офицер задавал контрольные вопросы, а в конце занятия два человека отрабатывали практическое упражнение.

3 января 1942 г. Клубкова сфотографировали, заполнили на него анкету и сняли отпечатки пальцев. На следующий день Клубков дал подписку работать на благо «непобедимой германской армии». Подписка была заготовлена на бланке, а он только вписал свою фамилию, имя, отчество и другие биографические данные.

Задание было следующим: немедленно после перехода линии фронта собрать самые детальные сведения о наступающих частях Красной Армии в Борятинском районе, затем передать их агенту, после чего явиться в разведотдел Западного фронта и заявить, что был в плену после поджога деревни, из которого удачно бежал. Далее в разведотделе собирать сведения о диверсионных группах, а затем с одной из них перейти линию фронта и сдать немцам.

7 января 1942 г. Клубкова вместе с другими агентами перевезли на крытой грузовой машине до поселка Ерши, а через линию фронта они перешли самостоятельно и разошлись. По дороге Клубкова задержали, допросили и в этот же день направили под конвоем в штаб дивизии, где снова допросили, а затем в составе 28 человек направили на пересыльный пункт в г. Козельск. 20 января они туда прибыли, а уже 1 февраля поездом выехали на формировочный пункт в Москву. В столице Клубков встречает знакомого по работе в разведотделе Западного фронта, куда и является. 28 февраля его задерживают сотрудники особого отдела, а 3 апреля 1942 г. военный трибунал Западного фронта приговорил предателя к расстрелу.

Многие из советских граждан, давших согласие выполнять задание немцев, являлись с повинной или же, не проявляя никакой активности, терялись среди людей.

По данным НКВД СССР на 8 августа 1942 г. органами госбезопасности с начала войны было арестовано 11 765 агентов противника.

Примечательно, что захваченные агенты немецкой разведки, снабженные радиостанциями для связи с центром, перевербовывались спецслужбами СССР для поединка с теми, кто их послал. Начиналась эпоха радиоигр с противником.

Так, например, 20 января 1942 г., после взятия частями Красной Армии города Можайска, в Особый отдел 82-й стрелковой дивизии 5-й армии явились бывшие военнослужащие Красной Армии: бывший заместитель политрука 2-й батареи 875-го противотанкового полка Ольнев М.В., бывший старший сержант 849-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии Ревин П.Г., бывший старший ветврач 1300-го стрелкового полка 9-й стрелковой дивизии Гранкин Н.П. и бывший красноармеец запасного кавалерийского полка Юсупов Х.

На допросе они показали, что, попав в окружение под Ельней, их взяли в плен и направили в лагерь для военнопленных. В Смоленске их завербовали и направили на специальные радиокурсы. Затем доставили в Можайск, где оставили 16 января для работы. Немецкая разведка снабдила их радиостанцией, оборудованной в подвале разрушенного здания Можайского райисполкома, шифрами, оружием, месячным запасом продовольствия и деньгами в сумме 9000 рублей.

В течение месяца группа должна была сообщать немецкой разведке по радио о положении в городе Можайске и сведения о частях Красной Армии.

После выполнения задания они должны были вернуться к немцам. 28 января 1942 г. в документе, подписанном Л.П. Берией и адресованном лично товарищу Сталину, говорилось:

«В связи с этим, представляется целесообразным использовать указанную группу для передачи немцам по радио, в интересах Красной Армии, соответствующих дезинформационных сведений.

Для этой цели один из задержанных, Ревин, 25 января в сопровождении оперативных работников и радиоспециалистов НКВД СССР возвращен в гор. Можайск с задачей передать немцам, что во избежание провала, в связи с наведением в городе порядка войсками Красной Армии, он просит установить с ним связь через несколько дней.

НКВД СССР просит Вашего указания Генеральному штабу

Красной Армии разработать соответствующий дезинформационный материал военного характера для передачи его немцам по радио». К слову сказать, из 74 захваченных органами НКВД к началу августа 1942 г. германских агентурных радиостанций 31 радиостанция использовалась для дезинформации».

Из 222 заброшенных агентов-парашютистов только в марте 1942 г. добровольно явились в НКВД или другие советские органы 76 человек.

27 декабря 1941 г. Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (фильтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника (№ 2069 сс). Не менее жесткая процедура проводилась и в отношении оперативного состава органов госбезопасности.

В пределах армейского тыла наркоматом обороны создавались сборно-пересыльные пункты, на которые направлялись все военнослужащие на освобожденных от противника территориях. Проверка осуществлялась оперативными сотрудниками особых отделов при специальных лагерях в Вологодской, Ивановской, Тамбовской и Сталинградской областях. К марту 1942 г. функционировало 19 спецлагерей. В их задачу входила фильтрация военнослужащих, которая предусматривала выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров, а также не скомпрометированных лиц, пригодных к дальнейшей службе. По состоянию на 23 февраля 1942 г. особыми отделами в спецлагерях было проверено 128 132 человека.

Специальные лагеря находились в ведении Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. «Спецконтингент» привлекался к тяжелому принудительному труду в шахтах, на рудниках, в металлургической промышленности, на стройках и лесозаготовках.

В конце 1943 г. специальные лагеря передали в ведение ГУЛАГа, а «спецконтингент» уравняли в правах с заключенными. Со временем, кроме спецлагерей, появились проверочно-фильтрационные лагеря и специальные запасные воинские части.

* * *

В первые и самые напряженные годы войны начальника Управления особых отделов в буквальном смысле заваливали докладными записками, рапортами, спецсообщениями, сводками

и т. д. Документооборот был колоссален. 6 марта начальник особого отдела НКВД Западного фронта комиссар ГБ 3-го ранга Л.Ф. Цанава информировал Абакумова:

«По сообщению особых отделов НКВД 5-й и 20-й армий, агитационно-разложенческая работа, проводимая политуправлениями и разведотделами этих армий среди солдат противника, заключается в следующем. Основным средством разложения армии противника была агитационная литература, забрасываемая в расположение немецких войск. Забрасываемая агитационная литература разлагающим образом действует на солдат немецкой армии.

В результате распространения листовок, воззваний и обращений к немецким солдатам были отмечены в ряде случаев суждения немецких солдат, направленные против войны и фашистских порядков. Немецкие солдаты относятся положительно к нашим листовкам, и во многих случаях листовки были обнаружены у захваченных добровольно сдавшихся в плен, и у убитых немецких солдат».

Затем в документе приводятся факты: «Листовки, забрасываемые в расположение противника, в основном были содержательны, отражали жизненные вопросы солдат и раскрывали сущность гитлеровской власти и неминуемое поражение Германии в войне в СССР.

Следует отметить, что радиопередачи с передовой линии на немецком языке для солдат армии противника, производимые политуправлением армии, также заслуживают положительного отзыва (за степень) агитационного воздействия на немецких солдат».

Но, несмотря на положительный тон документа, недочеты в работе по разложению армии противника занимают в нем третью часть:

«1. Несмотря на большое количество разбросанных листовок, все же должного эффекта в разложении армии противника нет. Листовки авиацией иногда разбрасывались в малонаселенных пунктах, где в большинстве были мелкие группы войск противника. Большое количество листовок сбрасывалось в лес и поле и не попадало в расположение противника.

21 февраля с.г. нашими самолетами было сброшено большое количество листовок на передовую линию наших частей. Часть этих листовок даже попала на 19 километров в наш тыл.

Подобные случаи забрасывания листовок на нашу передовую были и раньше.

2. Разведотделы армий по разложению войск противника до сего времени не проводили никакой работы и по этой работе от

РО фронта не имеют никаких указаний.

3. До сего времени совершенно не практиковалась переброска обратно в расположение противника пленных немецкой армии с заданием о разложении немецкой армии.

4. Не практиковались выступления немецких военных по радио с обращением к солдатам немецкой армии сдаваться в плен.

5. Политаппарат, предназначенный для проведения этой работы, во многих случаях используется не по назначению, привлекается к выполнению других поручений».

Не менее интересны докладные записки, адресованные Абакумову из особых отделов фронтов и армий, в которых подводились итоги военных действий частей и соединений. Характерно, что в них анализировались не столько успехи, сколько грубейшие ошибки и недочеты, обычно приводившие к огромным потерям. Получается, что если командиры и начальники не думали о своих бойцах, то их заставляли об этом думать в особых отделах. Ведь по многим фактам принимались соответствующие карательные меры. И кто знает, сколько жизней спасли военные контрразведчики своей работой на передовой.

14 февраля 1942 г. начальник особого отдела НКВД 1-й Ударной армии капитан ГБ Брезгин докладывал Абакумову:

«В ходе операций со стороны отдельных командиров подразделений и соединений в целом допускались грубейшие ошибки и недочеты, которые приводили к большим потерям.

1. Командование соединений и работники оперативного отдела не изучали места проходов между укреплениями и обороной, где бы можно было скрытно зайти в тыл или во фланг противнику.

2. Не было постоянного наблюдения за огневыми точками противника и этому вопросу не уделялось внимание.

3. Выполняя задачу на прорыв укреплений противника, наши части действовали в основном лобовыми ударами, или на укрепления без достаточных технических усилий и в большом некомплекте в личном составе.

4. Работники опер. Отдела штабарма неглубоко продумывали оперативные планы наступления и несвоевременно доводили его до отделов штаба.

5. Боевые приказы до штабов частей доходили с большим запозданием. Зачастую части шли в наступление вслепую, попадали под сильный огонь противника и отходили на прежний рубеж, не выполнив поставленной задачи.

6. Часто терялась связь между подразделениями и штабами.

Характерными в этом отношении примерами являются

следующие.

При наступлении на дер. Гаврилово артотдел не провел соответствующей артподготовки лишь потому, что не был поставлен оперотделом штаба в известность о плане наступления. В результате пехота понесла большие потери.

Санотдел не знал планов наступления, в районе дер. Никольское не организовал эвакуацию раненых. Точно по таким же причинам инженерный отдел не организовал переправу танков через канал Москва — Волга, в результате 2 танка утонули.

41 сб 29 декабря 41 г. была введена в бой. Наступление, как требовал приказ по армии, должно быть начато в 6 часов утра, но, благодаря неорганизованности, оно началось в 8 ч. Силы противника разведаны не были. Связь между подразделениями и со штабом бригады отсутствовала. В итоге за 3 дня боев бригада, не выполнив приказа, потеряла: убитыми — 290 чел., ранеными — 700 чел. и без вести пропавшими — 400 человек. 1-го декабря 1941 г. 44 стр. бригада прямо с марша была брошена в бой за дер. Степановка. Силы противника и его огневые точки установлены не были. Попыток к фланговому обходу не проводилось, артподготовка из-за отсутствия в бригаде пушек проведена также не была. В результате брошенные в наступление подразделения не выдержали огня противника и отошли на исходные позиции, потеряв в этом бою 30 чел. убитыми и 130 человек ранеными.

Вновь прибывшая 46 стр. бригада 29 декабря 1941 г. была введена в бой. В силу плохой организованности, недостаточной подготовки к наступлению атака вместо назначенных 6 часов началась в 8 часов. Силы противника, а также его огневые точки командованием разведаны не были, связь между подразделениями и штабом бригады отсутствовала. В итоге 3-х дней боев приказ командования армии о занятии дер. Гаврилово бригадой выполнен не был, в то же время бригада потеряла 290 ч. убитыми, 700 человек ранеными, 400 человек без вести пропавшими и 23 чел. обмороженными».

А вот что докладывал Брезгин по интендантской службе:

«В первые дни боев аппарат интендантского отдела армии, укомплектованный из преподавательского состава и курсантов интендантских школ, оказался недостаточно опытным и неработоспособным. Запросов и нужд частей отдел не знал, так как отсутствовал учет, а наладить его никто не смог. Не продумывался вопрос быстрого продвижения профуража и ведимущества к передовым частям, которые с каждым днем, преследуя противника, уходили вперед.

Отделы снабжения бригад и дивизий, оставаясь бесконтрольными сверху, отрывались со своими ДОПАми от

частей, теряли связь с довольствующими органами армии (складами) и тем самым создавали перебои в снабжении личного состава. Нередко были случаи, когда бойцы и командиры передовой линии подряд по 2–3 суток не получали горячей пищи, хлеба и других продуктов, вследствие чего были вынуждены готовить себе питание из мяса убитых лошадей.

16 декабря 1941 г. начальник тыла артдивизиона 50 стр. бригады из-за отсутствия мяса готовил обед для красноармейцев из мяса специально зарезанной лошади. В артдивизионе 84 стр. бригады были неоднократные случаи употребления в пищу мяса павших лошадей. 12 января с.г. после употребления конины часть бойцов получила желудочные отравления (…). Пользование мясом убитых лошадей имело место и по другим соединениям армии.

На этой почве создавалось резкое недовольство вплоть до антагонизма к начальствующему составу среди бойцов. Последние заявляли: «Им (командирам) можно сидеть в тылах, там все и горячие обеды, а мы воюем и по два дня сидим голодные».

С обеспечением вещевым имуществом дело обстоит лучше, однако это отнюдь не потому, что хорошо работали тыловые органы, а потому, что все бойцы и командиры были обеспечены обмундированием из центральных складов в момент формирований.

В период же боевых действий интендантство при наличии запасов валенок не смогло обеспечить ими бойцов передовой линии, оказавшихся в кожаной обуви. Таким образом, по халатности работников отделов снабжения отмечено 844 случая обмораживания».

3 марта 1942 г. начальник особого отдела НКВД Северо-Западного фронта старший майор ГБ Королев направил докладную записку Абакумову, которая называлась **«О недочетах в боевых действиях 1-й Ударной армии».** Судя по всему, это был итоговый документ. В нем говорилось:

«Зная о том, что к огневым рубежам имеется только одна дорога, штабарм, управление тыла не использовали саперных батальонов для прокладки новых дорог и разъездов, не разработали плана движения частей, не организовали службы регулирования. В результате все рода наземных войск и обоз передвигались неорганизованно, дорога была быстро приведена в негодность.

От встречного транспорта создавались сплошные пробки. Артиллерия, танки и сотни машин с боеприпасами, продовольствием и горючим целыми сутками простаивали на

одном месте. Промежуточно-заправочные пункты по вине начальника штаба армии майора Васильева вовсе не были организованы, что еще больше увеличило простой машин и усилило дезорганизацию в снабжении частей боеприпасами и продовольствием, а также ставило колонны под угрозу бомбежки вражеской авиации.

За преступную деятельность Васильев нами арестован (…).

Приказом Северо-Западного фронта все части армии должны были сосредоточиться в районах боевых действий к 12 февраля. Фронт не учел того, что такое большое количество войск за два-три дня сосредоточить невозможно, так как в пешем порядке нужно было пройти 130–140 км. Материальная часть и тылы не успеют подойти по одной дороге. И когда командующий генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета Колесников по прибытии в дер. Давыдово изложили свои соображения по телеграфу, что части и материальная часть (артиллерии всех видов и боеприпасы) подтянутся только 14 февраля и с этого времени (возможно) начать наступление, командующий фронтом Курочкин нанес за это оскорбление Кузнецову по телеграфу, заявив: «Вы не болтайте, а выполняйте приказ».

После получения такого ответа части армии — неподготовленные, без артиллерии, уставшие от длительного тяжелого марша — были брошены в бой и, безусловно, ожидаемого успеха не имели (…).

Оперативный отдел штаба армии работает негибко, вслепую. Начальник отдела полковник Фурсин только в последнее время распределил обязанности между своими помощниками, но вместо изучения обстановки, хода операций и контроля за соединениями, они значительную часть времени тратят на выполнение поручений, не имеющих прямого отношения к их службе. Нередко помощники Фурсина даже не знают обстановку в частях».

По-разному можно относиться ко всем этим докладам особистов. Но лично мне трудно представить, кто бы еще, кроме них, мог пожаловаться и защитить солдат. Ведь от одного командира порой зависела жизнь сотен людей.

А если этот командир оказался не на своем месте?

7

Генерал-лейтенант А.А. Власов с марта 1942 г. был тактическим советником 2-й Ударной армии, занимая должность заместителя командующего Волховского фронта. А командующим

армией он стал в середине апреля по совместительству, заменив на время заболевшего генерала Клыкова.

Первый раз коммуникации 2-й Ударной армии были перерезаны 20–21 марта, но через неделю коридор открыли. Однако 2 июня коридор был закрыт вновь.

К 21 июня соединения 2-й Ударной армии в количестве восьми стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад (35–37 тыс. человек) с тремя полками РГК, 100 орудий, а также около 1000 автомашин сосредоточились в районе несколько километров южнее Н. Кересть на площади 6х6 км.

С 21 на 22 июня части 59-й армии прорвали оборону противника в районе Мясного Бора и образовали коридор шириной до 800 м.

Для удержания этого коридора части армии развернулись фронтом на юг и на север, заняли боевые участки вдоль узкоколейной железной дороги.

Навстречу частям 59-й армии вели наступление (2-я ударная армия) 1-й эшелон 46 стр. дивизии и 2-й эшелон 57-й и 25-й стрелковых бригад. Выйдя в стык с частями 59-й армии, эти соединения пошли на выход через коридор в тыл 59-й армии. Только за день 22.06 из 2-й Ударной армии вышло 6018 раненых и около тысячи здоровых бойцов и командиров.

Маршал К.А. Мерецков вспоминал: «Воспользовавшись коридором, из 2-й ударной армии на Мясной Бор вышла большая группа раненых бойцов и командиров. Затем произошло то, чего я больше всего опасался. Части 2-й ударной армии, участвовавшие в прорыве, вместо того чтобы направить свои усилия на расширение прорыва и закрепление флангов, сами потянулись вслед за ранеными. В этот критический момент командование 2-й ударной армии не приняло мер по обеспечению флангов коридора и не сумело организовать выход войск из окружения».

Положение армии крайне осложнилось после прорыва противником линии обороны 327-й дивизии в районе Финев Луг. Вследствие чего немцы продвинулись к Новой Керести и подвергли артиллерийскому обстрелу тылы армии. Так они отрезали от основных сил армии 19-ю гвардейскую и 305-ю стрелковые дивизии, а дальше ударом со стороны Ольховки двумя пехотными полками с двадцатью танками при авиационной поддержке овладели рубежами, занимаемыми 92-й дивизией. Отход войск по линии реки Кересть значительно ухудшил положение армии. Артиллерия противника простреливала уже всю глубину армии. Кольцо вокруг 2-й Ударной сомкнулось.

Дальше еще хуже. Противник, форсировав реку Кересть, зашел во фланг, вклинился в боевые порядки армии и повел

наступление на КП армии в районе Дровяное поле. На защиту командного пункта армии в бой была брошена рота особого отдела в составе 150 чел., которая оттеснила противника и вела с ним бой в течение суток 23 июня.

Чтобы обеспечить выход частей 2-й Ударной армии, оставшихся за линией фронта, командование подготовило новый встречный удар войск 59-й с востока и 2-й Ударной армии с запада вдоль узкоколейной дороги. Атака готовилась на 23 часа 23 июня. Но из-за сильнейшей бомбардировки с воздуха боевых порядков войск и штаба 2-й Ударной армии мероприятия по занятию исходного положения для атаки были сорваны.

24 июня в 19 ч. 45 мин. Власов докладывал: «Всеми наличными силами войск армии прорываемся с рубежа западного берега р. Полисть на восток, вдоль дорог и севернее узкоколейки. Начало атаки в 22.30 24 июня 42 г. Прошу содействовать с востока живой силой, танками и артиллерией 52-й и 59-й армий. И прикрывать авиацией войска с 3.00 25 июня 42 г».

Еще 22–23 июня командование 2-й Ударной армии, организуя выход частей из окружения в образовавшийся коридор, почему-то не рассчитывало на выход с боем и не приняло мер к укреплению и расширению основной коммуникации у Спасской Полисти. Таким образом, ворота не удержали и на этот раз.

В ночь на 24 июня 23.30 войска 2-й Ударной армии начали движение. Навстречу им вышли танки с десантом пехоты 29-й танковой бригады. Артиллерия 59-й и 52-й армий обрушилась на врага. Противник в ответ открыл ураганный огонь, и над районом боевых действий заработала немецкая бомбардировочная авиация.

Маршал К.А. Мерецков вспоминал:

«Я в это время находился на командном пункте 59-й армии, откуда поддерживал связь со штабом 2-й ударной армии. С началом движения войск этой армии связь со штабом 2-й Ударной армии нарушилась и уже больше не восстанавливалась.

К утру вдоль узкоколейной железной дороги наметился небольшой коридор и появились первые группы вышедших из окружения бойцов и командиров. Они шатались от изнеможения. Выход войск продолжался в течение всей первой половины дня, но затем прекратился. Немцам удалось взять под контроль дорогу. К вечеру силами войск, действовавших с востока, снова был пробит коридор и расчищена дорога. По этому коридору, простреливаемому перекрестным огнем с двух сторон, в течение ночи и утра 25 июня продолжался выход бойцов и командиров 2-й ударной армии. В 9.30 25 июня немцы вновь захлопнули горловину, теперь уже окончательно».

Еще 24 июня утром командование 2-й Ударной армии отдало распоряжение выходить из окружения мелкими группами. По мнению К.А. Мерецкова, «…это распоряжение подорвало моральный дух войск и окончательно дезорганизовало управление. Не чувствуя руководства со стороны командования и штаба армии, подразделения дивизий и бригад вразброд двинулись к выходу, оставляя неприкрытыми фланги». Это мнение подтверждается и другими источниками. Старший майор госбезопасности Мельников, начальник особого отдела НКВД Волховского фронта, докладывал Абакумову: «24 июня с.г. Власов принимает решение вывести штаб армии и тыловые учреждения походным порядком. Вся колонна представляла из себя мирную толпу с беспорядочным движением. Демаскированную и шумную. Противник идущую колонну подверг артиллерийскому и минометному обстрелу. Военный совет 2-й армии с группой командиров залег и из окружения не вышел».

Маршал А. М. Василевский в своих мемуарах написал: «Я занимал в период этих событий пост первого заместителя начальника генерального штаба и могу ответственно подтвердить ту крайне серьезную озабоченность, которую проявлял изо дня в день Верховный Главнокомандующий о судьбе 2-й ударной армии, о вопросах оказания всемерной помощи им. Свидетельством этому является целый ряд директив Ставки, написанных в большинстве случаев под диктовку самого Верховного Главнокомандующего мною лично в адрес командующего и Военного совета Ленинградского фронта, в адрес командующих родами войск Красной Армии и в другие адреса, не говоря уже о ежедневных телефонных переговорах на эту тему.

После того как кольцо окружения войск 2-й ударной армии замкнулось и было принято решение о восстановлении Волховского фронта, по приказу Ставки вместе с командующим К.А. Мерецковым в Малую Вишеру к волховчанам был направлен и я, как представитель Ставки. Основной задачей нам было поставлено вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. И надо сказать, что нами были приняты, казалось бы, все возможные меры, чтобы спасти попавших в окружение, вызволить из кольца самого командарма Власова, хотя это было связано с большими трудностями».

Проводилась даже целая фронтовая операция по выводу 2-й Ударной армии из окружения. Летом 1942 г. событие поистине неслыханное!

После выхода из окружения начальник связи второй ударной армии генерал Афанасьев напишет: «Все вышли ночью с 24 на 25

июня на КП 46 сд, и в момент перехода в 2 часа ночи вся группа попадает под артиллерийско-минометный заградительный огонь. Группы в дыму теряются. Одна группа во главе с Зуевым и начальником особого отдела с отрядом автоматчиков в 70 человек скрылась в районе реки Полисть в направлении на высоту 40,5 (со слов тов. Виноградова), т. е. ушла от нас вправо, а мы с группой Власова, Виноградова, Белишева, Афанасьева и других ушли сквозь дым артиллерийско-минометных разрывов влево; организовали поиски Зуева и Шашкова, но успеха не имели. Пройти вперед не смогли. И мы решили идти обратно на КП 46 сд, куда вернулся и штаб 46 сд».

Далее Афанасьев пишет: «Нужно отметить, что тов. Власов, несмотря на обстрел, продолжал стоять на месте, не применяясь к местности, чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Когда я стал предупреждать — «надо укрываться», то все же он остался на месте. Заметно было потрясение чувств».

Итак, в ночь с 24 на 25 июня колонна Военного совета и штаба армии вышла из штаба 57-й стрелковой бригады (между реками Глушица и Полисть) в район 46-й стрелковой бригады, а уже оттуда в коридор выхода на восток. Впереди головное охранение под командованием заместителя начальника особого отдела 2 УА старшего лейтенанта госбезопасности Горбова, затем Военный совет армии и тыловое охранение.

В момент перехода при подходе к р. Полисть в 2 часа ночи колонна попадает под минометно-артиллерийский огонь. В пути выяснилось, что никто толком не знал маршрута. Двигались наугад. Возглавляющий передовое боевое охранение Горбов согласно приказу командования боя не принял. Отклонился вправо и продолжал двигаться вперед к выходу, в то время как члены Военного Совета армии и группа командиров залегли в воронке и остались на месте, на западном берегу реки Полисть. В дыму все растерялись. И когда стихла стрельба, одна группа (Зуев и Лебедев, нач. политотдела Гарус, зам. начальника особого отдела армии Соколов, нач. особого отдела Шашков, плюс 70 автоматчиков) ушла вправо, а позже примкнула к остаткам бойцов 382 сд, которыми командовал командир полка полковник Болотов. Другая группа (Власов, Виноградов, Белишев, Афанасьев) ушли влево. Но так как вперед (якобы) проход был закрыт, они вернулись на КП 46-й стрелковой дивизии.

В этот же день начальник разведотдела армии полковник А.С. Рогов выдвинулся немного позже колонны Военного Совета 2-й Ударной армии. Он также наткнулся на заградительный огонь противника и вынужден был остановиться. Через некоторое время огонь стал ослабевать и перемещаться в направлении

узкоколейки. Предполагая, что там образовался прорыв, полковник Рогов двинулся туда и вышел из окружения.

Напомню, 24 июня в 19.45 Власов просил содействовать с востока живой силой, танками и прикрыть авиацией войска с 3.00 25 июня. И ему содействовали, правда, авиацией прикрыть не могли. Ее не хватало для такой задачи.

В эту же ночь для усиления частей 59-й армии и обеспечения коридора был направлен отряд под командованием полковника Коркина. Его сформировали из бойцов и командиров 2-й Ударной армии, вышедших из окружения 22 июня. Когда сопротивление противника в коридоре и на западном берегу р. Полисть было сломлено, примерно с 2 часов части 2-й Ударной армии двинулись общим потоком, который был прекращен в 8.00 из-за непрерывных налетов авиации противника. В этот день вышло около 6000 человек, из них направлено в госпитали 1600 человек.

Таким образом, коридор был открыт примерно с 2.00 до 8.00. Группы бойцов и командиров частей и соединений начали выход с 1.00, а оборона противника была сломлена к 3 часам 15 минутам.

По данным, полученным в Генштабе 29 июня, группа бойцов и командиров частей 2-й Ударной армии вышла на участок 59-й армии через тылы противника в район Михалево без потерь. Вышедшие утверждали, что в этом районе силы противника были малочисленны, в то время как коридор прохода, затянутый сильной группировкой противника и пристрелянный минометами, артиллерией и усиленными ударами авиации, уже был практически недоступным для прорыва 2-й Ударной армии и с запада и 59-й армии с востока.

Старший майор госбезопасности Москаленко в своем докладе 1 июля 1942 г. отмечал:

«Характерно, что районы, через которые проходили 40 человек военнослужащих, вышедших из 2-й ударной армии, как раз были указаны ставкой Верховного Главного командования для выхода частей 2-й ударной армии, но ни Военный совет 2-й ударной армии, ни Военный совет Волховского фронта не обеспечили выполнения директивы ставки».

* * *

Власова начали искать уже с 25 июня 1942 г. «Когда утром 25 июня вышедшие из окружения офицеры доложили, что они видели в районе узкоколейной дороги генерала Власова и других старших офицеров, я немедленно направил туда танковую роту с

десантом пехоты и своего адъютанта капитана М.Г. Бороду, — вспоминал Мерецков. — И вот во главе отряда из пяти танков Борода двинулся теперь в немецкий тыл. Четыре танка подорвались на минах или были подбиты врагом. Но, переходя с танка на танк, Борода на пятом из них все же добрался до штаба 2-й ударной армии. Однако там уже никого не было».

А вот что докладывал штаб Волховского фронта «О проведении операции по выводу 2-й ударной армии из окружения»:

«Для розыска Военного совета 2-й ударной армии развед. Отделом фронта были высланы радиофицированные группы:

28.06.42 две группы в р-н Глушица, обе были рассеяны огнем противника, и связь с ними была утеряна. В период с 2 по 13.07.42 г. с самолета были сброшены 6 групп по три-четыре человека в каждой. Из этих групп одна была рассеяна при сбросе и частью вернулась обратно, две группы, успешно выброшенные, наладившие связь, но необходимых данных не дали, и три группы дают регулярные сообщения о движениях мелких групп командиров и бойцов 2-й уд. армии в тылу противника. Все попытки розыска следов Военного Совета до сих пор успеха не имеют».

Расставшись с группой Власова, на второй день группа генерала Афанасьева встретилась с лужским партизанским отрядом Дмитриева. Дмитриев помог затем связаться с командиром партизанского отряда Оредежского района Сазоновым, у которого имелась радиостанция.

5 июля 1942 г. Афанасьев прибыл к Сазонову, а 6 июля в Ленинградский штаб партизанского движения была отправлена следующая телеграмма: «У нас находится генерал-майор связи 2-й ударной армии Афанасьев. Власов, Виноградов живы. Сазонов». 8 июля Сазонов сообщил в Ленинград: «Афанасьев оставил Власова с группой командного состава и женщиной в районе Язвинки».

В своих воспоминаниях А. М. Василевский высказал очень интересную мысль: «Однако, несмотря на все принятые меры с привлечением партизан, специальных отрядов, парашютных групп и прочих мероприятий, изъять из кольца окружения Власова нам не удалось. И не удалось сделать, прежде всего, потому, что этого не хотел сам Власов».

В период с 16 по 21 июля Абакумов лично контролировал проверку данных о генерал-лейтенанте Власове.

Виктор Семенович запрашивал все тексты радиограмм Сазонова от начальника оперативного отдела Ленинградского штаба партизанского движения Алексеева, подолгу разговаривал

по ВЧ связи с генералом армии Мерецковым и старшим майором ГБ Мельниковым.

Дело в том, что в середине июля НКВД СССР получает данные, переданные по германскому радио о сводке верховного командования от 14 июля: «Во время очистки недавнего волховского кольца обнаружен в своем убежище и взят в плен командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов». 21 июля 1942 г. на имя Сталина в ГКО СССР за подписью Л.П. Берии Управление особых отделов подготовило итоговую докладную записку о выходе из окружения Военного совета и штаба 2-й ударной армии, где в заключении приводилась информация германского радио.

По утверждению авторов книги СМЕРШ, записка не была подписана и не пошла наверх, а три ее экземпляра просто уничтожили. Видимо, «НКВД и НКО к этому времени не располагали собственными данными о пленении Власова и сочли радиосообщение дезинформацией». В разговорах с Мерецковым и Мельниковым, Абакумов еще раз уточнял характер сообщений и их соображения относительно возможных провокаций со стороны противника. От них Виктор Семенович узнал, что Жданов получил от Сталина задание «заняться этим делом более энергично».

Власов же как в воду канул. А те, кто с ним выходил из окружения, отзывались о своем командующем нелестно. Все это заставляло Абакумова думать о худшем. А тут еще Мерецков в присутствии членов Военного Совета заявил: «Я не знаю, кто только нахвалил Власова товарищу Сталину. Только из-за Власова погибла армия. Он самый настоящий трус. Он еще зимой сбежал из 20-й армии без разрешения Военного совета. Сколько потратили сил и людей, чтобы разыскать его, а он. подлец, скитается по лесу и создается впечатление, что он прячется от нас».

6 августа 1942 г. Начальник 00 НКВД Волховского фронта Мельников подписал на имя Абакумова «Докладную записку о срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения». В нем говорилось: «…растерянность и потеря управления боем со стороны командования 2-й [ударной] армии окончательно усугубили обстановку. Противник этим воспользовался и коридор закрыл.

Впоследствии командующий 2-й [ударной] армией генерал-лейтенант Власов окончательно растерялся, инициативу в свои руки взял начальник штаба армии генерал-майор Виноградов». Последний свой план держал в секрете и никому об этом не говорил. Власов к этому был безразличен.

Как Виноградов, так и Власов из окружения не вышли. По заявлению начальника связи 2-й ударной армии генерал-майор Афанасьева, доставленного 11 июля на самолете У-2 из тыла противника, они шли лесом в Средежском районе по направлению к Старой Руссе.

Местопребывание членов военного совета Зуева и Лебедева неизвестно. Нач. О[собого] О[тдела] НКВД 2-й [ударной] армии майор государственной безопасности Шашков, будучи ранен, застрелился».

На этом документе Виктор Семенович начертал: «Тов. Москаленко. Изучите этот материал. Здесь имеются действия, подозрительные на злой умысел».

* * *

О пленении Власова впоследствии рассказал К.А. Токарев: «Власова случайно «нашел» староста русской староверческой деревушки. Он задержал высокого человека в очках и гимнастерке без знаков различия, в стоптанных сапогах, и его спутницу — они в деревне меняли ручные часы на продукты.

Староста запер их в сарае и сообщил об этом немцам. Власова со спутницей в тот же день — это было 12 июля — отправили к командующему 18-й немецкой армией генералу Линдеманну. Староста за проявленную им бдительность получил от немецких властей вознаграждение — корову, 10 пачек табаку, две бутылки «Тминной водки» и почетную грамоту».

8

Ветеран военной контрразведки генерал-майор Л. Иванов рассказывал в интервью А. Хинштейну: — Я, когда пришел уполномоченным в батальон на знаменитых Ак-Монайских позициях, был по счету четвертым. Троих предшественников моих убили. Ведь в первые годы смершевец наравне с комиссаром должен был вести бойцов в атаку. А если погибнет командир — брать руководство на себя.

Керчь — многострадальный город. Два раза его сдавали, два раза отбивали. Самая страшная мясорубка пришлась на май 42-го. Немцы прорвали фронт. Поднялась паника. Все устремились к Керченскому проливу — там было единственное спасение.

А фашист прижимает: идет на нас, его уже видно. Кто стреляется, кто петлицы срывает, кто партбилет выбрасывает. Я и

сам, грешным делом, решил, что пришла моя смерть. В плен попадать нельзя. Один только выход — стреляться. Нашел валун поприземестей, присел. Достал уже пистолет, и вдруг— какой-то моряк. Видно, выпивши. «Братцы! — орет. — Отгоним гадов!» Никто бы на это и внимание не обратил, но откуда-то, словно в сказке, зазвучал «Интернационал». И верите, люди поднялись».

«Я доволен тем, что мне пришлось пройти школу контрразведки СМЕРШ, — рассказывал другой ветеран, Н.Н. Месяцев, Леониду Млечину. — Почему? Во-первых, я был на пике борьбы во время Великой Отечественной войны — на пике борьбы двух мощных разведок и контрразведок, нашей и германской. Во-вторых, я научился разбираться в человеческой натуре. Можете мне не верить, но, когда я распрощался с органами, мне иногда было неудобно разговаривать с людьми. Я видел, что человек говорит неправду, я чувствовал. Мой профессиональный опыт позволял слышать шорох скрытых мыслей сидящего передо мной».

А вот еще один рассказ генерала Иванова:

«В мае 42-го на Крымском фронте я организовал переправу раненых на Кубанский берег. Это было ужасающее зрелище.

У воды скопились тысячи солдат. Суматоха, никакого управления. Каждый сам за себя. Море заполнено нашими трупами: почему-то все они в вертикальном положении, и на волнах кажется, будто покойники маршируют. А переправа — одна: с узкого пирса. Толпа напирает. Мы вместе с двумя особистами еле сдерживаем ее. В рыбацкие шхуны сажаем только раненых. И тут сквозь толпу к пирсу прорываются четверо кавказцев. Над головами у них носилки с каким-то полковником. «Пропустите, это раненый командир дивизии!»

Что-то кольнуло у меня внутри. Приказываю: положить носилки на пирс, развязать бинты. И точно: никакого ранения нет.

«Расстрелять», — загудела толпа. По лицам солдат видно, что, оставь я полковника в живых, меня убьют самого. Что делать? Достаю пистолет. В тот момент вид у меня был, наверное, жуткий: небритый, оборванный. Я не спал и не ел уже несколько суток; спасался лишь спиртом из фляги. И на моих глазах полковник мгновенно сдает. За какие-то секунды его черные волосы становятся белыми. И я его пожалел. «Слушай, — шепчу, — я буду стрелять мимо, но ты падай в воду, как будто убит. Если повезет — выберешься».

Но были и другие случаи, ведь все зависит от человека, а у нас до сих пор судят по принадлежности.

Н.Г. Егорычев рассказывал Л. Млечину несколько иную

историю:

«На Северо-Западном фронте я был заместителем политрука стрелковой роты. Помню, вызывают меня в штаб батальона. Это в трехстах метрах от передовой. На берегу чудесного озера Селигер в землянке меня ждет холеный подполковник из СМЕРШ:

— Вот вы, заместитель политрука, хорошо знаете наш полк. Вы, пожалуйста, докладывайте мне о тех, у кого неправильные настроения, кто может подвести, сбежать.

— Товарищ подполковник, я замполитрука и каждого бойца знаю. Мы каждый день подвергаемся смертельной опасности. И я ни о ком из них вам ничего говорить не буду. Эти люди воюют на самой передовой. Почему вы не пришли к нам в окопы и там меня не расспрашивали? Почему вы здесь, в безопасности, со мной беседуете? — ответил Егорычев.

Подполковник возмутился:

— Ах, вы так себя ведете? Я вам покажу!

Егорычев обозлился и на «ты» к подполковнику:

— Ну что ты мне сделаешь? Куда ты меня пошлешь? На передовую? Я и так на ней.

Подполковнику, видимо, стало стыдно, и он решил прийти в расположение роты дня через два. Она занимала высоту. Подходы к ней немцами просматривались. Поэтому отрыли глубокий ход сообщения, чтобы в случае обстрела укрыться. Вдруг видят: кто-то ползет по ходу сообщения. Ребята стали хохотать. Показался тот самый подполковник. И к Егорычеву: «Что они смеются?» Егорычев честно ответил, что солдаты смеются из-за того, что подполковник трусоват:

— Мы-то ходим в полный рост, укрываемся только в случае обстрела. А вы ползете, когда опасности нет».

* * *

О том, каким видели Виктора Семеновича Абакумова его подчиненные в 1942 г., остановимся на двух воспоминаниях.

Первое оставил нам генерал армии Герой Советского Союза П.И. Ивашутин:

«В военной контрразведке я работал с финской войны, был тогда начальником особого отдела 23-го стрелкового корпуса. В то время Абакумова лично не знал, познакомился с ним только в 1942 г., когда меня неожиданно вызвали в Москву с Северного Кавказа, где сражалась 47-я армия, в которой я служил. Являюсь к Абакумову, как положено у военнослужащих, докладываю о прибытии и жду, что он скажет. Абакумов начал неторопливо

расспрашивать о положении на нашем фронте, о работе особого отдела армии и мельком поинтересовался, большая ли у меня семья. «Не знаю, — ответил я, — мои близкие пропали без вести при эвакуации». Абакумов пообещал навести справки, а сутки спустя вызвал в кабинет, чтобы сообщить, что моя семья в Ташкенте. Я обрадовался, а он сухо, без лишних слов, дал мне 72 часа на устройство личных дел и посоветовал не рассусоливать — на центральном аэродроме приготовлен самолет. Разыскал я жену, детей и родителей в глинобитной халупе без окон и отопления — и то и другое заменял мангал, на котором готовили пищу.

Товарищи из особого отдела Среднеазиатского военного округа помогли, выделили моей семье комнату, так что вернулся я из Ташкента по-настоящему счастливым. Поблагодарил Абакумова и попросил разрешения отбыть к месту службы. Абакумов сперва послал меня в ЦКВКП(б), а затем объявил, что я назначен начальником особого отдела Юго-Западного фронта».

Примечательно, что Петр Иванович Ивашутин был на год младше Абакумова. С 1931 г. служил в авиации, а в 1937 г. — командир тяжелого бомбардировщика ТБ-3. После второго курса командного факультета его направили на работу в органы НКВД. Только с 1941 г. в должности заместителя начальника Особого отдела он сменил округ, два фронта (Зак ВО, Крымский и Северо-Кавказский фронты), а еще Черноморскую группу войск Закавказского фронта. Считался опытным работником. Абакумов относился к нему с большим уважением.

Следующее воспоминание оставил генерал-майор М.А. Белоусов в своем письме историку В.К. Кутузову: «В первых числах августа 1942 г. начальник особых отделов Красной Армии Абакумов с группой своих сотрудников приезжал на Сталинградский фронт и занимался здесь уточнением обстановки на фронте в целом и на его передовой линии в особенности (видимо, делая это по заданию Верховного Главнокомандующего): чья информация, представляемая об этом в Ставку, более объективная и правдивая: штаба фронта или особого отдела фронта? То были дни, когда вопрос «выстоять в Сталинграде» являлся вопросом жизни или смерти нашей страны.

Одновременно он занимался и подыскиванием кандидатов на роль командующих 62-й армии и Сталинградского фронта. Он имел беседы со многими генералами: командирами дивизий, корпусов, командующими армиями, членами военных советов, начальниками политорганов. Причем с большинством из генералов он встречался не в кабинетах, а на их КП — на передовой, во время боя.

Об упоминаемой мною выше цели его приезда на фронт он нам, работающим с ним тогда сотрудникам, ничего не говорил. Это мое личное предположение, сделанное из его поведения и деятельности на фронте, чему я был свидетелем почти в течение пяти суток. (Я был «ведущим» при поездках по фронту.) Разумеется, он при этом походя интересовался и состоянием нашей чекистской работы, особо за линией фронта. Проявлял интерес и к ходу формирования заградотрядов, которые тогда создавались военными советами фронтов и армии, в соответствии с приказом Наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г.

Период его пребывания тогда здесь как раз совпал и со временем разделения Сталинградского фронта, а точнее, выделения из него еще одного— Юго-Восточного фронта, что у приезжавшего (разделение кадров особых отделов теперь уже на два фронта) заняло также много времени. В эти же дни и с такой же целью — разделение войск — прибыл тогда сюда и начальник генерального штаба А.М. Василевский».

В своих мемуарах маршал А.М. Василевский написал: «Несмотря на то, что Советским войскам в результате упорной борьбы удалось вначале замедлить наступление немецких войск на дальних подступах к Сталинграду, а затем и остановить их продвижение перед внешним оборонительным обводом, положение на Сталинградском направлении оставалось для нас в конце первой половины августа крайне напряженным. Протяженность Сталинградского фронта возросла до 800 км. Ставка и Генеральный штаб с каждым днем все более и более убеждались в том, что командование этого фронта явно не справляется с руководством и организацией боевых действий такого количества войск, вынужденных к тому же вести ожесточеннейшие бои на двух разобщенных направлениях. Не справлялось оно и с руководством теми мероприятиями, которые по заданиям ГКО и по требованиям военной обстановки должны были проводиться для усиления обороны города и удовлетворения нужд войск продукцией, производимой городской промышленностью. 5 августа Ставка приняла решение разделить Сталинградский фронт на два самостоятельных фронта — Сталинградский и Юго-Восточный».

Командующим Юго-Восточным фронтом был назначен генерал-полковник А.И. Еременко, а командующим войсками Сталинградского фронта оставался генерал-лейтенант В.Н. Гордов. Однако такое разделение сказалось на решении других вопросов. Поэтому 9 августа Сталинградский фронт подчинили командующему Юго-Восточным фронтом.

Тем не менее в начале сентября положение двух армий (62-й

и 64-й) продолжало ухудшаться.

Все дело в том, что советская группировка не имела четко определенного массирования сил и особенно севернее Сталинграда. Командующий же 6-й немецкой армией генерал Паулюс, ожидая контрудары с северной стороны, сосредоточил здесь свои значительные силы и средства. Кроме того, в районе Сталинграда были отмечены явные недочеты в управлении войсками, так как в самый ответственный момент борьбы за Сталинград оттуда сильно запаздывали боевые донесения, адресованные ставке.

Атак как все эти вопросы были в прямой компетенции начальника Управления особых отделов, то Виктору Семеновичу пришлось оказать помощь фронтовому штабу, добавив твердости представителям ставки, и управление войсками улучшилось. Известен факт, когда Виктор Семенович не мог добиться от командарма доклада реальной обстановки, а именно в каких населенных пунктах находится противник, он прекрасно понимал, что может погибнуть, сел в машину, взял с собой трех бойцов и, перед тем как выехать в один из населенных пунктов, приказал всей мощью артиллерии накрыть деревню, если там окажутся немцы, чтобы не допустить пленения начальника Управления особых отделов.

* * *

28 июля 1942 г. в разгар оборонительных боев был подписан и отправлен в войска **приказ № 227.** В отличие от приказа № 270 от 16 августа 1941 г., где Сталин приказывал:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник

или часть красноармейцев, вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен, — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными. А семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев», этот приказ был более жестким, если не сказать жестоким. В нем нарком обороны от имени Верховного Главнокомандования Красной Армии приказал:

«1. Военным Советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. **Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:**

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии

расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях».

Уже в августе месяце Абакумову стали поступать спецсообщения, сообщения и докладные записки из Особого отдела НКВД Сталинградского фронта «О реагированиях на приказ Н КО № 227».

Из этих документов особенно интересен следующий: Сообщение ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР «О ходе реализации приказа № 227 и реагировании на него личного состава 4-й танковой армии»

14 августа 1942 г.

Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР

Комиссару государственной безопасности 3-го ранга

Тов. Абакумову

Наряду с положительным реагированием на приказ товарища Сталина № 227 отмечены факты отрицательных, а подчас антисоветских высказываний отдельных бойцов и командиров, так:

Красноармеец парковой роты 2 батальона 22 МС Бр Катасонов заявил:

«Приказов пишут много, но если не хватает сил, пиши хоть еще несколько приказов, все равно ничего не поможет». Красноармеец мотострелкового батальона 133 Тбр Шелопаев по поводу приказа сказал:

«Это все равно ерунда, и раньше были приказы подобные этому, а все же города и теперь оставляем. Этот приказ уже не

поможет, все равно будем удирать дальше на восток, не останавливаясь на Волге».

Красноармеец комендантского взвода 121 Тбр Андреев заявил следующее: «Для нашего народа какой хочешь приказ пиши, все равно выполнять, как и предыдущие приказы, не будут. Ведь в других приказах Наркома тоже говорилось, что с трусами и паникерами надо вести беспощадную борьбу, вплоть до расстрела на месте, но никаких мер не принимали. Вот то же самое будет и с этим приказом. Скоро его забудут».

Зам. командира танкового батальона той же бригады Коротаев о приказе Наркома заявил: «В свете этого приказа могут пострадать невинно некоторые командиры, так как отдельные группы пехоты настроены панически и их теперь трудно удержать. Вот из-за таких могут пострадать хорошие командиры».

Красноармеец штабной батареи 18 СД Кизшин среди бойцов, нецензурно выражаясь, говорил следующее: «Скорей бы в бой, чтобы там ранили и уехать в госпиталь месяца на три, а там кончится война. В приказе говорится, что ни шагу назад, а сами бегут первые».

Аналогичных высказываний в частях и соединениях 3-й танковой армии отмечено до 20. По всем отрицательным реагированиям особые отделы НКВД соединений проинформировали командование.

Несмотря на то, что с личным составом частей и соединений армии проработан приказ тов. Сталина, все же отмечены факты трусости, членовредительства и умышленного уклонения от боя со стороны отдельных бойцов и командиров (…).

Всего за указанный период времени расстреляно 24 человека. Так, например, командиры отделений 414 СП, 18 СД Стырков и Добрынин во время боя струсили, бросили свои отделения и бежали с поля боя, оба были задержаны заград. отрядом и постановлением Особдива расстреляны перед строем.

Красноармеец того же полка и дивизии Огородников произвел саморанение левой руки, в совершенном преступлении изобличен, за что предан суду военного трибунала. Имели место факты, когда из-за трусости и панического настроения отдельных командиров, срывались боевые операции, например: в ночь с 31 июля на 1 августа с.г. 176 ТБр самовольно ушла с занимаемого рубежа на восток и этим дала возможность противнику занять выгодные высоты.

Произведенным расследованием установлено, что виновным оказался начальник штаба бригады, майор Максимов, который Особым отделом НКВД арестован и предается суду.

Командир 6 батареи 616 ап, 184 СД, лейтенант Радбиль не

выполнил приказание командования дивизии о поддержке наступающей пехоты танков. 30 июля с.г. во время обстрела батареи противником проявил трусость и заявил: «Кто хочет, тот пусть и выводит батарею из-под огня, а я пойду пешком». На основании приказа № 227 сформировано три армейских заградотряда, каждый по 200 человек. Указанные отряды полностью вооружены винтовками, автоматами и ручными пулеметами.

Начальниками отрядов назначены оперативные работники особых отделов. Указанными заградотрядами и заградбатальонами на 7.8.42 г. по частям и соединениям на участках армии задержано 363 человека, из которых: 93 чел. вышли из окружения, 146— отстали от своих частей, 52— потеряли свои части, 12— пришли из плена, 54— бежали с поля боя, 2 — с сомнительными ранениями.

В результате тщательной проверки: 187 человек направлены в свои подразделения, 43 — в отдел укомплектования, 73 — в спецлагеря НКВД, 27 — в штрафные роты, 2 — на медицинскую комиссию, 6 чел. — арестовано и, как указано выше, 24 чел. расстреляно перед строем».

Примечательно, что в чрезвычайно сложной обстановке войны карательная машина военных властей очень быстро находила и расправлялась с теми, кто смалодушничал, проявил растерянность, кто дрогнул. Случаи трусости и паникерства подавлялись беспощадно. И нельзя забывать о том, что невиданный героизм и самоотверженность советских людей только лишь в совокупности с массовым террором на фронте и в тылу сталинскими приказами № 270 (о трусах и дезертирах, сдающихся в плен) и № 227 (Ни шагу назад!), в конце концов способствовали стабилизации обстановки уже в 1942 г.

Всего в 1941–1942 гг. военными трибуналами фронтов и армий было приговорено к расстрелу «за паникерство, трусость и самовольное оставление поля боя» — 157 593 человека.

А об эффективности приказа № 227 говорят следующие цифры:

с 1 октября 1942 г. по 1 февраля 1943 г. в шести армиях (21, 24, 62, 65, 66) Донского фронта было арестовано: в октябре — 94, в ноябре — 49, в декабре — 45, в январе — 15 человек;

осуждено к высшей мере наказания: соответственно 27, 11, 11 человек;

осуждено к различным срокам ИТЛ: 67, 38, 34 и расстреляно по постановлению особорганов перед строем: 107, 56, 47 человек.

Только за 15 дней оперативная группа лейтенанта ГБ Игнатенко задержала и возвратила на поле боя до 800 человек

рядового и командного состава, из них 15 человек по постановлению особорганов были расстреляны перед строем.

* * *

В первом периоде войны, на практике, функции особых отделов оказались гораздо шире, чем это регламентировалось официальными документами. Военным контрразведчикам приходилось заниматься и организацией разведки в ближнем тылу противника. Их операции за линией фронта предусматривали проникновение в германские спецслужбы, в полицейские и административные органы немецко-фашистских захватчиков, а также разложение антисоветских военных формирований, созданных немцами из числа белоэмигрантов, предателей и военнопленных. Оперативный состав военной контрразведки направлялся в крупные партизанские бригады для ограждения их от проникновения немецкой агентуры и предупреждения акций в отношении партизан со стороны оккупационных властей.

Таким образом, за полтора года войны было сделано не мало. Но самое главное, Сталин, ГКО и Генштаб РККА практически ежедневно получали необходимое количество информации о реальном положении дел на фронтах. В глазах Сталина военная контрразведка поднялась и после победы под Сталинградом стала представлять собой достаточно грозный инструмент, способный не только информировать вождя, но и контролировать выполнение всех его приказов и директив, а также воздействовать на личный состав подразделений, частей и соединений в самые критические моменты боевых действий, в целях стабилизации обстановки. Несомненная заслуга в этом принадлежит Виктору Семеновичу Абакумову.

Часть вторая
НАЧАЛЬНИК ГУКР СМЕРШ И МИНИСТР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Глава четвертая
Идущий напролом

Классические цели контрразведки состоят в том, чтобы «обнаружить, опознать и нейтрализовать» вражескую агентуру.

Аллен Даллес

1

Виктор Семенович все еще сидел в своем кабинете, периодически погружаясь в воспоминания. Но всякий раз это было мучительно больно. После некоторого профессионального равновесия его охватило неизвестно откуда появившееся волнение, словно мерзкий озноб. Теперь ему показалось, что все было гораздо серьезнее, чем можно было предположить. «Меня перехитрили, сказал он себе, как мальчишку беспризорника; почему я сразу этого не понял? Проклятая самоуверенность. Я же сам окружил себя врагами. Да какими! И все дерьмо, которое мне пришлось собирать годами, стало ловушкой. Допотопной ловушкой. Я, как последняя тварь, поскользнулся на нем. Переиграли, сволочи. Но у меня еще есть шансы отбиться от них. Есть. Это будет, пожалуй, сложно, но я должен их заставить отступить.

Тогда, в сорок первом, Сталин сам позвонил мне и сказал о назначении на должность начальника Управления Особых отделов. В сорок третьем я возглавил СМЕРШ и стал одним из заместителей вождя. Теперь я выполнял только его поручения. Берия оказался в стороне. Мы восемь лет работали вместе. Восемь. Я устраивал его, пока не начались просчеты. В последнее время ему трудно было угодить…»

Абакумов потерял счет времени и решил посмотреть на золотые часы. Прошло уже больше часа. Гора окурков в пепельнице даже удивила его, ведь он столько не курил давно. Тем не менее взял из коробки еще папиросу и нервно закурил.

Подумал немного выпить, но тут же отказался от этой мысли. Не хотел накачиваться. Сегодня ему нужна была трезвая голова. Решил немедленно ехать домой на Колпачный переулок, 11. Нужно было поработать с документами и проанализировать ситуацию. Зашита требовала приличного времени. Главное, успеть.

Нажатием кнопки он вызвал офицера и сказал вошедшему:

— Все, еду домой! Дай команду навести порядок.

* * *

В феврале 1943 г. Абакумову было присвоено звание — комиссар госбезопасности 2-го ранга, а 31 марта Сталин вызвал его на прием. В 22 часа 30 минут Виктор Семенович вошел в кремлевский кабинет вождя вместе с Молотовым, Берией, Маленковым, Боковым, Ильичевым, Платоновым, Щербаковым и Меркуловым.

Трудно сказать, встречался ли Абакумов с Верховным до этого, однако то, что он впервые увидел его кабинет, это точно. По крайней мере, это подтверждает журнал посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете. Тех, кто входил туда впервые, поражала его исключительная простота и скромность. «Большая комната со сводчатым потолком выходила тремя окнами на кремлевский двор. Белые, гладкие стены снизу, в рост человека, облицованы светлой дубовой панелью. Справа, в углу, как войдешь, — витрина с посмертной маской Ленина. Налево — большие стоячие часы в футляре черного дерева с инкрустацией. Через весь кабинет постлана ковровая дорожка к письменному столу. Над письменным столом — портрет В.И. Ленина, выступающего с трибуны, работы художника Герасимова. На письменном столе — книги и бумаги, за столом кресло, слева от него столик с телефонами разного цвета, справа, в простенке между окнами — черный кожаный диван и стеклянный книжный шкаф», — так описал кабинет вождя авиаконструктор А. Яковлев.

Большую часть беседы Сталин стоял или делал несколько шагов взад и вперед перед столом. Зажигал кривую трубку, затягивался один раз, потом через несколько минут опять зажигал, опять затягивался, и она снова гасла.

Абакумов с Меркуловым пробыли у хозяина всего полчаса. Речь шла о реформе работы контрразведки. Дело в том, что в отсутствие Абакумова Меркулов провел срочное совещание начальников особых отделов ряда фронтов и армий, где каждый из присутствующих получил по 20 минут на выступление.

Сталин потребовал от органов военной контрразведки более лучшей работы в борьбе со шпионами и диверсантами. К 1 апреля 1943 г. Меркулов готовит проект постановления об образовании наркомата госбезопасности и схему структуры ведомства с объяснительной запиской, которые за подписью Берии 2 апреля уходят к Сталину.

По замыслу Лаврентия Павловича, все оперативно-чекистские управления и отделы выделялись из НКВД СССР и на их базе образовывался самостоятельный наркомат госбезопасности. А Управление особых отделов должно было войти в состав нового ведомства как одно из управлений контрразведки НКГБ (СМЕРИНШ— смерть иностранным шпионам). Однако этот проект не понравился Сталину. Тогда к 4 апреля Меркулов подготовил следующий вариант, где, ничего не меняя, дополнительно предлагал в управлении СМЕРИНШ усилить технические отделы и создать новые подразделения с функциями по работе в тылу. Но вождь не принял и этот проект. Он приказал вернуться к реформе по той же схеме, которая была проведена в жизнь накануне войны и снова объединить усилия руководства обороной государства с обеспечением безопасности в армии и на флоте. Фактически он потребовал подчинения военной контрразведки напрямую наркомату обороны, чего не хотел прежде всего Берия. 13 апреля в 22.05 Сталин снова проводит совещание с руководством НКВД, а 15 апреля в 23.35 Нарком обороны и Верховный приглашает на совещание Абакумова уже как будущего своего заместителя.

Когда встал вопрос о названии военной контрразведки (второе проектное название СМЕРНЕШ— смерть немецким шпионам) Сталин сказал присутствующим:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах против нашей армии? Давайте назовем «Смерть шпионам», а сокращенно СМЕРШ.

18 и 19 апреля Сталин снова принял Абакумова, Меркулова и Берию, чтобы окончательно решить вопрос реформирования военной контрразведки. Таким образом, 14 апреля 1943 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации народного комиссариата государственной безопасности». А 21 апреля 1943 г. — постановление Государственного комитета обороны № 3222 СС/ОВ с утверждением положения о ГУКР СМЕРШ НКО СССР (19 апреля 1943 г. Постановлением СНК СССР № 415–138 сс Управление Особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление (ГУКР) СМЕРШ НКОССР).

В этом документе были определены конкретные задачи органов СМЕРШ:

«а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и

иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждениях Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, включающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий Народного Комиссара Обороны.

2. Органы СМЕРШ освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе».

Следующим параграфом определялись права и обязанности органов СМЕРШ:

«1. Для осуществления указанных в разделе 2-м задач Управление контрразведки Н КО (СМЕРШ) и его органы на местах имеют право:

а) Вести агентурно-осведомительную работу.

б) Производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной Армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности.

Примечание: Порядок производства арестов военнослужащих определен в разделе 4-м настоящего Положения.

в) Проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или особого Совещания при Народном Комиссариате Внутренних дел СССР.

г) Применять различные специальные мероприятия, направленные к выявлению преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов.

д) Вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для

допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной Армии».

Четвертый параграф определял порядок производства органами СМЕРШ арестов военнослужащих Красной Армии:

«1. Органы СМЕРШ производят аресты военнослужащих Красной Армии в следующем порядке:

а) Аресты рядового и младшего начсостава — по согласованию с прокурором.

б) Среднего начсостава — по согласованию с командиром и прокурором соединения, части.

в) Старшего начсостава — по согласованию с Военными Советами и прокурором.

г) Высшего начсостава — с санкции Народного Комиссара Обороны».

21 апреля вождь встречается с Абакумовым в присутствии Берии и подписывает постановление с утверждением положения.

Новое Положение определяло в составе ГУКР СМЕРШ НКО вместе с секретариатом 14 отделов. А 27 апреля Сталин утвердил штат Главного Управления СМЕРШ НКО СССР в количестве 646 человек, предусматривавший должности четырех заместителей начальника и его 16 помощников с аппаратом из 69 оперативных сотрудников на уровне начальников отделений, старших оперуполномоченных и помощников оперуполномоченных.

Первый отдел — агентурно-оперативная работа по центральным органам Красной Армии — управлениям Наркомата обороны.

Второй отдел — работа среди военнопленных, представляющих интерес для органов СМЕРШ, проверка военнослужащих Красной Армии, бывших в плену и окружении противника.

Третий отдел — борьба с агентурой противника (парашютистами), забрасываемой в наш тыл.

Четвертый отдел — контрразведывательная работа на стороне противника в целях выявления каналов проникновения агентуры противника в части и учреждения Красной Армии.

Пятый отдел — руководство работой органов СМЕРШ военных округов.

Шестой отдел — следственный.

Седьмой отдел — оперативный учет, статистика.

Восьмой отдел — оперативная техника.

Девятый отдел — обыски, аресты, установки, наружное наблюдение.

Десятый отдел «С» — работа по особым заданиям.

Одиннадцатый отдел — шифросвязь.

Отдел кадров — подбор и подготовка кадров для органов СМЕРШ, формирование новых органов СМЕРШ.

Адмфинхозотдел — финансовое и материально-хозяйственное обслуживание Управления, комендатура.

Секретариат.

Заместителями Абакумова были назначены П.Я. Мешин, Н.Н. Селивановский и И.Я. Бабич.

Начальником 1-го отдела— полковник ГБ Горгонов И.И., 2-го отдела — подполковник ГБ Карташев С.Н., 3-го отдела— полковник ГБ Утехин Г.В., 4-го отдела— полковник ГБ Тимофеев П.П., 5-го отдела— полковник ГБ Зеничев Д.С., 6-го отдела — подполковник ГБ Леонов А.Г., 8-го отдела — подполковник ГБ Шариков М.П., 9-го отдела — подполковник ГБ Кочетков А.Е., 10-го отдела — майор ГБ Збраилов А.М., 11-го отдела— полковник ГБ Чертов И.А., начальником отдела кадров— полковник ГБ Врадий И.И., начальником Адмфинхозотдела — подполковник ГБ Половнев С.А.

26 мая заместителем начальника ГУКР СМЕРШ НКО был назначен полковник Врадий И.И., а помощником комиссар ГБ Москаленко И.И.

По штату управлению СМЕРШ фронта предполагалось иметь 130 человек, если в составе фронта было более пяти армий. А если меньше, то 112 человек. Отдел СМЕРШ армии насчитывал 57 человек, отдел СМЕРШ округа — от 102 до 193.

Для обеспечения оперативной работы, конвоирования, охраны арестованных и мест заключения органам СМЕРШ на местах выделялись из частей Красной Армии: батальон — Управлению СМЕРШ фронта, рота — отделу СМЕРШ армии, взвод — отделу СМЕРШ корпуса, дивизии и бригады.

20 мая 1943 г. вышло специальное постановление ГКО «О заместителях наркома обороны», согласно которому В.С. Абакумов, оставаясь начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО, был освобожден от должности заместителя наркома. Как пишется в книге СМЕРШ: «в числе других заместителей Верховного командующих родов войск и начальников Главных управлений».

У вождя остались только два заместителя: Г.К. Жуков и по Генштабу — А.М. Василевский.

Однако и теперь Виктор Семенович работал напрямую с вождем, хоть и не являлся его заместителем.

В апреле 1943 г. приказом Сталина сотрудники СМЕРШ вместо спецзваний получили соответствующие воинские звания. А 64 сотрудникам из начсостава было присвоено воинское звание «полковник». Генерал-лейтенантами стали заместители

Абакумова Мешик, Селивановский, Бабич (26 мая 1943 г.). Для подготовки и переподготовки оперативного состава органов СМЕРШ были организованы четыре постоянных школы (Первая Московская на 600 человек, Вторая Московская на 200 человек, Ташкентская на 300 человек, Хабаровская на 250 человек) и курсы с четырехмесячным сроком обучения в городах Новосибирске (250 чел.) и Свердловске (250 чел.). Срок обучения в школах указал сам Сталин: от шести месяцев до девяти. Вначале ноября 1943 г. Новосибирские курсы по подготовке оперативного состава были реорганизованы в школу (400 чел.). Ленинградские, Свердловские и Саратовские курсы приказами по ГУКР СМЕРШ НКО вскоре также стали школами.

Филипп Денисович Бобков летом 1945 г. был направлен в Ленинградскую школу контрразведки СМЕРШ. В своих мемуарах он вспоминал: www.farposst.ru

«Требования к слушателям в школе предъявлялись высокие, но мы и сами учились старательно, и не только по учебникам. И практические занятия, и теоретическую подготовку с нами проводили, широко используя документы и дела военной контрразведки. Разумеется, осваивался и опыт только что закончившейся войны.

Учиться было очень интересно. Мы знакомились с документами, связанными с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, изучали методы заброски этой агентуры немецкими спецслужбами, подробно разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. Наряду с этим, конечно, штудировали операции по проникновению нашей разведки и контрразведки в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и штабы войск. Нужно было освоить весь этот годами накопленный опыт, ведь работа в контрразведке потребует очень серьезной профессиональной подготовки».

«Приоритет органы СМЕРШ — к чему обязывало их название — отдавали борьбе со шпионажем. В поиске и обезвреживании многочисленных вражеских агентов, наряду с традиционными методами, успешно применялись радиоигры с использованием радиостанций захваченной немецкой агентуры. Также активно велась работа по проникновению в разведшколы и карательные органы гитлеровцев. Широкий фронт приобрели розыскные мероприятия, в частности создание оперативных групп из сотрудников с включением в них в качестве опознавателей немецких агентов, явившихся с повинной. Действуя на вокзалах, базарах, контрольно-пропускных и продовольственных пунктах, в

других местах скопления людей, агенты вели поиск и опознание предателей, известных им по совместной учебе в разведшколах и пребыванию в спец-лагерях. Аппарат главка буквально по крупицам собирал информацию о разыскиваемой агентуре, тщательно анализировал ее и оперативно издавал ориентировки для подчиненных органов.

Активно решались и другие задачи, поставленные перед органами СМЕРШ: борьба с террором, предательством и дезертирством, дезинформирование вражеских спецслужб и вермахта, контрразведывательная зашита наступательных и оборонительных операций фронтов и армий», — пишет в книге «За семью печатями» генерал Б.В. Гераскин.

Полковник И.А. Чернов вспоминал: «В апреле 1943 г., вскоре после создания ГУКР СМЕРШ, — назначили начальником секретариата. Я отнекивался, объяснял, что мне нравится оперативная работа, но Абакумов был непреклонен: «Нравится, не нравится, — это не разговор!» По правде говоря, не тянуло меня туда потому, что Бровермана, прежде ведавшего секретариатом, оставили там на должности зама. Он расставлял людей, был у них в чести, а тут пришлось опуститься ниже. Человек, может, затаил обиду, как с ним работать? Но ничего, сработались, в основном, думаю, по той причине, что не пересекались: он занимался своим делом — готовил информацию для Ставки Верховного Главнокомандующего, а я обеспечивал остальное.

С тех самых пор и пришлось мне вплотную сталкиваться с Абакумовым. Виктор Семенович хоть и был молодой, а пользовался большим авторитетом, в ГУКР СМЕРШ его очень уважали. Основное внимание он уделял розыскной работе, знал ее хорошо, и велась она активно. Начальников управлений в центре и на фронтах жестко держал в руках, послаблений никому не давал. Резковат — это да, бывало по-всякому, а вот чванства за ним не замечалось. Наоборот, если случалось ему обидеть кого-то, он потом вызывал к себе в кабинет и отрабатывал назад. По себе знаю: начнет иногда ругать при посторонних, чтобы те почувствовали ответственность, а ночью выберет минутку и скажет — не обращай внимания, это нужно было в воспитательных целях».

2

Контрразведчикам Виктора Семеновича Абакумова противостоял серьезный, если не сказать, коварный противник. По данным историков, только на Восточном фронте действовало

более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд СД и абвера, функционировало около 60 школ, где готовили агентуру для заброски в тыл Красной Армии.

Германский военный разведывательный и контрразведывательный орган Абвер (русск. — «отпор», «зашита», «оборона». — *Примеч. авт.)* был образован в 1919 г. на правах отдела военного министерства как контрразведывательный орган рейхсвера.

* * *

С 1935 г. абвер возглавил Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945). Он стал пятым и предпоследним главой этого органа. Сорока восьмилетний адмирал родился в семье директора металлургического завода. В Первую мировую служил на крейсере «Дрезден» обер-лейтенантом. И кто знает, кем бы он стал, если бы не цепь случайностей. В декабре 1914 г. германская эскадра была уничтожена превосходящими британскими силами у Фолклендских островов.

Лишь одному крейсеру «Дрезден» удалось спрятаться в бухтах Огненной Земли. Но оставшись без топлива и запасов продовольствия, крейсер бросил якорь в чилийских территориальных водах, где внезапно появился крейсер «Глазго» и открыл по нему огонь из всех орудий.

Тогда было принято решение затопить корабль. Раненых чилийские власти эвакуировали в Вальпараисо, а остальных матросов и офицеров интернировали на острове Кириквина.

На этом острове Канарис в совершенстве изучил испанский язык и осенью 1915 г., выдавая себя за чилийца, сбежал с острова. Путешествие из юго-западной части Южной Америки в Европу заставило сделать будущего шефа Абвера невозможное — проделать путь пешком или на лошади в 1200 километров. В Аргентине Канарис сделал себе документы на имя чилийского вдовца Рида и под этим именем на пароходе «Фризия» отправился в Роттердам. Во время плавания в разговорах с англичанами он усовершенствовал свои знания английского.

Разведработой Канарис занялся с лета 1916 г. в Мадриде — помощником германского военно-морского атташе, капитана 111 ранга фон Крона. В испанских портах он выступал в качестве чилийца Рида Розаса и вербовал агентов для наблюдения за движением судов. Кроме того, в его работу входил поиск капитанов судов и коммерсантов, готовых снабжать запасами

продовольствия германские базы подводных лодок. При этом он рвался на фронт, разрываясь между морем и разведкой, пока его рапорт не удовлетворили.

Однако ему снова потребовалось проделать невероятное путешествие через Южную Францию и Северную Италию в Швейцарию. Но случилось непредвиденное. При выезде из Италии в Швейцарию Рида Розаса вместе со спутником арестовали. Это стоило Канарису нескольких недель заключения в ожидании военно-полевого суда. Вскоре через влиятельных лиц и по дипломатическим каналам в Италию поступили сообщения, подтверждающие личность Рида Розаса. Тогда будущего адмирала вместе с испанским священником на испанском грузовом судне отправили через Марсель из Генуи в Картахену, с надеждой, что французская контрразведка разоблачит чилийца Рида Розаса в шпионаже на Германию. Поэтому Канарису ничего не оставалось, как открыться капитану судна и уговорить его не заходить в Марсель. Капитан согласился. В Картахене немецкой подводной лодке только с третьей попытки удалось взять Канариса на борт на рейде порта.

После благополучного возвращения Канариса перевели в подводный флот, а через несколько месяцев стажировки он стал преподавать в школе подводного плавания. В 1918 г. его назначили командиром подводной лодки, а в 1922 г. Канарис служил старшим офицером на крейсере «Берлин». И все-таки пути Господни вновь привели его в разведку.

* * *

В 1938 г. на базе контрразведки рейхсвера было создано управление Абвер-заграница при штабе Верховного Главнокомандования вооруженных сил (ОКВ). Управление состояло из отделов:

Абвер-1 занимался сбором развединформации об иностранных армиях и флотах, подготовкой агентов-радистов, радиоперехватом, изготовлением документов прикрытия и оперативной техники;

Абвер-2 — подготовкой диверсионно-террористической агентуры и заброской ее в тыл противника, разработкой и изготовлением средств террора и диверсий, организацией диверсионных и террористических актов, организацией национальных легионов, созданием из немцев, проживающих на территориях стран-противников, спецформирований для захвата стратегически важных объектов. В распоряжении Абвера-2

находились специальные воинские формирования: дивизия «Бранденбург-800» и полк «Курфюрст»;

Абвер-3 — контрразведывательной работой в вооруженных силах Германии, военно-административных и военнохозяйственных учреждениях и на объектах оборонного значения;

Иностранный отдел Абвер-заграница — изучением экономики и внешней и внутренней политики иностранных государств на основе сведений, получаемых от военных атташе, МИДа и других официальных учреждений за границей; разработкой вопросов взаимодействия германской армии с армиями других стран; изучением международной печати и радиовещания;

Центральный отдел — комплектованием кадрами; обеспечением материальными и финансовыми средствами, разработкой мобилизационных планов органов абвера на военное время.

Абверштелле являлись основными звеньями абвера и вели практическую контрразведывательную и диверсионную работу против СССР при каждом военном округе. Они подчинялись соответствующим отделам управления Абвер-заграница и согласовывали свою работу с (отделами «1-Ц») разведотделами штабов военных округов.

В оккупированных областях Советского Союза были организованы четыре территориальных органа абвера: Абверштелле — Украина, Абверштелле — Юг Украины, Абверштелле — Крым, которые выявляли агентуру советской разведки и контрразведки, а также лиц, враждебно относившихся к фашистской Германии, вели борьбу с партизанами и готовили своих агентов для фронтовых команд армии. В занятых вермахтом крупных городах создавались местные отделения контрразведки — Абвернебеншталле (АНСТ), а в небольших городах, расположенных недалеко от границы и удобных для заброски агентуры, размещались их филиалы — Лусеншталле.

В июне 1941 г. в целях ведения разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза был создан специальный орган Управления Абвер-заграница — «штаб Валли». Он подчинился соответствующим отделам Управления Абвер-заграница и отделу по изучению иностранных армий ОКВ Восточного фронта. Несколько слов и об этом отделе.

Отдел «Иностранные армии Востока» решал задачи по изучению положения дел в Красной Армии. С 1 апреля 1942 г. его возглавил генерал Райнхард Гелен. Первая группа занималась

вопросами еженедельной оценки сил противника и положением его войск. Вторая группа оценивала перспективы положения, анализируя поступившую информацию и дополняя ее материалами из других источников. Третья группа с помощью специалистов по России занималась переводом документов. В результате достигнутого соглашения между Канарисом и Геленом была выработана следующая схема прохождения развединформации: все подразделения войсковой разведки, проводившие операции в полосе действий армии, докладывали об их результатах в ее разведотдел и одновременно в разведотдел группы армий. Оттуда она направлялась в службу «1-Ц» и параллельно— штабу «Валли-1». Из штаба «Валли-1» в отдел «Иностранные армии Востока». При этом абвер получал копии всех документов, переданных в отдел Гелена. Начальником штаба «Валли» являлся подполковник Гейнц Шмальшлегер.

Первый отдел руководил военной и экономической разведкой на советско-германском фронте. В его подчинении находились разведкоманды и группы, приданные штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной работы на соответствующих участках фронта, а также команды и группы экономической разведки, проводившие сбор разведданных в лагерях военнопленных;

Второй отдел — абверкомандами и абвергруппами по проведению диверсионной и террористической работы в частях и в тылу Красной Армии;

Третий отдел — контрразведывательной деятельностью подчиненных ему абверкоманд и абвергрупп по борьбе с советскими разведчиками, партизанами, антифашистами на оккупированной территории, в зоне фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных тылов.

Штабу «Валли» также подчинялись две разведшколы с филиалом и авиаотряд (4–6 самолетов).

В марте 1942 г. при штабе «Валли» сформировали специальный контрразведывательный орган «зондерштаб Р» в Варшаве. Это отделение проводило агентурную работу по выявлению партизанских отрядов, антифашистских организаций и групп в тылу немецкой армии. С 1943 г. им была развернута работа по агентурной разведке в тылах советских войск.

Первый отдел вел разведывательную работу, второй отдел занимался контрразведкой, третий — пропагандой с целью разложения партизанских отрядов и четвертый отдел — административно-хозяйственной работой.

Возглавил «зондерштаб-Р» Борис Алексеевич Смысловский (1897–1988). Несколько слов об этом человеке. Он родился в

Финляндии. Окончил московский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. в Добровольческой армии. Начальник разведотдела штаба 11-й Русской армии в Польше.

В эмиграции окончил курсы генштаба Германии. В годы войны полковник. В марте 1942 г. Главным управлением имперской безопасности Германии был создан специальный разведывательно-диверсионный орган для подрывной деятельности по политическому разложению советского тыла — «Предприятие Цеппелин».

В своей работе «Цеппелин» взаимодействовал с абвером, командованием вермахта и с имперским министерством по делам оккупированных восточных областей.

Подчиненный VI управлению РСХА на правах особого подразделения — VI Цеп входит в группу (отдел) VI Ц, проводившую политическую разведку против СССР и стран Ближнего Востока. Штаб «Цеппелина» состоял из аппарата начальника органа и трех отделов: «Цеп-1» занимался комплектованием, оперативным руководством и снабжением; «Цеп-2» — обучением агентуры; «Цеп-3» — обработкой всех материалов о деятельности особых лагерей, фронтовых команд и агентуры, переброшенной в тыловые районы. В своей работе «Цеппелин» руководствовался «Планом действия по политическому разложению Советского Союза».

* * *

Сам по себе механизм взаимодействия между гестапо, службой безопасности и абвером был определен в документе под названием «Десять заповедей сотрудничества» (1936 г.), где следовало четкое разграничение их полномочий. Военная разведка в странах противника оставалась в ведении абвера, а сфера контршпионажа только в основном принадлежала абверу, при том что само понятие было несколько размыто в подписанном соглашении. В ведении абвера находилась подготовка скрытого боевого применения на случай войны (разведывательно-диверсионные операции).

Тайной государственной полиции принадлежало оперативное расследование всех тяжких государственных преступлений и добывание политической информации из-за границы, в особенности из стран, враждебных Германии.

В 1938 г. была проведена очередная реорганизация службы внешней разведки СД в Шестое управление ГУИБ, которое летом

1941 г. возглавил Вальтер Шелленберг. А менее чем через год было заключено еще одно соглашение между СД и абвером по типу «десяти заповедей». Но это уже была программа Шелленберга, который, по воспоминаниям Гелена, «добросовестно сотрудничал с представителями Канариса в рамках соглашения, заключенного между управлением военной разведки и контрразведки и полицейскими службами. Однако положение изменилось, как только Шелленберг стал начальником внешней разведки службы безопасности». «К концу февраля 1942 г. положение адмирала Канариса уже более не было прочным», — писал в своих мемуарах Шелленберг. «Об этом не могли не знать его друзья и подчиненные, но я-то знал, что Гитлер серьезно обдумывал вопрос о том, как от него отделаться». И действительно, Гитлера не устраивал начальник абвера по многим показателям. Так, план Гитлера изобрести безупречный повод (операцию) для нападения на Польшу и порученный Гейндриху и адмиралу Канарису, только у последнего вызвал отвращение. Адмирал все же сумел уклониться от его выполнения. Со временем он культурно отказался от задания фюрера — убить Черчилля и точно так же проигнорировал его приказ о розыске бежавшего французского генерала Жиро Анри — верховного комиссара Франции в Северной Африке. По утверждению Гелена: «Канарис решительно отвергал политические убийства. Его глубокая религиозная убежденность абсолютно запрещала ему даже думать о подобной возможности». Адмирал не на шутку был обеспокоен приближавшейся войной с Россией. Шелленберг вспоминал: «Он резко критиковал руководителей вермахта, которые, несмотря на прекрасную осведомленность, были настолько безответственны и неумны, что поддерживали такого человека, как Гитлер, с его затеей закончить русскую кампанию в течение трех месяцев. Канарис не разделял и точку зрения фюрера и не мог понять, как такие генералы, как Браухич, Кейтель и Иодль, могли быть столь благодушными, оторвавшимися от жизни оптимистами. Однако возражать было бесполезно».

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель как-то сказал ему:

«Мой дорогой Канарис, может быть, вы понимаете что-либо в делах военной разведки, но вы моряк, и вам не следует пытаться давать нам уроки стратегического и политического планирования». Помощник адмирала Оскар Райле так охарактеризовал своего шефа:

«В свои 38 лет у него были уже белые как снег волосы. Поэтому офицеры абвера между собой очень скоро стали называть адмирала «старик» или «седовласый». Но опыт и

необыкновенная судьба сделали Канариса прежде всего чрезвычайно молчаливым, одним из тех, кто проявлял искреннее участие ко всем страдающим и нуждающимся, кто многое знал о добре, зле и несбыточном. Такие люди предпочитают промолчать, нежели держаться опрометчиво или даже нескромно. Болтунов и бахвалов он на дух не переносил. Но при этом в обществе не был некомпанейским человеком. Правда, Канарис с удовольствием слушал, но если он что-то говорил после того, как присутствующие долго и пространно рассуждали о каком-либо предмете, то нередко, к их удивлению, обнаруживалось, как внимательно он следил за обсуждением и к каким глубоким выводам приходил».

Еще в 1935 г. адмирал создал совершенно новое направление абвера — контршпионаж, которому были поставлены следующие задачи:

«1. Произвести вербовку лиц, способных к выполнению контрразведывательных задач за границей, в особенности к наблюдению за подозреваемыми в шпионаже лицами и пригодными для использования при установлении резидентур противника и его персонала.

2. Изыскать средства для внедрения тайными путями в органы разведслужб противника и выяснения их методов работы и замыслов, направленных против рейха.

3. Наладить тайные контакты, с помощью которых можно было бы внедрять дезинформацию в разведслужбы противника».

Гелена, как и многих других уважавших начальника абвера офицеров, наряду с религиозностью и верностью офицерской чести, сильнее всего поражала фундаментальная образованность Канариса. Явление редкое среди высших офицеров вермахта. По мнению Гелена, Канарис обладал способностью разбираться во взаимосвязях мирового масштаба: «С этим было связано и его тонкое восприятие развития политических событий, которые он довольно часто пересказывал с поразительной точностью».

Осенью 1941 г. Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнике 8 сентября 1941 г. Он заявил:

> «Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они устанавливались постепенно, на той основе, что пребывание в военном плену является не местью, не

наказанием, а исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции».

Одним из недостатков абвера во Второй мировой войне — это было отсутствие отдела, который проводил бы анализ и оценку поступающей разведывательной информации. В своей книге Гелен по этому поводу делает следующий вывод: «В результате отсутствия постоянного и систематического анализа с использованием всех имевшихся в управлении материалов многие агентурные сообщения оценивались слишком высоко».

А ведь сам Канарис был прекрасным аналитиком, но он не мог в одиночку заниматься этой работой. Но самой серьезной проблемой для Канариса и его организации оказалась борьба службы безопасности (СД) за лидерство, так как адмиралу приходилось постоянно противодействовать этим разведывательным операциям, нередко носившим печать спешки и дилетантства. По мнению Гелена: «он находился в положении обороняющейся стороны, поскольку не имел поддержки со стороны верховного Главнокомандования вермахта».

В 1942 г. Канарис настойчиво предупреждал Гелена о коварстве шефа внешней разведки Шелленберга. Считается, что он «разгадал намерение Гиммлера и его помощников прибрать абвер к своим рукам». В воскресный вечер августа 1944 г. Вальтер Шелленберг получил приказ от обергруппенфюрера СС Мюллера выехать к Канарису и сообщить, что он арестован. Затем увезти его в Фюрстенберг и не возвращаться с ним в Берлин, пока все не будет выяснено.

А начинался закат карьеры адмирала гораздо раньше.

В феврале 1944 г. Канариса отстранили от работы после того, как агент абвера Фермерен из Турции бежал в Каир. Гитлер был взбешен. Он велел передать Канарису: «Фюрер в связи с инцидентом с Фермереном распорядился, чтобы абвер был переподчинен Главному управлению имперской безопасности». Но потом был заговор 20 июля 1944 г., который расследовали Мюллер и Кальтенбруннер.

Когда Шелленберг приехал в Берлин-Шлахтензее, Канарис сам открыл ему дверь. Они разговаривали наедине, и шеф политической разведки изложил ему суть дела и характер своего

задания.

— Очень жаль, — ответил адмирал, — что нам приходится прощаться в такой обстановке. Однако мы это преодолеем. Обещайте мне честно, что в течение ближайших трех дней вы обеспечите мне возможность побеседовать с Гиммлером лично. Все прочие — Кальтенбруннер и Мюллер — это просто грязные палачи, жаждущие моей крови.

Как оказалось, в сейфе одного из служебных кабинетов Канариса были найдены две курьерские сумки с компрометирующими документами. Тем не менее его не казнили, а отправили в концлагерь Флоссенбург в Баварии. Лишь в апреле 1945 г. Гитлер отдал приказ о казни адмирала.

* * *

Вальтер Шелленберг принял управление военной разведки, функции которого были разделены между 4-м и 6-м управлениями РСХА.

Первый и второй отделы были слиты в «службу МИЛ» (РСХА), третий отдел в сокращенном виде сохранял для вермахта некоторое число специалистов по охране военных тайн, а четвертый отдел и отдел управления были расформированы.

Как написал Оскар Райле: «Дело всей жизни адмирала Канариса было бездумным образом разрушено в ущерб рейху».

3

По воспоминаниям ветеранов, лично знавших Виктора Семеновича Абакумова, начальник контрразведки «ни при каких обстоятельствах не изменял своей излюбленной тактике — идти напролом». В подтверждение этих слов ветеран контрразведки полковник Д.П. Тарасов рассказывал журналисту Е. Жирнову следующее:

«Однажды мы брали разведгруппу противника совместно с территориальными органами НК.ГБ и войсками по охране тылов фронта — они подчинялись НКВД. Группа была из уголовников, завербованных немцами, так что сопротивлялись они недолго, и мы взяли почти всех. Самое ценное — старший и радист с рацией. Кто их заберет? Хотели все. Абакумов встал, ни на кого не глядя, прошел к телефону ВЧ и доложил Сталину, что СМЕРШЕм задержана вражеская разведгруппа и что она перспективна в смысле радиоигры. Потом обернулся к присутствующим и

объявил: «Товарищ Сталин одобрил проведение нами радиоигры, так что старший и радист — нам, остальных делите, как хотите». Представители параллельных ведомств от такой наглости оторопели. Вообще, брать все нахрапом было его излюбленной манерой».

К слову сказать, радиоэфир осваивался спецслужбами воюющих государств в годы Второй мировой войны. Поэтому радиоигры с разведкой противника стали новейшим направлением в их деятельности, основной задачей которых были систематические передачи противостоящему противнику ложной информации, с одной стороны, а с другой, благодаря радиоиграм органы военной контрразведки поддерживали у противника уверенность в том, что заброшенные им разведгруппы работают вполне активно. Это, безусловно, останавливало их от дальнейших действий.

Для проведения радиоигр использовались вражеские агенты, захваченные вместе с портативными коротковолновыми приемо-передаюшими рациями.

И те агенты, которые обычно шли на сотрудничество, работая под контролем, систематически передавали противнику ложную информацию. С весны 1943 г. все радиоигры, кроме игр «Монастырь», «Курьеры» и «Березина», находились в ведении ГУКР СМЕРШ под руководством начальника третьего отдела В.Я. Барышникова. Так, с целью дезинформации германского командования ГУКР СМЕРШ Центрального фронта и ОКР СМЕРШ Орловского военного округа провели из районов Щигры — Курск — Брянск успешную радиоигру «Опыт». Она продолжалась с 17 мая 1943 г. по август 1944 г. Задача разведгруппы, заброшенной с заданием, — установить в районах Щигры, Касторное, Курск места сосредоточения советских войск, техники, фамилии командиров, состояние транспортных путей и мостов. Также немецкую разведку интересовали сведения о передвижении воинских частей.

Три германских агента— радист «Шадрин», разведчики «Юденич» и «Суриков» — имели при себе портативную коротковолновую радиостанцию, сто двадцать тысяч рублей, топографические карты районов действия и фиктивные документы офицеров Красной Армии.

После легендирования и соответствующей подготовки первый сеанс связи с противником от имени разведгруппы состоялся 17 мая, а затем каждые два-три дня радиостанция выходила в эфир, передавая радиограммы с дезинформацией. Цель радиоигры на данном этапе заключалась в том, чтобы скрыть от германского командования подготовку наступления Красной Армии в районе

Курска. Тексты дезинформаций утверждались заместителем начальника Генштаба генерал-полковником А.И. Антоновым и начальником оперативного управления Генштаба генерал-лейтенантом С.М. Штеменко.

«В шифровках, адресованных немцам, указывалось, что в сторону линии фронта якобы проходят эшелоны со строительными материалами, бронеколпаками, колючей проволокой и другими средствами, необходимыми для обороны, а в тылу фронта местные жители и саперы роют окопы, противотанковые рвы, строят блиндажи, доты и другие оборонительные сооружения. Передавались также отрывочные данные о сосредоточении войск и военной техники». Примечательно то, что самая активная работа радиостанции продолжалась всего двадцать дней. И после того как противнику передали все, что смогли, основная задача радиоигры была выполнена. Поэтому в связи с тем, что вся возможная информация для передачи исчерпала себя, приняли решение снизить активность работы радиостанции, выждать необходимое время с целью проверки реакции противника на полученную «дезу». Но противник, что называется, клюнул: «Павлу желательны сведения об артиллерийских позициях западнее Новосиля, в районе слияния рек Неруч и Зуша. Центр». Радиостанция находилась в ста пятидесяти километрах от этого населенного пункта, а значит, можно было попробовать и дальше дезинформировать противника: «Центру. В нашем районе Новосиля нет. На разведку вышли напарники. Я остался на месте. До их возвращения буду сообщать только метеосводки. Павел». Дальше было несложно сослаться на долгую дорогу и на то, что напарники с задания не вернулись. После чего наглым образом попросить продуктов и денег.

4 августа немцы отвечали: «Павлу. Помощь пришлем, точный срок сообщим позднее. Почему не сообщаете о передвижении войск и о важных военных событиях в вашем районе? Ждем срочных сведений. Центр».

В ответ ушла следующая радиограмма: «Центру. Наши люди до сих пор не вернулись. Ходил их разыскивать, но безрезультатно. Работать одному очень трудно. Денег нет. Живу плохо. Жду от вас совета и помощи. Павел». Через два дня пришло сообщение: «Павлу. Срочно готовим курьера, придет по последнему адресу. А пока давайте военные сводки, надеемся на активизацию работы. Центр». А еще через два дня на явочной квартире был арестован агент-связник, выпускник Борисовской разведшколы Подкопытов, у которого были изъяты девяносто шесть тысяч рублей, фиктивные документы, батареи для

радиостанции и продовольствие.

11 августа в целях продолжения связи с радиоцентром противника и введения его в заблуждение ему было сообщено, что радист не встретил курьера и продолжает испытывать материальные затруднения.

Ответ был следующим: «Павлу. Курьер завтра будет у вас, у хозяйки. Пароль — «привет от доктора». Курьер будет с вами работать с успехом. Центр»». Теперь следовало подготовиться к встрече курьера. Но проблема была в том, что радист уже давно не сообщал никакой разведывательной информации и мог вызвать подозрение о вынужденной работе под колпаком советской контрразведки СМЕРШ. Таким образом, требовалось организовать встречу курьера с радистом, чтобы установить полученные им указания с той стороны. Однако управление СМЕРШ Центрального фронта категорически отвергло такой вариант.

Тогда на встречу отправился оперативный работник, переодетый в радиста, и один боец в форме сержанта под видом напарника. 24 августа два немецких агента были задержаны. У них изъяли семьдесят пять тысяч рублей, чистые бланки командировочных предписаний с печатью «АХО штаба 13 армии», двадцать чистых бланков продовольственных аттестатов с печатью «АХО штаба 13 армии», пятнадцать чистых бланков продовольственных аттестатов с печатью «Оперативная группа минометных частей западного фронта Ставки Верховного Главного Командования», двадцать командировочных предписаний с печатью этой же оперативной группы, двадцать удостоверений, отпечатанных на машинке, с печатью и штампом «123 отдельного батальона связи».

25 августа немцы получили очередную радиограмму: «Центру. Два курьера прибыли. Груз, сброшенный с самолета без парашюта, потеряли. Втроем идем на поиски. Павел».

Всего за период радиоигры противнику было передано 92 радиограммы, получено— 51. Были вызваны на нашу сторону и обезврежены три немецких агента и получены грузы, сброшенные с самолета.

За успешную работу по радиоигре радист «Шадрин» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1943 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени. Следует отметить, что только 27 октября 1943 г. В.С. Абакумов подписал в Государственный Комитет Обороны на имя Сталина записку, в которой ходатайствовал о награждении оперативных работников. А к ноябрьским праздникам 1656 человек были награждены орденом Ленина (8 чел.), орденами Красного Знамени (52 чел.),

Отечественной войны 1 степени (72 чел.), Отечественной войны II степени (350 чел.), Красной Звезды (601 чел.), Знаком Почета (135 чел.), медалями «За отвагу» (312 чел.), «За трудовую доблесть» (114 чел.) и «За трудовое отличие» (12 чел.).

По мнению В.Н. Степакова, автора книги «Нарком СМЕРШа»:

«…Главная роль в успешных радиоиграх принадлежала Виктору Семеновичу Абакумову. Именно он пошел против существовавшего тогда уголовного законодательства, трактовавшего, что согласие советского человека на сотрудничество с иностранной разведкой — уже измена. Абакумов освобождал явившихся с повинной немецких агентов от уголовного наказания, что резко поднимало эффективность борьбы с абвером». Добавлю лишь, что не просто освобождал, а еще и представлял бывших агентов немецкой разведки к государственным наградам.

Исследователи Б. Сыромятников и Н. Поросков считают, что «Абакумов опередил время: только в 1960 г. Верховный Совет СССР принял дополнение к статье 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления — не подлежит уголовной ответственности гражданин, завербованный иностранной разведкой, если он во исполнение преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой». Но здесь позволю себе возразить. Разве бы мог Виктор Семенович опередить время, не имея для этого определенных рычагов и возможностей? Тем более если бы это не было целесообразно в государственных интересах и лишь для незначительного контингента предателей!

* * *

В феврале 1943 г. в городе Малоархангельске был задержан подозрительный гражданин «Н». Он выглядел душевнобольным, его речь была бессвязной, поведение нестандартным, а неряшливая одежда— вызывающей. «Душевнобольной» «Н» каждый день бродил по городу и его окрестностям, частенько появляясь в районах расположения воинских частей. Чем и привлек к себе внимание контрразведчиков. Проверив документы, они ничего подозрительного не обнаружили, так как те подтверждали его недееспособность и были в полном порядке. Однако оперативную проверку все же решили продолжить. «Блаженного» отпустили, и что удивительно, в подвале разрушенного дома, куда тот «привел» «смершевцев», были

обнаружены портативная радиостанция типа «север», револьвер «наган», продукты и деньги в сумме 9225 рублей. Достоянием контрразведчиков стали шифры и расписание сеансов радиосвязи.

«Душевнобольным» оказался агент-маршрутник (радист) Деев, он же Фомин 1919 г. р., уроженец Орловской области. Он закончил Орловскую школу разведчиков и по заданию начальника школы был оставлен в г. Малоархангельске после отступления немецких войск. Для лучшего легального проживания и передвижения агента снабдили справкой эвакогоспиталя и метрической выпиской на имя Машенина Сергея Петровича.

* * *

По свидетельству документов в 1941–1944 гг. особыми отделами НКВД СССР и ГУКР СМЕРШ НКО СССР от 55 до 65 % всех вражеских агентов были выявлены и разоблачены непосредственно в зоне боевых действий. В 1945 г. этот показатель достиг 88 %. Причем «если в 1941 г. на прифронтовую зону приходилось около 45 % от общего количества разоблаченных органами военной контрразведки агентов фашистских спецслужб, то в 1943 г. эта цифра возросла до 55 %.

Только в период подготовки и в ходе Курской битвы контрразведчиками Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов было обезврежено более 1500 немецких агентов и диверсантов. Контрразведчики Центрального фронта в июне и июле 1943 г. обезвредили пятнадцать разведывательно-диверсионных групп противника. Некоторые из них были предназначены для нападения на штаб фронта и совершения террористического акта в отношении командующего фронтом генерала армии К. К. Рокоссовского.

Во время битвы за Днепр чекисты Воронежского (1-го Украинского) фронта выявили и ликвидировали более 240 фашистских агентов и двадцать одну разведывательно-диверсионную группу».

В сентябре 1943 г. с учетом накопленного опыта военной контрразведкой за первые два года войны была разработана «Инструкция по организации розыска агентуры разведки противника». Согласно этому документу розыску подлежали «все без исключения агенты разведки противника, и в первую очередь агенты, уже переброшенные на нашу сторону или намеченные к выброске на ближайшее время».

Основанием для объявления в оперативный розыск того или иного лица как агента вражеской разведки являлись: показания арестованных и разоблаченных агентов разведки противника; заявления и показания свидетелей; показания военнопленных из числа бывших официальных сотрудников противника; сообщения зафронтовой агентуры и других агентов советских органов госбезопасности; списки и другие документальные материалы на агентуру, захваченные у разведывательных органов противника. На каждого вражеского агента (если имелась возможность провести мероприятия по активному розыску) заводилось розыскное дело.

При получении информации о вражеских агентах в отделах контрразведки СМЕРШ Действующей армии начинались оперативно-розыскные мероприятия. По всем розыскным ориентировкам и бюллетеням органы контрразведки СМЕРШ систематически проводили проверку личного состава штабов воинских соединений и частей, всех военнослужащих запасных полков, а также лиц, поступивших на фильтрационные пункты, в лагеря, бежавших из плена и вышедших из окружения.

Церковь Николы в Хамовниках, где был крещен Виктор Абакумов

Н.И. Подвойский. Всемерно помогал В.С. Абакумову в продвижении по службе

В.С. Абакумов в начале своей карьеры

В.М. Молотов

Г.Г. Ягода

И.В. Сталин и С.М. Киров

М.Д. Берман — начальник ГУЛАГа ОГПУ

М.П. Фриновский

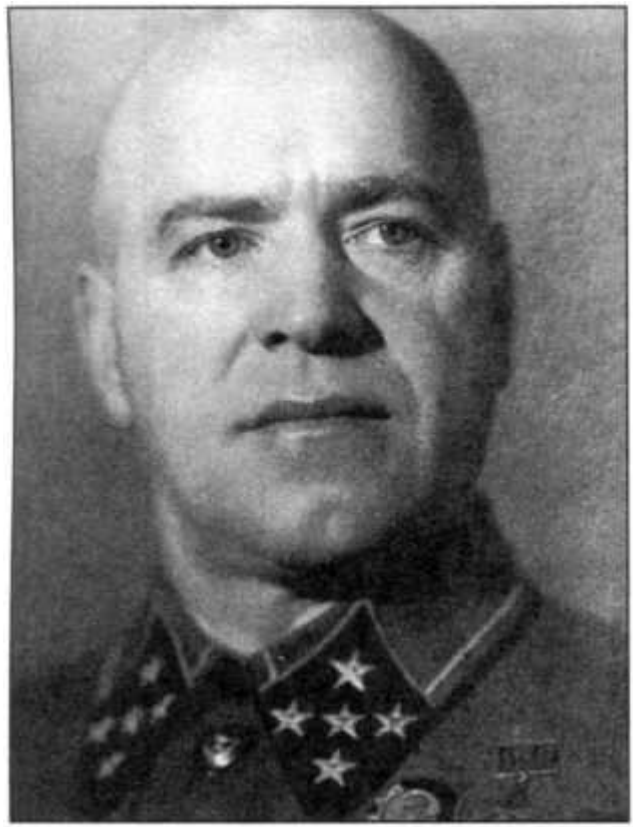
Б.З. Кобулов — начальник следственной части НКВД СССР

М.И. Тухачевский

Н.И. Ежов

Генерал армии Д.Г. Павлов

Москва в начале Великой Отечественной войны



Г. К. Жуков

А.М. Василевский

К.А. Мерецков

Ф.В. Канарис

К.К. Рокоссовский

А.А. Власов

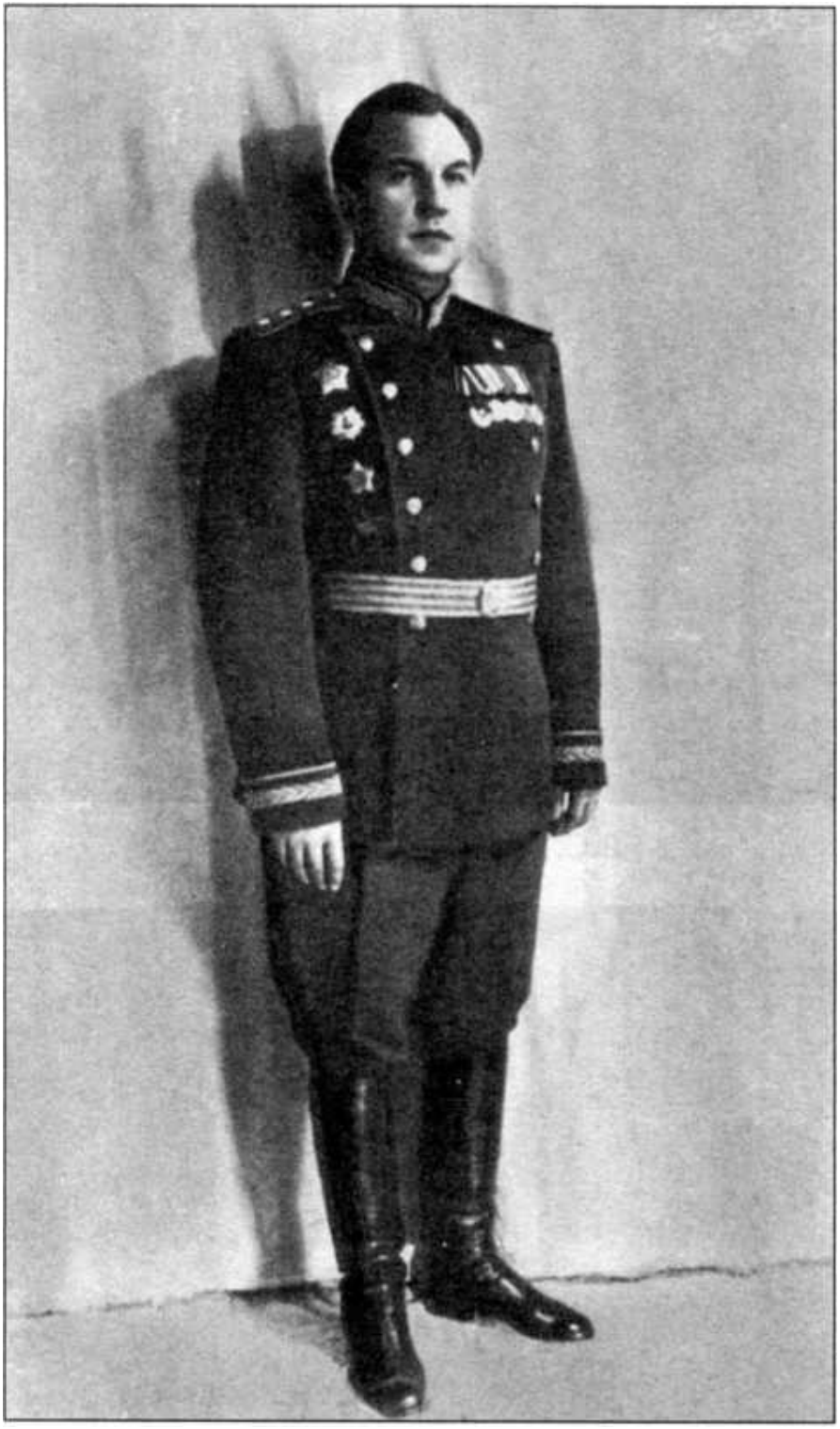
В. Шелленберг

Л.П. Берия

В.Н. Меркулов писал Н.С. Хрущеву:

«Абакумов оказался, пожалуй, не менее честолюбивым и властным человеком, чем Берия, только глупее его»

В.С. Абакумов на фронте



Генерал-полковник В.С. Абакумов — начальник ГУКР, заместитель наркома обороны

В.С. Абакумов — глава МГБ в 1951 году

А.А. Жданов

Г.М. Маленков

В.С. Абакумова расстреляли в Ленинграде 19 декабря 1954 года через один час пятнадцать минут после вынесения приговора. Ему даже не дали возможности обратиться с просьбой о помиловании

Государственный обвинитель Р.А. Руденко

Арестованный В.С. Абакумов в «Матросской тишине»

При организации органами СМЕРШ оперативного розыска большое значение имела тактика использования агентов-розыскников, агентов-опознавателей и агентов-маршрутников.

Агенты-розыскники действовали в местах большого скопления военнослужащих (почтальоны, писари, медики, связисты).

Агенты-опознаватели подбирались из числа разоблаченных или явившихся с повинной вражеских разведчиков и диверсантов, хорошо знавших в лицо готовившихся к переброске либо уже действовавших в советском тылу немецких агентов.

В качестве агентов-маршрутников использовались линейные надсмотрщики связи, шоферы, снабженцы.

Получила распространение и практика создания в прифронтовой полосе оперативно-розыскных групп (3–4 человека: оперативный работник, перевербованный агент разведки противника, разведчик наружного наблюдения или младший командир из роты охраны особого отдела).

В мае 1943 г. в свет вышел первый сборник «Материалов по распознаванию «поддельных документов»». В нем впервые были систематизированы уловки противника по подделке фиктивных

документов. Таким образом, систематически обобщался опыт разоблачения агентуры противника. В сентябре 1943 г. вышел второй сборник, посвященный описанию печатей и штампов, используемых противником для «освящения» тех же фальшивок. А вскоре и третий. В нем говорилось: «Изменения в характере и разновидностях поддельных документов для документального оформления забрасываемой в наш тыл агентуры, сводятся в основном к следующему:

1. Увеличение количества разновидностей одного и того же документа.

2. Появление новых фиктивных документов.

3. Исчезновение из употребления некоторых, описанных в первом сборнике*разновидностей фиктивных документов.

4. Некоторые качественные изменения в изготовлении немецкой разведкой подложных документов». Доктор исторических наук А.С. Чайковский пишет: «О разнообразии фиктивных документов свидетельствовало и то, что, снабжая ими агентов, спецслужбы перешли от выдачи (особенно справок о ранении и лечении, отпускных свидетельств и т. д.) не на печатных бланках, а машинописные и даже рукописные. Условные знаки, другие приметы теряли в этом случае всякий смысл. Основными методами определения их подделки стал поиск в них логических ошибок, установление подлинностей печатей и штампов. Допускались (как вспомогательные) и такие методы: оформляющие «липу» разведцентры для машинописи располагали относительно небольшим количеством пишущих машинок и кругом лиц, ее заполняющих. Небезуспешно применялась идентификация первых и почерк вторых».

По материалам сборников были подготовлены «Краткие карманные справочники по проверке документов», которые получили и сотрудники СМЕРША.

Если до 1943 г. удостоверения личности офицерского состава армии и флота, были отпечатаны в десятках типографий, имели разные размеры, цвет обложек, качество бумаги и т. д., то в соответствии с приказом НКОССР № 319 от 16 декабря 1943 г. офицерскому составу армии и флота произвели обмен удостоверений личности. Новый образец имел единый вид и был отпечатан централизованным порядком в ведомственных типографиях. Каждое удостоверение имело серийный и порядковый номер. При этом одновременно заполнялся и контрольный листок. Он хранился в управлении кадров, где очень легко и быстро можно было проверить подозреваемого. Параллельно с обменом документов внедрялись и «новшества». Так, на этапе подготовки к печати в специально оговоренных

местах ставились лишние черточки, точки, запятые и т. д. Кроме малозаметных примет, использовались и другие приемы. А.С. Чайковский пишет: «Уловки применялись не одновременно, а частями. Каждой серии и группе номеров бланков документов соответствовали только свои им присущие особенности».

С целью разоблачения агентуры противника в июле 1944 г. был выпущен специальный сборник «Материалов по распознаванию поддельных орденов и медалей СССР, изготовляемых немецкой разведкой».

Этот документ также получили и в СМЕРШЕ. В предисловии к нему сообщалось: «В настоящее время закончено исследование отобранных у немецкой агентуры орденов и медалей. Оказалось, что в своем большинстве они являются не подлинными, а поддельными. Отличительные признаки поддельных наград могут быть относительно легко установлены, что дает дополнительные возможности в отношении проверки лиц, подозреваемых в принадлежности к немецкой разведке и в деле разоблачения вражеской агентуры». Профессор А.С. Чайковский:

«Как же выглядели поддельные награды? Орден Ленина, весом около 31 гр., изготавливался из вызолоченного серебра. Крепежный механизм не соответствовал оригиналу. Красная эмаль (на флаге) и платиновый бюст (серый цвет), отличались от подлинника как по качеству, так и по оттенку. Основными же отличительными признаками были: буквы надписи Ленин — шире; завернутый конец знамени больше и более полого загнут; концы колосьев длиннее; бюст по рисунку отличался от оригинала (плечи, ухо, нос, бородка, борта пиджака, галстук); ободок вокруг него был покрыт серой эмалью, на подлиннике — красной. Поддельная (посеребренная) Красная Звезда (весом 26–27,5 гр.) штамповалась из меди с небольшим добавлением цинка. Кроме недочетов, что и в ордене Ленина (крепежный механизм, цвет эмали и др.), отличия от оригинала имелись в фигуре красноармейца с винтовкой. Абверовцы, судя по всему, подделки были их работой, вместо сапог умудрились одеть его в ботинки. Колено правой ноги имело сильно выраженный наклон, а приклад винтовки значительно больше. Кисть правой руки была практически невидна. Расчет был прост: кто в фронтовых условиях будет присматриваться к бородке и галстуку бюста Ленина, или во что обут красноармеец? Поддельные медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» (штамповка) содержали тот же металл, что и Красная Звезда. Их вес колебался от 17 до 22 гр. Для придания вида побывавших в «боях», они слегка заоксидировались. В ряде случаев последний факт являлся одной из причин провала агентов: от носки серебро на выпуклых местах

стиралось, и отчетливо проявлялись пожелтевшие места.

Небрежность проявлялась и при изготовлении составляющих. Так, колодки и ленты не соответствовали стандарту монетного двора, нарушалась технология, цвет и состав материала. Как результат, фальшивки не раз крепились к подлинным колодкам. Расхождения имелись в изображениях на лицевых сторонах наград танка и самолетов (медаль «За отвагу»), винтовки и шашки («За боевые заслуги»). В обоих случаях ободки были значительно шире, чем в оригиналах, нарушался размер шрифта надписей, не соответствовала красная эмаль в аббревиатуре слова СССР. Из всех фальшивок медаль «За оборону Сталинграда», возможно, была наиболее «достоверной». Как и оригинал, изготавливалась из латуни с добавлением меди».

По приблизительным данным, общее число фальшивых орденов и медалей СССР, выпущенных Абвером или же вообще спецслужбами фашистской Германии, составило 20–25 тыс. экземпляров.

4

«В 1942–1943 годах нам окончательно удалось захватить инициативу в радиоиграх с немецкой разведкой, — вспоминал П.А. Судоплатов, начальник разведывательно-диверсионного управления НКВД-НКГБ. — Обусловлено это было тем, что мы внедрили надежных агентов в абверовские школы диверсантов-разведчиков, забрасываемых в наши тылы под Смоленском, на Украине и в Белоруссии».

А потом началось соперничество между военной контрразведкой СМЕРШ, НКВД и руководством военной разведки.

Однажды В.С. Абакумов неожиданно явился к Судоплатову и заявил:

— По указанию Советского Верховного Главнокомандования вам надлежит передать мне все руководство по радиоиграм. Этим делом должна заниматься военная контрразведка, которая находится в ведении Наркомата обороны, а не НКВД.

— Хорошо, Виктор Семенович, — ответил Судоплатов. — Вы только не кипятитесь. Я с удовольствием выполню это требование ВГК, но при одном условии. Если будет соответствующий приказ!

На том и порешили. А приказ действительно был готов. Причем на следующий день. Однако Судоплатову оставили две радиоигры: «Монастырь» и «Послушники». Но и после этого успеха Виктор Семенович остался недоволен, так как результаты этих операций докладывались лично вождю. Для него это было

слишком ревностно. И на очередной встрече с Судоплатовым он сказал:

— Учтите, я этого не забуду. Я принял решение в будущем не иметь с вами никаких дел!

В годы войны Виктор Семенович набирал обороты стремительно. Став заместителем Сталина, он очень легко обрел независимость от Берии. Прямой выход на вождя поднял его статус до небес и сделал из подчиненного Лаврентия Павловича его соперником.

* * *

Летом 1944 г. Абакумов вошел в конфликт с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко— видным советским партийным и государственным деятелем. Пономаренко был старше на шесть лет Виктора Семеновича, окончил Московский институт инженеров транспорта и Великую Отечественную войну встретил на посту первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. А весной 1942 г. его назначают еще и начальником центрального штаба партизанского движения.

Итак, 20 августа 1944 г. Из главного управления контрразведки СМЕРШ под грифом «совершенно секретно» уходит письмо в центральный штаб партизанского движения товарищу Пономаренко за № 45820. Подписал его Абакумов.

«Как вам известно, по указанию товарища Сталина, оперативное обслуживание штабов партизанского движения и борьба с агентурой противника, проникающей в эти штабы и партизанские отряды, возложены на органы контрразведки СМЕРШ.

Несмотря на это, имеет место ряд случаев, когда разоблаченные и явившиеся с повинной в партизанские отряды шпионы, диверсанты, террористы, участники так называемой «Русской освободительной армии» и других формирований, созданных немцами, доставляются на нашу сторону без ведома органов контрразведки СМЕРШ, допрашиваются работниками штабов партизанского движения, которым не свойственно заниматься расследованием по такого рода делам, доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы — размножаются и вместе с сообщениями рассылаются в различные адреса, в результате чего некоторые серьезные оперативные мероприятия становятся достоянием большого круга лиц.

В целях усиления борьбы с агентурой противника, прошу дать

указание по линии штабов партизанского движения о следующем:

1. Все поступающие материалы из партизанских отрядов о задержании или явках с повинной шпионов, диверсантов, террористов, захваченных официальных сотрудников и документы разведывательных и контрразведывательных органов.

2. Сообщать в органы контрразведки СМЕРШ о переходах на сторону партизан групп и подразделений «РОА» и других созданных немцами формирований.

3. Лиц из этих формирований, интересующих органы контрразведки, доставлять на нашу сторону по требованию органов контрразведки СМЕРШ».

Судя по всему, Пономаренко раздражается и в буквальном смысле оскорбленный диктует ответ:

«Руководящие органы партизанского движения считают одной из важнейших своих задач усиление борьбы с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, и в этом отношении проводят большую и серьезную работу.

Главное управление контрразведки СМЕРШ, занимаясь оперативным обслуживанием штабов партизанского движения, при соответствующей организации дела могло бы также проводить многие мероприятия, направленные на усиление борьбы с агентурой противника.

Руководствуясь этим соображением, мы многие материалы и интересующих Вас людей, захватываемых партизанами, как только они доставлялись из тыла врага, направляли по Вашему адресу, хотя управление до последнего времени и не занималось организацией работы по борьбе с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды.

Однако мы считаем необходимым и впредь захваченных агентов противника и материалы, какие только представляют интерес для Вашего управления, передавать Вам.

Нас поэтому крайне изумляют претензии, изложенные в Вашем письме, с которыми в принципиальном отношении нельзя согласиться.

То, что на органы контрразведки, как Вы говорите, возложена борьба с агентурой противника, проникающей в партизанские отряды, то мы это только приветствуем, хотя слышим об этом впервые.

Возникает другой вопрос, почему со времени организации СМЕРШ никто из работников этого управления не говорил о том, как они собираются и что намечают предпринять, чтобы организовать работу и развернуть борьбу с агентурой противника, почему не проведено ни одно мероприятие, а в партизанских отрядах нет ни одного вашего работника. Вы, как это видно из

письма, считаете, что руководящие органы партизанского движения не могут без ведома органов контрразведки СМЕРШ решать вопрос и осуществлять в необходимых случаях доставку из тыла противника захваченных партизанами агентов врага и допрашивать их.

Логически следует, что командиры и комиссары партизанских отрядов и бригад также должны в таком случае быть лишены права допроса разоблаченных и захваченных партизанами агентов противника. Эти ваши претензии вызывают просто удивление, так как они ставят в нелепое положение руководящие органы партизанского движения и противоречат здравому смыслу.

Как же так, захватить агента и не допросить его? Как же тогда командиры и комиссары отрядов и бригад и штабы партизанского движения будут в состоянии вести дальнейшую борьбу с агентурой противника. Органы контрразведки СМЕРШ пока практически в этом деле не пришли на помощь партизанскому движению.

Больше того, партизанские отряды своими средствами и методами разоблачили тысячи шпионов, многие из которых доставлены из тыла противника, и немалое количество из них передано Вам, таких, например, разоблаченных нами без участия СМЕРШ, как Никитин, Веревкин, Гаврилов, Катков и др.

От вас, однако, мы не получили ни одного крайне интересующего нас сообщения о методах противника по борьбе с партизанами и ни об одном агенте врага, проникшем в тот или иной партизанский отряд, не получили каких бы то ни было материалов, полезных для борьбы с агентурой противника в партизанских отрядах. Вы сами понимаете, какое важное значение имеет получить материалы о действиях противника и вовремя дать направление партизанским отрядам в их сложной работе по борьбе с агентурой противника, чтобы они сумели перехитрить разведку противника.

В результате такой постановки дела минские партизаны, например, смогли осуществить в районе Минска такое серьезное мероприятие, как разложение полка «СС» так называемой «Русской освободительной армии», организовать переход личного состава полка на сторону партизан и захватить крупных агентов врага — Богданова и др.

Мы просим Вас привести конкретные примеры, в какие различные адреса рассылаются штабами партизанского движения доставляемые из партизанских отрядов документы и составленные при допросах разоблаченных шпионов протоколы. На каком основании Вы делаете подобное заявление?

Информация дело серьезное и организуем ее так, как находим необходимым, и информируем того, кого считаем необходимым.

В свою очередь мы получаем от соответствующих органов немалую информацию, интересующую нас, к примеру сказать, 4-е управление НК.ГБ СССР ежедневно информирует нас и посылает сведения, материалы, которые представляют большой интерес для партизанского движения. А от Вас, повторяю, мы не получили ни одного материала. Нам кажется, что известная часть работников управления, если судить по их поведению, хотела бы быть в некоторого рода начальственном отношении к руководящим органам партизанского движения и рассматривать их вроде как подчиненные СМЕРШ органы. Но это глубокое заблуждение, которое ничего кроме разочарования не может принести таким работникам».

Судя по тексту, ответ Пономаренко больше напоминает шантаж, угрозу и нежелание выполнить требование Абакумова и тем более подчиняться ему. Следовательно, после такой переписки зарождалось некое противоборство в плане лидерства, ради которого Виктор Семенович всегда шел напролом. Его уже нельзя было остановить ничем.

Набирая силы в личной борьбе за власть, он никого не желал даже слушать. Абакумов уверовал в свою звезду и шел к ней уверенным шагом опытного чекиста, прошедшего свою собственную школу. Встав во главе СМЕРША, приблизившись к вождю и отвернувшись от Берии и Кобулова, Виктор Семенович начал не совсем тонкую комбинацию. А если точнее, то наглую и грубую. Но с другой стороны, с такими противниками и нельзя было поступить по-другому. Они понимали только грубую силу.

Когда в кабинет начальника ГУКР СМЕРШ офицер принес ответ из центрального штаба партизанского движения, он сидел в кожаном кресле, читал свежую газету и пил чай. Внимательно ознакомившись с документом, Виктор Семенович резко бросил его на стол и произнес:

— Ну что ж, товарищ Пономаренко, не хотите по-хорошему, будет вам по-плохому. Я заставлю тебя выполнять требования начальника контрразведки.

Больше всего взбесило Виктора Семеновича взаимодействие штаба партизан с четвертым управлением Судоплатова. Это был огромный камень, брошенный в СМЕРШ.

* * *

В 1943 г. Абакумов арестовал комиссара госбезопасности В.

Ильина. Но самое главное, что начальника третьего отдела секретно-политического управлении НКВД (работа с творческой интеллигенцией) арестовали без санкции Берии. А это был уже вызов.

П.А. Судоплатов вспоминал:

«Мягкий, с профессорскими манерами, Ильин пользовался в НКВД большим уважением. В течение пяти лет, до того как началась операция «Монастырь», он «вел» Демьянова и также участвовал в этой радиоигре с немцами на ее начальной стадии. В 1937–1938 гг. он избежал ареста, хотя и был старшим оперативным работником, поскольку в то время отвечал за работу с меньшевиками, уже не представлявшими интереса для Сталина. В конце 1938 г. Берия направил его в Орел и Ростов для расследования дела о так называемых троцкистских диверсиях на железных дорогах. Считалось, что заговорщики проникли в ряды местных руководителей советских и партийных органов. Он вернулся в Москву, потрясенный примитивностью ложных обвинений, с которыми ему пришлось столкнуться, он доложил начальству: орловское и ростовское УНКВД попросту сфабриковали дела, с тем чтобы упрочить собственное положение и укрепить свою репутацию. После его представления дело было пересмотрено, а Ильин получил назначение на должность начальника третьего отдела (…), что позволило ему добиться ареста двух важных осведомителей, снабжавших нас заведомо ложной информацией о якобы антисоветских настроениях среди ответственных работников.

Ильин вызвал осведомителей в Москву и приказал им представить подробные данные по делам двух подозреваемых. Получив их информацию, он убедился, что они за годы репрессий прекрасно научились искусству клеветы на тех, кого разрабатывали. Осведомителей-фальсификаторов арестовали и приговорили к десяти годам лагерей, а Ильин получил награду — знак «Почетный чекист». Учитывая личные контакты Ильина с такими писателями, как Алексей Толстой и прославленными музыкантами и композиторами, его часто принимал у себя Берия. Ильин также был в дружеских отношениях с Меркуловым».

Причиной ареста В. Ильина стали его дружеские отношения с генерал-майором авиации Теплинским.

Генерала Бориса Львовича Теплинского— начальника штаба ВВС Сибирского военного округа — арестовали 28 апреля 1943 г. как участника антисоветского военного заговора. Ему было сорок три года. Во время Гражданской войны Борис Львович подружился с Ильиным, когда они вместе служили в кавалерии. Затем их пути разошлись: Ильин работал в ОГПУ, а Теплинский

служил в авиации, но тем не менее дружба продолжалась.

Несколько слов о Теплинском. Во время Гражданской он был трижды ранен и награжден орденом Красного Знамени. Затем окончил Военную академию РККА, Военную академию имени М.В. Фрунзе, Академию Генерального штаба. При этом оставался беспартийным и хорошо владел английским и французским языками.

П.А. Судоплатов: «Неожиданно повышение Теплинского по службе затормозилось: выяснилось, что против его нового назначения возражают органы. Тогда обратился к Ильину, пытаясь выяснить в чем дело. Тому удалось быстро узнать: единственная причина, заставившая госбезопасность отказать Теплинскому в доверии, заключалась в его присутствии на вечеринке в Военной академии в 1936 г., до ареста Тухачевского, где он якобы позволил себе с похвалой отозваться об офицерах и генералах, вскоре павших жертвами репрессий в армии».

Входе «следствия» Теплинский признал себя виновным в том, что с 1929 г. состоял участником антисоветского военного заговора, в который был вовлечен бывшим заместителем начальника оперативного управлении Генерального штаба Красной Армии Вакуличем. Также Теплинский себя признал виновным в антисоветской агитации, но затем отказался от показаний об участии в антисоветском военном заговоре. По утверждению Н.Г. Смирнова, «поскольку объективных доказательств в подтверждение этого обвинения не имелось, обвинение Теплинского в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58–1 «б» и 58–11 УК РСФСР, было снято. Но это не означало освобождения Теплинского из-под. стражи. Ведь он признался в проведении антисоветской агитации.

Поэтому «следствие» продолжалось. Как оно велось? Обычным для того времени способом: путем лишения сна, применением многодневных «стоек», жестким избиением».

В чем же заключалась вина Ильина? Ильин по телефону предостерег Теплинского, чтобы он был осторожнее в своих высказываниях.

П.А. Судоплатов: «Абакумов тут же узнал об их разговоре и, возмущенный, потребовал от Берии, чтобы он отстранил Ильина от работы. Берия вместо этого поручил Меркулову ограничиться простым внушением, притом в дружеском тоне».

По авторитетному мнению Судоплатова, Абакумов воспользовался этой историей для того, чтобы скомпрометировать Берию и Меркулова.

Однажды он доложил Сталину:

— Комиссар госбезопасности Ильин срывает проводимую

СМЕРШ оперативную проверку командного состава Военно-воздушных сил Красной Армии в связи с новыми назначениями.

— Немедленно арестуйте этого негодяя, Теплинского. — ответил вождь.

Уже в пятидесятые, в связи с жалобами Бориса Львовича, по его делу была проведена дополнительная проверка, в ходе которой было установлено: в течение десяти суток его лишали сна и все это время, когда он стоял, его жестоко избивали.

«Установлено, что Теплинский допрашивался в ночное время до 5–6 часов утра. Его 108 раз вызывали на допросы, а протоколов допросов составлено всего 15. К тому же некоторые из них датированы не теми числами, когда его фактически допрашивали. Свидетели, изобличавшие его в 1943 г. в проведении антисоветской агитации, от своих показаний отказались, заявив, что вынуждены были оговорить Теплинского в результате избиений, которыми они подвергались».

В первую же ночь на допросе с пристрастием Абакумов выбил ему два передних зуба. И если учесть то обстоятельство, что Виктор Семенович не особенно любил насилие, то можно себе представить, насколько он озверел, вступив в противоборство с Берией и Меркуловым.

И Теплинский начал давать показания: «Ильин советовал ему, как лучше себя вести, чтобы не дать оснований для обвинения в симпатиях к врагам народа. Кроме того, он также признался, что делился с Ильиным своими симпатиями к ряду высших офицеров, подвергшихся арестам в 1938 году. Через неделю, в мае 1943 г., Виктор Семенович доложил Сталину о признаниях генерала Теплинского и тот дал ему санкцию на арест Ильина, которого по настоянию Абакумова арестовали прямо в кабинете Меркулова. Так Ильин оказался во внутренней тюрьме, но в ведении СМЕРШ. Буквально на следующий день состоялась очная ставка Теплинского с Ильиным.

Измученный допросами, издевательствами и побоями, бывший генерал не выдержал и оговорил своего друга. Возмущенный клеветой Ильин обозвал его бабой и врезал по лицу. Но «не найдя свидетелей для подтверждения показаний Теплинского, Абакумов оказался в сложном положении: ведь необходимо было заручиться показаниями двух свидетелей. Поскольку никто из окружения Теплинского в военных верхах даже не знал о существовании Ильина и не мог дать показания против него, найти второго свидетеля для обвинения представлялось проблематичным, а без этого нельзя было передавать дело для слушания в Военную коллегию. Ильина избивали, лишали сна, однако он не только отказывался признать

себя виновным, но даже не подписывал протоколы допросов. Для оформления дела их необходимо было предъявить Сталину, чтобы он решил дальнейшую судьбу подследственного, и Абакумов боялся предстать перед Сталиным без убедительного обвинительного заключения».

Абакумов так и не смог доказать вину Ильина, и тот продолжал сидеть в одиночной камере, став жертвой борьбы за власть.

5

Летом 1943 г. в Управлениях СМЕРШ Брянского и Центрального фронтов впервые в оперативной практике была разработана и проведена уникальная по-своему операция под названием «Инсценировка «Измена Родине»».

Так, 19 июня Абакумову доложили из управления контрразведки СМЕРШ Брянского фронта об итогах оперативночекистских мероприятий под кодовым названием «Измена Родине»:

«В мае с.г. наиболее пораженными изменой Родине были 415-я и 356-я сд 61-й армии и 5-я сд 63-й армии, из которых перешли к противнику 23 военнослужащих. Одной из наиболее эффективных мер борьбы с изменниками Родине, в числе других, было проведение операций по инсценированию под видом групповых сдач в плен к противнику военнослужащих, которые проводились по инициативе Управления] контрразведки СМЕРШ фронта под руководством опытных оперативных работников отделов контрразведки армии.

Операции происходили 2 и 3 июня с.г. на участках 415-й и 356-й сд с задачей: под видом сдачи в плен наших военнослужащих сблизиться с немцами, забросать их гранатами, чтобы противник в будущем каждый переход на его сторону группы или одиночек изменников встречал огнем и уничтожал.

Для проведения операций были отобраны и тщательно проверены три группы военнослужащих 415-й и 356-й сд. В каждую группу входили 4 человека.

В 415-й сд одна группа состояла из разведчиков дивизии, вторая — из штрафников.

В 356-й сд создана одна группа из разведчиков дивизии (…).

После подбора группы были отведены в тыл дивизий, где проходили под руководством опытных командиров специальную подготовку.

При подготовке особое внимание было обращено на умение

участвующих в операции эффективно забросать немцев гранатами и быстро скрыться после выполнения ее. Подготовка осуществлялась на местности, аналогичной предполагаемым районам действия (…).

Одновременно были намечены конкретные места действия групп, подготовлены планы действия и расчеты артиллерийского и минометного огня для поддержки групп во время операции.

Места для операции групп были выбраны там, где имелись случаи групповых переходов линии фронта изменниками Родине. 2 июня 1943 г. в районе обороны действовали первая и вторая (группы), 3 июня с.г. в районе обороны 356-й сд действовала третья группа.

Операция первой группы (разведчики) 415-й сд

2 июня с.г. в 4.00 группа после сосредоточения на исходном рубеже подползла к немецкому проволочному заграждению, встала и, подняв руки, начала искать проход в проволочном заграждении. Немцы сразу же заметили идущих и стали звать их к себе. Три немца во главе с офицером вышли навстречу разведчикам, сблизившись с группой у проволочного заграждения на 30 м. Разведчики забросали подошедших немцев гранатами, уничтожив три немца, без потерь вернулись обратно.

Отход группы поддерживался огнем из всех видов оружия.

Операция второй группы 415-й сд (штрафники)

2 июня с.г. в 3.00 группа сосредоточилась на исходном рубеже в 100 м от противника, недалеко от нашего проволочного заграждения.

В 4.00 двумя партиями по два человека, с поднятыми руками, пошли к проволочному заграждению, один из первых держал в руках белый лист бумаги, означавший немецкую листовку.

При входе к проволочному заграждению немцев группа увидела двух немецких солдат, которые начали указывать место для похода через заграждение.

Группа, пройдя немецкое проволочное заграждение, заметила, что от последнего к немецким траншеям идут два хода сообщения и в траншеях группу ожидают около 20 немецких солдат. При подходе к скоплению немцев на 30 м группа забросала немецких солдат гранатами. И после использования всего запаса гранат, под прикрытием артиллерийского и

минометного огня, отошла в наши окопы. При отходе два человека из группы получили легкое ранение, и сейчас находятся в строю.

Операция третьей группы 356-й сд (разведчики)

3 июня с.г. в 3.00 группа вышла с исходного рубежа и дошла до проволочного заграждения немцев, где была встречена одним немецким солдатом, который их остановил словом: «хальт».

Когда старший группы назвал пароль для перехода — «штыки в землю», немец стал показывать дорогу к проходу, находясь от группы в 20 м.

В это время он был забросан гранатами, а группа вернулась в свои траншеи. По группе был открыт противником огонь, однако никто из нее ранен не был.

Все группы поставленные перед ними задачи выполнили отлично, никаких происшествий за время операций не случалось.

Поставлен вопрос перед военным советом 61-й армии о награждении участников операций, а также о снятии судимости с группы красноармейцев штрафной роты 415-й сд, принимавших участие.

Отделами контрразведки армии даны указания о проведении аналогичных инсценировок «Измена Родине» в частях, наиболее пораженных переходами военнослужащих к противнику».

* * *

Не менее успешной оказалась работа СМЕРШ по централизации зафронтовой деятельности, которая очень скоро дала положительные результаты. Только за первые десять месяцев с момента образования Главного управления контрразведки в германские разведорганы и школы были внедрены 75 агентов, а 38 из них, успешно выполнив постановленные задачи, возвратились к своим.

По обобщенным данным, зафронтовые агенты представили сведения на 359 официальных сотрудников германской военной разведки и 978 выявленных шпионов и диверсантов, подготавливаемых для переброски в расположение частей Красной Армии. Впоследствии 176 вражеских разведчиков противника были арестованы органами СМЕРШ. Кроме того, 85 агентов немецких спецслужб явились с повинной, а пятеро завербованных сотрудников германской разведки оставались

работать в своих разведподразделениях по заданию советской контрразведки.

С октября 1943 г. по май 1944 г. в тыл противника были переброшены 345 зафронтовых агентов, в том числе 50 перевербованных германских разведчиков. Из них вернулись после выполнения задания— 102. В разведорганы внедрились— 57, из них 31— вернулся, остались выполнять задания СМЕРШ — 26.

В ходе операций были перевербованы 69 германских разведчиков, из них в советские органы госбезопасности явились 29, остальные остались в немецких разведшколах. Всего же за шесть месяцев было выявлено 620 официальных сотрудников и 1103 агента разведорганов противника. Из этого числа органами СМЕРШ были арестованы 273 агента.

В 1943–1944 гг. стала широко практиковаться заброска в тыл противника агентурных групп (оперативные работники, агенты и радисты) с целью сбора сведений о разведорганах и спецшколах противника, внедрения в них, а также захвата кадровых сотрудников, агентов и нацистских пособников. Только за первые десять месяцев сорок третьего года в немецкий тыл были направлены семь агентурных групп, подчиненных Главному управлению контрразведки. Из 44 человек группы потеряли только четверых, при этом на вражеской территории они привлекли к сотрудничеству с советской контрразведкой 68 человек. На заключительном этапе войны военной контрразведке СМЕРШ удалось не только парализовать подрывную работу германских спецслужб по всем ее направлениям, но и перехватить инициативу в свои руки.

* * *

В сентябре 1943 г. Абакумов докладывал Л.П. Берии об аресте органами СМЕРШ, НКВД и НКГБ подростков-диверсантов, завербованных германской военной разведкой:

«Впервой декаде сентября с.г. органами СМЕРШ, НКВД и НКГБ арестовано 28 агентов-диверсантов германской военной разведки в возрасте от 14 до 16 лет, переброшенных немцами на сторону частей Красной Армии на самолетах.

Из числа арестованных 15 диверсантов явились добровольно с повинной, а остальные были задержаны в результате организованного розыска.

Как показали арестованные, они имели задание от германской разведки совершать диверсионные акты на линии

железных дорог, идущих к фронту, путем вывода из строя паровозов, для чего они были снабжены взрывчатым веществом, которое должны были подбрасывать в угольные штабеля, расположенные у железнодорожных станций.

Диверсанты были снабжены взрывчатым веществом специального состава, по внешнему виду похожим на куски каменного угля.

Так, 1 сентября с.г. в районе Хатунского сельсовета Михневского района Московской области был сброшен с парашютом агент-диверсант германской разведки, подросток — Репухов Дмитрий, 1927 г.р., уроженец Смоленской обл., русский, окончил 7 классов средней школы.

Репухов в тот же день явился с повинной и на допросе показал следующее:

После оккупации с. Богородицкое германскими войсками, он вместе с матерью остался проживать в этом селе. 25 июня 1943 г., согласно приказу немецкого командования, все лица мужского пола в возрасте от 14 до 16 лет должны были явиться в Козинское волостное управление на регистрацию.

Репухов, явившись вместе с другими на регистрацию, был направлен немцами в лагерь, расположенный в четырех километрах от г. Смоленска, в здании быв. МТС, где подготавливались кадры для так называемой «Русской освободительной армии».

14 июля с.г. немцы отобрали из этого лагеря 30 подростков в возрасте от 14 до 16 лет и под видом экскурсантов отправили их в местечко Вальдек, близ г. Кассель (Германия).

Все они до оккупации немцами Смоленской области жили с родителями, которые работали в колхозах или в советских учреждениях, некоторые из них являлись пионерами. Часть детей лишилась родителей, которые были убиты немцами или погибли в результате бомбежек.

По прибытии в Вальдек у подростков были отобраны подписки, обязывающие их вести борьбу против коммунистов, комиссаров и политруков.

В течение месяца они обучались на специальных курсах германской разведки, где проходили топографию, строевую подготовку и парашютное дело. (…)

25 августа с.г., после окончания обучения на курсах, все 29 подростков были доставлены в г. Орша БССР. В Орше подростки-диверсанты получили от немцев указание действовать в одиночку и после приземления на стороне частей Красной Армии должны были выйти на железную дорогу, разыскать склады, снабжающие паровозы топливом, и подбросить в штабеля с углем куски

взрывчатки.

Для выполнения указанного задания каждому подростку немцы выдали по 2–3 куска взрывчатки, весом по 500 г., по форме и цвету похожие на куски каменного угля.

После выполнения задания подростки обязаны были возвратиться к немцам, собрав в пути следования к линии фронта сведения о перевозках войск и грузов.

Диверсанты были одеты в поношенную одежду гражданского и военного образца, каждому из них было выдано по 400–600 руб. советских денег, советские газеты и пропуска для обратного прохода через линию фронта к немцам.

Пропуска эти были отпечатаны на узкой полоске тонкой бумаги, завернутой в резину и зашитой в складку одежды. На пропуске на немецком языке был написан следующий текст: «Особое задание, немедленно доставить в 1-Ц» (…). Изъятая у арестованных взрывчатка была подвергнута экспертизе, которая установила:

Кусок взрывчатки представляет собой неправильной формы массу черного цвета, напоминающую каменный уголь, довольно прочную и состоящую из сцементированного угольного порошка.

Эта оболочка нанесена на сетку из шпагата и медной проволоки. Внутри оболочки находится тестообразная масса, в которой помещено спрессованное вещество белого цвета, напоминающее форму цилиндра, обвернутое в красно-желтую пергаментную бумагу. К одному из концов этого вещества прикреплен капсюль-детонатор. В капсюле-детонаторе зажат отрезок бикфордова шнура с концом, выходящим в черную массу.

Тестообразное вещество представляет собой желатинированное взрывчатое вещество, состоящее из 64 % гексогена, 28 % тротилового масла и 8 % пироксилина. Таким образом, экспертизой установлено, что это взрывчатое вещество относится к классу мощных ВВ, известных под названием «гексанит», являющихся диверсионным оружием, действующим в различного рода топках.

При загорании оболочки с поверхности взрывчатое вещество не загорается, так как довольно значительный слой оболочки (20–30 мм) представляет собой хорошо теплоизолирующий слой, предохраняющий ВВ от воспламенения. При сгорании оболочки до слоя, в котором находится бикфордов шнур, последний загорается и производится взрыв и деформация топки».

Стоит обратить внимание, что СМЕРШ в документе стоит на первом месте и только потом идет НКВД и НКГБ. Следовательно, и в этом случае общий успех трех ведомств Виктор Семенович

взял себе, как это он любил делать красиво всегда, но особенно оказавшись вблизи великого вождя.

И немудрено, что количество врагов Абакумова увеличивалось с каждым годом. Один из них, В.Н. Меркулов, писал Н.С. Хрущеву в докладной записке:

> «Одновременно с разделением НКВД, насколько мне помнится, выделился в самостоятельное управление так называемый СМЕРШ, начальником которого стал Абакумов. Абакумов оказался, пожалуй, не менее честолюбивым и властным человеком, чем Берия, только глупее его. Абакумов вскоре после своего назначения сумел ловко войти в доверие т. Сталина, главным образом, как он сам говорил, путем систематических, почти ежедневных докладов т. Сталину сводок о поведении ряда лиц из числа крупных военных работников. Ряд случаев убедил меня в том, что Абакумов, карьерист и интриган, хитро и тонко чернит меня перед т. Сталиным».

Так думали многие, завидуя славе и вновь открывающимся возможностям молодого и сильного человека, способного раздавить любого, вставшего на его пути. Амбиции Абакумова называли непомерными, а его взгляда побаивались.

Глава пятая
Приближаясь к победе (Эпизоды войны)

В чужую душу нельзя войти, но можно входить в нее или проходить мимо.

Д. С. Мережковский

1

На фронтах Виктор Семенович бывал часто, в кабинете засиживаться не любил и предпочитал лично знакомиться с работой своих подчиненных непосредственно в боевой обстановке. Такие поездки лишь добавляли ему авторитета, которого и без того хватало с лихвой. При этом Абакумов был сильным и смелым человеком, причем его смелость и, если хотите, даже храбрость не была показной. Но самое главное, этим

качеством он резко выделялся не только среди своих коллег, но и в армии.

В годы войны начальник контрразведки не однажды рисковал своей жизнью. Его машину атаковал «мессершмитт» в районе Великих Лук на Калининском фронте. И только чудо спасло Абакумова и его охрану от неминуемой гибели. Машина была в буквальном смысле изрешечена. В 1944 г. «Виллис» Виктора Семеновича обстреляли бандеровцы. Это произошло в тылу тринадцатой армии 1-го Украинского фронта. Но в этот раз ранили адъютанта начальника контрразведки. И снова Виктора Семеновича спасло чудо.

Примерно то же самое произошло с генералом Ватутиным. 28 февраля 1944 г. Командующий фронтом собирался выехать в две подчиненные армии для отработки вопросов взаимодействия наземных войск с авиацией. После работы в 13-й армии Николай Федорович с охраной (8 человек) и в сопровождении члена Военного Совета генерала Крайнюкова и офицеров штаба 29 февраля отправился в 60-ю армию. Около восьми часов вечера, недалеко от селения Милятын на колонну из нескольких штабных машин напали бандеровцы. По другим данным, это были даже не бандеровцы, а повстанцы (от 17 до 27 человек), грабящие захваченный ими красноармейский обоз: «увидев поблизости незваных гостей, повстанцы обстреляли три автомобиля». Водитель «форда» командующего Богомолов дал задний ход и выехал из зоны огня. Однако Ватутин был ранен в бедро выше колена, и пока его довезли до ближайшего поселка, он потерял много крови. Уже в Киеве хирурги долго боролись за жизнь военачальника и, пытаясь спасти его, не раз оперировали. Но 15 апреля Ватутин умер. В этом же году от рук повстанцев погиб и командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант А. Штевнев.

Все эти факты производили не только сильное впечатление, но прежде всего вызывали яростный гнев.

История умалчивает, как Виктор Семенович разносил Управление контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта. Но то, что мало им не показалось, это точно. Как утверждают очевидцы, разнос был грандиозным. Абакумов потребовал очистить тылы фронта от бандитов немедленно. В феврале 1944 г. начальник Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта докладывал:

«Того же числа начальник мастерской 361 ОБС, 24 СК лейтенант Михалынин, совместно со старшиной радиороты Политовым и экспедитором Коневским выехали на одной подводе из села Стадники в с. Уздицы. В пути следования им

повстречалась подвода с едущими на ней 7 мужчинами в гражданской одежде. На вопрос Михалынина: «Как проехать в село Уздицы», ехавшие на подводе выхватили автоматы и скомандовали: «Руки вверх»».

Забрав повозку и военнослужащих, бандиты привезли их в один из хуторов, где уже находилось четыре бойца. Со всеми задержанными один из бандеровцев вел около часа беседу о задачах и целях УПА, после чего им были возвращены изъятые у них документы и личные вещи, задержанные освобождены. Оружие и повозки бандеровцами изъяты». В течение января-февраля 1944 г. на территории одной только Ровенской области повстанцы совершили 154 нападения на воинские части и отдельных военнослужащих. В результате были убиты 439 солдат и офицеров.

Поэтому зачистка тылов и коммуникаций стала необходимой реальностью. Для первой такого рода операции Украинский фронт выделил одну кавалерийскую дивизию, усиленную 20 бронеавтомобилями и 8 танками. Ее провели в марте. С этого месяца начинается практика проведения чекистско-армейских операций, в которых совместно с войсками НКВД участвовали боевые части и подразделения украинских фронтов.

По данным Сергея Ткаченко, только «…в апреле — мае 1944 г. в северных районах Тернопольской области военные силы повстанцев были уничтожены совместными действиями крупных соединений НКВД и РККА. После неудачных для УПА боев и насыщения прифронтовой полосы советскими войсками вследствие стабилизации линии фронта, действия повстанцев в этом регионе практически прекратились. В августе — сентябре 1944 г. войска НКВД вместе с войсками 4-го Украинского фронта провели ряд крупных войсковых операций в Дрогобычской области. В ходе их за период с 18 августа по 9 сентября были убиты 1174 повстанца, еще 1108 человек взяты в плен, а также задержаны около 6 тысяч лиц, уклонявшихся от мобилизации в Красную Армию». По борьбе с вражеским подпольем проводили свои операции и «смершевцы». Например, на территории Киевской, Житомирской и Ровенской областей в начале 1944 г. СМЕРШ 1-го Украинского фронта вскрыл ряд подпольных организаций, арестовав до 150 их участников. Тем не менее нападения повстанцев на части Красной Армии продолжались. Так, в сентябре — октябре 1944 г. в Станиславской области они уничтожили 23 офицера и 128 солдат и сержантов, а 79 человек увели в лес.

* * *

С самых первых дней советской власти и вплоть до своей ликвидации Чечено-Ингушская АССР по праву считалась самой «беспокойной» и всегда оставалась очагом бандитизма.

В октябре 1943 г. бригада работников госбезопасности во главе с заместителем наркома комиссаром госбезопасности 2-го ранга Б. Кобуловым выехала в Чечено-Ингушетию, а 9 ноября по результатам ее работы была подготовлена докладная записка на имя Л. Берии «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР»:

«Населенных пунктов в республике насчитывается 2288. Население за время войны сократилось на 25 886 человек и насчитывает 705 814 человек. Чеченцы и ингуши в целом по республике составляют около 450 000 человек. В республике 38 сект, насчитывающих свыше 20 тысяч человек. Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе — сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов.

Антисоветские авторитеты, связавшись с немецкими парашютистами, по указаниям немецкой разведки организовали в октябре 1942 г. вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Введенском и Галангожском районах. Отношения чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной Армии. При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонились от призыва. В январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 г. из 14 576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13 560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек. Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрыла парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами и переброшены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления.

По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов, 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой, 1410 членов фашистских организаций, 619 мулл и активных сектантов, 2126 дезертиров. За сентябрь — октябрь 1943 г. ликвидировано и

легализовано 243 человека. На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с обшей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки.

Свыше 4000 человек, участников вооруженных выступлений 1941–1942 гг., прекратили активную деятельность, но оружие — пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки — не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Характерно, что захваченный НКВД полковник Губе Осман на допросе показал:

«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чечены и ингуши при Советской власти жили достаточно зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился по 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями, изменческими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу, в возмещение которой оккупанты им оставили хотя бы часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

После работы бригады Кобулова Берия собрал оперативное совещание, на котором основной задачей определил создание оперативных чекистских групп по предстоящим мероприятиям в Чечне. Ответственными за выполнение будущей операции были назначены заместители Берии — Серов, Апполонов, Круглов и Кобулов.

18 ноября 1943 г. Берия утвердил план оперативно-чекистских мероприятий по делу «Чечевица». 29 января 1944 г. утвердили «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей».

31 января 1944 г. выходит совершенно секретное постановление ГКО № 50 «О мероприятиях по размещению спецпоселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР».

17 февраля 1944 г. Берия докладывает Сталину об окончании подготовки операции, в которой учитывается абсолютно все: особенности горных районов и ее масштабы. Операцию решено провести «в течение 8 дней, в пределах которых в первые 3 дня будет закончена операция по всей низменности и предгорным

районам и частично — по некоторым поселениям горных районов с охватом свыше 300 тыс. человек. В остальные 4 дня будут проведены выселения по всем горным районам с охватом оставшихся 150 тыс. человек». 23 февраля 1944 г. Берия доложил Сталину: «Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия».

1 марта Берия докладывал об итогах операции: «Выселение было начато 23 февраля в большинстве районов, за исключением высокогорных населенных пунктов. По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей. Погружено 180 эшелонов, из которых 159 эшелонов отправлено к месту нового поселения».

Только из Дагестана было депортировано около 28 тыс. чеченцев.

В дальнейшем операция охватила чеченцев и ингушей, уволенных из рядов Красной Армии (после февраля 1944 г.). Численность спецпоселенцев, призванных в армию с Северного Кавказа, составляла 8894 человека, из них чеченцев 4248. Также были депортированы 4146 чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев, проживавших в Дагестанской АССР, Азербайджанской и Грузинской ССР, в Краснодарском крае, Ростовской и Астраханской областях.

А 7 марта Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Принимали участие в этой операции и подчиненные Виктора Семеновича Абакумова во взаимодействии с работниками НКВД и НКГБ. 21 февраля 1944 г. начальника военной контрразведки по этому вопросу принял Сталин. В 24.00 Абакумов переступил порог его кремлевского кабинета в очередной раз. Но встреча с вождем длилась недолго, всего полчаса. По окончании операции «Чечевица» Сталин сказал Берии:

— Представьте к наградам лиц, образцово исполнявших приказ о выселении.

И соответствующий документ был подготовлен:

> «Государственный Комитет обороны Товарищу Сталину И.В.
>
> В соответствии с Вашим указанием представляю проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями наиболее отличившихся участников операции по выселению

чеченцев и ингушей.

Принимало участие 19 тысяч работников НКВД, НКГБ и СМЕРШ и до 100 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД, значительная часть которых участвовала в выселении карачаевцев и калмыков и, кроме того, будет участвовать в предстоявшей операции по выселению балкарцев. В результате трех операций выселено в восточные районы СССР 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 г. орден Кутузова I степени (№ 160) получил Меркулов, орден Суворова I степени получил Кобулов (№ 128), орден Суворова I степени получил Серов.

Виктору Семеновичу Абакумову дали орден Суворова II степени за номером 540.

Парадоксально, но первую награду — полководческий орден — в годы войны начальник ГУКР СМЕРШ получил только весной 1944 г. и только за операцию по выселению. А ведь до этого заслуг у Абакумова было немало, но что поделаешь, только теперь вождь решил отметить своего верного слугу! Откровенно скажу, не баловал Сталин наградами Абакумова. Сам же Виктор Семенович по каким-то неведомым причинам носить их не любил. Если посмотреть все фотографии, на которых изображен Абакумов, то можно заметить, что на его форме нет орденов и медалей, нет и привычных нам орденских планок. Есть всего несколько фотографий, где на его груди красуются ордена, но они связаны прежде всего с парадами или красными днями календаря. В быту же все эти «побрякушки» для него ничего не значили. Не любил он их, как любили многие, а все потому, что не был слабым человеком. Чем и выделялся, несомненно, в лучшую сторону от сталинских чиновников и генералов.

Хотя, впрочем, слабость у Виктора Семеновича все же была — это красивые женщины. Но слабость ли это?

2

Летом 1944 г. Абакумову принесли расшифрованную радиограмму:

«IV отделом РСХА подготовлена группа, цель которой — ликвидировать Верховного. Группа состоит из двух человек. Заброска будет осуществлена воздушным путем. Район — северо-западные области. Срок — первая

половина сентября. Фрау». Информация была более чем тревожной, и Виктор Семенович дает распоряжение срочно разработать контроперацию под кодовым названием «Перехват».

В ней зубры контрразведки в считанные дни предусмотрели все возможные варианты действий. Саму же операцию Абакумов взял под свой личный контроль. Тем не менее все учесть не смогли. За несколько дней до заброски террористов под Смоленском удачно приземлились пять парашютистов, имеющих своей задачей поиск площадки для посадки самолета, чтобы в назначенный день и час принять его и благополучно обеспечить высадку двух пассажиров. Потом они собирались вернуться к своим.

Атак как операция «Перехват» уже началась, то эту группу взяли через два дня после приземления. Теперь уже вместе с диверсантами контрразведчики нашли необходимую площадку и в условленный день ждали прилета «важных гостей». Но случилось непредвиденное. 5 сентября 1944 г. самолет не прилетел из-за того, что при перелете линии фронта был поврежден зенитной артиллерией и совершил вынужденную посадку в ста пятидесяти километрах от того места, где его ждали «смершевцы». Правда, вскоре этот самолет нашли, но, естественно, в нем и около него никого уже не было.

Начальник контрразведки отдал команду: «Перехват — время «Ч»», после чего все дороги, ведущие к Москве, были перекрыты и параллельно начался активный поиск немецких диверсантов. О том, как их задержали, сорок пять лет спустя рассказал Клавдий Федорович Федосеев:

«Я тогда работал начальником Кармановского райотдела НКВД. Рано утром, еще не было четырех, позвонили из Гжатского райотдела НКВД и сообщили, что на высоте 2500 метров обнаружен вражеский самолет.

Потом опять звонок:

«Самолет совершил посадку недалеко от Карманова. Предполагается, что в нем находятся немецкие диверсанты. Срочно организуйте поиск».

Я сразу же поднял своих людей — человек двадцать. Собрались все у здания райотдела. Обсуждаем, куда нам идти. Начало светать. Было прохладно, стояли первые дни осени. Вдруг вдалеке показался мотоцикл. Он ехал в нашу сторону. На скорости пронесся мимо. Мы только заметили, что за рулем сидел майор в кожаном пальто и рядом с ним молодая женщина-лейтенант. Дорога, по которой он ехал, вела в сторону соснового

бора и там заканчивалась. Это мы знали. «Значит, сейчас развернется и подъедет к нам», — решил я. Так оно и получилось. Майор остановил мотоцикл возле нашей группы. Спросил, как проехать в Ржев. Это меня сразу насторожило. Может быть, это была его первая ошибка. Я представился, объяснил ситуацию и попросил предъявить документы. Он спокойно подает. Смотрю, майор из СМЕРШ. О, птица какая! Говорю, пойдемте, вместе подумаем, как разыскать диверсантов. И ваш мотоцикл очень кстати будет. Мы, мол, безлошадные. Он на ходу расстегнул свое кожаное пальто. Блеснула Звезда Героя Советского Союза на гимнастерке. Поговорили мы несколько минут. Я вижу — он очень торопится. И нервничает. Опять у меня подозрение появилось. Извинился перед ним — все-таки майор, а я старший лейтенант. Сказал, что должен еще задать несколько вопросов его спутнице — лейтенанту. Он пожал плечами. «Пожалуйста», — говорит.

А у меня, пока я с ним говорил, созрел план. Он ушел.

Вошла женщина. Я перед ней разложил на столе карту и попросил показать, по каким дорогам они уехали от дислокации своего штаба до Карманова. Она на секунду замерла, вроде бы как растерялась, и тут же взяла себя в руки. Сказала, что она не может раскрыть маршрут передвижения. «Почему?» — спрашиваю я. — «Это тайна!»

Какая же это тайна, думаю. Нет, тут что-то не то.

Ее отправили вниз. Кивнул трем вооруженным ребятам, чтобы поднялись ко мне. И из окна попросил майора пройти еще для одного вопроса. Он вошел. На столе по-прежнему лежала карта.

«Ваша спутница, — говорю, — отказалась сообщить маршрут, по которому вы ехали, покажите, пожалуйста». Вижу, и он замялся, скосив глаза на карту. Дорог там много. Почти все проселочные. Я-то их хорошо знаю. А чужому человеку сразу и не разобрать. Прошло несколько напряженных секунд. И тут я понял, что передо мной — враг. Вскинув пистолет, я крикнул: «Руки вверх!»

У дверей стояли наши ребята с винтовками на изготовку.

«Вы с ума сошли, капитан. Вы ответите за это!» — закричал он. Но я свое: «Руки вверх или стреляю!»

Тут он поднял руки, а в рукаве какое-то странное сооружение. Потом узнали, что это снаряд, пробивающий броню. За поясом у него оказалось три пистолета. Внизу, на улице, ребята арестовали женщину и привели ко мне.

Я допросил их — каждого по отдельности. И тут узнал, что заброшены они на территорию страны с целью убийства Сталина

(…).

Обыскали мы мотоцикл. А там чего только нет. Три чемодана с документами и вещами, 116 мастичных печатей, семь пистолетов, два охотничьих ружья центрального боя, пять гранат, одна мина и многое другое. Таврин попросил как можно скорее доставить его в Москву. Я позвонил в Смоленск. Оттуда — в столицу. Все закрутилось, завертелось. Приехал начальник Смоленского НКВД полковник Стальнов. Увез Таврина и его жену Лидию с собой».

В этой истории меня лично поразили несколько моментов. Во-первых, приземлившись не в том месте, где предполагалось первоначально, Таврин буквально заблудился и не мог найти дорогу для выхода на основной маршрут на Москву. Более того, ни он, ни его спутница не смогли показать на карте маршрут, по которому они якобы ехали.

Они просто не ориентировались на местности. Во-вторых, когда Таврина арестовал начальник райотдела НКВД, он даже не сопротивлялся, хотя в рукаве имел специальное оружие, заряженное снарядом, пробивающим броню, а за поясом несколько пистолетов. Таврин просил только об одном — скорее доставить его в Москву. Он знал цену жизни и, судя по всему, не собирался убивать товарища Сталина. И в-третьих, имея надежные документы — заместителя начальника отдела контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта— на груди Таврина размещение наград совершенно не соответствовало правилам ношения орденов и медалей СССР, утвержденным еще в июне 1943 года. Ордена Александра Невского и Красной Звезды по новым правилам должны были быть на правой стороне груди агента, но все они почему-то находились на левой вместе с медалью «Золотая Звезда», орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Складывается такое впечатление, что спецслужбы Германии слабовато готовили своих агентов к заброске в советский тыл и тем более для выполнения особо важного задания (убийство Сталина).

* * *

В Москве Таврина допрашивали представители сразу трех спецслужб: начальник отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом — комиссар госбезопасности 3-го ранга Леонтьев, заместитель начальника 2-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности Райхман и начальник отдела ГУКР СМЕРШ НКО

полковник Барышников. То есть и от Берии, и от Меркулова и от Абакумова. Итак, допрос:

«Таврин П.И., 1909 г.р., урож. с. Бобрик Нежинского района Черниговской обл. УССР, русский, в 1942 г. на фронте вступил в кандидаты в члены ВКП(б), образование незаконченное высшее, до войны работал нач. Туринской геологоразведочной партии Исыковского приискового управления, прииск «Урал-Золото». В Красную Армию призван 14 августа 1941 г.»

— 5 сентября сего г. при вашем задержании вы заявили, что являетесь агентом германской разведки. Вы подтверждаете это?

— Да, я действительно являюсь агентом германской разведки.

— Когда и при каких обстоятельствах вы были привлечены к сотрудничеству с германской разведкой?

— 30 мая 1942 г., будучи командиром пулеметной роты 1196-го полка 369-й стрелковой дивизии 30-й армии, действовавшей на Калининском фронте, я был ранен, захвачен немцами в плен, после чего содержался в различных немецких лагерях для военнопленных на оккупированной территории СССР, затем на территории Германии. В июне 1943 г. в гор. Вена, где я содержался в тюрьме за побег из лагеря для военнопленных, меня вызвали офицеры гестапо Байер и Тельман и предложили сотрудничать с германской разведкой, на что я дал согласие.

— Когда и каким путем вы были переброшены через линию фронта?

— Через линию фронта я был переброшен германской разведкой в ночь с 4 на 5 сентября с.г. с рижского аэродрома на 4-моторном транспортном самолете специальной конструкции. Немецкие летчики должны были высадить меня в районе Ржева и возвратиться в Ригу. Но самолет при посадке потерпел аварию и подняться снова в воздух не смог.

— В чем заключается «специальность» конструкции самолета, на котором вас перебросили?

— Этот самолет снабжен каучуковыми гусеницами для приземления на неприспособленных площадках.

— А разве не была заранее подготовлена площадка для посадки самолета, на котором вы были переброшены?

— Насколько мне известно, площадка никем не была подготовлена. И летчики произвели посадку самолета, выбрав площадку по местности.

— Для какой цели вы имели при себе мотоцикл, отобранный у вас при задержании?

— Мотоцикл с коляской был дан мне германской разведкой в Риге и доставлен вместе со мной для того, чтобы я имел

возможность быстрее удалиться от места посадки самолета и этим избегнуть задержания.

— С какими заданиями вы были переброшены германской разведкой через линию фронта?

— Я имею задание германской разведки пробраться в Москву и организовать террористический акт против руководителя советского государства И.В. Сталина.

— И вы приняли на себя такое задание?

— Да, принял.

— Кто вам дал это задание?

— Это задание мне был дано начальником Восточного отдела СД в Берлине подполковником СС Грейфе.

— Кто персонально должен был осуществить террористический акт?

— Совершение террористического акта было поручено мне лично. Для этой цели руководителем органа СД в Риге, именуемом «Главной командой «Цеппелин-Норд»», майором Краусом Отто я был снабжен отобранными у меня при задержании пистолетами с комплектом отравленных и разрывных пуль, специальным аппаратом под названием «панцеркнакке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему.

— Что это за аппарат?

— «Панцеркнакке» состоит из небольшого ствола, который при помощи специального кожаного манжета закрепляется на правой руке. Аппарат портативный и может быть замаскирован в рукаве пальто. В ствол помещается реактивный снаряд, который приводится в действие путем нажатия специальной кнопки, соединенной проводом с электрической батареей, спрятанной в кармане одежды. Стрельба производится бронебойно-зажигательными снарядами.

Перед переброской через линию фронта я тренировался в стрельбе из «панцеркнакке», при этом снаряды пробивали бронированные плиты толщиной 45 мм.

— Каким образом вы намеревались использовать это оружие?

— Готовивший меня для террора, названный мною выше майор СС Краус Отто, предупредил меня, что машины, в которых ездят члены советского правительства, бронированы и снабжены специальными непробиваемыми стеклами. «Панцеркнакке» я должен был применить в том случае, если бы мне представилась возможность совершить террористический акт на улице, во время прохождения правительственной машины.

— А для какой цели предназначались отобранные у вас при задержании отравленные и разрывные пули?

— Этими пулями я должен был стрелять из автоматического

пистолета в том случае, если бы очутился на близком расстоянии от И.В. Сталина.

— Расскажите подробно, каким путем вы должны были совершить террористический акт? Какие указания в этой части вы получили от германской разведки?

— Майор Краус поручил мне после высадки из самолета проникнуть в Москву и легализоваться. Для этого я был снабжен несколькими комплектами воинских документов, большим количеством чистых бланков, а также множеством штемпелей и печатей военных учреждений.

— Как вы должны были проникнуть в Москву?

— В Москву я должен был проникнуть с документами на имя заместителя начальника контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского фронт. По прибытии в Москву я должен был этот документ сменить.

— Почему?

— Мне было указано, что документы СМЕРШ абсолютно надежны и что я по ним проникну в Москву, не вызвав никаких подозрений. Но, как объяснил мне Краус, по этому документу находиться длительное время в каком-либо одном месте опасно и что будет значительно надежней, если я по прибытии в Москву изготовлю из имеющихся у меня чистых бланков документ на имя офицера Красной Армии, находящегося в отпуске после ранения. В Москве я должен был подыскать место для жилья на частной квартире и прописаться по этим документам.

— Что вы должны были делать дальше?

— Обосновавшись таким образом в Москве, я должен был, расширяя круг своих знакомых, устанавливать личные отношения с техническими работниками Кремля, либо с другими лицами, имеющими отношение к обслуживанию руководителей советского правительства. При этом Краус рекомендовал мне знакомиться с женщинами, в частности, с такой категорией сотрудниц, как стенографистки, машинистки, телефонистки.

— Для какой цели?

— Через этих знакомых я должен был выяснить места пребывания советского правительства, маршруты движения правительственных машин, а также установить, когда и где должны происходить торжественные заседания или собрания с участием руководителей советского правительства.

Краус предупреждал меня, что такие сведения получать нелегко и поэтому рекомендовал с нужной мне категорией женщин устанавливать интимные отношения. Он даже снабдил меня специальными препаратами, которые при подмешивании в напитки вызывают у женщин сильное половое возбуждение, что я

и должен был использовать в интересах порученного мне дела.

Независимо от степени близости с людьми, сведения о членах правительства мне поручено было выведать в осторожной форме. Для проникновения на торжественные заседания я должен был использовать изготовленные немцами на мое имя документы Героя Советского Союза и соответствующие знаки отличия.

— Какие именно?

— Перед переброской через линию фронта германской разведкой мне были даны: Золотая Звезда Героя Советского Союза, Орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды и две медали «За отвагу», орденские книжки к ним, а также специально сфабрикованные вырезки из советских газет с указами о присвоении мне звания Героя Советского Союза и награждении перечисленными орденами и медалями.

Должен заметить, что германская разведка своих агентов, забрасываемых в СССР, снабжает фабрикуемыми ею же поддельными орденами, но мне были выданы подлинные.

Проникнув на торжественное заседание, я должен был, в зависимости от обстановки, приблизиться к И.В. Сталину и стрелять в него отравленными и разрывными пулями.

Работниками германской разведки, в частности Грейфе и Краусом, мне было также указано, что если представится возможность, я должен совершить террористический акт и против других членов советского правительства.

— Против кого именно?

— Против В.М. Молотова, Л.П. Берии и Л.М. Кагановича. Причем для осуществления террора против них я должен был руководствоваться теми же указаниями, какие были мне даны Грейфе и Краусом в отношении осуществления террористического акта против И.В. Сталина.

— Чем вы заслужили столь большое доверие германской разведки?

— Это мне неизвестно.

— Вы говорите неправду. Такое большое доверие германской разведки вы могли заслужить своей активной предательской работой.

— Нет, предательской работой я не занимался. Видимо, Грейфе доверил мне это задание потому, что меня соответствующим образом рекомендовал ему Жиленков (…).

— Где и когда вы установили связь с Жиленковым?

— С Жиленковым впервые я встретился в июле 1942 г. в Летценской крепости (Восточная Пруссия), где мы вместе содержались. Жиленков рассказал мне тогда, что, попав в плен,

он выдал себя за шофера и работал в немецкой воинской части, но затем был опознан и заключен в Летценскую крепость. Уже тогда Жиленков высказывал резкие антисоветские настроения, обрабатывал военнопленных в антисоветском духе и написал антисоветскую клеветническую брошюру под названием «Первый день войны в Кремле». Позже Жиленков вошел в состав так называемого «Русского кабинета» (…).

— Об антисоветской работе изменников Родины Власова и других вы будете подробно допрошены позже. Сейчас ответьте на вопрос — чем помог вам Жиленков зарекомендовать себя перед германской разведкой?

— Это произошло при следующих обстоятельствах. После вербовки меня германской разведкой я в августе 1943 г. был переведен из венской тюрьмы в специальный лагерь СД близ города Замберга и зачислен в «особую команду».

— Каково назначение «особой команды»?

— «Особая команда» в Замбергском лагере СД состояла из агентов германской разведки, намеченных для активной работы на территории СССР. В составе команды было 23 человека. Пробыв некоторое время в Замберге, я в последних числах августа 1943 г. был доставлен в Берлин к подполковнику СС Грейфе. Последний в разговоре со мной расспрашивал о моих биографических данных, выяснял причины, побудившие меня дать согласие на сотрудничество с германской разведкой, после чего рассказал о заданиях, которые мне могут быть даны для работы на территории СССР.

— Что именно говорил вам Грейфе?

— Он мне сказал, что может использовать меня для разведки, диверсии или террора, и предложил подумать — какая отрасль работы меня больше устраивает, что снова вызовет меня из лагеря в Берлин.

— Вызывал ли вас Грейфе снова в Берлин?

— Да, вызывал. Этому вызову предшествовало одно обстоятельство, которое определило мое дальнейшее поведение при встрече с Грейфе.

— Какое именно обстоятельство, расскажите о нем.

— В первых числах сентября 1943 г. в Замбергский лагерь, где я в то время находился, прибыл Власов и Жиленков для передачи немцам одного из сформированных ими отрядов из русских военнопленных.

— Для какой цели создавались эти отряды?

— Как мне впоследствии объяснил Жиленков, Власов сформировал ряд воинских частей из числа советских военнопленных и белогвардейцев и поставил перед немцами

вопрос о выделении ему самостоятельного участка фронта, на котором он мог бы воевать против Красной Армии силами созданных им частей. С этим якобы немцы не согласились и предложили передать сформированные части в распоряжение германского командования для направления отдельными подразделениями на различные участки фронта.

— Продолжайте ваши показания.

— Выстроив отряд, Власов произнес речь, в которой объявил, что отряд передается в распоряжение германского командования для отправки на Балканы. Затем Жиленков ходил по лагерю и беседовал с военнопленными. Я подошел к нему, и мы разговорились.

— О чем вы говорили?

— Я рассказал ему, что согласился работать на германскую разведку и зачислен в «особую команду». Жиленков одобрил мое поведение, заявив: «Наконец-то я увидел тебя там, где ты должен быть давно». Затем я сообщил Жиленкову о вызове к Грейфе и о сделанном им предложении о работе в пользу германской разведки в советском тылу.

— Как отнесся к этому Жиленков?

— Выслушав меня, он стал в резкой форме высказывать злобу против руководителей советского правительства и доказывать мне, что сейчас самой важной задачей является совершение террористического акта против И.В. Сталина, так как, по заявлению Жиленкова, за этим последует развал Советского государства. В конце нашего разговора Жиленков рекомендовал мне принять задание по террору и заявил, что по возвращении в Берлин он примет необходимые меры к ускорению моей переброски в СССР. тут же он сделал какие-то заметки в своей записной книжке. И действительно, вскоре после отьезда Власова и Жиленкова я снова был вызван к Грейфе.

— Когда это было?

— Насколько я припоминаю, это было 4 или 5 сентября 1943 г.

— О чем в этот раз с вами говорил Грейфе?

— Грейфе интересовался моей жизнью в лагере, а затем спросил, думал ли я над его предложением и какое принял решение.

— Что вы ответили Грейфе?

— Я сказал ему, что готов принять задание по террору.

— Вы и ранее выполняли задания германской разведки по убийству советских людей?

— Нет, в этот раз я впервые принял на себя задание по террору.

— Вы принимали участие в борьбе немцев против партизан и других советских патриотов?

— Нет, я этого не делал. Для этой цели германская разведка меня не использовала.

— Почему же вы тогда по собственной инициативе выбрали для себя задание по террору?

— В данном случае я руководствовался указаниями, которые мне дал Жиленков.

— Какое задание вам дал Грейфе по практическому осуществлению террористического акта?

— Получив от меня согласие принять задание по террору, Грейфе предложил разработать и представить ему в письменном виде конкретный план совершения террористического акта, а также указать, какие средства мне необходимы для этой цели.

— Вы разработали этот план?

— Этот план был разработан Жиленковым. Я его лишь переписал.

— Вы показываете неправду, пытаясь умалить свою роль. Говорите правду.

— Я говорю правду. Получив от Грейфе задание составить план совершения террористического акта, я был доставлен одним из сотрудников Грейфе в гостиницу, где меня поселили. В тот же день ко мне приезжал Жиленков, которому я рассказал о задании, полученном от Грейфе, а также о трудностях, возникших у меня при попытке написать план совершения террористического акта. Тогда Жиленков предложил мне свою помощь и увез к себе на квартиру. Там он написал этот план, поручив мне переписать его своей рукой и вручить Грейфе.

— Какие мероприятия предусматривались этим планом?

— Большая часть плана была посвящена всякого рода клеветническим выпадам против советского правительства и декларативным утверждениям о необходимости совершения террористического акта против И.В. Сталина. Затем было указано, что террористический акт должен быть совершен путем проникновения на какое-либо торжественное заседание. Все это было написано Жиленковым, я лишь дописал о средствах, необходимых для его выполнения.

— Следовательно, вы по своей инициативе потребовали от немцев такие средства, как отравленные разрывные пули и бронебойные снаряды?

— Нет, я этого не требовал. Все это мне дали немцы незадолго перед переброской через линию фронта. В плане я написал лишь о том, что мне необходимо 500 тыс. рублей денег, документы и пистолеты.

— Вы передали Грейфе этот план?

— Да, я переписал весь план совершения террористического акта своей рукой и на следующий день вручил Грейфе. Он одобрил его и направил меня в распоряжение начальника главной команды «Цеппелин-Норд» майора Отто Крауса, под руководством которого я должен был проходить подготовку. Краус в то время постоянно находился в городе Пскове, куда я прибыл 23 сентября 1943 г.

— В чем заключалась подготовка к выполнению террористического задания?

— В Пскове я занимался физической подготовкой и тренировался в стрельбе из оружия. 6 ноября 1943 г. я был снова вызван в Берлин.

— Для чего?

— Мне неизвестно, но полагаю, что Грейфе хотел лично проверить, как идет моя подготовка, так как он в беседах со мной интересовался только этим вопросом и дал мне указание ускорить окончание подготовки. Кроме того, в Берлине я имел беседу с прибывшим туда из Пскова майором Краусом. В этой беседе Краус известил меня о том, что принято решение о моем переводе в Ригу, так как, по его словам, в Пскове много советской агентуры, которая может узнать о подготовке меня к переброске через линию фронта.

В соответствии с этим указанием я в Псков не возвратился, а 2 декабря 1943 г. выехал из Берлина в Ригу, куда прибыл 5 декабря. 20 января 1944 г., в связи с обстановкой на фронте в Ригу была переведена из Пскова вся команда «Цеппелина».

После прибытия «Цеппелина» в Ригу я продолжал дальнейшую подготовку к переброске через линию фронта.

— В чем заключалась ваша подготовка в Риге?

— Совместно с переводчиком «Цеппелина» лейтенантом Делле я вплоть до моей переброски через линию фронта подготавливал для себя легенду, соответствующие документы и экипировку (…).

Я показал правду. Грейфе по своей инициативе дал мне возможность отдохнуть. Вообще, он проявлял в отношении меня признаки особого внимания. Так, когда я был вызван в Берлин в ноябре 1943 г., для меня по его указанию была куплена хорошая одежда и обувь. Кроме того, по указанию Грейфе, в Берлин была вызвана моя жена Шилова Лидия Яковлевна, которая прожила там со мной 10 дней, затем мы вместе выехали в Ригу.

— Следовательно, задержанная совместно с вами Шилова Лидия Яковлевна является вашей женой?

— Да, с ноября 1943 г. она является моей женой.

— Какое участие в совершении террористических актов должна была принять Шилова?

— Шилова также является агентом германской разведки и переброшена со мной в помощь мне, но она не посвящена в то, что я имею задание по террору.

— Вы говорите неправду. Агент германской разведки, переброшенный совместно с вами для оказания вам помощи в выполнении задания немцев, не мог не знать об их заданиях?

— Я говорю правду. Шилова не знает о заданиях, которые дали мне немцы, я взял ее с собой только как радистку.

— Она разве радистка по специальности?

— Нет, она по специальности бухгалтер, но была подготовлена рижской командой «Цеппелина» в качестве радистки и придана мне.

— Шилова находилась в Риге с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г.?

— Да, в это время она также находилась в Риге.

— Выше вы показали, что с 5 декабря 1943 г. по 20 января 1944 г. отдыхали в Риге и никуда из города не выезжали. Допрошенная нами Шилова показала, что вы выезжали из Риги в декабре 1943 г. Более того, она показала, что вы вернулись в Ригу раненым. Куда вы ездили?

— Должен признать, что я скрыл от следствия следующий факт: подготовляя меня к переброске через линию фронта, Краус несколько раз ставил передо мною вопрос о том, что я должен быть выброшен под видом инвалида Отечественной войны. В этой связи Краус требовал от меня, чтобы я согласился на хирургическую операцию, в результате которой стану хромым. С тем, чтобы уговорить меня, он связал меня с немецкими врачами, которые доказывали мне, что после войны мне сделают еще одну операцию, в результате которой нога будет нормальной. Я категорически отказался от этого. Тогда Краус предложил мне хирургическим путем сделать на теле следы ранений. Я и от этого отказывался, но, под давлением Крауса, все же был вынужден на это согласиться.

— Какая же операция была произведена над вами немцами?

— В рижском военном госпитале мне под наркозом сделали большую рану на правой части живота и две небольшие раны на руках. Я пролежал в госпитале 14 дней, после чего у меня на теле образовались следы, схожие с зарубцевавшимися ранами. Для того чтобы скрыть этот факт от Шиловой, я, по указанию Крауса, сообщил ей, что уезжаю в командировку на фронт, а по возвращении из госпиталя домой рассказал, что был ранен. Именно в этой связи я и не мог в декабре 1943 г. заниматься

подготовкой к переброске через линию фронта.

— Медицинским осмотром вас установлено, что кроме «ранений», о которых вы только что показали, других ранений на теле не имеется, следовательно, ваши показания о том, что вы захвачены в плен немцами, будучи раненым, ложны?

— Да, я должен это признать.

— При каких же обстоятельствах вы в действительности очутились у немцев?

— 30 мая 1942 г., находясь на Калининском фронте и будучи послан в разведку, я изменил Родине и добровольно перешел на сторону немцев.

— Почему вы изменили Родине?

— Я должен признать, что скрыл от следствия еще один факт.

— Какой именно?

— В 1932 г., работая в гор. Саратове, я был арестован за растрату 1300 рублей государственных денег.

В связи с тем, что меня должны были предать суду, по закону от 7 августа 1932 г., я, боясь строгой ответственности, бежал из тюрьмы, проломив с группой арестованных стену в тюремной бане. В 1934 и 1936 годах я также арестовывался милицией за растраты, но в обоих этих случаях совершал побеги. В 1939 г. я по фиктивным справкам получил документы на имя Таврина и под этой фамилией был призван в Красную Армию.

Находясь на Калининском фронте, 29 мая 1942 г. я был вызван к уполномоченному особого отдела капитану Васильеву, который интересовался, почему я переменил фамилию Шилов на Таврина. Поняв, что особому отделу стали известны мои преступления, я, боясь ответственности, на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев».

* * *

После окончательного разоблачения Таврина и необходимой в таких случаях подготовки началась радиоигра.

В конце сентября 1944 г. Берлин получил первую радиограмму: «Прибыли благополучно, начали работу». А последнее донесение немцы получили 9 апреля 1945 г. 21 апреля 1945 г. В.С. Абакумова наградили орденом Кутузова I степени (№ 385). И наградили его за успешно проведенную операцию, а не только за поимку опасных террористов.

Всего же за годы войны начальник военной контрразведки был награжден тремя орденами (полководческими), не считая медалей. Один из них, а именно орден Суворова I степени за

номером 216, он получил Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 июля 1944 г.

Кстати сказать, Клавдий Федорович Федосеев, тот, кто задерживал Таврина, припомнил в разговоре:

— Но я вот что никак не могу понять: когда передавал оружие, вещи, документы и деньги смоленским чекистам, дважды пересчитал купюры, в мотоцикле у Таврина был один миллион рублей. Сам видел. А когда в восьмидесятых годах приехал в Москву, пошел на Лубянку, где мне дали из архивов папку с моим допросом Таврина, я вдруг читаю, что у него было изъято 428 400 рублей.

3

Генерал Гераскин, проведший за сорок семь лет службы в военной контрразведке ряд блестящих операций по разоблачению агентуры противника, в 1944 г. служил в звании лейтенанта в управлении контрразведки НКО СМЕРШ.

В своих воспоминаниях Борис Васильевич очень интересно рассказал о встрече с Абакумовым:

«Весной 1944 г. мне поручили уточнить обстановку по одному из адресов на Арбате. Судя по характеру вопросов, лицо, интересовавшее контрразведку, подозревалось в подготовке террористического акта. Выполнив задание, я возвратился в отдел, где получил указание немедленно доложить о результатах лично Абакумову.

Для рядовых сотрудников Абакумов казался недосягаемой величиной, строгим и требовательным начальником с огромной властью. «Как он воспримет мой доклад?» — не без волнения спрашивал я себя.

В большом, обшитом деревом кабинете возле письменного стола стоял Абакумов. Запомнилось его крепкое телосложение, правильные черты лица, высокий лоб и темные волосы, гладко зачесанные назад. На нем ладно смотрелась серая гимнастерка и синие бриджи с лампасами, заправленные в сапоги. Пальцы обеих рук он держал за широким военным ремнем, по-толстовски. Справа от Абакумова находился полковник с объемистой папкой бумаг в руках. Очевидно, он вел дело, по которому я посетил Арбат, и перед моим приходом закончил доклад.

Когда я представился, Абакумов, оставаясь стоять у стола, спросил:

— Ты ездил на Арбат? Доложи подробно все, что выяснил.

Волнуясь, стараясь ничего не упустить, я рассказал о

результатах выполнения задания. Абакумов внимательно, не перебивая, выслушал меня, задал несколько уточняющих вопросов, а затем обратился с упреками к полковнику. Резко, даже грубо отчитал его. Полковник покраснел и, виновато вытянувшись, молчал. Насколько я понял, моя информация разошлась с его докладом. Во время «проработки» полковника я чувствовал себя скверно, готов был провалиться сквозь землю. Наконец, дав дополнительные указания, Абакумов разрешил мне уйти».

Тридцатишестилетний генерал все же за двенадцать лет в органах научился многому. В частности, умению оставить о себе впечатление, которое со временем обрастало бы фантастическими подробностями.

Неудивительно, что до сих пор многие подчиненные Виктора Семеновича сохранили в своей памяти самый положительный образ своего начальника. Но проблема только в том, что они не знали его близко, а значит, не видели его тени. Вообще, выговаривать старшему офицеру в присутствии младшего не самая лучшая воспитательная мера. Тем более что это даже запрещается уставами. Однако Виктор Семенович, вполне вероятно, не задумывался о таких пустяках, как не задумываются об этом и некоторые уважаемые современные «военачальники».

* * *

Фильтрацией в СМЕРШЕ занимался 2-й отдел контрразведки.

Первичная проверка бывших военнослужащих Красной Армии была одной из тех задач, которую решали третьи отделения вторых отделов управлений КР СМЕРШ фронтов. На армейских сборно-пересылочных (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) эта проверка проводилась путем личного досмотра и письменных объяснений об обстоятельствах пребывания в плену. Только затем проводился допрос, в ходе и после которого оперативники контрразведки выявляли противоречия в ответах и организовывали агентурное изучение подозреваемых. На каждого проверяемого заводилось дело (учетное) с протоколами допроса и заключением по результатам фильтрации. На подозреваемого заводилось дело-формуляр с приобщением материалов оперативного характера. Фильтрация завершалась во фронтовом ПФЛ, где соответствующая работа продолжалась в течение двух месяцев (соответственно в СПП и ПФП — пять — десять дней). В ПФЛ работа велась в оперативном и следственном направлениях с учетом проведенной фильтрации

на СПП и ПФП. Следует отметить, что по масштабам и размаху, силам и средствам оперативно-розыскная и следственная работа по фильтрации военнопленных вражеских армий, бывших советских военнопленных, а также в государственной проверке репатриантов из числа советских граждан не имела аналогов в истории спецслужб мира.

Так, в целях организованного приема и содержания бывших военнопленных и репатриируемых в тыловых районах фронтов были сформированы: 2-й Белорусский— 15, 1-й Белорусский— 30, 1-й Украинский — 30, 4-й Украинский — 5, 2-й Украинский — 10, 3-й Украинский— Юлагерей на 10 000 человек каждый.

К лету 1945 г. на территории СССР действовало 43 спецлагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Восточной Европы действовали еще 74 проверочно-фильтрационных лагеря и 22 сборно-пересылочных пункта. На 1 октября 1944 г. через спецлагеря всего прошло 354 592 бывших военнослужащих Красной Армии и вышедших из окружения и освобожденных из плена (в том числе офицеров 50 441 чел.).

Из этого числа было проверено и передано в Красную Армию 249 416 человек, в том числе: в воинские части — 231 034 (в том числе офицеров 27 042); на формирование штурмовых батальонов 18 382 (в том числе офицеров 16 163); в промышленность— 30 749 (в том числе офицеров 29); на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей — 5924.

Органы СМЕРШ арестовали— 1 1556 человек, из них агентов разведки и контрразведки противника — 2083 (в том числе офицеров 1284). Убыли в госпитали, в лазареты и умерли — 5347 человек.

Находились в спецлагерях НКВД СССР в проверке 51 601 (в том числе офицеров 5657).

В октябре 1944 г. из числа оставшихся в лагерях офицеров сформировали четыре штурмовых батальона по 920 человек. Только на десяти СПП Управлением КР СМЕРШ 3-го Украинского фронта было проверено с 1.02.45 г. по 4.05.45 г. 58 686 человек (16 456— бывшие солдаты и офицеры Красной Армии, а 12 160 человек — советские граждане призывного возраста, угнанные в Германию). Из них лишь 376 человек не смогли пройти через сито СМЕРША.

За 1944–1945 гг. были осуждены свыше 98 тыс. репатриантов. В следственных тюрьмах содержалось еще свыше 1 млн 866 тыс. бывших военнопленных и свыше 3,5 млн гражданских лиц. Отказались вернуться в СССР свыше 450 тыс. человек, в том числе около 160 тыс. бывших военнопленных. Всю эту работу

подчиненные Абакумова осуществляли во взаимодействии с Управлением уполномоченного СНКСССР по делам репатриации и заграничными резидентурами 1-го Управления НКГБ СССР и ГРУ Генерального штаба. При этом основные усилия были направлены на выявление агентуры германских спецслужб и изобличение военных преступников.

* * *

Комиссару госбезопасности 2-го ранга Абакумову приходилось не только контролировать работу СМЕРША среди военнопленных в решении контрразведывательных задач, но и глубоко вникать в некоторые особо значительные оперативные разработки.

Зерно каждого направления СМЕРША ему требовалось для ежедневных докладов вождю. В целях содержания военнопленных вражеских армий на советской территории и территории других государств, помимо 24 фронтовых ППЛ — приемно-пересыльных лагерей, были сформированы и действовали 72 дивизионных и армейских пересыльных пункта, более пятисот лагерей, 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан.

Через «сито» проверок СМЕРША прошло свыше четырех миллионов военнопленных. В результате десятки тысяч военных преступников и нацистских пособников были изобличены оперативными работниками.

* * *

Когда советская армия приближалась к Берлину, одним из важных направлений в работе СМЕРШа стал розыск и захват главных нацистских преступников. Но больше всего военную контрразведку интересовали сведения о Гитлере и его окружении, которое делало все, чтобы скрыться от ответственности.

В период штурма столицы Третьего рейха оперативные группы контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта непосредственно участвовали в боях за овладение административными и правительственными зданиями. Так, в рейхстаге и имперской канцелярии они задержали приближенных к Гитлеру, Геббельсу и Борману и захватили важные документы.

5 мая 1945 г. в воронке от бомбы трое бойцов во главе с

командиром взвода отдела контрразведки СМЕРШ 79-го стрелкового корпуса, гвардии старшим лейтенантом А.А. Панасом обнаружили сильно обгоревшие мужской и женский трупы, засыпанные землей. Через несколько дней опознавателем пригласили сотрудника охраны имперской канцелярии, который рассказал о смерти и попытках уничтожения трупов Гитлера и Евы Браун.

Эти показания подтверждались находкой группы отдела контрразведки того же корпуса трупов двух отравленных собак фюрера. Отметим, что первый акт осмотра места погребения Гитлера был составлен только 13 мая. Затем останки перевезли для экспертизы в отдел контрразведки СМЕРШ.

Еще 10 мая помощница профессора Блашке — Кете Хойзерман дала показания об особенностях зубов и зубных протезов Гитлера и его супруги. А 19 мая ее допросили начальник Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Вадис и начальник отдела КР СМЕРШ 3-й Ударной армии полковник Мирошниченко.

Кроме смершевцев, розыском видных нацистов занимались сотрудники оперативных секторов НКВД, созданных в оккупированной советскими войсками зоне, с целью обобщения информации об окружении фюрера. Так, в оперсекгоре НКВД города Берлина было заведено агентурно-розыскное дело на Адольфа Гитлера за № 300 919, куда подшивались оперативные и следственные документы, переписка органов контрразведки, копии сообщений различных информационных агентств мира, бюллетени с информацией от союзников и другие материалы.

А в конце мая 1945 г. для доклада руководству страны из Берлина были отправлены документы, подтверждающие смерть Гитлера (по линии СМЕРШа и НКВД). Как известно из документальных источников, 16 июня Берия доложил Сталину и Молотову об актах опознания останков фюрера и результатов экспертиз, а также о показаниях свидетелей.

* * *

Однако происходили странные события, при том что вроде бы смерть Гитлера подтверждалась множеством источников. 10 июня 1945 г. маршал Жуков на вопрос корреспондента Ал. Верта ответил следующим образом: «Обстановка очень загадочная. Из найденных нами дневников адъютантов немецкого главнокомандующего известно, что за два дня до падения Берлина Гитлер женился на киноактрисе Еве Браун. Опознанного

трупа Гитлера мы не нашли. Сказать что-либо утвердительно о судьбе Гитлера я не могу. В самую последнюю минуту он смог улететь из Берлина, так как взлетные дорожки позволяли это сделать».

В том же июне В.С. Абакумов в разговоре с заместителем начальника отдела КР СМЕРШ 3-й Ударной армии полковником Горбушиным передал ему приказ Сталина: молчать о находке в саду рейхсканцелярии. Виктор Семенович сказал:

— Если появится двойник, который будет претендовать на роль Гитлера, советское правительство разоблачит его с помощью добытых контрразведчиками доказательств.

Следовательно, вся информация по Гитлеру была засекречена. Авторы книги «Агония и смерть Адольфа Гитлера» считают, что «по всей вероятности, смерть Гитлера и все обстоятельства вокруг этого события сразу же стали важным элементом политической игры между союзниками по антигитлеровской коалиции».

Версия о том, что Сталин это прекрасно понимал и умело использовал во взаимоотношениях с Западом, звучит вполне убедительно. При этом не убедительны многочисленные свидетельские показания и результаты опознаний и медицинских экспертиз, которые якобы подтверждают факт гибели Гитлера — 26 мая 1945 г. вождь заявил: «Борман, Геббельс, Гитлер и, вероятно, Кребс бежали и в настоящее время скрываются».

Дело в том, что мертвого Гитлера видели только его главный слуга штурмбанфюрер Лингк и Борман. Все остальные видели лишь как выносили два трупа, укутанные в серые одеяла. «Показания» у Бормана вообще были взяты из его дневника, в котором гибель Гитлера и его супруги обозначены датой: «30.4.45 года», а рядом с именами стоял древнегерманский рунический символ, означающий смерть.

А вот и последняя запись за 1 мая: «Попытка прорваться из окружения!» И все. Но складывается впечатление, что этот дневник вел на ложный след, так как трудно поверить в то, что такой человек, как Борман, прорываясь из Берлина в солдатской шинели, взял его с собой для ведения дальнейших записей. Зачем? Когда нужно было уносить ноги (записную книжку Бормана нашли местные жители у мостовой!).

В этом деле удивляет многое. Например, та же Кете Хойзерман, которая не являясь специалистом (не заканчивала зубоврачебной школы) и, работая с декабря 1944 г. по 20 апреля 1945 г. помощницей профессора Блашке (т. е. медсестрой) в зубоврачебном кабинете имперской канцелярии, безошибочно по памяти описала состояние зубов челюстей Гитлера. А ведь она

только подавала ему инструменты и медикаменты. Да и обслуживали они вдвоем всех руководителей германского правительства. Разве все вспомнишь.

В январе 1946 г. начальник Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР Б.З. Кобулов подписал аналитическую справку о версии самоубийства Гитлера. В этом документе отмечались некоторые сомнения, основанные на отдельных противоречиях в показаниях свидетелей: почему ни один из источников не говорит, что стало с останками Гитлера в дальнейшем после их сожжения; почему нет данных о вызове врача для констатации смерти; почему имеются различия в показаниях о выносе тел в сад рейхсканцелярии и об участниках этой процедуры (кто выносил, а кто только сопровождал); почему различны мнения свидетелей о внешнем виде выносимых останков; до конца ли были сожжены трупы главных нацистов; почему останки были обнаружены солдатами взвода СМЕРШ раньше, чем на это место показал немецкий охранник Менгесхаузен.

Тем более что он единственный дал правильные показания о закопке трупов. Возможно, поэтому в 1946 г. НКВД приступил к проверке результатов расследования, проведенного весной того же года ведомством Абакумова — военной контрразведкой СМЕРШ. Следственному делу присвоили шифр «МИФ» (№ 1-Г-23).

Начальник Государственной тайной полиции Третьего рейха (гестапо) группенфюрер СС Генрих Мюллер безоговорочно утверждал агентам спецслужб США, что Адольф Гитлер покинул Берлин вечером 22 апреля 1945 г. и живой и невредимый отправился в Испанию (в Барселону). Вместо Гитлера в канцелярии остался его двойник. Ведь многие свидетели утверждали, что после 20 апреля физическое и моральное состояние Гитлера резко ухудшилось. Фюреру отказывала память, у него изменился почерк, он заговаривался и часто впадал в оцепенение.

В общем, был «не похож на себя». Отвечая на вопросы в одном месте, Мюллер, нервничая, сказал:

— Мы создали двойника, одели его в мундир Гитлера, потом пристрелили и похоронили там, где он наверняка будет найден. Так зачем теперь забивать себе голову вопросами, жив Гитлер или умер? Мы провели свою операцию с единственной целью: скрыть тот факт, что Гитлер остался жив и покинул Германию. Вам понятно это?

И еще одна деталь. Американцы сообщили русским, что у них находится Гизинг (отоларинголог доктор Эрвин Гизинг), которому были прекрасно знакомы голова и зубы Гитлера по

многочисленным обследованиям и рентгеновским снимкам; он мог в любой момент идентифицировать его голову. Возможно, поэтому труп предположительно Гитлера советские власти так никому и не показали. Когда Абакумов был уже министром, в 1948 г., «трофеи» из бункера в виде вещдоков из Германии были направлены в Москву, в следственный отдел 2-го Главного управления МГБ СССР, «который суммировал все факты, связанные с обстоятельствами смерти главарей рейха». О чем это говорит? Да о том, что вопрос о смерти Гитлера оставался открытым. Остается он открытым до сих пор. Писатель-историк Леон Арбатский, три года потративший на изучение всех вновь рассекреченных документов, сопоставил показания свидетелей и сделал вывод: Адольфу Гитлеру, возможно, удалось ускользнуть от возмездия.

4

После того как Л.П. Берия дал прочитать Сталину «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза», подписанное генералом Власовым и генералом Малышкиным, вождь спросил:

— А может, это фальшивки? Что известно о Власове? Есть подтверждения?

— Да, есть, — ответил Берия, — Власов активно работает на немцев.

Были и другие сообщения, которые развеяли сомнения вождя. В результате Военная коллегия Верховного суда СССР заочно вынесла Власову смертный приговор, а в НКГБ СССР было заведено оперативное дело «Ворон». После этого на Власова началась настоящая охота. Практически все руководители разведывательных отрядов НКГБ, находящиеся за линией фронта, получили задание обнаружить и ликвидировать «Ворона». Кроме того, в Пскове, в Смоленске, в Рославле, в Руднянском районе, в районе Минска, в районе Орши и Борисова, в районе Полоцка и Витебска и других были готовы к применению или уже находились там специальные оперативные группы с той же целью.

В тыл врага для выполнения специального задания по «Ворону» направлялись и отдельные агенты. В результате некоторым из них все же удалось внедриться в структуры Русской освободительной армии и близко подойти к объекту, но выполнить задание по его ликвидации им так и не удалось. Предатель Власов счастливо избежал всех покушений.

Следует отметить, что в тогдашних отношениях между военными органами и органами госбезопасности, а также между самими спецслужбами (в особенности между НКВД (НКГБ) и СМЕРШем) существовала конкурентная борьба за право доклада Сталину. Каждый нарком или начальник с пристрастием следил за тем, чтобы все, что касалось судьбы главарей нацизма, предателей-генералов и т. д., шло только через него.

Коснулось это и персоналии Власова. Думаю, что В.С. Абакумов с удовольствием информировал Лаврентия Павловича в мае 1945 года:

> «По сообщению Управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта 12 мая с.г. в районе гор. Прага задержан предатель Власов, который на автомашине направлялся в сторону союзников.
>
> По предложению командира 25-го танкового корпуса генерал-майора Фоминых, Власов отдал приказ своим солдатам о переходе на сторону Красной Армии. Вчера же нашим войскам сдалась дивизия в количестве 10 тысяч человек.
>
> Мною дано указание Начальнику Управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанту Осетрову доставить Власова под усиленной охраной в Главное Управление СМЕРШ.
>
> *(подпись)*
>
> *Абакумов».*

А дело было так. 25-й танковый корпус действовал западнее Праги, из района Роржовице на юг и юго-запад, преследуя части разгромленных войск СС и части РОА.

11 мая к 12.00 передовой отряд корпуса вышел на западную окраину г. Клатови, а главные силы — в район г. Непомук.

Глубоко вклинившись в расположение американских войск, корпус создал затруднительную обстановку для всех частей противника, стремившихся скорее сдаться в плен американским войскам.

После встречи с американскими частями командир корпуса гвардии генерал-майор Фоминых принял решение остановиться и на основных направлениях и узлах дорог выставить засады, пикеты, вести разведку с задачей: в случае обнаружения частей СС и власовцев уничтожить и пленить.

11 мая 1945 г. разведка установила, что дивизия Власова и штаб Власова находятся в Брежи и окрестностях Брежи.

12 мая в 16.00 командир 162 ТБР полковник Мищенко поставил задачу командиру танкового батальона выехать в распоряжение 1-й дивизии РОА и взять в плен Власова с его штабом и командиром дивизии Буняченко. Капитан Якушов тут же выехал в американскую зону, где южнее 2 км Брежи встретил группу людей в немецкой форме и подошел к ним. В группе оказался командир 2-го батальона 3-го полка 1-й дивизии РОА капитан Кучинский, который рассказал, что впереди идет колонна легковых автомобилей штаба дивизии в сопровождении двух американских «Виллисов», где находился Власов. Комбат бросился в погоню и минут через сорок обогнал ее и, развернувшись поперек дороги, вынудил остановиться.

Михаил Иванович Якушов вспоминал:

«Из одной машины вылез печально известный генерал Буняченко, командир 1-й дивизии власовцев. Увидев Кучинского, обложил его матом и сказал: «Подлец, уже переметнулся». Кучинский подсказал мне, что вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов. Я несколько раз прошелся вдоль колонны агитируя водителей ехать сдаваться Красной Армии. Один из них посоветовал обратить внимание на громадную черную «Шкоду». Подойдя к ней, я увидел в салоне, не считая водителя, одну женщину и двух мужчин. Про женщину я позднее узнал, что она была «фронтовой женой» генерала Власова, а мужчины оказались начальниками контрразведки 1-й дивизии власовцев Михальчуком и личным переводчиком Власова Рослером.

Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон. В этот момент из-под груды одеял высунулся человек в очках, без погон. На вопрос, кто такой, ответил: «генерал Власов». От неожиданности я обратился к нему «товарищ генерал», хотя какой он товарищ. Власов тоже явно оторопел. Однако вскоре пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам — просить их связаться по рации со штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал еще один «Виллис», где сидели американские офицеры. Я сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом.

На мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки — иначе история могла бы получить совсем иное развитие. Видя, что со стороны американцев сопротивления не будет, я сделал вид, что еду вместе с Власовым назад — в штаб американской дивизии. Сев позади Власова в его «Шкоду», я приказал водителю

разворачиваться и гнать вперед. Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отъехать довольно далеко.

Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув, что к чему, уже его не слушал. Генерал почувствовал неладное и на берегу красивого озера, где машины немного сбавили скорость, пытался выпрыгнуть на ходу. Однако я успел схватить его за воротник и, приставив пистолет к виску, сказал: «Еще одно движение, и я вас застрелю». После этого он вел себя спокойно».

12 мая 1945 г. в 18.00 Власова доставили к командиру корпуса. После опроса и короткого разговора ему предложили написать приказ всем частям о сдаче оружия и переходе на сторону Красной Армии.

Приказ Власова был отпечатан в четырех экземплярах и им подписан. Вот его текст:

«Приказ командующего Русской освободительной армией всему личному составу о немедленном переходе на сторону Красной Армии.

12 мая 1945 г. 20.15.

Я нахожусь при командире 25-го танкового корпуса генерале Фоминых. Всем моим солдатам и офицерам, которые верят в меня, приказываю немедленно переходить на сторону Красной Армии.

Военнослужащим 1-й Русской дивизии генерал-майора Буняченко, находящимся в распоряжении танковой бригады полковника Мищенко, немедленно перейти в его распоряжение.

Всем гарантируют жизнь и возвращение на Родину без репрессий.

Генерал-лейтенант Власов».

В 22 часа Власова направили в штаб 13-й армии, где 13 мая передали в отдел контрразведки СМЕРШ.

В результате пленения Власова 13 и 14 мая 1945 г. была разоружена 1-я дивизия РОАв количестве 9 тыс. человек. Взято 5 танков, 5 самоходных орудий, 2 бронетранспортера, 3 бронемашины, 30 легковых автомашин, 64 грузовые автомашины, 1378 лошадей.

Буняченко был передан американцами советским властям 15 мая 1945 года.

* * *

Согласно протоколу обыска, который составили в СМЕРШе 13-й армии 13 мая 1945 г., у Власова изъяли: расчетную книжку начальствующего состава РККА, удостоверение личности генерала Красной Армии № 431 от 13 февраля 1941 г., партийный билет члена ВКП(б) № 2 123 998 на имя Андрея Андреевича Власова.

Вот уж поистине: пути Господни — неисповедимы! Кроме этих документов у Власова при себе имелась солдатская книжка, временное удостоверение о награждении добровольческой медалью, более 300 тыс. германских имперских марок, датские кроны, золотой нательный крест, золотое обручальное кольцо и «Открытое письмо правительствам Соединенных Штатов Америки

и Великобритании».

* * *

Бывшему биографу Власова К. Токареву разрешили присутствовать при его допросах в Москве. Не раз они беседовали на Лубянке. Сам Токарев рассказывал об этом десятилетия спустя: «Сокамерники завистливо удивлялись, как это ему удалось выпросить двойную норму питания.

— Мне голодно, я большой человек, — жаловался он надзирателям.

— Не большой, а прожорливый, — отмахивались они. Их начальник распорядился выдать двойную пайку — «чтоб не скулил перед судом».

Однажды Власов спросил у меня:

— Слушай, какой это приказ Сталина был, что будто бы меня и после войны обязательно найдут и казнят? Вы читали такой?

— Не читал, — отвечал ему, — но слышал.

— Да ведь меня теперь весь мир знает! — восклицал Власов. Возмездие привело его в камеру смертников, а он на что-то еще надеялся!

— А ведь, возможно, меня и не расстреляют. Дадут эдак лет двадцать пять — и порядок. Я же спас сотни тысяч русских военнопленных!

Ему напомнили о предательстве. Он возражал:

— Не то говорите, не то. В политике преступление — ерунда, важны результаты. Мой результат — спасение военнопленных от голода и унижения. Так что вспомнят и эту мою заслугу!

Возвращаясь с допросов, Власов злобно ругал своего следователя, которому сам не давал подробные показания, но не доверял его записям и придирчиво вчитывался в протокол, прежде чем подписать. Однажды вернулся возбужденный и даже довольный.

— Нынче мне повезло, — сказал, подмигнув из-под окуляров. Оказывается, его привели к начальнику следственного управления. У входа на столике — большая пепельница с горкой окурков. — Я их цоп и за пазуху, — похвалился «освободитель России». Он рассортировал «бычки» по степени их пригодности и сказал: «Живем!»

После сорокаминутной беседы Власова с Абакумовым начальник внутренней тюрьмы полковник Миронов получил указание:

«На имеющуюся у Вас половину продовольственной карточки прошу включить на дополнительное питание арестованного № 31.

Начальник следственного отдела ГУКР СМЕРШ Генерап-майор Леонов».

А 26 августа 1946 г. в центральных газетах было опубликовано сообщение, что приговор Военной коллегии Верховного суда СССР Власову А.А. и другим приведен в исполнение.

Его повесили.

* * *

27 мая 1945 г. на стол И.В. Сталина секретарь положил необычное, совершенно секретное сообщение начальника СМЕРШ В.С. Абакумова:

«В соответствии с Вашим указанием, вчера, 26 мая с.г., работниками Главного управления СМЕРШ, действовавшими под видом сотрудников уполномоченного СНКСССР по репатриации, на двух самолетах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной Армии, 3 комбрига и 1 бригадный врач, находившиеся в плену у немцев».

В списке значились тридцать три фамилии. Через некоторое время этот список пополнился еще четырьмя фамилиями генерал-майоров.

Не вернулись из плена: профессор академии Генштаба генерал-лейтенант Д.М. Карбышев, погибший в концлагере Маутхаузен. Были замучены как активные участники сопротивления в Хаммельбурском лагере генерал-майор авиации Г.И. Тхор и командир 14 гв. сд генерал-майор К.М. Шепетов. При этапировании умер от разрыва сердца командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков. Погиб в бою в польском партизанском отряде бежавший из плена командир 49 ск генерал-майор С.Я. Огурцов. Погибли в плену генерал-майоры: командир 113 сд Х.Н. Алавердов; командир 212сд С.В. Баранов; командир 280 сд С.Е. Данилов; начальник тыла 6-й армии ЮФ Г.М. Зусманович; командир 64 ск А.Д. Кулешов; командир 196 сд К.Е. Куликов; командир 6 кк И.С. Никитин; командир 109 сд П.Г. Новиков; командир 181 сд Т.Я. Новиков; зам. командира 11 мк ЗФ П.Г. Макаров; командир 4 тд А.Г. Потатургев; командир 5 сд И.А. Пресняков; командир 80 сд В.И. Прохоров; командир 58 гв. сд Н.И. Прошкин; командир 172сд М.Т. Романов; командующий

артиллерией 5 армии ЮЗФ В.Н. Сотенский; командующий артиллерией 11 мк Н.М. Старостин; командир 44 гв. сд С.А. Ткаченко.

Кроме А.А. Власова, Ф.Н. Трухина. В.Ф. Малышкина, Д.Е. Закутного, И.А. Благовещенского, бригадного комиссара Г.Н. Жиленкова, изменивших Родине, сотрудничеством с противником запятнали себя генералы: П.В. Богданов, А. Е. Будыхо, А.З. Наумов и комбриги: И.Г. Бессонов, М.В. Богданов, А.Н. Севастьянов. Всего за годы Великой Отечественной войны в плен попало 80 советских генералов и комбригов и двое остались на оккупированной территории, не вступая в контакт с оккупационными властями. Успешно бежали из плена пять генералов: С.Я. Огурцов, И.И. Алексеев, И.А. Ласкин, П.В. Сысоев, П.Г. Цирульников.

Всего на Родину вернулись 37 генералов и комбригов, но в правах были восстановлены только 26.

31 августа 1945 г. генерал Абакумов в соответствии с указаниями Сталина представил ему список на 17 генералов, освобожденных из немецкого плена и к тому времени уже прошедших проверку. Восьмерых из них, по его мнению, следовало арестовать. А 21 декабря 1945 г. уже в итоговом донесении сообщалось, что 11 генералов объявлялись предателями, подлежащими суду, а 25 генералов были переданы в распоряжение Наркомата обороны. Из одиннадцати генералов шесть (Понеделин П.Г., Кириллов Н.К., Привалов П.Ф., Крупенников И.П., Сиваев М.Н., Лазутин Н.Г. (комбриг)) были приговорены к расстрелу, а генерал Самохин — к лишению свободы сроком на 25 лет.

21 декабря 1945 г. В.С. Абакумов представил и второй список Сталину на 36 генералов, «подлежащих суду».

Все они были арестованы с 18 июня 1941 г. по 18 мая 1945 года. После каждой фамилии в этом списке указывалось, в совершении каких преступных действий признался или сознался этот человек, и, как правило, других доказательств не приводилось.

Не признали себя виновными в проведении антисоветской деятельности только шесть человек: член артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной Армии генерал-майор Гельвих П.А., заместитель начальника штаба Западного фронта генерал-майор Голушкевич В.С.; начальник 2-го отдела Главного артиллерийского управления Красной Армии военный инженер 1-го ранга Гюннер А.А.; начальник мобилизационной сети коммерческих предприятий Разведывательного управления Красной Армии за границей

корпусной комиссар Мрочковский С.И.; заместитель начальника кафедры общей тактики Военной академии имени М.В. Фрунзе генерал-майор Томберг Р.И. и преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе генерал-майор Ширмахер А.Г.

Кратко остановимся на пяти судьбах.

Ширмахера арестовали 18 декабря 1941 г. «за организованную антисоветскую деятельность» и предъявили обвинение в том, что он, будучи командиром 9-й стрелковой дивизии, в 1931 г. был завербован командующим Северо-Кавказским военным округом Кашириным Н.Д. и вовлечен им в антисоветский военный заговор.

Голушкевича арестовали 20 июля 1942 г. и лишь со второго раза ему предъявили обвинение в том, что он в 1939–1941 годах, находясь на службе в Военной академии имени М.Ф. Фрунзе, среди сослуживцев подвергал «злобной критике академические порядки, охаивал систему воспитания в академии офицерского состава». Голушкевич возводил клевету на офицеров Советской Армии, «противопоставлял им офицеров царской армии, восхвалял последних», осуждал боевую подготовку советских войск, выражал недовольство порядком прохождения службы офицерами и т. д.

10 июля 1952 г., по отбытии десятилетнего срока лишения свободы, его освободили из-под стражи.

Мрачковский обвинялся в преступной связи с иностранной разведкой, в расшифровке руководимой им секретной сети Разведупра за границей и в том, что в период войны проводил антисоветскую агитацию. Арестованный 18 января 1943 г. он отсидел за решеткой более десяти лет. И только в июле 1953 г. Мрачковского освободили, так как приговор в отношении его был отменен.

Генерал Гельвих— доктор технических наук, профессор и лауреат Сталинской премии был арестован СМЕРШЕм 27 января 1944 г. «по подозрению в шпионаже и принадлежности к антисоветской организации». Он отсидел более девяти лет, прежде чем Военная коллегия Верховного суда СССР его полностью реабилитировала.

Гюннера арестовали 19 сентября 1941 г. По мнению органов, он «являлся агентом одной из иностранных разведок и проводил активную шпионскую работу». Его дело даже не направлялось в суд, а рассматривалось особым совещанием при МГБ СССР 11 ноября 1950 г., которое влепило ему с легкостью пятнадцать лет лишения свободы.

Таким образом, жестокая борьба с «врагами народа» в рядах Красной Армии продолжалась и в годы Великой Отечественной

войны, и после нее.

В течение 1941–1952 гг. были арестованы 101 генерал и адмирал, из которых 76 были осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР, 5-м Особым совещанием при бывшем МГБ СССР, 8 генералов освобождены вследствие отсутствия в их действиях состава преступления, а 12 человек умерли, находясь под следствием. К сожалению, ко всем этим арестам, а значит, и ко всем человеческим судьбам был напрямую причастен и Виктор Семенович Абакумов как начальник Управления особых отделов, как начальник контрразведки СМЕРШ, а потом и как министр государственной безопасности.

5

Указом ПВС СССР от 6 июля 1945 г. были отменены специальные звания для начсостава НКВД-НКГБ и введены общеармейские офицерские и генеральские звания. Для генералов войск и органов НКВД-НКГБ была введена форма одежды, установленная для генералов Красной Армии.

А через два дня, 9 июля, наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии было присвоено воинское звание «Маршал Советского Союза» (Указом Президиума Верховного Совета СССР), Наркому государственной безопасности СССР В.Н. Меркулову постановлением Совета Народных Комиссаров СССР присвоили воинское звание «генерал армии». Воинское звание генерал-полковник было присвоено Абакумову В.С., Круглову С.Н., Серову И.А., Кобулову Б.З., Чернышеву В.В., Гоглидзе С.А., Павлову К.А. Тем же постановлением воинские звания «генерал-лейтенант» и «генерал-майор» были присвоены большой группе работников НКВД-НКГБ СССР.

Если верить утверждению Д. Волкогонова, то представление на присвоение званий (в том числе Абакумову), подавал лично Лаврентий Павлович.

* * *

Это было летом 1945 г. Виктор Семенович, как обычно, прогуливался по улице Горького. У будки телефона-автомата он вдруг обратил внимание на трех молоденьких и красивых девчонок.

Разглядел и, улыбаясь, подошел.

Три студентки тоже обратили на него внимание. А что,

высокий, аккуратно зачесанные назад темно-русые волосы, карие глаза, прямоугольное лицо и высокий лоб. Опущенные плечи скрывал мундир с золотыми погонами генерал-полковника, шикарно сшитый на заказ у лучшего портного. Виктору, а именно так он им представился, всего тридцать семь лет. Интересный мужчина! Факт! Они познакомились, вместе посмеялись над его шуткой. Но впечатление осталось.

Он умел оставлять его женщинам. Сравнительно молодому генералу, начальнику контрразведки СМЕРШ это было не сложно. Мимолетная встреча, несколько банальных и ничего не значащих слов, но зато сколько положительных эмоций.

* * *

С июля 1945 г. в советской зоне оккупации Германии оперативно-розыскную работу вели подразделения уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск. Во всей советской зоне ответственности были организованы оперативные сектора, а в 35 городах оперативные группы НКВД. Вскоре после доклада генерала Серова Сталину начальник ГУКР СМЕРШ получил указание, чтобы в Германии, кроме контрразведывательной работы, «смершевцы» оказывали помощь аппаратам уполномоченного НКВД СССР при ГСОВГ.

Абакумову вместе с заместителем Наркома НКВД СССР Обручниковым пришлось выделить до 300 оперативных сотрудников. К слову сказать, при установлении новой власти в Германии очень часто приходилось предупреждать враждебные акции, направленные к администрации и советским представителям.

Так, к концу 1945 г. в советской зоне оккупации были ликвидированы 620 организаций и групп «Вервольфа», которые совершали поджоги, убийства, распространяли листовки, газеты и различные ложные слухи, будоражившие местное население, что стало возможным благодаря 282 оперативным работникам НКВД, НКГБ и ГУКР СМЕРШ (каждому сектору были приданы по одному батальону внутренних войск НКВД).

* * *

Несколько забегая вперед, коснемся одной истории.

Как-то к уполномоченному НКВД СССР при группе советских

оккупационных войск в Германии генералу Серову обратился из ЦК Компартии Германии Ульбрихт:

— В трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу.

В заключение беседы товарищ Ульбрихт попросил помощи в этом деле. И генерал Серов охотно откликнулся. Он дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда о пропаже судей узнали англичане и американцы, то на контрольном Совете они подняли вопрос о расследовании этого дела.

Маршал Жуков, в свою очередь, позвонил Серову и потребовал освободить судей. Но генерал из НКВД не считал для себя нужным их освобождать и лишь твердил:

— Георгий Константинович, мы их не арестовывали. Кто-то вам дал неправильную информацию.

На самом деле Г.К. Жуков обладал такой информацией от Абакумова, которая была получена от начальника Управления СМЕРШ Зеленина. И после того как межсоюзная комиссия провела расследование и не подтвердила факта ареста судей офицерами НКВД, а это стало известно перед Первой сессией Верховного Совета СССР, где Абакумов сидел рядом с Жуковым, по окончании заседания Виктор Семенович подошел к Серову и предложил вместе идти в министерство.

По дороге в своей любимой манере он высказал все в лоб:

— Иван Александрович, я точно установил, что немецкие судьи арестованы вами. И я даже знаю, где вы их содержите.

— Да, вы правы, Виктор Семенович, — ответил Серов. — И как чекист чекисту я вам скажу откровенно, что я давал команду на арест этих людей.

— Спасибо за откровенность, Иван Александрович, — парировал Абакумов. — Но почему тогда вы скрыли это от Жукова?

— Виктор Семенович, неужели вы не понимаете, что маршал — человек сугубо военный и он не должен все знать о нашей работе.

— Хорошо, но ведь Жуков все-таки первый заместитель Верховного и ему надо рассказывать все как на духу. Вы даже не поставили его в известность.

— Слушайте, Виктор Семенович, — оборвал Абакумова раздраженный Серов. — А что вы так выслуживаетесь перед Жуковым?

— Я не выслуживаюсь. Я только доложил ему объективную

информацию как заместителю Верховного. И все. А вы теперь очень пожалеете о том, что ввели в заблуждение первого заместителя товарища Сталина. Причем без неприятностей для вас это дело не закончится.

— Дурак ты, — почти закричал генерал Серов.

И они разошлись. Это было в 1946 г.

* * *

В целях изучения истории войны по горячим следам Георгий Константинович Жуков дал задание своему штабу и политуправлению ГСОВГ подготовить научно-практическую конференцию. Главной целью ставилось обобщение опыта войны на фоне одной-двух крупных операций.

И такая конференция в конце ноября 1945 г. была проведена.

А через четыре дня участники конференции стали разъезжаться к местам службы.

Так совпало, что как раз в этот момент в Группу войск прилетел генерал-полковник Абакумов на встречу с избирателями перед выборами в Верховный Совет. Виктор Семенович выступил перед избирателями с трибуны и прочитал заранее подготовленный доклад. Походил по улицам поверженного Берлина в гражданском пальто и кепке поверх формы. На одной из фотографий он идет по улице широким шагом, руки в карманах, взгляд сосредоточен. На другой он в гимнастерке с золотыми погонами, руки за спиной, отвечает на вопросы. Во время этой поездки начальника ГУКР СМЕРШ свозили и в Вену, где он в окружении своих подчиненных сфотографировался у памятника Бетховену. Как раз в период этой служебной командировки и произошел якобы инцидент Абакумова с Жуковым Есть версия, что Виктор Семенович после доклада начальника военной контрразведки ГСОВГ отдал приказ об аресте ряда офицеров штаба и управления армий и дивизий.

Вот как об этом рассказывал сам маршал Г.К. Жуков:

«Не успели участники конференции разъехаться к местам службы, как в расположение Группы войск прибыл генерал Абакумов — заместитель Берии. Мне о цели визита не доложил, развернул бурную деятельность.

Когда стало известно, что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытии не изволил представиться мне как главнокомандующему, почему без моего ведома как главноначальствующего и главнокомандующего арестовывает

моих подчиненных? Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных генералов и офицеров освободить. Самому убыть туда, откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву под конвоем. Абакумов убыл восвояси».

Безусловно, Георгий Константинович приукрасил свою встречу с Абакумовым. Да оно и понятно. В то время, когда он рассказывал эту историю, Абакумов не мог ответить ему с того света.

А Жуков не мог не лукавить, так как тогда бы его посчитали если не другом, то хорошим товарищем начальника СМЕРШ. Отмечу одно, разговор Абакумова с Жуковым не был таким жестким. Аресты действительно были, но Жуков попросил Виктора Семеновича, а не приказывал и не угрожал ему. Все было гораздо проще. Абакумов относился к великому полководцу с некоторым почтением, как верный слуга Сталина к его заместителю.

В 1946 г. в газете «Правда» была опубликована фотография, на которой Георгий Константинович сидит рядом с Виктором Семеновичем. Очень близко. Так не сидят враги!

* * *

«В конце войны Абакумов был начальником всесоюзного СМЕРШ, ему подчинялись контрразведки всех действующих фронтов и армий, — пишет в своей книге А.И. Солженицын. — Это было особое короткое время бесконтрольного обогащения; чтобы верней нанести последний удар Германии, Сталин перенял у Гитлера фронтовые посылки в тыл: за честь Родины — это хорошо, за Сталина — еще лучше, но чтобы лезть на колючие заграждения в самое обидное время — в конце войны, не дать ли воину личную материальную заинтересованность в Победе, а именно — право послать домой: солдату — пять килограммов трофеев в месяц, офицеру десять, а генералу — пуд? (Такое распределение было справедливо, ибо котомка солдата не должна отягощать его в походе, у генерала же всегда есть свой автомобиль.) Но в несравненно более выгодном положении находилась контрразведка СМЕРШ. До нее не долетали снаряды врага. Ее не бомбили самолеты противника. Она всегда жила в той прифронтовой полосе, откуда огонь уже ушел, но куда не пришли еще ревизоры казны. Ее офицеры были окутаны облаком тайны. Никто не смел проверять, что они опечатали в вагоне, что они вывезли из арестованного поместья, около чего они

поставили часовых. Грузовики, поезда и самолеты повезли богатство офицеров СМЕРША. Лейтенанты вывозили на тысячи, полковники — на сотни тысяч, Абакумов греб миллионы».

Сарказм известного в мире писателя вполне понятен лично им пережитым: «На одиннадцатый день после моего ареста три «смершевца»-дармоеда, обремененные тремя чемоданами трофеев больше, чем мною (на меня за долгую дорогу они уже положились), привезли меня на Белорусский вокзал Москвы. Назывались они спецконвой, на самом деле автоматы только мешали им тащить тяжелейшие чемоданы — добро, награбленное в Германии ими самими и их начальниками из контрразведки СМЕРШ 2-го Белорусского фронта и теперь под предлогом конвоирования меня отвозимое семьям в Отечество. Четвертый чемодан безо всякой охоты тащил я, в нем везлись мои дневники и творения — улики на меня».

Однако я бы не сказал, что Виктор Семенович греб миллионы. О том, что он нажил за свою короткую жизнь, мы еще поговорим позже, а пока давайте ознакомимся с его приказом № 00 170 от 27 сентября 1945 г.

> «Главное Управление СМЕРШ располагает данными о том, что некоторые органы контрразведки имеют значительное количество неположенного по штату автотранспорта и разного трофейного имущества.
>
> Это имущество на учет органами СМЕРШ не взято, что порождает антигосударственное отношение к его расходованию и хранению, а также создает условия для злоупотреблений.
>
> В целях наведения порядка в хранении, учете и использовании имущества, находящегося в органах СМЕРШ, приказываю:
>
> Немедленно произвести тщательную документальную ревизию всего имущества, находящегося в органах СМЕРШ, составить на все имущество подробные описи, которые представить в Главное Управление СМЕРШ, все имущество опечатать и запретить его использование до получения указаний из Главного Управления СМЕРШ.
>
> Начальники органов СМЕРШ, у которых после ревизии будет обнаружено имущество, не числящееся на учете или расходуемое не по назначению, будут отданы под суд военного трибунала, невзирая на занимаемые положения.
>
> *Абакумов».*

Следует отметить, что сразу после войны с трофейным обогащением боролись. Особенно это касалось тех, кто попадал под «колпак СМЕРША». Стоило Сталину только услышать о большом количестве награбленного барахла у известного генерала, как тут же принимались соответствующие меры. Поэтому некоторые, особо жадные на трофеи старались обогащаться по-тихому. В определенные моменты «трофеи» служили хорошим компроматом для «органов», а вождь, как известно, любил компроматы.

В этом контексте как раз и интересен приказ начальника ГУКР СМЕРШ, пугающий своих.

* * *

Михаил Черненко после войны служил переводчиком в контрразведке. Вот что он рассказал в своих воспоминаниях об этом периоде:

«Чем занимался СМЕРШ? Еще в разбитом Берлине хотели ловить чуть не каждого члена НСДАП. Многие оперуполномоченные, наверное, не понимали, что в фашистской партии состояли чуть ли не все. Не знали толком ее устройства. А найти «целленляйтера», это что-то вроде секретаря парткома по месту жительства, было трудно — они все, ясное дело, сбежали на запад (…). К концу лета в Потсдаме появилось у нас понятие «американский агент», их кинулись искать чуть ли не на каждом шагу. И еще, естественно, искали (и нередко находили) эсэсовцев, военных преступников. И опять же искали «вервольф» (…).

Были пойманные дезертиры. Были солдаты, сбежавшие со сборного пункта демобилизуемых и образовавшие банду, грабившую немецкие дома. У них было оружие, и жили они то в одном, то в другом немецком городке или в усадьбе — выгоняли хозяев, приглашали (или тащили силком) молодых женщин и веселились. Потом двигали дальше, пока их не взяли военной силой. Провели следствие, допросили немецких свидетелей. Военный трибунал присудил этой компании большие сроки.

Был офицер, о котором дознались, что у него — чужая фамилия. В начале войны он сидел в советском лагере. Сумел оттуда бежать, сумел сменить документы и был призван в Красную Армию. Воевал, повышался в звании, заслужил орден и медали. Стал командиром части.

Все равно его не простили, трибунал приговорил его к сроку, который он не отбыл, и еще за побег из-под стражи».

В общем, будни, рутина и тому подобное. Но это на первый

взгляд. При этом оперативные группы в секторах только с 10 мая по 15 июня 1945 г. арестовали 675 германских агентов разведки и контрразведки, диверсантов и террористов. 161 сотрудника гестапо, СД и других карательных органов, 938 активных членов НСДАП, 35 областных и районных руководителей фашистских молодежных организаций, 71 участника организаций и групп, оставленных немцами для подрывной работы в тылу Красной Армии, 4 представителей административных органов, редакторов газет, авторов антисоветских изданий, 12 прочих антисоветских элементов.

Много это или мало, судите сами, но это была именно та оперативная работа органов в советской оккупационной зоне Германии, в которой принимали самое непосредственное участие и офицеры СМЕРША».

В сентябре 1945 г. В.С. Абакумов докладывал в ГКО о том, что с момента капитуляции немецко-фашистских войск органами военной контрразведки в Германии было арестовано 1746 сотрудников и агентов германских разведывательных и контрразведывательных органов, а также 7429 бывших участников белогвардейских, националистических и других организаций.

* * *

6 сентября 1945 г. Абакумова утвердили в качестве члена комиссии по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в международном военном трибунале по делу главных военных преступников.

Для доставки нацистских преступников в Нюрнберг под руководством полковника Лихачева (заместителя начальника следственного отдела ГУКР СМЕРШ) была сформирована оперативная группа из десяти контрразведчиков, переодетых в форму красноармейцев. Обвиняемых в самолете сопровождали следователи и переводчики. В Нюрнберге «смершевцы» охраняли советскую часть обвинения, а также оказывали помощь в допросах других арестованных и свидетелей, находящихся под стражей.

При этом военные контрразведчики проводили работу по отбору свидетелей зверств немецко-фашистских захватчиков.

Процесс в Нюрнберге закончился 1 октября 1946 г., где в обвинительных материалах были использованы документы, собранные и подготовленные «смершевцами».

Характерно, что в целях упрочения своего положения В.С.

Абакумов после войны стал обстоятельно изучать опыт нацистов. По мнению Евгения Жирнова, «его интересовали мельчайшие подробности взаимоотношений гестапо с партией, военной разведки с политической, руководителей различных спецорганов друг с другом». В своем персональном кинозале Виктор Семенович, по воспоминаниям переводчика Копелянского, часами смотрел трофейную кинохронику.

Вскоре Абакумов во многом стал копировать рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Говорят, что даже на доклады в Кремль Виктор Семенович ездил в машине Гиммлера.

* * *

Генрих Гиммлер был хитрым и расчетливым, но, в отличие от Абакумова, во многих отношениях слабым человеком. Окружая себя людьми, которые компенсировали его недостатки, он умело использовал их силу, жестокость или знания, при этом предпочитая оставаться всегда в тени.

По наблюдениям того же Шелленберга, Гиммлер казался похожим на требовательного учителя, настаивавшего на аккуратности, усердии и преданности с «мелочной точностью», но боявшегося тем не менее выразить собственное мнение и оказаться неправым. Он требовал, чтобы другие брали его ответственность и принимали его вину на себя. Он неохотно использовал приобретаемую власть, за исключением тех случаев, когда был уверен, что риска не будет.

Массажист Феликс Керстен описал Гиммлера как человека «с узкой грудной клеткой, срезанным подбородком, в очках и со льстивой улыбкой». В его кабинете он увидел множество томов по немецкой и средневековой истории, после чего сделал вывод, что Гиммлер — «педант, мистик и ученый» с «мягкими руками». В своих «мемуарах» Шелленберг утверждал: «Организация СС была построена Гиммлером по принципам Ордена иезуитов. Служебный устав и духовные упражнения, представленные Игнатием Лойолой, представляли собой образец, который Гиммлер усердно старался скопировать».

Считалось, что Гиммлер был жесток по убеждению, а не по своей натуре.

В 1944 г. он успешно добился наивысшего уважения Гитлера, скрывая свою слабость и нерешительность под маской силы, которую дополняли его высокая должность и черный мундир рейхсфюрера СС.

Геббельс писал про него: «Я твердо убежден, что внутренняя безопасность находится в надежных руках, пока этим ведает Гиммлер».

Чем не оценка!

И действительно, Генрих Гиммлер вторгался в ведомства Геринга и Риббентропа, а его информационные службы во многом превосходили их разведку.

Послы Риббентропа находились под постоянным наблюдением СД, и фюрер получал секретные отчеты об их работе. Гиммлер полностью контролировал уголовную и политическую полицию. Единственное, что ему не удалось, так это распространить свою власть на немецкую судебную систему. Никогда не демонстрируя своего положения на публике, Гиммлер стал самым могущественным человеком в Германии. У него действительно было чему поучиться.

* * *

В 1939 г. по приказу доктора Гиммлера провели первые зарегистрированные опыты с привлечением людей из концентрационных лагерей. «На кожу отобранных заключенных наносили жидкие газы иприт и фосген, наблюдали и фотографировали их реакции вплоть до момента смерти. Доктора посылали отчеты о своих наблюдениях Гиммлеру, который приказал проводить дальнейшие испытания в большом масштабе. Позже, в 1942 году, даже возник спор о том, следует ли платить за узников, используемых в этих экспериментах».

На процессе по «Делу врачей», который проходил перед военным трибуналом в Нюрнберге (декабрь 1946-го— июль 1947 г.), двадцать три врача получили возможность самостоятельно защищаться перед судом. Это дело также заинтересовало В.С. Абакумова. Основные эксперименты проводились в период с 1941 по 1944 г., которыми руководил профессор анатомии, директор Института исследования и изучения наследственности, а в прошлом продавец книг Вольфрам Сиверс. Например, эксперименты с ипритом приводили «к ожогам на теле человека, распространявшимся день ото дня и часто приводившим к слепоте и смерти. Вскрытие трупов показывало, что кишечник и легкие полностью выжжены».

Бывший штабной хирург люфтваффе и офицер СС доктор Зигмунд Рашер в мае 1941 г. получил разрешение у Гиммлера на доставку к нему нескольких заключенных для экспериментов с низким давлением и высоким, которые, как он предупредил

рейхсфюрера, могут закончиться смертью.

Эксперименты Рашера, якобы проводимые в интересах люфтваффе, предпринимались в основном в 1942 г. в Дахау, отчеты о которых направлялись Гиммлеру. В одном из них говорилось: «Опыт заключался в следующем: лица (военнопленные), одетые в зимнюю или летнюю форму летчиков и в шлемы, были погружены в воду, причем спасательный жилет из резины предохранял их от потопления.

Эксперименты проводились в воде при температуре от 2 до 12 градусов по Цельсию. Во время некоторых опытов вся голова находилась выше воды, в других же затылок и задняя часть головы были погружены в воду. Электрические приборы отметили температуру: 26,4 градуса в желудке и 26,5 градуса в прямой кишке. Смертельный исход имел место только в тех случаях, когда замораживанию подвергались затылок и вся тыльная часть головы. Во всех случаях с фатальным исходом наблюдались значительные изменения в функции сердца. В результате вскрытия этих трупов было обнаружено большое количество крови — до полулитра в черепной полости. В случаях, когда температура доходила до 28 градусов, лица (военнопленные), подвергавшиеся опытам, всегда умирали, несмотря на все попытки вернуть их к жизни». А вот заключительный абзац: «Во время попыток спасти сильно обмороженных лиц, было установлено, что быстрое согревание действовало лучше, чем медленное, так как температура тела после изъятия его из холодной воды продолжала быстро падать. Я думаю, что по этой причине мы можем прекратить попытки спасти обмороженных лиц путем согревания теплотой живого организма. Согревание этим телом — телами женщин или животных — было слишком медленным».

К слову, реакция людей, помещенных в камеры с низким давлением, в Дахау была заснята на пленку. Этим опытом было подвергнуто 200 человек, в результате которых более семидесяти погибли.

Однако опыты Рашера были далеко не единственными опытами, представляющими интерес для организации Гиммлера.

Например, в отчете главного санитарного врача из канцелярии главного военного врача СС и полиции говорилось об экспериментах по убийству отравленными пулями:

«11 сентября 1944 г. в присутствии штурмбаннфюрера СС доктора Динга доктор Видман и нижеподписавшиеся провели эксперименты с отравленными пулями. Эти пули, калибр которых 7,65 см, были наполнены ядом в форме кристаллов. Опыты были произведены на пяти лицах, приговоренных к смерти. Каждый из

этих осужденных, находящихся в лежачем положении, был подвергнут однократному огнестрельному ранению в верхнюю часть левого бедра. В двух случаях пули прошли насквозь. Эти двое осужденных не подверглись никакому влиянию яда, вследствие чего опыты были забракованы».

«Симптомы у трех других лиц были удивительно схожи между собой. Сначала не было заметно никаких особенных изменений. Через 20–25 минут начались дрожь и незначительное выделение слюны. Затем все прекратилось. Через 40–44 минуты возобновилось выделение слюны в более интенсивной форме, отравленные часто глотали ее. Затем слюна текла в таком количестве, что они не успевали проглатывать ее. Вслед за столь обильными выделениями жидкой слюны началось выделение пенящейся. Затем последовало удушье, и началась рвота».

«Одновременно был сильный позыв к рвоте, один из отравленных пытался вызвать рвоту, сунув в рот четыре пальца, но безуспешно. Его лицо стало багровым. Лица двух других отравленных побледнели раньше лица первого.

Другие симптомы были аналогичными. Позднее моторные центры усилили свою деятельность настолько, что люди катались по полу, непроизвольно дергали руками и ногами и закатывали глаза. Затем они успокоились, зрачки расширились до максимума, и в таком уже спокойном состоянии обреченные находились некоторое время. У одного из них были обнаружены полная потеря мочи и судорожное состояние. Смерть наступила через 121, 123 и 129 минут после выстрела».

С осени 1941 г. в лагерях предпринимались жестокие и грубые попытки создания массовой стерилизации с применением наркотиков, которые оказались неудачными. В 1943 г. в Заксенхаузене стали проводиться исследования вирусного гепатита, а осенью этого года в особом центре вблизи Бухенвальда с вакциной тифа.

Несмотря на то что большинство экспериментов были признаны умышленным убийством под предлогом сбора медицинских данных, обвиняемые врачи весьма серьезно оправдывались своей подчиненностью, а значит, выполнением приказов своих начальников.

Глава шестая
Схвативший бога за бороду

У чекиста есть только два пути
— на выдвижение и в тюрьму.

1

25 февраля 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Народный Комиссариат обороны СССР был преобразован в Народный комиссариат Вооруженных Сил СССР, а 15 марта в Министерство Вооруженных Сил СССР. Через 40 дней, 27 апреля 1946 г., В.С. Абакумова утвердили в должности начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ Министерства Вооруженных Сил СССР.

Как свидетельствовал П.А. Судоплатов, «после окончания войны на первый план выдвигалась проблема реорганизации Вооруженных сил. Вслед за этим Сталин предложил Политбюро рассмотреть деятельность органов госбезопасности и поставить перед ними новые задачи. Позднее Мамулов и Людвигов рассказали мне, что от Меркулова потребовали представить на Политбюро план реорганизации Министерства госбезопасности. На заседании Берия, по их словам, обрушился на Меркулова за неспособность определить направления в работе контрразведки в послевоенное время. К нему присоединился и Сталин, обвинив Меркулова в полной некомпетентности».

На этом совещании Сталин спросил присутствующих:

— Почему начальник военной контрразведки не может быть одновременно заместителем министра госбезопасности?

(Дело в том, что в связи с реорганизацией Вооруженных сил военная контрразведка СМЕРШ из Министерства ВС СССР переходила в состав Министерства госбезопасности.)

— Товарищ Сталин, — отчеканил Меркулов, — считаю, что товарищ Абакумов должен быть назначен первым заместителем министра государственной безопасности.

И тут возникла некоторая пауза, после которой вождь саркастически заметил:

— Вот товарищ Меркулов даже на Политбюро ведет себя как двурушник. Думаю, что его необходимо заменить на посту министра госбезопасности, как несправившегося на этой должности.

В своих мемуарах П.А. Судоплатов прокомментировал это так:

> «Похоже, Меркулов совершил ошибку, так легко согласившись с предложением Сталина, но на самом деле Сталин просто искал подходящий предлог, чтобы

его убрать. У Сталина уже была готова и кандидатура — Огольцов, честный человек, но провинциал, никогда не работавший в Центре».

Сергей Иванович Огольцов уже в восемнадцать лет работал следователем в уездной Ч К. В 1942 г. в сорок два года возглавил Управление НКВД Куйбышевской области, в 1943 г. стал начальником Управления НКГБ этой же области, а в 1944 г. — наркомом госбезопасности Казахской ССР.

В 1945 г. его назначили заместителем Наркома госбезопасности СССР.

Когда Сталин предложил ему должность министра, Огольцов испугался не на шутку и стал умолять вождя не назначать его на этот ответственный пост. На Политбюро он заявил следующее:

— Как честный коммунист, я совершенно не подхожу для такого высокого поста, поскольку у меня недостает для столь ответственной работы необходимых знаний и опыта.

— Что ж, если товарищ Огольцов отказывается, мы не будем его заставлять, — ответил Сталин.

— Тогда я предлагаю назначить министром госбезопасности товарища Абакумова.

И это предложение, по свидетельству Судоплатова, «горячо поддержал» А.А. Жданов. А 4 мая 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР В.С. Абакумова назначили министром.

* * *

Всеволод Меркулов в докладной записке на имя Хрущева в июле 1953 г. обиженно писал: «Ловко использовав против меня известное провокационное шахуринское дело, Абакумов в мае 1946 г. стал министром госбезопасности СССР. Сумев обманным путем войти в доверие к тов. Сталину, Абакумов перестал считаться с членами Политбюро, и Берия, насколько я заметил, стал бояться Абакумова как огня. Как говорится, нашла коса на камень. Поэтому в качестве председателя комиссии по приемке-сдаче дел МГБ Берия фактически потворствовал происка Абакумова, который в процессе приемки от меня дел всячески старался найти против меня какие-либо материалы, а не найдя материалов, вынужден был извращать факты. Я не имел возможности защищаться документально, опровергнуть «материалы» Абакумова, так как Аппарат МГБ был уже в руках Абакумова. Я должен был ограничиться тем, что акт сдачи дел подписал с обширными замечаниями.

У меня тогда сложилось твердое мнение, что Берия смертельно боится Абакумова и любой ценой старается сохранить с ним хорошие отношения, хотя точно знает, что Абакумов — нечестный человек. Фактически, как мы теперь знаем, два врага партии и народа старались тогда перехитрить друг друга.

Процесс сдачи дел МГБ затянулся на четыре месяца, и только в августе 1946 г. вышло известное решение ЦК обо мне в связи с моим освобождением от работы в МГБ. Я был назначен затем заместителем начальника Главсовзагранимущества и уехал за границу.

Отчуждение и безразличие Берии ко мне я заметил сам, когда вернулся из-за границы, но я по-прежнему неправильно анализировал положение. Мне казалось, что в связи со мной у Берии создалась сложная ситуация с Абакумовым.

Абакумов, я точно знал, ненавидел меня, писал на меня т. Сталину и в ЦК кляузы, которые, однако, не достигали поставленных Абакумовым целей, так как при проверке оказывались лживыми.

Берия же, как я полагал, тогда считал, что если Абакумову удается скомпрометировать меня, то в какой-то мере косвенно будет в глазах т. Сталина скомпрометирован и Берия, и потому неоднократно уговаривал меня «не портить отношения с Абакумовым, звонить ему, поддерживать с ним связь». Считая Абакумова мерзавцем и карьеристом, рискуя оказаться жертвой какой-либо удачной провокации со стороны Абакумова, я все-таки не хотел следовать совету Берии, а года два даже не подавал Абакумову руки.

Можно привести ряд фактов, когда Берия демонстративно игнорировал меня, особенно если при этом присутствовал Абакумов.

Что же, это было в характере Берии, и меня нисколько не удивляло. В 1948 г., узнав об очередной кляузе Абакумова, я хотел поговорить о ней с Берией и пришел к нему в приемную, но он меня не принял, передав через секретаря, что вызовет меня сам, и, конечно, не вызвал, как я и ожидал».

Оправдываясь перед Н.С. Хрущевым, Меркулов ничего не придумал, кроме того, что выгораживал прежде всего самого себя.

Сменив Меркулова на посту министра госбезопасности, Виктор Семенович не подписал приемо-сдаточного акта.

Это вызвало невероятный гнев у Лаврентия Павловича, который при свидетелях, в кремлевском коридоре, отчитывал Абакумова самым что ни на есть отборнейшим матом. Но новоиспеченный министр только улыбался. Видимо, это ему доставляло удовольствие. После войны он вообще перестал

считаться с Лаврентием Павловичем, отношения с которым ухудшались с тех самых пор, когда он возглавил военную контрразведку.

* * *

Назначение В.С. Абакумова новым министром государственной безопасности СССР вполне можно считать признанием его личных заслуг, а также заслуг контрразведки СМЕРШ в борьбе с немецко-фашистскими спецслужбами в годы Великой Отечественной войны. Несомненно, что Сталин оценил эти заслуги.

Так, бывший начальник отдела «Абвер-1» генерал Ганс Пиккенброк после войны вынужденно признал: «Россия — самая тяжелая страна для внедрения агентов вражеской разведки. После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии. Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесение нам не присылали».

Другой немец, бывший генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник Штаба Верховного Главнокомандования вермахта на вопрос: «Какими разведывательными данными о Советском Союзе вы располагали до войны и в ходе ее, и из каких источников эти данные поступали?» ответил: «До войны мы имели очень скудные сведения о Советском Союзе и Красной Армии, получаемые от нашего военного атташе. В ходе войны данные от нашей агентуры касались только тактической зоны, мы ни разу не получали данных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных действий».

Таким образом, эффективность советской контрразведки признал и потерпевший сокрушительное поражение противник.

И это не случайно, так как военная контрразведка нанесла решающее поражение немецко-фашистским спецслужбам. За время войны она обезвредила тысячи агентов, террористов и диверсантов противника, и ни одно значительное разведывательное мероприятие немцам так и не удалось провести в жизнь.

По авторитетному мнению генерала Б. В. Гераскина, «органы военной контрразведки действовали высокоэффективно и со своими задачами справились».

«В годы Великой Отечественной войны армейские чекисты сумели создать эффективно действующую систему контрразведывательных мер, надежно защитившую Красную Армию от подрывных действий секретных служб фашистской

Германии», — делает вывод генерал.

При этом нельзя забывать, что В.С. Абакумов как руководитель Управления особых отделов, а затем и СМЕРШа вместе со своими подчиненными повинен в участии военной контрразведки в репрессиях в годы Великой Отечественной войны и после нее. Правда, не всегда соответствующие мероприятия проводились по его инициативе.

Летом 1953 г. в архивных материалах второго спецотдела МВД СССР были обнаружены документы, утвержденные Кобуловым и Абакумовым по установке оперативной техники (подслушивания) на квартирах маршалов Буденного, Жукова и Тимошенко. Вот что говорилось в совершенно секретном документе, подписанным С. Кругловым и И. Серовым и адресованном Маленкову Г.М.:

«28 сентября и 2 октября 1942 г. Кобуловым утвержден план организации установки аппаратуры подслушивания на квартире т. Буденного. Этим планом было предусмотрено устройство техники подслушивания в квартире т. Буденного через квартиру № 93, причем работы по установке аппаратуры подслушивания проводились под видом ремонта отопительной системы.

5 июня 1943 г. Абакумовым утвержден план дополнительных мероприятий по установке техники подслушивания в квартире т. Буденного с использованием квартиры № 89.

Для организации подслушивания в доме № 3 по улице Грановского была занята отдельная комната, в которой было смонтировано оборудование специальной техники.

Во 2-м Спецотделе МВД СССР обнаружены также документы об установке аппаратуры подслушивания на квартирах у т.т. Жукова и Тимошенко».

Вождь пока еще наблюдал за своими маршалами, которые почему-то вызывали у него недоверие.

* * *

Незадолго до нового, 1946 года командующему ВВС Красной Армии, Главному маршалу авиации А.А. Новикову принесли на подпись представление на гвардии полковника В.И. Сталина к званию генерала.

Командующий, немного подумав, все-таки бумагу не подписал. А под Новый год на квартире маршала раздался звонок телефона «ВЧ». Звонил отец Василия, который в напряженном разговоре прямо спросил Новикова:

— А как вы, товарищ Новиков, смотрите на то, чтобы

Василию Сталину присвоить звание генерала?

Маршал стал говорить, что Василий Иосифович очень молод, что ему не хватает образования, что надо бы ему подучиться, поступить в Военно-воздушную академию. Сталин выслушал все аргументы своего заместителя по авиации и фактически закончил разговор:

— Представление к званию писать не надо. Подавайте общим списком, — и положил трубку.

Уже утром, толком не выспавшись, Новиков позвонил Жукову в Германию:

— Что делать, Георгий Константинович?

— Что ты, Саша, можешь сделать? Это же приказ! — выругавшись, ответил полководец.

Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 1 марта 1946 г. Василию Иосифовичу Сталину было присвоено воинское звание генерал-майора авиации, а 24 марта ему исполнилось 25 лет.

В.М. Молотов вспоминал, как в дни Потсдамской конференции к Иосифу Виссарионовичу Сталину пришли два-три летчика и без хитрости рассказали о том, что в ВВС начались катастрофы. Так родилось соответствующее решение: «Расследовать!»

Одним из летчиков был сын вождя — Василий.

Кстати сказать, после этой встречи отца с сыном начальник охраны Сталина генерал Власик позвонил в Москву начальнику штаба ВВС Фалалееву и фактически приказал:

— Василий помирился с отцом. Срочно представляйте его к званию генерала.

— Звание присуждают за заслуги, — ответил тот. — И вообще, без командующего я этот вопрос решить не могу.

В декабре 1945 г. без санкции прокурора был арестован командующий 12-й Воздушной армией маршал авиации Худяков Сергей Александрович. Его обвиняли в шпионской связи с англичанами, в службе в дашнакском отряде в 1918 г. и в злоупотреблении служебным положением. Постановление на арест маршала было оформлено лишь в марте 1946 г., а обвинение в измене Родине и злоупотреблении служебным положением предъявлено 22 августа того же года. Маршала Худякова расстреляли. Но перед расстрелом с него взяли нужные «показания» против Новикова.

Итак, 2 марта 1946 г. в центральных газетах было опубликовано постановление правительства о присвоении группе старших офицеров и генералов новых званий, где значился и сын вождя. А 4 марта командующий ВВС Советской армии главный

маршал авиации А.А. Новиков был отстранен от занимаемой должности.

По воспоминаниям его дочери: «Прямо из штаба отец поехал к Жукову. Тот выслушал его и обронил скупую фразу: «Надо же им на кого-то все свалить». Отец понял, что Жуков обо всем знает и устраняется».

В постановлении ГКО-9899сс от 24.08.45 г. «О самолете Як-9 с мотором ВК-107А» говорилось:

> «4. За невнимательное отношение к поступающим из строевых частей ВВС сигналам о серьезных дефектах самолета Як-9 с мотором 107А и отсутствие настойчивости в требованиях об устранении этих дефектов — командующему ВВС Красной армии т. Новикову объявить выговор».

Вроде бы наказали.

Но вот не прошло и семи месяцев, как 16 марта 1946 г. была создана Государственная комиссия по ВВС во главе с Н.А. Булганиным, заместителем министра Вооруженных Сил СССР. В ее состав вошли: секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, начальник Генштаба маршал А.В. Василевский, Главком Сухопутных войск маршал Г. К. Жуков, заместитель начальника Генштаба генерал армии С.М. Штеменко, начальник Главного политуправления Вооруженных Сил генерал-полковник И.В. Шикин, три маршала авиации — С.И. Руденко, К.А. Вершинин, А.Е. Голованов и генерал В.А. Судеец.

Результатом проверки государственной комиссии стали аресты. В марте-апреле 46-го были арестованы министр авиационной промышленности А.И. Шахурин, из руководства ВВС — генералы: А.К. Репин, Н.П. Селезнев, Н.С. Шиманов и два ответственных работника ЦК.

А в ночь с 22 на 23 апреля арестовали Новикова. Около часа ночи позвонил Вершинин:

— Александр Александрович, тебя срочно вызывают в Кремль. Собирайся и выходи. Машину я уже за тобой выслал.

— Константин Андреевич, не оставь моих детей, — все понимая, попросил маршал.

Практически через два часа в квартиру Новикова явились с обыском, после чего приступили к описи имущества.

Дочь маршала А.А. Новикова свидетельствует: «Во время обыска заявился сам Абакумов. По-хозяйски обошел всю квартиру, оглядел обстановку. Может, примеривался: не прихватить ли чего себе? Включил «комбайн» — приемник с радиолой, вершина тогдашней техники. Покрутил рычажок,

послушал музыку. Встал, отошел. Видно, не понравился: звук не ахти и вид неказистый. На нас не глянул: какой в нас прок? Еще раз прошелся по комнатам и уехал, явно недовольный.

Потом, поочередно, вызывал к себе на допрос, кроме меня и Маши. Да, чуть не забыла сказать. У нас в тот год жила моя девятилетняя двоюродная сестра Надя. На свое несчастье. После всего, что она пережила в ту ночь, она заболела детской хореей (нарушение координации движений) и потом пять лет вынуждена была спать в специальном ящике. Были еще пострадавшие ни за что ни про что. Лес рубят — щепки летят. А щепки — это покалеченные человеческие судьбы.

Но что за дело до этих «щепок» Абакумову, который выполняет задание самого великого диктатора? Он сейчас ведет важный допрос. Допытывается: где вторая квартира? Ну, никак не мог он поверить, что то, что он увидел у нас дома и на даче, и есть все наше имущество! А куда же уплыло все, что перевозилось самолетами? Ведь ему доносили!! Наверное, с месяц за нами была слежка, все надеялись, найдется эта мифическая «вторая квартира», где маршал упрятал награбленное добро. Не нашли. Успокоились и версию об «ограблении Германии» отмели. Сосредоточились на другой — самолетной».

На допросах у следователя Лихачева и у начальника СМЕРШ Абакумова из Новикова потихоньку вытягивали факты его взаимоотношений с Жуковым. «Авиадело» как бы отходило в сторону.

Позднее маршал А.А. Новиков записал: «Арестовали по делу ВВС, а допрашивают о другом». «Я был орудием в их руках для того, чтобы скомпрометировать некоторых видных деятелей Советского государства путем создания ложных показаний. Это мне стало ясно гораздо позднее. Вопросы о состоянии ВВС были только ширмой».

В 1953 г. полковник Лихачев показал:

— Следствие по делу Шахурина, Новикова, Шиманова и других велось специально созданной следственной группой. Все арестованные ежедневно допрашивались с короткими перерывами до 5–6 часов утра.

— Им не предоставлялось времени для сна? — спросили его.

— Да, фактически так и было, но такова была введенная Абакумовым система следственной работы СМЕРШ, причем протоколы допросов арестованных по этому делу не составлялись. Я составлял обобщенные протоколы в отсутствие арестованных по своим заметкам.

— Протоколы допросов составлялись по каким-то шпаргалкам?

— Существовал порочный стиль и метод следствия.

На очной ставке с этим полковником А.А. Новиков сообщил:

«Когда Лихачев ввел меня в кабинет Абакумова, последний впервые заговорил со мной на человеческом языке, предложил мне сесть за приставной столик и сказал, что я должен буду подписать составленное от моего имени заявление в адрес И.В. Сталина. Абакумов взял со стола отпечатанные листы с текстом этого «заявления» и передал их Лихачеву, который стоял справа от меня, а сам вышел.

Лихачев давал мне на подпись по одному листу.

Когда это сфабрикованное от моего имени «заявление» было мною подписано, через какое-то время Лихачев вновь вызвал меня и дал мне печатный текст «заявления» с требованием переписать его от руки — в его присутствии».

По утверждению дочери Новикова, «подобные заявления» были состряпаны и от имени Шахурина и Шиманова против Маленкова.

Думаю, что теперь становится понятно, чего добивались в СМЕРШе от Новикова, Шахурина и Шиманова. По своей сути, «Авиадело» наносило два удара по двум очень крупным фигурам: маршалу Жукову и секретарю ЦК Маленкову.

А теперь внимательно прочитаем **заявление** от бывшего Главнокомандующего ВВС, ныне арестованного Новикова, адресованное министру Вооруженных Сил СССР И.В. Сталину:

«Я лично перед Вами виновен в преступлениях, которые совершались в Военно-воздушных силах, больше чем кто-либо другой.

Помимо того, что я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускавшихся авиационной промышленностью, я как командующий Военно-воздушных сил должен был обо всем этом доложить Вам, но этого я не делал, скрывая от Вас антигосударственную практику в работе ВВС и НКАП.

Я скрывал также от Вас безделие и разболтанность ряда ответственных работников ВВС, что многие занимались своим личным благополучием больше, чем государственным делом, что некоторые руководящие работники безответственно относились к работе. Я покрывал такого проходимца, как Жаров, который, пользуясь моей опекой, тащил направо и налево. Я сам культивировал угодничество и подхалимство в аппарате ВВС.

Все это происходило потому, что я сам попал в болото преступлений, связанных с приемом на вооружение ВВС бракованной авиационной техники. Мне стыдно говорить, но я

также чересчур много занимался приобретением различного имущества с фронта и устройством своего личного благополучия. У меня вскружилась голова, я возомнил себя большим человеком, считал, что известен не только в СССР, но и за его пределами, и договорился до того, что в разговоре со своей бывшей женой Веледевой, желая себя показать крупной личностью, заявлял, что меня знают Черчилль, Циен и др.

Только теперь, находясь в тюрьме, я опомнился и призадумался над тем, что я натворил.

Вместо того, чтобы с благодарностью отнестись к Верховному Главнокомандующему, который для меня за время войны сделал все, чтобы я хорошо и достойно работал, который буквально тянул меня за уши, — я вместо этого поступил как подлец, всячески ворчал, проявлял недовольство, а своим близким даже высказывал вражеские выпады против Министра Вооруженных Сил.

Настоящим заявлением я хочу Вам честно и до конца рассказать, что кроме нанесенного мною большого вреда в бытность мою командующим ВВС, о чем я уже дал показания, я также виновен в еще более важных преступлениях.

Я счел теперь необходимым в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с Жуковым, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период и до последнего времени.

Хотя я теперь арестован и не мое дело давать какие-либо советы в чем и как поступить, но все же, обращаясь к Вам, я хочу рассказать о своих связях с Жуковым потому, что мне кажется, пора положить конец такому вредному поведению Жукова, ибо если дело так далее пойдет, то это может привести к пагубным последствиям.

За время войны, бывая на фронтах вместе с Жуковым, между нами установились близкие отношения, которые продолжались до дня моего ареста. Касаясь Жукова, я, прежде всего, хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная Жукова, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе еще больший авторитет.

Вместо того, чтобы мы, как высшие командиры сплачивали командный состава вокруг Верховного Главнокомандующего, Жуков ведет вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для

них он является «добрым дядей». Таким человеком у Жукова был и я, а также Серов.

Жуков был ко мне очень хорошо расположен, и я, в свою очередь, угодничал перед ним. Жуков очень любит знать все новости, что делается в верхах, и по его просьбе, когда Жуков находился на фронте, я, по мере того, что мне удавалось узнать, снабжал его соответствующей информацией о том, что делалось в Ставке. В этой подлости перед Вами я признаю свою тяжелую вину.

Так, были случаи, когда после посещения Ставки я рассказывал Жукову о настроениях Сталина, когда и за что Сталин ругал меня и других, какие я слышал там разговоры и т. д.

Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им.

Так во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым, подготовлены и проведены. То же самое говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой.

Как-то в феврале 1946 г., находясь у Жукова в кабинете или на даче, точно не помню, Жуков рассказал мне, что ему в Берлин звонил Сталин и спрашивал, какое бы он хотел получить назначение. На это, по словам Жукова, он, якобы ответил, что хочет пойти Главнокомандующим Сухопутными Силами.

Это свое мнение Жуков мне мотивировал, как я его понял, не государственными интересами, а тем, что, находясь в этой должности, он, по существу, будет руководить почти всем Наркоматом Обороны, всегда будет поддерживать связь с войсками и тем самым не потеряет свою известность. Все, как сказал Жуков, будут знать обо мне.

Если же, говорил Жуков, пойти заместителем Министра Вооруженных Сил по общим вопросам, то придется отвечать за все, а авторитета в войсках будет меньше.

Тогда же Жуков мне еще рассказывал о том, что в разговоре по «ВЧ» в связи с реорганизацией Наркомата Обороны, Сталин спрашивал его, кого и на какие должности он считает лучше назначить. Жуков, как он мне об этом говорил, высказал Сталину свои соображения и он с ними согласился, но тем не менее якобы

сказал: «Я подожду Вашего приезда в Москву и тогда вопрос о назначениях решим вместе».

Я этот разговор привожу потому, что, рассказывая мне об этом, Жуков дал понять, что как он предлагал Сталину, так Сталин и сделал.

Ко всему этому надо еще сказать, что Жуков хитрит и лукавит душой. Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно.

Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: Жуков на глазах всячески приближает Василия Сталина, якобы по-отечески относится к нему и заботится. Но дело обстоит иначе. Когда недавно, уже перед моим арестом, я был у Жукова в кабинете на службе и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, Василий Сталин будет инспектором ВВС, я выразил при этом свое неудовлетворение таким назначением и всячески оскорблял Василия. Тут же Жуков в беседе со мной один на один высказался по адресу Василия Сталина еще резче, чем я, и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления.

Вначале 1943 г. я находился на Северо-Западном фронте, где в то время подготавливалась операция по ликвидации так называемого «Демянского котла», и встречался там с Жуковым.

Как-то во время обеда я спросил Жукова, кому я должен писать донесения о боевых действиях авиации. Жуков ответил, что нужно писать на имя Сталина и тогда же рассказал мне, что перед выездом из Москвы он якобы поссорился с Верховным Главнокомандующим из-за разработки какой-то операции и поэтому, как заявил Жуков, решил не звонить ему, несмотря на то что обязан делать это. Если, говорил Жуков, Сталин позвонит ему сам, то тогда и он будет звонить ему.

Рассказывал этот факт мне Жуков в таком высокомерном тоне, что я сам был удивлен, как можно так говорить о Сталине. В моем присутствии Жуков критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства. В беседах на эти темы я в ряде случаев поддерживал Жукова. После снятия меня с должности Главнокомандующего ВВС, я, будучи в кабинете у Жукова высказал свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС.

Жуков поддержал мои высказывания и сказал: «Надо же на кого-то свалить». Больше того, Жуков мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято Сталиным». Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС.

Должен также заявить, что когда Сталин вызвал меня и

объявил, что снимает с должности Командующего ВВС и крепко поругал меня за серьезные недочеты в работе, я в душе возмутился поведением Маленкова, который при этом разговоре присутствовал, но ничего не сказал, в то время как Маленкову было хорошо известно о всех недочетах в приемке на вооружение ВВС бракованной материальной части от Наркомата авиационной промышленности. Когда я об этом поделился с Жуковым, то он ответил мне, что «теперь уже тебя никто не поддержит, все как в рот воды набрали».

Я хоть усмехнулся, говорил мне Жуков, когда Сталин делал тебе замечания по работе и сказал два слова: «Ничего, исправится».

Припоминаю и другие факты недовольства Жукова решениями правительства.

После окончания Корсуньско-Шевченковской операции командующий бывшим 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала.

Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за нее даются другим людям.

Тогда же Жуков отрицательно отзывался о Ватутине. Он говорил, что Ватутин неспособный человек, как командующий войсками, что он штабист и если бы не он, Жуков, то Ватутин не провел бы ни одной операции.

В связи с этим Жуков высказывал мне обиды, что, являясь представителем Ставки, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами.

Для подтверждения этого Жуков сослался на то, что приказы за проведение тех или иных операций адресуются командующим фронтов, а он — Жуков, остается в тени, несмотря на то что операции проводились и разрабатывались им. Во время этой беседы Жуков дал мне понять, чтобы я по приезде в Москву, где следует, замолвил об этом словечко.

В тот же период времени Жуков в ряде бесед со мной говорил и о том, что правительство его не награждает за разработку и проведение операций под Сталинградом, Ленинградом и на Курской дуге.

Жуков заявил, что, несмотря на блестящий успех этих операций, его до сих пор не наградили, в то время как командующие фронтов получили уже по несколько наград. В этой беседе Жуков высказался, что лучше пойти командующим фронтом, нежели быть представителем Ставки.

Жуков везде стремился протаскивать свое мнение. Когда то

или иное предложение Жукова в правительстве не проходило, он всегда в таких случаях очень обижался.

Как-то в 1944 году, находясь вместе с Жуковым на 1-м Украинском фронте, он рассказывал мне о том, что в 1943 г. он и Конев докладывали Сталину план какой-то операции, с которым Сталин не согласился. Жуков, по его словам, настоятельно пытался доказать Сталину правильность этого плана, но Сталин, дав соответствующее указание, предложил план переделать. Этим Жуков был очень недоволен, обижался на Сталина и говорил, что такое отношение к нему очень ему не нравится.

Наряду с этим Жуков высказывал мне недовольство решением правительства о присвоении генеральских званий руководящим работникам оборонной промышленности. Жуков говорил, что это решение является неправильным, что, присвоив звание генералов наркомам и их заместителям, правительство само обесценивает генеральские звания. Этот разговор происходил между нами в конце 1944 г., когда я и Жуков находились на 1-м Белорусском фронте.

Осенью 1944 г. под Варшавой Жуков также рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед Сталиным о том, чтобы Кулика наградили орденом Суворова, но Сталин не согласился с этим, то он — Жуков, стал просить о возвращении Кулику орденов, которых он был лишен по суду, с чем Сталин также не согласился. И в этом случае Жуков высказал мне свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что Сталин неправильно поступил, не согласившись с его мнением.

Хочу также сказать Вам и о том, что еще в более близкой связи с Жуковым, чем я, находился Серов, который также угодничает, преклоняется и лебезит перед ним. Их близость тянется еще по совместной работе в Киеве. Обычно они бывали вместе, а также посещали друг друга.

На какой почве установилась между ними такая близость, Жуков мне не говорил, но мне кажется, что Жукову выгодно иметь у себя такого человека, как Серов, который занимает большое положение в Министерстве Внутренних Дел.

Я тоже находился в дружеских отношениях с Серовым, и мы навещали друг друга.

Когда я был снят Сталиным с должности командующего ВВС, Серов говорил мне о том, чтобы я пошел к Маленкову и просил у него защиты. Во время моего пребывания в Германии Серов содействовал мне в приобретении вещей.

Касаясь своих преступлений, я вынужден признать, что после отстранения меня от работы в ВВС я был очень обижен и высказывал в кругу своих близких несогласие с таким решением

Сталина, хотя внешне при людях я лукавил душой и говорил, что со мной поступили правильно, что я это заслужил.

Так, вскоре после состоявшегося обо мне решения, я в беседе со своей женой и ее братом Владимиром говорил, что причина моего снятия заключается не в плохой моей работе, а в том, что на меня наговорили. При этом я всячески поносил и клеветал на Верховного Главнокомандующего и его семью. Я также заявлял, что Сталин несправедливо отнесся ко мне.

Когда мне стало известно об аресте Шахурина, Репина и других, я был возмущен этим и заявил в кругу своих родственников, что поскольку аресты этих лиц произведены с ведома Сталина, то просить защиты не у кого.

Вражеские разговоры я в апреле 1946 г. вел со своей бывшей женой Веледеевой М.М., которая проездом останавливалась в Москве. В беседе с Веледеевой я говорил, что Сталин необъективно подошел ко мне, и возводил на него злобную клевету.

В разговоре с моей теперешней женой Елизаветой Федоровной и Веледеевой я обвинял правительство и лично Сталина в том, что они не оценивают заслуг людей и, несмотря ни на что, изгоняют их и даже сажают в тюрьму.

Повторяю, что несмотря на высокое положение, которое я занимал и авторитет, созданный мне Верховным Главнокомандующим, я все же всегда чувствовал себя пришибленным. Это длится у меня еще с давних времен.

Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мной и до 1932 г. я все это скрывал от партии и командования.

Когда же я столкнулся с Жуковым и он умело привязал меня к себе, то это мне понравилось, и я увидел в нем опору.

Такая связь с Жуковым сблизила нас настолько, что в беседах с ним один на один мы вели политически вредные разговоры, о чем я и раскаиваюсь теперь перед Вами.

Признаюсь Вам, что я оказался в полном смысле трусом, хотя и занимал большое положение и был главным маршалом.

У меня никогда не хватало мужества рассказать Вам о всех безобразиях, которые по моей вине творились в ВВС и о всем том, что я изложил в настоящем заявлении.

Новиков 30 апреля 1946 г.».

Несколько слов об этом документе. Прямо скажем, работа не совсем тонкая, и все же именно такая работа устраивала вождя. Главное — это достижение поставленной цели. «Испокон веков» в следчасти карательного ведомства следователи подразделялись на «забойщиков» и «писателей». То есть одни умели только

допрашивать, а другие только писать. В результате неграмотные в сочетании с грамотными и делали государственное дело вполне успешно.

Один, который «забойщик», — орудовал кулаками и резиновой дубинкой, а другой, «грамотный», просто оформлял протоколы допросов. Обычно составлялись «обобщенные» протоколы. «Забойщик» в поте лица выбивал признания и шел к «писателю», который оформлял протокол, передавая эмоции, демонстрируя интеллект и литературное мастерство. Не иначе как «французская борьба по-Лубянски».

По «Авиаделу» было то же самое. Так, заместитель начальника секретариата МГБ полковник Броверман сообщил следствию: «Ранее я уже показал о себе, что в 1946 г. был втянут в гнусное преступление, связанное с фальсификацией заявлений некоторых арестованных работников авиационной промышленности и ВВС СА.

Показания арестованных на допросах не фиксировались и ими же не подписывались, а справки следователей с показаниями арестованных не проверялись и могли являться юридическими документами.

Материал перед посылкой адресату Сталину — подвергался корректировке в секретариате Абакумова в соответствии с его указаниями».

Таким образом, заявление маршал Новиков не писал даже под пытками. Но он его подписал буквально через неделю изнуряющих допросов.

При этом, несмотря на то, что автор или авторы остались неизвестными, основные факты, изложенные в этом сочинении, были получены следователями в ходе допросов и частично в результате обыкновенной прослушки.

Судите сами, ведь не могли же на Лубянке из пальца высосать столь обильный фактический материал.

Слова Жукова и Новикова лишь подредактировали, правда, как-то не очень красиво с литературной точки зрения. Само по себе заявление больше всего напоминает добровольный донос подследственного, чем письмо главного маршала авиации.

Но, видимо, вся суть в Лубянском юморе.

Примечательно, что заявление отпечатали в трех экземплярах. Один для Сталина, второй для Секретариата Главного управления СМЕРШ, а третий, без адресата, Абакумов забрал себе. А ведь копия шла под грифом «Совершенно секретно».

Но самое главное заключается в том, что это заявление начинало некую шахматную партию, в которой «мат» должен был

быть поставлен Берии. Почему? Потому что дискредитация Жукова осуществлялась по правилам игры вождя, а вот удары по Маленкову и Серову наносил уже сам Виктор Семенович. Причем по Маленкову с ведома Сталина, а по Серову, так сказать, по личной инициативе. Генерал-полковник Серов не мог быть другом Жукова и при этом не был человеком Берии. Хотя все же к Берии был несколько ближе. Впрочем, и этого было достаточно.

Но Виктор Семенович настолько его ненавидел, что приписал ему мнимую связь с Жуковым, забивая его до смерти весомыми политическими обвинениями.

По воспоминаниям П.А. Судоплатова, «когда Абакумова в 1946 г. назначили вместо Меркулова министром госбезопасности, он не был близок к Берии. Напротив, Сталин дал Абакумову указание собрать компромат на всех, в чьих руках была власть, в том числе на Берию. Абакумов смог доказать, что Маленков прекрасно знал о сокрытии неполадок в авиапромышленности».

В общем, 8 мая 1946 г. пятитомное «Дело авиаторов» поступило председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-полковнику юстиции Ульриху В.В.

Обвинительное заключение по этому делу, утвержденное начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ генерал-полковником Абакумовым и исполняющим обязанности Главного военного прокурора генерал-майором юстиции Чепцовым А.А., в тот же день было внесено на рассмотрение подготовительного заседания этой коллегии. 10 мая 46-го Военная коллегия Верховного Суда СССР начала рассматривать дело в закрытом судебном заседании без участия представителей государственного обвинения и защиты, без вызова свидетелей. В общем, как обычно это делалось в те времена. А 11 мая был вынесен обвинительный приговор. Военная коллегия признала, что в системе Наркомата авиапромышленности и Военно-воздушных сил Советской Армии существовала антигосударственная практика, приводившая к тому, что на протяжении войны и в последний период народным комиссариатом авиационной промышленности выпускались бракованные самолеты и авиамоторы, которые затем «преступным путем протаскивались на вооружение авиационных частей».

Когда Сталин спросил Абакумова:

— Вина Новикова и Шахурина доказана. Какую меру наказания вы предлагаете?

Тот, не задумываясь, ответил:

— Расстрел!

— Расстрелять просто, сложнее заставить работать. Мы должны заставить их работать, — неожиданно сказал Сталин.

Это было действительно неожиданно, учитывая опыт всех чисток за период власти вождя!

Шахурин получил 7 лет лишения свободы, Репин — 6 лет, Новиков— 5, Шиманов — 4, работники ЦК Будников и Григорьян — по 2 года.

Один лишь Г.М. Маленков, отвечающий в политбюро за авиационную промышленность, был только освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен в Ташкент.

А ведь именно ему поручили разобраться с положением дел в Наркомате авиации. еще 25 апреля 1946 г. он выступил на собрании актива работников авиапромышленности, где признал факты сдачи дефектной техники доказанными.

В ходе своего выступления Маленков подчеркнул: «Знайте, что не все вопросы решаются на совещаниях. Не всегда мы будем собираться так, как сейчас, и таким образом решать вопросы. Правительство предупреждает, что дальше терпеть такое положение нельзя».

Но, несмотря на такую критику, опросом членов ЦКВКП(б) от 4–6 мая 1946 г. его лишили поста секретаря ЦК и вывели из Секретариата ЦК партии. Его обвинили в том, что он, зная о безобразиях в деле выпуска и приемки недоброкачественных самолетов, не сигнализировал о них в ЦКВКП(б).

«Заявление» Новикова было рассмотрено Высшим военным советом 1 июня 1946 г. 3 июня 1946 г. Совет Министров СССР принимает решение об освобождении Маршала Советского Союза Жукова от должности Главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил СССР.

А 9 июня 1946 г. Министр ВС СССР Сталин подписал приказ № 009, в котором подводился итог «разоблачения» Жукова… В результате Совет Министров СССР освободил маршала от занимаемых должностей и назначил его командующим войсками Одесского военного округа.

Оставался генерал Серов.

2

«Кончилась война, — вспоминал полковник И.А. Чернов, — Абакумова назначили министром госбезопасности вместо Меркулова, а я остался в ГУКР СМЕРШ. Прошло месяцев семь, точно не помню, я тогда в отпуск собирался, путевку получил в Кисловодск, а он мне говорит: «Выходи на работу начальником Секретариата МГБ». Я стал по стойке смирно и — «Слушаюсь, товарищ генерал-полковник!» Приступил к работе, а там опять

Броверман варит свою «кухню», готовит докладные записки Сталину. Работать приходилось много, документооборот в министерстве куда больше, чем в ГУКР СМЕРШ. Абакумов — он требовательный, нетерпимо относился к любым проявлениям небрежности, безграмотности, а я каждый день докладывал ему почту: письма, правительственные поручения, шифровки, записки по «ВЧ». Обычно принимал он меня в конце рабочего дня, часов в 5 утра, а доклад длился минут сорок-пятьдесят. После этого шел я домой — отоспаться, а в десять ноль-ноль снова был на работе. Крутился до вечера, в интервале между девятнадцатью и двадцатью двумя удавалось подремать часок-другой, а ночью вновь готовился к докладу. И так все пять лет».

Н.Н. Месяцев рассказывал Леониду Млечину об Абакумове: «Он мужик был статный, красивый, военная форма ему шла. Разговор всегда носил спокойный деловой характер. Он не заставлял стоять навытяжку и приглашал сесть.

Если к младшим чинам он относился с заботой, по-отечески, то высших он держал в кулаке. Я видел, как начальник следственной части Павловский дрожал, когда его Абакумов распекал, стал весь белый, коленки тряслись! Думаю, что ж ты цепляешься так за должность?»

Став министром госбезопасности, Абакумов часто общался с вождем наедине, бывал у него на даче. Со слов Геннадия Афанасьевича Терехова, который участвовал в следственной группе по делу Абакумова и допрашивал бывшего министра в тюрьме, известно, что Сталин, особенно в последние годы жизни, с большим подозрением относился к любым контактам людей из своего окружения вне официальных встреч. И чем ближе был человек к верхам, тем больше сомневался Сталин. Даже самому Абакумову было запрещено кого бы то ни было приглашать в гости. Генералиссимусу все время казалось, что пока он сидит у себя, на ближний даче в Кунцеве, где-то на другой даче собралась оппозиция.

Генерал армии Филипп Денисович Бобков, в прошлом первый заместитель Председателя КГБ, в своих мемуарах пишет о Викторе Семеновиче следующее: «Затем он перешел в МГБ, куда его назначили министром. В этом просматривалось желание Сталина влиять на органы госбезопасности не только с помощью Берии.

Сотрудники, насколько я мог судить в то время, встретили нового министра хорошо. Профессионал, человек, начавший с рядовой работы, и к тому же некоторое время был заместителем Сталина! И в силу этого новый министр изначально пользовался авторитетом у сотрудников. Говорили, будто он настолько близок

к Сталину, что даже гимнастерки шьет себе из одного с ним отреза. Это, конечно, досужие вымыслы, но основания для подобных разговоров, бесспорно, были.

Первые шаги Абакумова на посту министра еще больше укрепили его авторитет. Он решительно изменил кадровую политику. В 1946 г. большинство сотрудников министерства составляли люди, пришедшие на работу в органы в 1939–1940 гг., заменив тех, кто отправился по пути своих жертв.

Абакумов привлек в территориальные органы военных контрразведчиков, бывших фронтовиков, и направил их не только на руководящие посты, но и на рядовую работу. Тем самым он в известной мере обновил центральный аппарат, куда влились свежие молодые силы — люди, прошедшие войну; и это несколько изменило климат в министерстве.

Новый министр постоянно держал аппарат в напряженном трудовом ритме. Вне зависимости от того, где он сам в данный момент находился, люди ощущали его присутствие, знали: министр где-то рядом и зорко следит за работой всей системы госбезопасности. Абакумов мог совершенно неожиданно заглянуть к рядовому сотруднику, посмотреть, как тот ведет дело, расспросить о подробностях, все проверить, вплоть до того, насколько аккуратно подшиваются бумаги. Это тоже воспитывало уважение к руководителю министерства, хотя в таком демократизме чувствовалась определенная игра.

Абакумов часто выступал перед различными аудиториями, говорил воодушевленно, порой с пафосом, и притом всегда старался производить впечатление человека очень доступного, демократичного и подчеркнуто скромного, хотя оснований для этого было немного. Я дважды слушал его выступления на партийных конференциях и должен признать, что выступал он удачно. Министр требовал объективности и беспристрастности при рассмотрении дел, во всех приказах неизменно подчеркивалось, что сотрудникам госбезопасности необходимо строго соблюдать законность.

Таким казался мне тогда Абакумов на посту министра. В действительности, он беспрекословно и слепо выполнял волю Сталина, следовал любым указаниями партийного руководства, которое поощряло курс репрессий. То ли желая выслужиться, то ли в силу определенных личных качеств, он и сам проявлял инициативу к ужесточению репрессий.

Мы, молодые чекисты, не подозревали о незаконных арестах военачальников, которые производились по указаниям Абакумова на основании мелких доносов. А между тем подобные аресты происходили даже в период Великой Отечественной войны и в

первые послевоенные годы.

Аресты в армии служили показателем добросовестной работы контрразведки».

Близость к Сталину на посту министра госбезопасности окрылила Виктора Семеновича, но самое важное, она изменила его отношение ко многим руководителям в государстве. Как считает Евгений Жирнов, «в этом сказались его прямолинейность и простота: есть только вождь и его преданный последователь, а с остальным можно не считаться».

И здесь уже не важно, сколько он нажил себе врагов. Главное, что эти враги были коварными и очень опасными. Пусть они его боялись. Но сдаваться и уступать какому-то Витьке Абакумову они не желали. А значит, предстояла борьба не на жизнь, а на смерть. Кто кого? По свидетельству ветеранов: «Виктор Семенович вел себя так, будто схватил бога за бороду. Обедать демонстративно ходил в «Арагви», а если был загружен, охрана привозила ему оттуда шашлыки. Цеплял на улице симпатичных девиц и вел их в гостиницу «Москва», в койку. Не отказывался, когда ему дарили трофейные вещи. Почувствовав благоволение вождя, Абакумов решил, что теперь можно все», — считает Е. Жирнов.

Однако это не совсем верно. Абакумов никогда не изменял своим принципам. И очень многое позволял себе, еще возглавляя военную контрразведку. Например, девушек в гостиницу «Москва» он водил и в 1941-м, и позже, и раньше. Ведь он уже тогда был заместителем наркома внутренних дел.

При этом девушки были не легкого поведения, как об этом писал Сталину Серов, девушки были красивые, которым очень нравился молодой комиссар госбезопасности. И шли они с ним не за деньги, а, так скажем, по зову души и сердца.

Александр Васильевич Бурдонский, сын Василия Сталина, рассказывал мне об одной встрече его мамы— Галины Бурдонской с Виктором Семеновичем: «Когда она шла к бабушке на Арбат, то на полном ходу остановилась машина. А мама тогда подкрашивала волосы в белый цвет. Хорошая очень фигурка и хорошо одета. Из машины выскочил Абакумов. Мама жутко испугалась, и он узнал ее. Она говорит: «Я спиной прижалась к стене, когда он меня увидел, сказал: «Хм. Простите!» Ехали с Берией, просто девочку хотели. Когда он увидел ее лицо, еще зареванное, тут же сел в машину и уехал».

По воспоминаниям очевидцев, Виктор Семенович на машине ездить не любил, предпочитал ходить пешком, а на улицах приказывал сопровождающим давать по сто рублей нищим, преимущественно старухам.

Ему нравилось, когда старухи крестились, благодаря за подаяние.

Охрана привозила Абакумову шашлыки из «Арагви» — к хорошим шашлыкам он был неравнодушен.

А еще в «Арагви» круглые сутки работали три кабинета. В своей книге «Тайны уставшего города» Эдуард Хруцкий пишет: «Там принимали нужных иностранцев, в них большие чины из КГБ встречались с не менее именитыми осведомителями. Туда ночью заезжали отдохнуть от забот чиновники высокого ранга».

По этим причинам, а возможно и не только, на кухне этого ресторана работала бригада ударников труда и повара высшего класса. За полчаса официанты накрывали роскошный стол. Ну а шашлыки, которые, кроме Абакумова, заказывал себе и Василий Сталин, были лучшими во всей Москве.

Не изменял Виктор Семенович и другим своим привычкам. По-прежнему он обожал фокстрот и с целью милых развлечений, то бишь потанцевать с красивой девочкой, захаживал в знаменитый ресторан «Спорт».

«Гроза шпионов и врагов народа больше всего любил «сбацать» запрещенный, идеологически-чуждый танец, — пишет Эдуард Хруцкий. — В ресторан «Спорт» он приходил инкогнито, как король из сказок, пожелавший узнать, как живут его подданные.

Виктор Абакумов, несмотря на свой высокий рост, любил танцы, выпивки, женщин. Вот из-за них-то и случилась драка в ресторане, и министру прилично накостыляли. Расправа с обидчиками была немедленной, но, как мне говорили знающие люди, никого не посадили, просто ребята Абакумова весьма прилично отметелили виновных».

Но главной его страстью был футбол. Заместитель Виктора Семеновича вспоминал: «Ни один интересный матч он не пропускал. Команду «Динамо» считал своей собственностью. Все время подчеркивал: «Помогайте динамовцам, найдите на матч хорошего судью, чтобы судил честно. Сделайте им хорошую экипировку».

Одну из ответственных игр динамовцы продули. Министр собрал команду в своем кабинете. Он и в обычное время бывал грубым, но до такой степени разнузданности он на моей памяти дошел только в этот единственный раз.

Начал из души в душу хаять их всех. «Сволочи» и «мерзавцы» было самым мягким из того, что он сказал. Особенно досталось Косте Бескову.

«Играть надо, а не, мать-перемать, книжки художественные читать! Я ждал от вас только победы! Продуть этой военной

конюшне!» По-моему, проиграли команде Центрального дома Красной Армии.

Я сидел на краешке, у дальнего конца стола, но брызги гнева долетали и до меня как до зампреда общества «Динамо», ответственного за футбол: «А ты какого хрена там делаешь? Наша команда должна только выигрывать, а ты должен им помогать!»

Вторым его увлечением было кино. Каждый день в 4 утра он приглашал все руководство министерства в свой кинозал, и часов до 7 утра все смотрели трофейные и наши фильмы. Я, кажется, ни разу не смог досидеть до конца: к 11 утра нужно было возвращаться на службу, а спать все-таки хотелось». К сожалению, мне так и не удалось установить — мог ли Виктор Семенович «качать маятник» (мгновенное выхватывание оружия и умение с первых же секунд задействовать фактор отвлечения, фактор нервозности, а если возможно, и подсветку, и моментальную безошибочную реакцию на любые действия противника, и утверждающее стремительное передвижение под выстрелами), мог ли стрелять по-македонски (стрельба на ходу из двух пистолетов по движущейся цели), был ли он «чистильщиком» (розыскник, способный брать живьем сильного, хорошо вооруженного и оказывающего активное сопротивление противника). Тем не менее у него была интуиция или верхнее чутье (способность собаки улавливать запахи по воздуху, а не по следу), он мог бутафорить (играть, изображать что-нибудь, с какой-либо целью) и запросто качать на косвенных (в ходе разговора задавать вроде бы безобидные, второстепенные, косвенные вопросы, при помощи которых можно незаметно выявить несоответствие ответов проверяемого действительным обстоятельствам).

За свою службу у него хватало моментов истины, но самое важное — он был талантлив. Причем талант его заключался в умении работать с подчиненными, что дано не каждому руководителю.

И в целом все было бы не плохо, если бы не его прямолинейность. От этого количество врагов только увеличивалось.

В мае 1946 г. Берию назначили председателем комиссии по передаче дел от смещенного Меркулова новому министру — Виктору Семеновичу. 23 августа 1946 г. Пленум ЦК принял решение «О т. Меркулове», в котором подчеркивалось: «из акта приемки и сдачи дел Министерства Госбезопасности устанавливается, что чекистская работа в Министерстве велась неудовлетворительно, что бывший министр госбезопасности т. Меркулов скрывал от ЦК факты о крупнейших недочетах в работе

Министерства и о том, что в ряде иностранных государств разведывательная работа Министерства оказалась проваленной».

Эти недостатки отметили А.А. Кузнецов и В.С. Абакумов.

Задолго до этого члены Политбюро по предложению Сталина удовлетворили просьбу Лаврентия Павловича об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел СССР. Причем в машинописном тексте постановление Политбюро вождь дописал своей рукой: «ввиду перегруженности его другой центральной работой».

Итак, 4 мая 1946 г. Политбюро ЦКВКП(б) приняло решение за № П51/IV о назначении министром ГБ В.С. Абакумова. С этого момента структура МГБ СССР начала кардинально расширяться и изменяться.

В качестве самостоятельного 3-го Главного управления в МГБ включалась военная контрразведка.

1-е и 2-е Управления МГБ СССР (разведка и контрразведка) были преобразованы в Главные управления. И далее шли: 4-е Управление осуществляло руководство розыском «агентуры иностранных разведок, заброшенных в СССР, и прочих вражеских элементов; 5-е Управление (оперативное); 6-е Управление (шифровально-дешифровальное); Транспортное управление; Управление охраны № 1 (охрана И.В. Сталина); Управление охраны № 2; Управление коменданта Московского Кремля; Отдел «А» (учетно-архивный); Отдел «Б» (оперативной техники); Отдел «В» (перлюстрация корреспонденций); Отдел «Д» (экспертизы и подделки документов); Отдел «К» (чекистские наблюдения на объектах атомной промышленности); Отдел «О» (оперативная работа по духовенству всех конфессий); Отдел «Р» (радиоразведка); Отдел «С» (перевод и обработка материалов по атомной проблеме); Отдел «Т» (борьба с лицами, высказывающими угрозы террористического характера в отношении партийных и советских руководителей); Следчасть по особо важным делам; Отдел «ДР» (служба проведения диверсий и актов индивидуального террора); Отдел «ДН» (служба дезинформации); Административно-хозяйственное и финансовое управление; Управление кадров; Инспекция при Министерстве; Секретариат МГБ; Юридическое бюро.

В январе 1947 г. совместным приказом МВД и МГБ СССР № 0074/0029 от 21 января 1947 г. была оформлена передача внутренних войск из МВД в МГБ. Было образовано Главное управление внутренних войск МГБ (штатная численность 68 582 чел.).

Приказом МВД и МГБ СССР № 0075/0030от 21 января 1947 г. транспортная милиция была передана из МВД в Транспортное

управление МГБ СССР.

При этом вождь, усиливая МГБ, лишил его одного из важнейших направлений: внешней разведки. Все разведывательные ведомства и службы были объединены в единый аппарат— Комитет информации при СМ СССР.

Но пойдем далее, в «страну Абакумова». На основании постановления Совета Министров СССР № 1130—405сс от 6 апреля 1948 г. совместным приказом МВД и МГБ СССР № 00369/0141 от 9 апреля 1948 г. из МВД в МГБ были переданы войска по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог (7301 чел.).

В 1949 г. Государственное хранилище ценностей (ГОХРАН) было передано из МВД в МГБ.

17 октября 1949 г. совместным приказом МВД и МГБ СССР № 00968/00334 из МВД в МГБ были переданы пограничные войска и милиция, а также Военно-строительное управление (ВСУ). Осенью 1950 г. на основании постановлений Политбюро ЦКВКП(б) № П77/309 и П77/310 от 9 сентября в МГБ СССР на базе отдела «ДР» были созданы на правах управлений, подчиненных непосредственно министру: Бюро № 1 для проведения диверсий и террора за границей и Бюро № 2 для проведения террора (похищений и убийств). А летом 1950 г. спецпоселения из МВД были переданы в МГБ.

В течение 1950 г. из МВД в МГБ были переданы все учеты и картотеки уголовных преступников.

Таким образом, новый министр, в буквальном смысле нахрапом, забирал из МВД к себе все, что ему хотелось.

В конце концов он отобрал у генерала Круглова и его заместителя генерала Серова даже милицию.

И не удивительно, что руководители МВД, сильно перепуганные таким поворотом событий, враждовали не на жизнь, а на смерть.

Через неделю после своего назначения Виктор Семенович вызвал к себе генерала Судоплатова. Начал он, что называется, из прошлого:

— Почти два года назад я принял решение никогда с вами не работать. Но товарищ Сталин, когда я предложил освободить вас от выполняемых вами обязанностей, сказал, что вы должны продолжать работать в прежней должности. Так что давайте срабатываться.

Судьба шведского дипломата Рауля Валленберга, ставшего известным благодаря своей широкой деятельности по спасению евреев во время Второй мировой войны, до сих пор остается загадочной. И я бы не стал затрагивать эту тему, если бы к этой судьбе не был причастен Виктор Семенович Абакумов. Сначала как начальник ГУКР СМЕРШ, а потом уже как министр госбезопасности.

Валленберг Рауль Густав родился в Стокгольме в 1912 году. Он принадлежал к известному семейству финансовых магнатов. В июле 1944 г. Рауль прибыл в столицу Венгрии, где приступил к исполнению должности секретаря и начальника гуманитарного отдела Шведской миссии для оказания помощи лицам еврейской национальности, чтобы они могли избежать депортации из Венгрии и уничтожения в фашистских лагерях смерти.

14 января 1945 г. начальник политотдела стрелковой дивизии доложил по команде в политотдел армии о том, что в доме № 16 на занятой солдатами этого соединения улице Бенур находится прибывший 13 января в расположение дивизии секретарь Шведского посольства в Будапеште Рауль Валленберг и его шофер.

17 января генерал армии Булганин (заместитель Сталина по наркомату обороны) приказал командующему 2-м Украинским фронтом арестовать дипломата и доставить в Москву, что и было сделано 19 января. А 6 февраля Валленберга доставили в Главное управление контрразведки СМЕРШ. Его сразу же поместили во внутреннюю тюрьму НКГБ СССР в Москве.

Начались допросы, на которых его обвиняли в шпионаже.

П.А. Судоплатов утверждал: «Мой бывший коллега, генерал-лейтенант Белкин, в свое время заместитель начальника СМЕРШ, был знаком с делом Валленберга. Он рассказывал мне, что в 1945 г. фронтовые органы СМЕРШ получили ориентировку на Валленберга, в которой указывалось, что он подозревается в сотрудничестве с германской, американской и английской разведками, и предписывалось установить постоянное наблюдение за ним, отслеживать и изучать его контакты, прежде всего с немецкими спецслужбами». А они, безусловно, были. Дело в том, что нацисты неудачно искали посредников для компромиссного мира с США и Англией. Тот же Гиммлер готовился вступить в переговоры с союзниками, используя в качестве заложников 600 тыс. евреев, находящихся в Германии. Возможным полем переговоров стала для всех сторон Швеция.

Как раз выкуп евреев и их выезд в Швейцарию мог вызвать значительные подозрения советской стороны. Часть этих подозрений пала на Валленберга.

В этом плане Белкин рассказывал Судоплатову о нескольких зафиксированных встречах Валленберга с начальником немецкой разведки Шелленбергом.

Другой источник из миссии Красного Креста в Будапеште участвовал в разработке Валленберга и утверждал, что Рауль активно сотрудничал с немецкой разведкой.

Следовательно, можно предположить, что на допросах от шведского дипломата требовали признаться в шпионской деятельности против Советского Союза и Советской армии.

В мае 1945 г. Валленберга перевели в Лефортовскую тюрьму.

Кстати сказать, 17 марта 1946 г. старший следователь 2-го отделения 4-го отдела Управления контрразведки СМЕРШ 2-го Украинского фронта капитан Овчаренко допросил в Будапеште Томсена Генриха Вольдемаровича, подданного Норвегии и заведующего отделом по защите дипломатических интересов Союза СССР шведского королевского посольства в Будапеште. За двое суток тридцативосьмилетний иностранец признал, что шведское посольство «фактически проводило деятельность, направленную на подрыв мощи союзных государств, и в частности Советского Союза».

Уже в Москве, в ведомстве Абакумова, Томсен обвинял Валленберга в выдаче «охранных документов не евреям, а эсэсовцам».

В конце 1945 г. начальник отдела по Скандинавским странам (первое управление НКГБ) Е. Синицын встретился с начальником СМЕРШа Абакумовым:

— Следствие надо довести до признания его (Валленберга) в сотрудничестве с американской разведкой и международным сионистским центром.

— Такие показания не даст он и под пытками, — возразил Синицын.

— Мы не палачи! Мы только карающий меч Советского Союза и от Валленберга скоро получим показания, уличающие его в шпионаже против Советского Союза, — таков был ответ Абакумова.

Он втолковывал Синицыну:

— Валленберг в Будапеште занимался вывозом евреев только по спискам, которые представляли интерес для американской разведки и сионистского центра».

Но самая первая встреча Е. Синицына вместе со своим начальником П. Фитиным с Виктором Абакумовым по вопросу прояснения судьбы Валленберга состоялась еще в начале 1945 г., когда они случайно узнали, что шведский дипломат находится в СМЕРШе. Безусловно, ими двигал прежде всего

профессиональный интерес. Генерал Елисей Синицын описал эту беседу в своих мемуарах:

— Вам, уважаемый Виктор Семенович, известно, — сказал Фитин, — что шведское правительство уже неоднократно обращалось в наркомат иностранных дел с просьбой сообщить о судьбе Валленберга, находящегося в СССР. Ответ заместителя наркоминдела Деканозова их не удовлетворяет.

— А для чего вам все это знать, уважаемый Павел Михайлович? — резко спросил Абакумов.

— Мы предлагаем вам прекратить следствие над Валленбергом и начать совместно с нами работу по привлечению его к сотрудничеству с советской разведкой. Пусть он и впредь останется в ведении военной контрразведки, но мы к вашим следователям добавим нашего опытного разведчика-вербовщика и дело завершим привлечением Валленберга к работе на Советский Союз, — спокойно ответил Фитин.

— В такой помощи мы не нуждаемся. У нас есть много квалифицированных вербовщиков, которые не хуже вашего справились бы с ним, но следствие надо довести до признания его в сотрудничестве с американской разведкой и международным сионистским центром, — ответил Абакумов.

Пришлось и мне вступить в эту дискуссию. Я сказал, что дипломат Валленберг находился в Будапеште по поручению шведского правительства, чтобы осуществлять защиту интересов Советского Союза в Венгрии и оберегать венгерских евреев от расправы над ними немецких и местных фашистов. Семья Валленбергов в Швеции обладает миллиардным состоянием и никогда не проявляла враждебности к СССР. Наоборот, во время войны заводы Валленбергов добросовестно снабжали Советский Союз высококачественными шарикоподшипниками и инструментом, без чего наша авиация не могла бы подняться в воздух. Почти ежедневно наши самолеты по ночам пересекали линию фронта с Финляндией, приземлялись в Швеции и поставляли оттуда эти подшипники прямо на наши авиазаводы.

Один из Валленбергов по поручению советского посла в Швеции Александры Михайловны Коллонтай в 1944 г. выезжал в Хельсинки убеждать финнов, чтобы они начали переговоры с Советским Союзом о заключении перемирия: нам тогда требовались солдаты с финского фронта для решающего удара по Берлину.

— Таким образом, — сказал я, — получается парадоксальная ситуация— в Швеции Валленберги помогают нам в разгроме фашизма, а вы сажаете в тюрьму шведского дипломата Валленберга и требуете от него признания, что он в Будапеште

шпионил против Советского Союза.

В это время Фитин подключился к разговору и сказал:

— Арест Валленберга в Будапеште является ошибкой военной контрразведки, и дело Валленберга, уважаемый Виктор Семенович, вы до суда не доведете. А если вам не с чем будет идти в суд, то скажите, пожалуйста, в связи с этим, как вы намерены закончить это дело?

Ведь бесконечно это дело продолжаться не может. Говоря об этом с вами откровенно, мы не желаем вам неприятностей, мы предлагаем вам отказаться от ведения следствия над Валленбергом как агентом американской разведки, а совместно с нами начать с ним работу. Если это предложение вам не подходит, то передайте Валленберга к нам в разведку, и мы готовы нести свою ответственность за дальнейшее его пребывание в тюрьме.

Непреклонность Абакумова Синицын объяснял свойством его характера «карьериста, шагавшего по трупам».

Однако стоит отметить, что судьбу Валленберга решал не Абакумов, а Сталин.

Так, в одну из поездок в Москву посол Швеции Чернышов пробился на прием к Абакумову, который охотно, с пониманием выслушал рассказ о сложностях советского посольства по вопросу судьбы шведского дипломата. Соглашаясь с доводами Чернышова, он заявил:

— Я вообще отпустил бы его домой.

Сделал паузу и добавил:

— Но товарищ Сталин иного мнения. Он считает, что этот человек еще может нам пригодиться!

После смерти Сталина в его сейфе были обнаружены допросы Рауля Валленберга.

П.А. Судоплатов считал, что «Валленберг оказался в сфере повышенного внимания наших разведорганов. Может быть, через него советское руководство рассчитывало добиться более тесного сотрудничества семейства Валленбергов с нашими представителями в Скандинавских странах, чтобы заручиться доверием международного капитала для получения кредитов. Не исключено, что план вербовки или использования его как заложника в возможной политической игре возник потому, что Валленберг рассматривался как важный свидетель закулисных связей деловых кругов Америки и фашистской Германии, а также спецслужб этих стран в годы войны».

Таким образом, все факты, ставшие известными на сегодняшний день, подтверждают, что Валленберга хотели завербовать, но он отказался сотрудничать с советскими

спецслужбами.

Известно, что на одном из последних допросов ему сказали: «Лучшим доказательством вашей вины является тот факт, что вами никто не интересуется. Если бы ваше правительство и ваше посольство проявило бы интерес, то они давно бы установили с вами контакт».

Генерал Белкин как-то сказал Павлу Судоплатову: «Мы хотели его вербануть, а он не захотел».

Тот же Белкин в самом узком кругу по секрету поведал: «Он не захотел. Тогда мы его шлепнули».

В. Абакумову Сталин приказал:

— Ждите. Держите его наготове. Может быть, он и пригодится.

Именно поэтому Валленберга перевели во внутреннюю тюрьму, в специальный блок, где ему давали улучшенное питание и следили за его состоянием здоровья.

«Дело Валленберга к началу июня 1947 г. зашло в тупик, — писал П.А. Судоплатов. — Он отказался сотрудничать с советской разведкой и был уже не нужен ни как свидетель тайных политических игр, ни как заложник— Нюрнбергский процесс закончился».

17 июля 1947 г. В. Абакумов подписал документ «Кделу шведского подданного Р. Валленберга», который в МИДе получили 23 июля. Нетрудно предположить, что это было предложение о его ликвидации.

17 июля начальник санчасти тюрьмы докладывал:

> «Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.
>
> В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.
>
> *Начальник санчасти тюрьмы полковник медицинской службы* ***Смольцов.***
>
> ***17. VII.47 г.».***

На этом рапорте Смольцов дописал: «Доложил лично министру. Приказано труп кремировать без вскрытия».

П.А. Судоплатов считал, что «Валленберг был переведен в спецкамеру «Лаборатории-Х», где ему сделали смертельную

инъекцию под видом лечения (в то же время руководство страны продолжало уверять шведов, что ничего не знает о местонахождении и судьбе Валленберга). Медслужба тюрьмы не имела ни малейшего представления об этом, и его смерть была констатирована в обычном порядке. Однако министр госбезопасности Абакумов, очевидно, осведомленный о подлинной причине смерти Валленберга, запретил вскрытие тела и приказал кремировать его».

Думаю, не подлежит сомнению тот факт, что Абакумов в этом деле сыграл немалую роль, но при этом он прежде всего выполнял приказы своего правительства.

* * *

Небезынтересно будет узнать, что в день, когда смерть Рауля Валленберга была констатирована начальником санчасти тюрьмы и В.С. Абакумов уведомил об этом Министерство иностранных дел 17 июля 1947 г., он же подписал письмо Сталину под грифом «Совершенно секретно»: О практике следствия в органах МГБ. В этом документе Абакумов докладывал вождю о сложившейся в органах МГБ практике ведения следствия по делам о шпионах, диверсантах, террористах и участниках антисоветского подполья:

«1. Перед арестом преступника предусматриваются мероприятия, обеспечивающие внезапность производства ареста — в целях:

а) предупреждения побега или самоубийства;

б) недопущения попытки поставить в известность сообщников;

в) предотвращения уничтожения уликовых данных.

При аресте важного государственного преступника, когда необходимо скрыть его арест от окружающих или невозможно одновременно произвести арест его сообщников, чтобы не спугнуть их и не дать им возможности улизнуть от ответственности или уничтожить уликовые данные, — производится секретный арест на улице или при каких-либо других специально придуманных обстоятельствах.

2. При аресте преступника изымаются:

а) личные документы;

б) переписка, фотоснимки, записи адресов и телефонов, по которым можно изучить круг и характер личных связей арестованного;

в) множительные аппараты, средства тайнописи, пароли, шифры, коды, оружие, взрывчатые, отравляющие и ядовитые

вещества;

г) секретные и официальные документы, не подлежащие хранению на квартире;

д) антисоветские листовки, платформы, книги, дневники, письма и другие документы, которые могут помочь в изобличении преступника.

Для захвата связей преступника, в необходимых случаях на квартире арестованного как во время операции по аресту, так и после ее, организуется чекистская засада, которая, находясь там, впускает в квартиру всех пришедших и в последующем оперативно их проверяет.

В ряде случаев аресты проводятся с участием оперативного работника, который вел разработку преступника до его ареста, и следователя, которому поручено вести следствие, с тем, чтобы они, зная особенности дела, могли обнаружить во время обыска уликовые материалы для использования их в разоблачении преступника.

Во всех случаях совершения террористических актов и диверсий, появления антисоветских листовок, хищения и пропажи особо важных государственных секретных документов, — следователь и оперативные работники выезжают для личного осмотра и фотографирования места происшествия, обнаружения следов и доказательств преступления, выявляют всех очевидцев для их допроса и принимают меры к поимке преступников.

Производятся секретные обыски, выемки и фотографирование документов, изобличающих арестованных в совершенных ими преступлениях.

Такие мероприятия производятся главным образом, когда обстановка не позволяет произвести гласный обыск. Например: на квартире у иностранного разведчика, пользующегося правом экстерриториальности.

В необходимых случаях, еще до ареста преступника он секретно фотографируется со своими шпионскими и вражескими связями с тем, чтобы во время допроса этими документами изобличить его в практической преступной деятельности.

3. Следователь, принявший дело к производству, тщательно изучает все имеющиеся агентурные, следственные и иные материалы, послужившие основанием к аресту, а также вещественные доказательства, личные документы, переписку и другие предметы, изъятые при обыске, в целях использования всех этих данных в следствии.

Специально проверяется одежда арестованных, а также изъятые у них при обыске подозрительные вещи с целью

обнаружения тайника.

При аресте переброшенных на территорию СССР иностранными разведками шпионов, диверсантов и террористов, изъятые у них документы и подозрительные записи проверяются в специальных лабораториях МГБ для обнаружения тайнописи, условных знаков, паролей, а также установления не пропитаны ли эти документы отравляющими или ядовитыми веществами.

4. При допросе арестованного следователь стремится добиться получения от него правдивых и откровенных показаний, имея в виду не только установление вины самого арестованного, но и разоблачение всех его преступных связей, а также лиц, направлявших его преступную деятельность и их вражеские замыслы.

С этой целью следователь на первых допросах предлагает арестованному рассказать откровенно о всех совершенных преступлениях против советской власти и выдать все свои преступные связи, не предъявляя в течение некоторого времени, определяемого интересами следствия, имеющихся против него уликовых материалов.

При этом следователь изучает характер арестованного, стараясь:

в одном случае, расположить его к себе облегчением режима содержания в тюрьме, организацией продуктовых передач от родственников, разрешением чтения книг, удлинением прогулок и т. п.;

в другом случае — усилить нажим на арестованного, предупреждая его о строгой ответственности за совершенное им преступление, в случае непризнания вины;

в третьем случае — применить метод убеждения с использованием религиозных убеждений арестованного, семейных и личных привязанностей, самолюбия, тщеславия и т. д.

Когда арестованный не дает откровенных показаний и увертывается от прямых и правдивых ответов на поставленные вопросы, следователь в целях нажима на арестованного использует имеющиеся в распоряжении органов МГБ компрометирующие данные из прошлой жизни и деятельности арестованного, которые последний скрывает.

Иногда для того, чтобы перехитрить арестованного и создать у него впечатление, что органам МГБ все известно о нем, следователь напоминает арестованному отдельные интимные подробности из его личной жизни, пороки, которые он скрывает от окружающих и др.

5. Уликовые данные, которыми располагает следствие, как

правило, вводятся в допрос постепенно, с тем чтобы не дать возможности арестованному узнать степень осведомленности органов МГБ о его преступной деятельности. При этом следователь учитывает психологическое состояние арестованного и в наиболее благоприятный, с этой точки зрения, момент предъявляет арестованному уликовые данные.

В качестве уликовых данных органы МГБ чаще всего пользуются:

а) показаниями других арестованных и свидетелей;

б) материалами, изъятыми при обыске у арестованного: перепиской, записями, книгами, фотографиями и другими вещественными доказательствами;

в) заключениями экспертов;

г) данными, полученными от агентуры, наружною наблюдения, оперативной техники и иным путем.

6. Для того, чтобы сбить арестованного с позиции голого отрицания своей вины, в процессе следствия практикуются очные ставки, причем в ряде случаев очные ставки проводятся лишь по одному какому-либо вопросу с тем, чтобы только уличить арестованного во лжи и использовать этот момент для разматывания дела.

7. В отношении арестованных, которые упорно сопротивляются требованиям следствия, ведут себя провокационно и всякими способами стараются затянуть следствие, либо сбить его с правильного пути, применяются строгие меры режима содержания под стражей. К этим мерам относятся:

а) перевод в тюрьму с более жестким режимом, где сокращены часы сна и ухудшено содержание арестованного в смысле питания и других бытовых нужд;

б) помещение в одиночную камеру;

в) лишение прогулок, продуктовых передач и права чтения книг;

г) водворение в карцер сроком на 20 суток.

Примечание: В карцере, кроме привинченного к полу табурета и койки без постельных принадлежностей, другого оборудования не имеется; койка для сна предоставляется на 6 часов; заключенным, содержащимся в карцере, выдается на сутки только 300 гр. хлеба и кипяток и один раз в 3 дня горячая пища; курение в карцере запрещено.

8. В отношении изобличенных следствием шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа, которые нагло отказываются выдать своих сообщников и не дают показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ,

в соответствии с указанием ЦКВКП(б) от 10 января 1939 г., применяют меры физического воздействия.

В центре — с санкции руководства МГБ СССР.

На местах — с санкции министров государственной безопасности республик и начальников краевых и областных Управлений МГБ.

9. В целях проверки искренности поведения арестованных на следствии, правдоподобности их показаний и для более полного разоблачения их, практикуется подсада в камеру к арестованным агентов МГБ и организуется техника секретного прослушивания в камере.

В качестве внутрикамерных агентов используются арестованные, чистосердечно рассказавшие о своих преступлениях, а также осужденные на небольшие сроки.

Арестованные и осужденные, привлекаемые в качестве внутрикамерных агентов, предварительно проверяются через другую агентуру и при помощи техники секретного прослушивания.

В некоторых случаях для внутрикамерной разработки арестованных практикуется подсада в камеру под видом арестованных — сотрудников МГБ или агентов с воли».

В заключение этого документа говорилось: «Необходимо отметить, что произведенной в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) повсеместной проверкой следственной работы в органах МГБ, о чем Вам было доложено 2 июня с.г. за № 2820, выявлено, что некоторые чекисты забыли и в ряде случаев извратили многие положения из указанной выше практики ведения следствия. Кроме того, вновь пришедшие за последние годы на работу в МГБ товарищи ряд этих положений не знают. Поэтому изложенная выше практика в некоторой части найдет свое отражение в подготавливаемом в настоящее время МГБ СССР приказе об улучшении следственной работы в органах МГБ.

Приказ представляю Вам дополнительно.

Абакумов».

Судя по фактам и документам, Виктор Семенович упорно создавал свою империю, подчинявшуюся только ему, а он лишь одному Хозяину. МГБ под его руководством расширялось с каждым годом, превращаясь в государство в государстве. Ему нравились масштабы власти, которые он взвалил на свои плечи. И даже под ее приятно волнующей тяжестью он продолжал уверенно идти вперед.

И кто знает, какие у него были планы? Но то, что они были — это вне всяких сомнений!

Такие люди, как Виктор Семенович Абакумов, никогда не останавливались на достигнутом. При этом он шел не просто по головам своих врагов, он шел по головам подонков (как он считал), для которых даже пули было бы жалко. И в чем-то он был прав. Сильная личность всегда чувствует верхним чутьем.

И в своей борьбе за лидерство среди спецслужб Советского Союза он стремился не просто расширяться, забирая у соседа основные силы, но стремился путем реформ совершенствовать свое всемогущее ведомство.

Улучшение следственной работы в этом плане было основополагающим.

4

3 января 1947 г. генерал-полковнике Абакумов направил Сталину две справки о «зафиксированном оперативной техникой» разговоре генерал-полковника В.Н. Гордова 28 декабря 1946 г. с генерал-майором Ф.Т. Рыбальченко и о разговоре Гордова 31 декабря 1946 г. со своей женой.

В заключительной части письма вождю было особо подчеркнуто: «Счел необходимым еще раз просить Вашего разрешения арестовать Гордова и Рыбальченко». 28 декабря 1946 г. генерал Рыбальченко, начальник штаба Приволжского военного округа, проездом из Сочи, остановился на квартире Гордова в Москве, который с ноября 1946 г. находился в отставке. Герой Советского Союза, награжденный десятью орденами, в том числе — тремя Суворова 1 степени, Василий Николаевич Гордов как бывший командующий войсками Приволжского военного округа был недоволен своим увольнением. При этом общие обиды двух генералов коснулись положения в стране:

«Рыбальченко. Вот жизнь настала — ложись и умирай! Не дай бог еще неурожай будет.

Гордов. А откуда урожай — нужно же посеять для этого.

Рыбальченко. Озимый хлеб пропал, конечно. Вот Сталин ехал поездом, неужели он в окно не смотрел? Как все жизнью недовольны, прямо все в открытую говорят, в поездах, везде прямо говорят.

Гордов. Эх! Сейчас все построено на взятках, на подхалимстве. А меня обставили в два счета, потому что я подхалимажем не занимался.

Рыбальченко. Да, все построено на взятках. А посмотрите, что делается кругом — голод неимоверный, все недовольны «Что газеты — это сплошной обман», — вот так все говорят.

Министров сколько насажали, аппараты раздули. Как раньше было — поп, урядник, староста, на каждом мужике семьдесят семь человек сидело, — так и сейчас! Теперь о выборах опять трепотня началась.

Гордов. Ты где будешь выбирать?

Рыбальченко. А я их на х… выбирать не буду. Никуда не пойду. Такое положение может быть только в нашей стране, только у нас могут так к людям относиться. За границей с безработными лучше обращаются, чем у нас с генералами».

За столом, за выпитым, языки у генералов развязались, как на духу. Но ведь не знали они, что их прослушивают. Не знали. А то не стали рисковать почем зря. Обида и горечь захлестнули все на свете. И пошло, и поехало.

Гордов. Раньше один человек управлял, и все было, а сейчас столько министров и — никакого толку.

Рыбальченко. Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?

Гордое. Он все видит, все знает.

Рыбальченко. Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?! Выполнен первый год пятилетки, рапортуют — ну что пыль в глаза пускать?! Ехали мы как-то на машине и встретились с «красным обозом»: едет на кляче баба, впереди красная тряпка болтается, на возу у нее два мешка. Сзади еще одна баба везет два мешка. Это «красный обоз» называется! Мы прямо со смеху умирали. До чего дошло! «Красный обоз» план выполняет! А вот Жуков смирился, несет службу.

Гордое. Формально службу несет, а душевно ему не нравится.

Рыбальченко. Я все-таки думаю, что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох, и будет! Если вообще что-нибудь уцелеет.

Гордое. Безусловно.

«Гордое. Трумэн ни разу Молотова не принял. Это же просто смешно! Какой-то сын Рузвельта приезжает, и Сталин его принимает, а Молотова — никто.

Рыбальченко. Как наш престиж падает, жутко просто! Даже такие, как венгры, чехи, и то ни разу не сказали, что мы вас поддерживаем. За Советским Союзом никто не пойдет.

Гордое. За что браться, Филипп? Ну, что делать, что делать?

Рыбальченко. Ремеслом каким, что ли, заняться? Надо, по-моему, начинать с писанины, бомбардировать хозяина.

Гордое. Что с писанины — не пропустят же.

Рыбальченко. Сволочи.

Гордое. Ты понимаешь, как бы выехать куда-нибудь за границу?

Рыбальченко. Охо-хо! Только подумай! Нет, мне все-таки кажется, что долго такого положения не просуществует, какой-то порядок будет.

Гордое. Дай бог!

Рыбальченко. Эта политика к чему-нибудь приведет. В колхозах подбирают хлеб под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала.

Гордое. Почему, интересно, русские катятся по такой плоскости?

Рыбальченко. Потому что мы развернули такую политику, что никто не хочет работать. Надо прямо сказать, что все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца.

Гордов. Где же правда?

Рыбальченко. Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся.

Гордов. Да, здорово меня обидели. Какое-то тяжелое состояние у меня сейчас.

Рыбальченко. Но к Сталину тебе нужно сходить.

Гордов. Сказать, что я расчета не беру, пусть меня вызовет сам Сталин. Пойду сегодня и скажу. Ведь худшего уже быть не может. Посадить они меня не посадят.

Рыбальченко. Конечно, нет.

Гордов. Я хотел бы куда-нибудь на работу в Финляндию уехать или в Скандинавские страны.

Рыбальченко. Да, там хорошо нашему брату.

Гордов. Что ты можешь еще сказать?!

Рыбальченко. Народ внешне нигде не показывает своего недовольства, внешне все в порядке, а народ умирает.

Гордов. Едят кошек, собак, крыс.

Рыбальченко. Раньше нам все-таки помогали из-за границы.

Гордов. Дожили! Теперь они ничего не дают, и ничего у нас нет.

Рыбальченко. Народ голодает, как собаки, народ очень недоволен».

Генерал Гордов с трудом переносил гражданскую жизнь, к которой оказался абсолютно не готовым. 12 декабря ему исполнилось только пятьдесят. И он бы с удовольствием еще послужил. Возможно, поэтому Василий Николаевич тешил себя надеждами, надеялся на чудо и не торопился получать денежный расчет, тянул время.

Но уехал Рыбальченко, а через три дня Новый год. Без гостей,

без веселья, без поздравлений и звонков. Генерал и его жена Татьяна Владимировна впервые рано легли спать.

И в этот момент включилась оперативная техника в спальне:

«Гордов. Я хочу умереть. Чтобы ни тебе, никому не быть в тягость.

Гурьева-Гордова. Ты не умирать должен, а добиться своего и мстить этим подлецам!

— Чем?

— Чем угодно.

— Ни тебе, ни мне это невыгодно.

— Выгодно. Мы не знаем, что будет через год. Может быть, то, что делается, все к лучшему.

— Тебе невыгодно, чтобы ты была со мной.

— Что ты обо мне беспокоишься? Эх, Василий, слабый ты человек!

— Я очень много думаю, что мне делать сейчас. Вот когда все эти неурядицы кончатся, что мне делать? Ты знаешь, что меня переворачивает? То, что я перестал быть владыкой.

— Я знаю. Плюнь ты на это дело! Лишь бы Сталин тебя принял.

— Угу. Ас другой стороны, он все погубил.

— Может быть, то, что произошло, даже к лучшему.

— А почему я должен идти к Сталину и унижаться перед (матом).

— Я уверена, что он просидит еще только год.

— Я говорю — каким он был (матом), когда вызвал меня для назначения (матом), плачет, сидит жалкий такой. И пойду я к нему теперь? Что я должен, пойти и унизиться до предела, сказать: «Виноват во всем, я предан вам до мозга костей», когда это неправда?

Я же видеть его не могу, дышать с ним одним воздухом не могу! Это (матом), которая разорила все. Ну, как же так?! А ты меня толкаешь, говоришь, иди к Сталину. А чего я пойду? Чтобы сказать ему, что я сморчок перед тобой? Что я хочу служить твоему подлому делу, да? Значит, так? Нет, ты пойми сама!

— А тогда чего же ты переживаешь?

— Ну да, сказать, что хочу служить твоему делу? Для этого ты меня посылаешь? Не могу я, не могу. Значит, я должен себя кончить политически. Я не хочу выглядеть нечестным перед тобой. Значит, я должен где-то там все за ширмой делать, чтобы у тебя был кусок хлеба? Не могу, у меня в крови этого нет. Что сделал этот человек — разорил Россию, ведь России больше нет. А я никогда ничего не воровал. Я бесчестным не могу быть. Ты все время говоришь: иди к Сталину. Значит, пойти к нему и

сказать: «Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно». Кому? Подлости буду честно служить, дикости? Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут! Эх, если бы ты знала что-нибудь!

— Тогда не надо так все переживать.

— Как же не переживать, что же мне делать тогда? Ты думаешь, я один такой? Совсем не один, далеко не один.

— Люди со своими убеждениями раньше могли пойти в подполье, что-то делать. Такое моральное удовлетворение было.

Работали, собирали народ. Они преследовались за это, сажались в тюрьмы. А сейчас заняться даже нечем. Вот сломили такой дух, как Жуков.

— Да. И духа нет.

— И он сказал — извините, больше не буду, и пошел работать. Другой бы, если бы был с таким убеждением, как ты, он бы попросился в отставку и ушел.

— Ему нельзя, политически нельзя. Его все равно не уволят. Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии, их убирают. А Жукова год-два подержат и потом тоже — в кружку и все! Я очень много недоучел. На чем я сломил голову свою?.. Я сломил свою голову на том, на чем сломили такие люди — Уборевич, Тухачевский и даже Шапошников.

— Его информировали не так, как надо, после того, как комиссия еще раз побывала.

— Нет, эта комиссия его информировала, по-моему, правильно, но тут вопрос стоял так: или я должен сохраниться, или целая группа людей должна была скончаться — Шикин, Голиков и даже Булганин, потому что все это приторочили к Жукову. Значит, если нужно было восстановить Жукова, Гордова, тогда булганиншина, шиковшина и голиковшина должны были пострадать.

— Они не военные люди.

— Абсолютно не военные. Вот в чем весь фокус. Ты думаешь, я не думал об этом?

— Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло. Но ты должен согласиться, что во многом ты сам виноват.

— Если бы я не был виноват, то не было бы всего этого. Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они дали мне должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье! Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и когда все увидел, все это страшное — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, мышления, я стал их высказывать тебе, еще кое-кому, и это пошло как

платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

— Сейчас никто не стремится к тому, чтобы принести какую-нибудь пользу обществу. Сейчас не для этого живут, а только для того, чтобы заработать кусок хлеба. Неинтересно сейчас жить для общества.

— Общества-то нет.

— Если даже есть— кучка, но для нее неинтересно жить.

— А умереть тоже жалко.

— Хочется увидеть жизнь, до чего все-таки дойдут?

— Увидеть эту мразь?

— Нет, это должно кончиться, конечно. Мне кажется, что, если бы Жукова еще годика на два оставили на месте, он сделал бы по-другому».

А ведь прослушивали генерала не просто так. Еще в бытность командующим, на него, на генерала Рыбальченко и на генерала Кулика — заместителя командующего — кто-то из доброжелателей написал донос об их высказываниях против политорганов в армии. По этому поводу даже приезжала комиссия Министерства обороны. Им бы тогда остановиться, но нет же, обиженные генералы продолжали гневить Бога!

Еще в органах была агентурная магнитофонная запись, составленная МГБ, когда генералы Гордов и Кулик, приехав в Москву из Куйбышева на совещание, изрядно выпив в одном из номеров гостиницы «Москва», вспоминая суровые дни войны, от души склоняли имя Сталина во всех мыслимых и немыслимых падежах, сопровождая эту процедуру самым что ни на есть отборнейшим матом. Абакумову пришлось доложить и об этом тоже.

И процесс пошел!

4 января 1947 г. арестовывают Рыбальченко и Гордова, а 11 января— Кулика. Арестовали и жену Гордова — Татьяну Владимировну. Женщина не смогла выдержать угроз и запугиваний и сломалась. Она подписала показания против своего мужа, а также против его заместителя и начальника штаба. Но для этого ей понадобилось быть лично допрошенной Виктором Семеновичем Абакумовым, он умел убеждать!

Следствие в отношении трех генералов велось более трех лет. Гордов и Кулик предстали перед Военной коллегией Верховного Суда СССР 24 августа 1950 года, а Рыбальченко на следующий день.

В эти же дни их расстреляли.

Спустя годы, бывший заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Лихачев валил все на министра: «Абакумов, осуществляющий непосредственное руководство следствием по делам Гордова, Кулика и Рыбальченко, давал прямые указания о применении к арестованным физических мер воздействия».

После ареста Кулик ежедневно допрашивался по 8–9 часов и сломался уже 15 января 1947 г. Слышали, как он рыдал на допросах.

Рыбальченко допрашивали по 9–12 часов. Он сломался 9 января. А на суде заявил: «Следствие по моему делу велось преступно. Следователь довел меня до такого состояния, что я готов был подписать себе смертный приговор».

Избивали и Гордова, допрос которого вместе с истязаниями записывался на магнитную ленту.

Для примера, давайте **ознакомимся с обвинительным заключением** одного из генералов:

«2 августа 1950 г. по обвинению Кулика Григория Ивановича в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58–1 м «б», 19–58-8, 58–10 ч. 1 и 58 — II УК РСФСР МГБ СССР.

11 января 1947 г. за активную вражескую деятельность был арестован Кулик Григорий Иванович.

Расследованием по делу установлено, что Кулик Г.И., являясь врагом Советской власти, на протяжении ряда лет вел подрывную работу в Советской армии.

На допросе 5 февраля 1947 г. Кулик показал:

«Злоба и ненависть к советскому правительству появилась у меня после моего разжалования в связи со срывом по моей вине обороны Керчи от немцев. 1942 г. был началом моего политического падения, в результате которого я скатился на вражеские позиции, и близких мне людей стал обрабатывать в духе вражды и ненависти в ВКП(б) и Советской власти».

В 1945 году, став заместителем командующего войсками Приволжского военного округа, Кулик на почве общности антисоветских взглядов установил вражескую связь с бывшим командующим войсками того же округа Горловым и начальником штаба Рыбальченко.

Представляя собой группу единомышленников, Кулик, Гордов и Рыбальченко систематически устраивали антисоветские сборища, на которых высказывали гнусные вражеские измышления в отношении ВКП(б) и правительства и поносили советский строй.

На следствии арестованный Гордов показал: «Сойдясь с

Рыбальченко и Куликом на почве общности враждебных взглядов, мы в период первой половины 1946 г. часто собирались вместе и вели между собой антисоветские беседы, в которых возводили гнусную клевету на советский государственный строй, руководителей ВКП(б) и правительство».

Арестованный Рыбальченко подтвердил на следствии это обстоятельство и показал:

«Высказываемые мною антисоветские взгляды полностью разделяли Гордов и Кулик, а я, в свою очередь, поддерживал их враждебные высказывания.

Представляя собой, таким образом, группу противников существующего в СССР государственного строя, я, Гордов, Кулик встали на путь борьбы с советской властью».

Для расширения вражеской деятельности Кулик, Гордов и Рыбальченко стали выискивать себе единомышленников. Они группировали вокруг себя обиженных и недовольных службой в Советской армии офицеров, которых обрабатывали в антисоветском духе.

Вынашивая вражеские взгляды о необходимости перестройки Советской армии по типу капиталистических армий, Кулик, Гордов и Рыбальченко намеревались упразднить институт политработников и систему политического воспитания личного состава Советской армии. С этой целью они в своей практической работе в штабе Приволжского военного округа вели линию на принижение роли и дискредитацию политаппарата, на свертывание политической работы в округе.

Арестованный Рыбальченко об этом показал: «Мы хотели построить Советскую армию по типу буржуазных армий».

Командуя войсками ПриВО, Гордов, Кулик и я всячески пытались помешать нормальной работе политаппарата округа и все делали для того, чтобы его дискредитировать.

Комиссии МВС, проверявшие нашу работу в ПриВО, вскрыли эту антигосударственную практику, и Гордов, Кулик и я были сняты с занимаемых должностей, а затем и вовсе уволены из армии».

Будучи уволены из армии, Кулик, Гордов и Рыбальченко еще более озлобились против Советской власти и, собираясь в квартирах у Кулика и Гордова в Москве, высказывались за необходимость реставрации в стране капитализма и ликвидации советского правительства, а также делали враждебные выпады по адресу главы советского государства.

Обсуждая изменнические планы, Кулик, Гордов и Рыбальченко на своих сборищах высказывали угрозы в отношении руководителей советского государства и заявляли о

необходимости свержения советского правительства. Арестованный Гордов на следствии об этом показал: «После отстранения от должности командующего войсками Приволжского военного округа мое озлобление на советскую власть дошло до предела, в результате чего осенью 1946 г. я в беседах с Рыбальченко и Куликом высказывал угрозы по адресу руководителей ВКП(б) и правительства.

Разделяя мои вражеские настроения, Рыбальченко и Кулик также злобно клеветали на правительство и, обвиняя его в неспособности руководить страной, договаривались до того, что такое правительство необходимо свергнуть»».

В общем, лихо закручено.

Но тогда умели обыкновенный треп превращать в заговор. Что еще раз подтверждает надуманность многих, если не всех сталинских процессов. А это обратная сторона механизма репрессий.

Неудивительно, что и Виктор Семенович четко усвоил для себя всю эту методологию. И его кухня работала на всю катушку. При этом нельзя забывать о том, что он мог презирать зажравшихся генералов.

В подтверждение своих слов хочу привести отрывок из книги доктора исторических наук, профессора, полковника в отставке Д.Ф. Свердлова, который не нуждается в комментариях:

«Были среди военачальников и такие, которые по чистому недоразумению попали в число «сильных мира сего». Они были людьми давно застывшими на своем «первобытном» уровне развития. Они ничего не читали, ничем не интересовались и, что самое страшное, ничего не понимали в современной далеко шагнувшей технике.

Одни из них брали «горлом», другие — старыми заслугами, третьи — «внешней солидностью», четвертые — тем, что умели пресмыкаться, пятые — непонятно чем. Вот такой пример.

В апреле 1939-го около двадцати командиров, воевавших в Испании, «доставили» в Москву. Они должны были принять присягу лично у заместителя Народного Комиссара Обороны СССР. Утром их построили в огромном кабинете, где все было огромно — и стол, и окно, и бронзовый прибор на письменном столе, предназначенный для выполнения канцелярских обрядов, и два бронзовых канделябра, стоявших по бокам письменного прибора, в которых когда-то, в средние века вкладывались свечи. Конечно, письменный стол был накрыт зеленым сукном.

Правее огромного письменного стола стоял одинокий маленький столик, покрытый красным простым материалом, а на нем стопка листов с текстом присяги. Маленький столик в стиле

рококо сиротливо терялся среди окружавших его предметов в этом, почему-то мрачном, кабинете. Все командиры были подавлены величием момента, размерами окружающих предметов и чувствовали себя одиноко и сиротливо, как маленький столик.

Наконец-то в глубине кабинета открылась дверь, и в него ввалился маршал Кулик — солидной величины человек. Его лицо было буро-красным и довольно внушительным по своему размеру. Все хором «рявкнули»: «Здравствуйте!» Маршал слева направо прошел строй, его взор ничего не отражал, а его взгляд был направлен «в ничто». Затем Кулик зашел за свой стол, отчего последний стал ниже и меньше, лишь бронза канделябров продолжала горделиво поблескивать. Кулик загородил спиной большое окно, которое и без того давало мало света, кабинет тоже стал значительно меньше.

Хотя тогда у маршалов была довольно скромная экипировка, без золота погон и блеска подавляющих регалий, но Кулик, распространяя легкий запах алкоголя, блистал, и все пожирали его глазами. Перед тем, как приступить к процедуре приема присяги, маршал, по давно заведенной у нас традиции, «закатил» речь. Однако она была не той, которую обычно говорят большие начальники. Не той, где в первой части широко освещается международная обстановка и катастрофически безвыходное положение в капиталистическом мире, а во второй — наши головокружительные успехи и, наконец, в третьей части обыкновенно указываются некоторые наши недостатки (часто смазывающие вторую часть) и стоящие перед нами задачи. Стоявшие командиры впервые услышали речь экспромтом, без шаблона и без предварительной подготовки теми, кто их пишет, для тех, кто их произносит. Речь состояла из каких-то совершенно не связанных между собой и бессмысленных в отдельности фраз. Это была чистейшей воды ахинея, бред полупьяного. Самое страшное было то, что перед командирами стоял не только маршал, но, что самое ужасное, — первый заместитель Народного комиссара Обороны СССР».

5

Известно, что Сталин не решился физически расправиться с маршалом Жуковым, однако кольцо активной дискредитации вокруг Георгия Константиновича продолжало сужаться.

6 декабря 1947 г. арестовали его бывшего адъютанта подполковника Семочкина А.С., 31 декабря 1947 г. арестовали бывшего генерал-адъютанта, а затем генерала для особых

поручений— генерал-лейтенанта Минюка Л.Ф., 24 января 1948 г. арестовали бывшего члена Военного совета 1-го Белорусского фронта, затем Группы Советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанта Телегина К.Ф., а 18 сентября **1948 г.** — заместителя командира 36-го стрелкового корпуса Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Крюкова В.В.

Следственные органы настойчиво добивались от арестованных любых показаний, дискредитирующих маршала Жукова. Но были и другие действия с этой же целью.

Вначале 1948 года, после выбитых показаний у арестованного адъютанта, появилась легенда о «чемодане с драгоценностями», который якобы хранит и тщательно прячет Г.К. Жуков. В соответствии с указанием Сталина 5 января на квартире маршала был произведен негласный обыск, о результатах которого уже 10 января Виктор Семенович доложил вождю: «Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями. В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальной комнате.

В шкатулке оказалось: часов— 24 шт., в том числе: золотых 17 и с драгоценными камнями — 3; золотых кулонов и колец— 15 шт., из них 8 с драгоценными камнями; золотой брелок с большим количеством драгоценных камней; другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями и пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведенному обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было».

В ночь с 8 на 9 января негласный обыск был произведен и на даче Жукова в поселке Рублево. Об этом также доложил министр госбезопасности: «В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например: шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4000 метров; мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракулевых — всего 323 шкуры; шевро высшего качества — 35 кож; дорогостоящих

ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и др. дворцов и домов Германии, — всего 44 штуки, часть которых разложена и развешена по комнатам, а остальные лежат на складе.

Особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи.

Ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе; дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков; серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика; аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук; уникальных охотничьих ружей фирмы «Голанд-Голанд» и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также навалом. Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения. Заслуживает внимание заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что 4 картины висят даже на кухне. Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин.

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат. Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке».

Но как ни старались подчиненные Виктора Семеновича, а чемодана они не нашли. Дошло до того, что в докладной Сталину Абакумов все-таки добавил: «Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями».

И ведь потребовали сдать чемодан, да только не было никакого чемодана. Тогда, 3 февраля, изъятое у маршала Жукова имущество в соответствии с указанием вождя было передано по акту и подробным поштучным описям Управляющему делами Совета Министров СССР Чадаеву. В общем, все в фонд государства.

* * *

6 февраля 1948 г. Абакумов представляет Сталину протокол допроса арестованного генерал-майора Сиднева А.М., бывшего начальника оперативного сектора МВД в Берлине, о мародерстве и грабежах в Германии. В препроводительной записке указывалось, что «бывший начальник финансового отдела аппарата Серова в Германии Сачков и бывший начальник финотдела берлинского оперативного сектора МВД Ночвин, которые для того, чтобы замести следы преступлений, участвовали в сожжении документов о количестве наворованных Сидневым и другими ценностей и германских марок, — нами арестованы.

По показаниям Сиднева и Бежанова как активный жулик проходит Тужлов — бывший секретарь Серова, ныне слушатель Военного института Министерства внутренних дел СССР.

Прошу Вашего разрешения арестовать Тужлова».

Думаю, не сложно понять, что Виктор Семенович и на этот раз подбирался к генерал-полковнику Серову.

Настойчиво, настырно, как он это только умел делать. При этом нельзя отказать ему в сообразительности. Коварный ход был продуман до мелочей. И стоило только Хозяину сказать «фас!» — судьба заместителя министра внутренних дел была бы решена. Но надо было знать Сталина! Он предпочитал не наказывать преданных высокопоставленных чиновников, но если они становились соперниками, то компромат, имеющийся на них, превращался в реальную и достаточно страшную угрозу. Поэтому Центральный Комитет не всегда принимал меры по фактам взяточничества, разложения, по докладам комиссии партийного контроля и органов безопасности.

В данном случае вождь не спешил. Соперничество Абакумова с Серовым его вполне устраивало до тех пор, пока кто-то из них не оступится, не поскользнется. А там, что называется, видно будет.

Но перейдем к допросу генерала Сиднева. Сам по себе этот документ очень обширный, поэтому мы остановимся на некоторых его частях.

Начальником оперативного сектора МВД гор. Берлина Алексей Матвеевич работал с 1945 по 1947 год. Следователь подполковник Путинцев его сразу спросил прямо:

— После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.

Видимо, сорокалетний генерал не сразу понял, что от него хотят услышать, и начал в общем.

Тогда следователь уточнил:

— Вы сами занимались грабежом?

— Я это признаю. Не считаясь с высоким званием Советского генерала и занимаемой мною ответственной должностью в МВД, я, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которые мне надлежало охранять, стал обогащаться.

Как не стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остается, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства.

При этом я должен сказать, что, отправляя на свою квартиру в Ленинград это незаконно приобретенное имущество, я, конечно, прихватил немного лишнего.

— Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра. Это, по-вашему, «немного лишнего»?

— Яне отрицаю, что привез из Германии много ценностей и вещей.

— Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске 5 уникальных, большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков. Где вы утащили эти гобелены?

— Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи (…).

— 15 золотых часов, 42 золотых кулона, колье, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у вас при обыске, где вы украли?

— Так же, как и золотые браслеты, я похитил эти ценности в немецких хранилищах.

— Вы очищали не только немецкие хранилища, но и грабили арестованных, как разбойник с большой дороги.

— Ценностей арестованных я не присваивал.

— Врете. Ваш бывший адъютант Алексеев П.В. изобличает вас именно в том, что вы грабили арестованных.

Алексеев показал:

«Летом 1945 г. Сиднев приказал мне выехать к майору Захарову, взять там у арестованного немца ценности и доставить к нему — Сидневу, а арестованного немца также забрать с собой, но по пути высадить из машины и отпустить на все четыре стороны. Это приказание мною было выполнено. Я доставил Сидневу изъятые у этого немца золотые часы, отделанный золотом автоматический карандаш, 4 отреза шерсти высокого качества и меховые шкурки на два котиковых пальто.

Тогда же я доложил Сидневу, что, согласно его приказанию, я забрал с собой у Захарова арестованного немца и по дороге отпустил его. Фамилия этого немца, насколько помню, Зальбер». Вы признаете это?

— Возможно, такой случай и имел место, но я его не помню.

— Шестьсот серебряных ложек, вилок и других столовых предметов вы также украли?

— Да, украл.

— Можно подумать, что к вам ходили сотни гостей. Зачем вы наворовали столько столовых приборов?

— На этот вопрос я затрудняюсь ответить (…).

А вот, собственно, и то, к чему подводили Сиднева в МГБ:

— Как получилось, что вы стали мародером? — спросил его следователь.

— Сидя в тюрьме, я и сам неоднократно задавал себе этот вопрос. Ведь я с 1928 г. находился в Советской армии, был хорошим командиром и честным коммунистом и когда в 1939 г. заканчивал Военно-инженерную академию им. Куйбышева, то по партийной линии был мобилизован в органы НКВД и направлен на руководящую работу.

На этой работе я был всем обеспечен, честно и с любовью относился к труду. Отечественная война застала меня на работе в Особом отделе НКВД и с армией я переносил все тяготы. В 1944 году, являясь заместителем начальника Управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта, я на территории Польши встретился с Серовым, являвшимся в то время Уполномоченным НКВД по указанному фронту. Под его руководством я проводил работу в Польше, а затем, когда советские войска захватили Берлин, Серов добился моего перевода на работу в НКВД и назначил начальником берлинского оперсектора.

На этой работе Серов приблизил меня к себе, я стал часто бывать у него, и с этого времени началось мое грехопадение.

Полностью сознавая свою вину перед партией и государством за преступления, которые я совершил в Германии, я просил бы только учесть, что надо мной стоял Серов, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я.

Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что Серов являлся, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного.

Самолет Серова постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для Серова. С таким же грузом в Москву Серов отправлял вагоны и автомашины.

Надо сказать, что Серов свои жульнические операции проводил очень искусно. Направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, Серов под прикрытием этого большее количество ценностей и вещей брал себе.

Следуя примеру Серова, я также занимался хищениями ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами.

— Но ведь и деньги вами тоже были украдены?

— Я денег не крал, — утверждает Сиднев.

Но его уличают:

— Неправда. Арестованный бывший начальник оперативного сектора МВД Тюрингии Бежанов Г.А. на допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения. Правильно показывает Бежанов? — спрашивает следователь.

— Правильно, — уже соглашается Сиднев, — При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в Рейхсбанке было обнаружено 40 миллионов немецких марок. Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митге (Берлин).

Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором размешался берлинский оперативный сектор МВД.

— Но этот подвал с деньгами находился в вашем ведении?

— Да, в моем.

— Сколько же всего там находилось денег?

— В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок.

— Какое вы имели право держать у себя такое количество

денег, не сдавая их в советский государственный банк?

— Хранение такого количества денег, конечно, было незаконным, но сделано это было по указанию Серова. Когда я ему доложил об обнаружении в Берлине мешков с немецкими марками, Серов сказал, что эти деньги будут для нас очень кстати и приказал их в банк не сдавать, а держать у себя.

— За счет этих денег вы и обогащались?

— Да. Значительная часть захваченных денег пошла на личное обогащение.

— Кого?

— Больше всего поживились за счет этих денег Серов и я. Попользовались этими деньгами также Клепов и Бежанов, работавшие начальниками оперативных секторов МВД в Германии.

— Как вы разворовывали миллионы находившихся у вас немецких денег?

— Это делалось очень просто. Серов присылал мне так называемые заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче им денег. Эти заявки, как правило, мотивировались необходимостью расходов по строительству и хозяйственным нуждам оперативных секторов. За счет этих сумм действительно покрывались расходы по оперативным секторам, а часть денег разворовывалась.

В общем, дальше разговор шел в основном про Серова, в конце которого всплыли незначительные детали. Сиднев якобы сказал:

— Бывая в кабинете Серова, я видел у него на столе портрет Жукова с надписью на обороте: «Лучшему боевому другу и товарищу на память». Другой портрет Жукова висел в том же кабинете Серова на стене.

Серов и Жуков часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению Серова передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные Жуковым для переделки три кинжала, принадлежащие в прошлом каким-то немецким баронам.

Несколько позже ко мне была прислана от Жукова корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стэка, который Жуков хотел преподнести свой дочери в день ее рождения».

Получив протокол допроса 6 февраля, Виктор Семенович тут же подготовил его для Сталина. Он очень спешил. Судя по всему, а препроводительная была готова тоже 6 февраля, вождь ознакомился с этим документом в этот же день. Абакумов

предчувствовал победу.

Он наносил мощный удар по Серову и был уверен, что на этот раз тому не отвертеться.

Естественно, генерал Серов узнает об этом и 8 февраля пишет письмо Сталину. Он тоже спешит.

«Я извиняюсь, товарищ Сталин, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня, что решил написать Вам.

С тех пор, как я послал Вам, товарищ Сталин, объяснительную записку по поводу лживых показаний Бежанова, Абакумов арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной и в том числе двух адъютантов. Сотрудники МГБ и МВД СССР знают об этих арестах, «показаниях» и открыто говорят, что Абакумов подбирается ко мне.

Я работаю по-прежнему, не обращая внимания на происходящее, однако считаю необходимым доложить Вам об этом, товарищ Сталин, т. к. уверен, что Абакумов докладывает неправду.

Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет Абакумов.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что Абакумов в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встает на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям.

Несомненно, что Абакумов будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с тт. Федотовым, Кругловым, Мешиком, Рапава, Мильштейном и другими.

Мне Абакумов в 1943 г. заявил, что он все равно когда-нибудь Мешика застрелит. Ну а теперь на должности министра имеется возможность найти другой способ мести. Мешик это знает и остерегается. Также опасаются Абакумова и другие честные товарищи.

Товарищ Сталин, я не сомневаюсь, что Абакумову долго такими методами вы работать не позволите.

Я приведу несколько фактов, известных мне в результате общения с Абакумовым на протяжении ряда лет.

Сейчас для того чтобы очернить меня Абакумов всеми силами старается приплести меня к Жукову. Я этих стараний не боюсь, т. к. кроме Абакумова есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако Абакумов о себе молчит, как он расхваливал Жукова и выслуживался перед ним, как мальчик. Приведу факты, товарищ Сталин.

Когда немцы подошли к Ленинграду, и там создалось

тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий Абакумов, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать обороны, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут». Теперь Абакумов, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить».

Вплотную Абакумов с Серовым столкнулись в сорок пятом в Германии. Трем спецслужбам (СМЕРШ, НКВД и НКГБ) оказалось тесно на оккупированной территории. И если Серову удалось подчинить себе офицеров госбезопасности Меркулова, то Абакумов мешал ему командовать в Германии своими офицерами. За это генерал НКВД крыл его самыми последними словами. Правда, за глаза. Но Виктору Семеновичу, как водится, передавали информацию тут же.

Сталин ловко убрал третьего лишнего — Меркулова, поставил Абакумова над госбезопасностью и позволил ему забрать себе СМЕРШ. Но противостояние между МВД и МГБ оставил до поры до времени.

Причем в феврале 1947 г. Серова назначили первым заместителем Министра внутренних дел и война затягивалась. Абакумов писал на Серова. Серов на Абакумова. В ход шло все. Но угрожающим положение Серова стало именно в тот момент, когда под арестом в МГБ оказались его приближенные. И вот Иван Александрович продолжает:

«Мне неприятно, товарищ Сталин, вспоминать многочисленные факты самоснабжения Абакумова во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверное, Абакумов не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы Абакумова из СМЕРШ прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью: «Абакумову».

Вероятно, Абакумов уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант Кузнецов (ныне «охраняет» Абакумова) прилетел к начальнику Управления контрразведки СМЕРШ и нагрузил полный самолет трофейного имущества.

Командование фронтовой авиации не стало заправлять бензином самолет Абакумова на обратный путь, т. к. горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами, тогда адъютант Абакумова не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта Абакумова. Вот какие подлости

выделывал Абакумов во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «самолет летал за арестованными».

Сейчас Абакумов свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть Абакумов расскажет Ц К про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил как мокрая курица, ехал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался. Его трусость была воспринята и подчиненными аппарата. Своего подхалима Иванова, ведавшего хозяйственными вопросами, Абакумов посылал к нам снимать мерку с ног для пошива болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Ведь оставшиеся в Москве в тот период генералы видели поведение Абакумова».

К сожалению, на этот донос реакция вождя неизвестна. Впрочем, поулыбался он, видимо, от души. Особенно в том месте, где говорится про болотные сапоги. Но ведь это бред, да и только. Причем бред генерал-полковника. Однако продолжим увлекательное чтение:

«Конечно, сейчас Абакумов, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 г. о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. Абакумов по секрету сообщил мне, что прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше. На это я ответил ему: «Товарищ Сталин под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ Сталин, слова, когда Вам покойный Щербаков доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной площади.

Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе, как побежит без оглядки из России»».

Эти Ваши слова я рассказал Абакумову, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом, Абакумов начал мне рассказывать, что «там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы Рокоссовский, Воронов и другие». Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин и добавил: «Не будь товарища Сталина, мы погибли бы с твоими маршалами.

Товарищу Сталину обязан весь русский народ». Абакумов на это не нашелся ничего сказать как «да». Да оно и понятно, ведь Абакумов не способен на политическую оценку событий».

Судя по всему, лизать задницу генерал Серов умел профессионально. Да как завернул! Особенно про политическую оценку. Прямо в точку попал. Профессор истории Н.Н. Яковлев знал Серова с начала шестидесятых до его смерти в 1992 г. Он вспоминал о нем как о человеке, оставшемся верным «своим повадкам, а стоило ему заговорить на любимую тему — о Сталине, как глубокий старик, пересказывая те или иные эпизоды, действительно начинал говорить с грузинским акцентом». Чем не показатель!

«Мне во время войны приходилось чаще по службе и реже в быту встречаться с Абакумовым, — продолжал Серов. — Я наблюдал и изучал его. У меня составилось определенное о нем мнение, которое полностью подтвердили последние события.

Для того чтобы создать о себе славу, он идет на любую подлость, даже в ущерб делу.

Сейчас под руководством Абакумова созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь Абакумов на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что «теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами» и т. д. Ведь между МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела, не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместными заседаниями почтить память Ленина, а проводили раздельно, и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Ведь Абакумов навел такой террор в министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20–25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-либо из работников МГБ требуется по делу придти ко мне, то нужно брать особое разрешение от Абакумова. Об этом мне официально сообщили начальник отдела МГБ Грибов и другие.

Ведь в МГБ можно только хвалить руководство, говорить о достижениях в работе и ругать прежние методы работы.

Во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ, офицерам запрещено вспоминать о проведенных операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.), можно только ругать эти операции.

А ведь осенняя операция МГБ по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала и многие из них скрылись. Это факт. А Абакумов еще до операции представил сотни сотрудников к наградам.

Не так давно Абакумов вызывал одного из начальников Управления и ругал за то, что тот не резко выступал на партсобрании против старых методов работы МГБ. Везде на руководящие должности назначены работники СМЕРШ, малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнением с работы и расследованиями.

Всем известно, что Абакумов не проверил работу ни одного органа СМЕРШ и боится это сделать, т. к. найдет много безобразий.

Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают 3–4 сотрудника РО МГБ в течение года.

А ведь Вам известно, товарищ Сталин, сколько прибыло в страну репатриантов, а среди них и англо-американских шпионов (…).

Я расскажу Вам, товарищ Сталин, историю передачи Московской милицией в МГБ регулировщиков уличного движения. В МВД СССР стали поступать заявления от трудящихся столицы и от приезжих граждан, что милиционеры на главных улицах Москвы грубят и не желают разговаривать с населением. При этом указывали номера постов, где эти милиционеры стоят. Когда мы занялись проверкой, то оказалось, во всех случаях это были сотрудники охраны МГБ, стоявшие в форме милиции. Мы вынуждены были написать об этом Абакумову. Вместо принятия мер, Абакумов попросил меня зайти и вместе с Власиком начали оскорблять меня и тов. Круглова, заявляя при этом, что если они захотят, то заберут всех регулировщиков к себе. Действительно, через двое суток поступило распоряжение о передаче регулировщиков в МГБ».

В заключение своего письма-доноса генерал Серов очень просил Сталина поручить комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал его враг Виктор Семенович Абакумов, чтобы свести личные счеты.

Но Сталин даже пальцем не пошевелил. Все оставалось по-прежнему. Пока. Только структура МВД к 1 июля 1949 г. значительно сократилась. Например, из доклада министра внутренних дел Круглова можно узнать, что в МВД остались:

Главное Управление исправительно-трудовых лагерей и

колоний.

Тюремное управление МВД СССР.

Отдел МВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Отдел спецпоселений МВД СССР.

Главное управление МВД СССР по делам военнопленных и интернированных.

Главное управление МВД СССР по борьбе с бандитизмом.

Войсковые органы (Управление конвойных войск МВД СССР, Управление войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог, Особый дорожно-строительный корпус, Военно-строительные части Главного управления лагерей промышленного строительства МВД СССР, Главное управление местной противовоздушной обороны МВД СССР).

Главное управление пожарной охраны МВД СССР.

Главное архивное управление МВД СССР.

Специализированные производственные управления МВД СССР (Главное управление шоссейных дорог МВД СССР, Главное управление лагерей промышленного строительства МВД СССР, Главное управление лагерей горнометаллургических предприятий МВД СССР, Главное управление гидротехнического строительства МВД СССР, Главное управление лагерей лесной промышленности МВД СССР, специальное Главное управление по строительству Дальнего Севера МВД СССР, Главное управление «Енисейстрой» МВД СССР). Главное Управление военного снабжения МВД СССР. Главное Управление материально-технического снабжения МВД СССР.

Отдел фельдъегерской связи МВД СССР.

Отдел перевозок МВД СССР.

Управление кадров МВД СССР.

Шесть специальных отделов.

Центральный финансовый отдел МВД СССР.

Плановый отдел МВД СССР.

Мобилизационный отдел МВД СССР.

Секретариат МВД СССР.

Секретариат особого совещания МВД СССР. Юридическая часть МВД СССР.

Автотранспортный сектор МВД СССР.

На данный момент это было все, потому что остальное как раз и забрал Виктор Семенович в МГБ!

Глава седьмая
Сталинский детектив

Кто ж у истока — курица или яйцо? Люди или система? Несколько веков была у нас пословица: «Не бойся закона — бойся судьи». Но, мне кажется, закон перешагнул уже через людей, люди отстали в жестокости. И пора эту пословицу вывернуть: не бойся судьи — бойся закона.

А. И. Солженицын

1

Как бы сегодня ни пытались некоторые авторы и историки изобразить Виктора Семеновича министром с чистой совестью, не испачканным человеческой кровью, у них это не получится.

Потому что Абакумов не мог идти по крови и не испачкаться. Достаточно привести всего один пример.

В январе 1948 г., после ареста в Ростове генерала Телегина, Абакумов лично пригрозил ему расправой в случае, если он не подпишет предъявленных ему обвинений. Константин Федорович отказался, и тогда Абакумов выбил ему передние зубы, а потом дважды каблуками наступал на пах. И в дальнейшем заслуженного генерала избивали резиновой дубинкой по два раза в день, вырывая на теле куски мяса. Избивали до тех пор, пока он не подписал.

* * *

18 сентября 1948 г. был арестован генерал-лейтенант Крюков. Сначала его вызвал заместитель начальника следственной части полковник Лихачев и предупредил:

— Помни, что ты теперь уже не генерал, а арестант, и разговоры с тобой будут коротки. Если ты вздумаешь запираться в своих показаниях, будем бить тебя, как «Сидорову козу».

Владимир Викторович пытался возражать:

— МГБ мне звания не присваивало, и не оно меня будет лишать, а применять избиения к подследственным в Советском

Союзе никому не дано права.

— Этот вопрос согласован, где надо, — ответил Лихачев. — Мы самостоятельно не избиваем.

— Но позвольте, я же только пока что подследственный и никем пока не разжалован.

— Иди сюда, — приказал полковник и подвел Крюкова к окну, из которого была видна улица. — Видишь, там народ, вон где подследственные, а ты уже осужден, от нас на свободу возврата нет, дорога только в исправительные лагеря.

Из кабинета Лихачева Крюкова повели в кабинет Абакумова.

Виктор Семенович, как всегда, был конкретен:

— Если ты будешь упорствовать, будем тебя бить и искалечим на всю жизнь. Ты меня понял?

— Но позвольте, — пытаясь защищаться, говорил генерал, — как же так, в Советском Союзе не допускаются подобные методы ведения следствия, это напоминает «ежовшину».

— Я тебе покажу «ежовщину», — заорал министр, — еще раз говорю, не будешь давать показания, искалечим на всю жизнь и все равно добьемся от тебя нужных показаний.

После краткого «приема» у министра Крюкова направили к следователю — капитану Самарину.

— Ну, был у министра, предупредили тебя, так давай сразу приступим к делу, и я еще раз даю тебе совет, не упорствуй, чтоб не было хуже.

— Я не знаю, в чем вы меня обвиняете, какие преступления я совершил?

— Брось, не упорствуй и начинай давать показания, нам все известно, рассказывай о своей антисоветской деятельности и своих сообщниках.

— Я никогда не занимался никакой антисоветской деятельностью, а, следовательно, у меня не может быть никаких сообщников.

Так на протяжении месяца генерал-лейтенант проводил бессонные ночи в кабинете у следователя капитана.

По воспоминаниям самого Крюкова, обычно его вызывали на допрос в 10–12 дня и держали до 5–6 часов вечера, а затем в 10–11 часов вечера до 5–6 часов утра.

Через месяц следователь сказал:

— Или ты начнешь давать показания, или я сегодня же отправлю тебя в военную тюрьму с особым режимом, и ты потом пожалеешь.

— Я в вашей власти, делайте что хотите, но я никаких ложных показаний давать не буду, — ответил Крюков.

В тот же день его направили в Лефортовскую тюрьму, где

заключили в одиночную камеру и лишили возможности покупать продукты в тюремном ларьке, а также брать книги. Ему каждый день в течение месяца обещали «завтра» начать избиения.

Но на удивление пока не начинали, а только снова отправили во внутреннюю тюрьму МГБ в «бокс» на восемь дней без книг и прогулок. А потом снова вызвали к Лихачеву.

— В последний раз предупреждаю тебя давать показания, или же сегодня тебя будут бить, как «Сидорову козу».

— Я ничего не знаю.

И снова Лефортовская тюрьма, снова «бокс» и снова следователь. Правда, на этот раз капитан достал из портфеля резиновую палку и показал Крюкову:

— Видишь? Или начнем говорить, или же она сейчас «походит» по тебе.

— Я не отказываюсь давать показания, — заявил генерал, — но я не знаю, что вам показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нем не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь.

Тогда следователь спрашивает:

— Бывал на банкетах у Жукова и Буденного и других?

— Да, бывал.

— Какие вопросы решались там?

— О каких вопросах вы говорите? Были банкеты, как и каждый банкет: пили, ели, веселились, вот и все.

— Врешь, перестань упорствовать, нам все известно.

— Если вам все известно, что же вы от меня хотите? Уличайте меня тогда фактами.

— Я буду тебя уличать не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него?

— В чем же заключалось мое восхваление Жукова? Я не знаю, где бы это воспрещалось участие на банкетах, причем официальных.

— Все ваши банкеты — это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет? Даю десять минут на размышление, после чего эта резиновая палка «походит» по тебе.

— Никаких ложных показаний я давать не буду, — упорно твердил Крюков. После этих слов следователь вызвал по телефону майора, а когда тот подошел, Самарин схватил генерала за плечи, ударил по ногам и повалил на пол.

Крюков вспоминал:

«И началось зверское избиение резиновой палкой, причем били по очереди, один отдыхает, другой бьет, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю, сколько

времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в «бокс». На следующий день часов в 11–12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырех дней и днем и ночью».

* * *

В конце сентября 1948 г. на гастролях в Казани арестовали и жену Крюкова — Крюкову-Русланову Лидию Андреевну, артистку Мосэстрады. В постановлении на ее арест было указано: «Имеющимися в МГБ материалами установлено, что Крюкова-Русланова, будучи связана общностью антисоветских взглядов с лицами, враждебными к советской власти, ведет вместе с ними подрывную работу против партии и правительства.

Крюкова-Русланова распространяет клевету о советской действительности и с антисоветских позиций осуждает мероприятия партии и правительства, проводимые в стране.

Кроме того, Крюкова-Русланова, находясь вместе со своим мужем Крюковым В.В. в Германии, занималась присвоением в больших масштабах трофейного имущества».

На одном из допросов 5 октября 1948 г. следователь спросил известную артистку:

— Какие правительственные награды вы имеете?

— Я награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

— А разве других наград вы не имеете?

— Имею, — растерялась Русланова, — В августе 1945-го я была награждена орденом Отечественной войны I степени. Однако в 1947-м по решению правительства как незаконно выданный у меня отобрали.

— Кем вы были награждены? — уточняет следователь майор Гришаев.

— Награждена я была по приказу Г.К. Жукова, командовавшего в то время оккупационными войсками в Германии.

— За какие заслуги вас наградили?

— Я точно не знаю. Насколько мне помнится, за культурное обслуживание воинских частей и за то, что на мои деньги были куплены две батареи минометов.

— В каких взаимоотношениях вы находились с Жуковым?

— Мы с Жуковым были хорошими знакомыми. Мой муж

Крюков и Георгий Константинович старые сослуживцы: когда Жуков в Белоруссии командовал дивизией, Крюков у него был командиром полка. Как мне рассказывала жена Жукова Александра Диевна, они дружили, бывали друг у друга в гостях. Познакомившись с Жуковым и его семьей, я тоже неоднократно бывала у них на квартире. Один раз Жуков с женой был в гостях у нас.

— Теперь, может быть, скажете правду, за что Жуков наградил вас орденом?

— Справедливости ради я должна сказать, что если бы не была женой Крюкова и не была лично знакома с Жуковым, то навряд ли меня наградили бы орденом. А получила я его во время празднования годовщины со дня организации корпуса, которым командовал Крюков.

Следователь знал, что спрашивал, тем более ему был известен текст приказа о ее награждении: (№ 109/Н от 24.VIII. 1945 г.) «За успешное выполнение заданий Командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество, за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами награждаю орденом Отечественной войны 1 степени Русланову Лидию Андреевну».

Знал следователь и о том, как летом 1947 г. этому вопросу было посвящено специальное заседание ЦК ВКП(б), на котором маршал Жуков и генерал Телегин получили по выговору.

Безусловно, статут ордена Отечественной войны не предусматривал такого рода награждений, но и Русланова не отрицала, что была награждена благодаря своему знакомству с Жуковым. Однако она не признавала себя виновной в распространении клеветы о советской действительности, в том, что с антисоветских позиций осуждала мероприятия партии и правительства.

Тогда ее «кололи» дать компромат на Жукова, но и здесь она была непреклонна. Следователь это прекрасно понял и перешел к другой «песне»:

— Материалами следствия вы изобличаетесь в том, что во время пребывания в Германии занимались грабежом и присвоением трофейного имущества в больших масштабах. Признаете это?

— Нет! — твердо ответила Лидия Андреевна.

— Но при аресте на вашей даче изъято большое количество ценностей и имущества. Где вы его взяли?

— Это имущество принадлежит моему мужу. А ему его прислали в подарок из Германии По всей вероятности,

подчиненные, — добавила Русланова.

— А оружие? При обыске на принадлежащей вам даче обнаружена винтовка, а также автомат и карабин. Где вы все это взяли?

— Не знаю. Я этого оружия никогда не видела. Могу лишь предположить, что оно принадлежало тем солдатам, которые сопровождали вагон с имуществом, которое привез из Германии мой муж.

Через два с половиной месяца — 5 февраля 1949 г. — майор Гришаев впервые задал ей сокрушительный вопрос:

— Дополнительным обыском в специальном тайнике на кухне под плитой в квартире вашей бывшей няни Егоровой, проживающей на Петровке, 26, были изъяты принадлежащие вам 208 бриллиантов и, кроме того, изумруды, сапфиры, рубины, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Почему вы до сих пор скрывали, что обладаете такими крупными ценностями?

— Мне было жаль. Мне было жаль лишиться этих бриллиантов. Ведь их приобретению я отдала все последние годы! Стоило мне хоть краем уха услышать, что где-то продается редкостное кольцо, кулон или серьги, я, не задумываясь, покупала их, чтобы бриллиантов становилось все больше и больше.

— А где вы брали деньги? — поинтересовался следователь.

— Я хорошо зарабатывала исполнением русских песен. Особенно во время войны, когда «левых» концертов стало намного больше. А скупкой бриллиантов и других ценностей я стала заниматься с 1930 года, и, признаюсь, делала это не без азарта.

— С не меньшим азартом вы приобретали и картины, собрав коллекцию из 132 картин, место которым в Третьяковской галерее.

— Не стану отрицать, что и приобретению художественных полотен я отдавалась со всей страстью.

Генерал Б.В. Гераскин участвовал в обыске квартиры Руслановой. Об этом он очень интересно рассказал на страницах своей книги воспоминаний:

«Через порог квартиры Руслановой я ступил с каким-то двойным чувством. Все еще не верилось, что мне предстоит участвовать в обыске жилья широко известной артистки, замечательной исполнительницы русских народных песен, так полюбившихся людям. Я знал исполнительское мастерство Руслановой не только по радиопередачам и патефонным пластинкам, но и по концертам, в том числе в нашем

ведомственном клубе им. Дзержинского, где ее всегда принимали очень тепло.

Большая, состоящая из трех комнат квартира певицы, обставленная со вкусом красивой, главным образом старинной мебелью, выглядела подобно светскому салону. По всему чувствовалось, что хозяйка понимает толк в антиквариате.

В гостиной, самой значительной по размеру комнате, стены украшали полотна выдающихся художников. Золоченые рамы картин контрастировали с ярко-синим цветом стен, как бы приближая полотна к зрителю.

В спальне над кроватью висела картина Карла Брюллова, кажется, «Купальщицы».

Между гостиной и спальней находился кабинет. В нем привлекал внимание массивный письменный стол красного дерева с ящиками и полками старинной работы, принадлежавший когда-то императрице Екатерине II. В столе имелось несколько хитроумных тайников. В них хранились деньги, золотые изделия и дорогие украшения хозяйки квартиры».

«У семейства Крюковых-Руслановых было две дачи, три квартиры, четыре автомобиля, антикварная мебель, многие километры тканей, сотни шкурок каракуля и соболя, рояли, аккордеоны, радиоприемники, редчайшие сервизы и 4 картины Нестерова, 5 — Кустодиева, 7 — Маковского, 5 — Шишкина, 4 — Репина, 3 — Поленова, 2 — Серова, 3 — Малявина, 2 — Врубеля, 3 — Сомова, 1 — Верещагина, 1 — Васнецова, 3 — Айвазовского, а также полотна Сурикова, Федотова, Мясоедова, Тропинина, Юона, Левитана, Крамского, Брюллова и других всемирно известных художников, — пишет Борис Сопельняк. — Причем десятки полотен, покрытые пылью, находились в прихожей за большим шкафом для одежды. Они были срезаны с подрамников и грубо скручены в трубочки».

* * *

Мужа Руслановой — генерала Крюкова — тоже обвиняли в присвоении трофейного имущества. Сам Крюков даже в суде не отрицал свою вину в расхищении.

Однако в 1953 г. по результатам проведенной дополнительной проверки, как указывалось в заключении Главной военной прокуратуры, изъятые при аресте Крюкова ценности принадлежали его жене— Руслановой Л.А., и приобретались ею на личные деньги. Крюкову же принадлежало несколько серебряных портсигаров и золотых часов, полученных в

качестве подарков. Между тем генерал Гераскин вспоминает, что многие художественные полотна, хранившиеся у Руслановой, принадлежали киевской картинной галерее и были вывезены немцами во время войны в Прибалтику. Здесь награбленное настигли и отняли у немцев конники Крюкова. Часть картин из коллекции генерал якобы присвоил.

Но оставим трофеи. Все же главное в другом. С ближайшим окружением Жукова расправлялись не просто. Заодно были получены нужные показания, дискредитировавшие полководца.

Генерал Крюков считал, что министру МГБ Абакумову мерещился какой-то заговор, но когда не смогли «сфабриковать» несуществующий заговор, «приобщили» его, да и других военнослужащих, проходящих по этому и другим делам, и судили каждого в отдельности, чтобы запрятать всех надолго в лагеря, а этим самым скрыть все свои преступления в нарушении законности советского правосудия.

Борис Сопельняк приводит другую версию: «В принципе цель, поставленная первыми лицами МГБ, была достигнута: Жуков, за плечами которого была армия и непререкаемый авторитет в народе, от власти отстранен, и теперь всеми делами в стране будут заправлять генералы с Лубянки».

Однако Абакумов не боялся Жукова и тем более не собирался его отстранять от власти. Вся эта идея дискредитации принадлежала Сталину. А Виктор Семенович лишь выполнял приказы вождя. И замечу, выполнял неохотно. Но, как говорится, раз уж пришлось, то надо было изображать на лице радость. Он и изображал.

Абакумов как верный слуга Хозяина играл с ним в одну игру, соответствующую своей должности министра госбезопасности. Ведь в процессе всего этого дела министр часто общался с вождем наедине, ежедневно докладывал ему письменно и устно всю имеющуюся в его руках информацию. Он не мог сделать ни шага влево, ни шага вправо без ведома Сталина. Одно неизвестно, знал ли Виктор Семенович, что вождь не собирается арестовывать маршала?

Судя по фактам всей истории дела, он вполне мог знать или догадываться об этом.

Могу лишь предположить, что Сталин хотел только запугать Жукова, отстранить его в тень и тем самым поставить на место.

Он был настолько хитер и коварен, чтобы не понять простой истины: великого полководца нужно умыть, а иначе он может затмить его величие!

Кроме того, снятие с высоких постов и исключение из членов ЦК Георгия Константиновича Жукова, по мнению Молотова, было

«антималенковским шагом», так как в годы войны маршала достаточно серьезно поддерживал Маленков!

2

Виктора Семеновича считали жестким и компетентным собеседником. От природы наделенный проницательностью, за восемь лет работы в подчинении у Сталина он так и не смог изучить его коварный и переменчивый характер. Такой вывод можно сделать хотя бы потому, что в решающий момент своей карьеры он поставил не на ту команду и проиграл.

Сталин хоть и убрал Берию из НКВД (в декабре 1945 г.), но при этом сохранил за ним пост заместителя председателя Совета Министров СССР (с марта 1946 г.) и оставил на должности председателя Госкомитета № 1 (атомное оружие) при Совете Народных Комиссаров — Совете Министров СССР. Маленкова вождь освободил от работы в аппарате ЦК и отправил в ссылку, однако тут же назначил (13 мая 1946 г.) председателем Госкомитета № 2 (производство реактивного вооружения и техники).

Несмотря на чрезвычайные полномочия, которыми обладали возглавляемые ими структуры, влияние их этим и ограничивалось. Но ведь до недавнего времени Берия и Маленков считались первыми лицами в партии после вождя и ущемление своих позиций воспринималось ими болезненно.

Потихоньку выдавливались со своих постов и сподвижники Берии. 30 августа 1946 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) Меркулов был назначен заместителем начальника Главного управления советским имуществом за границей при МВТ СССР по руководству советскими предприятиями в Румынии, Венгрии и Австрии. В том же 1946-м Богдана Кобулова отправили точно так же заместителем начальника ГУСИМЗ, но по Германии. Одновременно он являлся заместителем Главноначальствующего СВАГ по вопросам деятельности Советских оккупационных войск в Германии.

Павла Машика еще в августе 1945 г. назначили заместителем начальника 1-го Главного Управления при СНК— СМ СССР.

Льва Владзимирского в январе 1947 г. Абакумов уволил в запас (с должности начальника Горьковского управления МГБ), после чего его пристроили начальником управления кадров в Главном управлении советским имуществом за границей в должности начальника управления кадров.

Коснулось это и многих других. Но самое главное, что Берию

и Маленкова практически одновременно освободили из НКВД и ЦК и перевели в Совет Министров на вторые роли.

Вначале 1946 г. вождь сделал попытку замены «старой гвардии» в центре на выходцев из Ленинграда. Авторы книги «Рождение сверхдержавы» А. Пыжиков и А. Данилов считают, что их «выдвижение было частью сталинского плана по созданию действенного противовеса Берии и Маленкову».

Уже в течение 1946 г. А.А. Жданов стал первым заместителем Сталина и наряду с ним подписывал совместные постановления ЦК и Совета Министров. Его обязанности охватывали внешнеполитические и идеологические вопросы, организационно-партийную работу, кадры и т. д. С ним согласовывались все решения Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК. Очень скоро функции Секретариата и Оргбюро ЦК были изменены и Секретариат ЦК, еще пока возглавляемый Маленковым, стал играть подчиненную роль. Зимой 1947 г. начинается усиление ленинградской группы в составе Политбюро, куда Сталин все же перевел из кандидатов в члены Маленкова и Берию (снова с целью противовеса).

О расстановке сил в окружении Сталина в тот момент вспоминал П.А. Судоплатов:

«И Берия, и Маленков поддерживали тесные рабочие отношения с Первухиным и Сабуровым, занимавшимися экономическими вопросами. Все они входили в одну группировку. Они выдвигали своих людей на влиятельные должности в правительстве. Вторая группа, позднее получившая название ленинградской, включала: Вознесенского, первого заместителя Председателя Совета министров и главу Госплана; Жданова, второго секретаря ЦК партии; Кузнецова, секретаря ЦК, отвечавшего за кадры, в том числе и органов госбезопасности; Родионова, Председателя Совета Министров Российской Федерации; Косыгина, заместителя Председателя Совета Министров по легкой промышленности и финансам, выдвинутого в период подготовки и проведения денежной реформы (…). Вторая группировка назначала своих людей на должности секретарей районных партийных организаций. Кузнецов в 1945 году выдвинул Попова, бывшего директора авиазавода, секретарем Московской парторганизации, и Попов стал членом ОрГБюро ЦК и секретарем ЦК ВКП(б) одновременно. Жданов поощрял его попытки контролировать министров через выборы в Московский комитет партии. Жданов и Кузнецов осуществляли двойной контроль над членами правительства: через Попова и через Центральный Комитет».

В 1946–1949 гг. команда ленинградцев предлагала решение

значительных вопросов социально-экономического и идеологического характера.

Крупный ученый-экономист Н. Вознесенский, по мнению авторов «Рождение сверхдержавы», «стремился применить некоторый опыт НЭПа в схожих восстановительных условиях». Одной из главных тем в этом плане стал вопрос о соотношениях промышленного производства — средства производства для тяжелой индустрии и средства производства для легкой промышленности. Дело в том, что первые составляли основу советской экономики, но после войны был взят курс на развитие производства товаров народного потребления.

Речь шла о повышении материального благосостояния людей.

Следует отметить, что команда Жданова — Вознесенского смогла добиться определенных положительных результатов в экономической области.

Отмена карточной системы, денежная реформа и усиление товарно-денежных отношений в государстве были несомненной заслугой ленинградской группы.

Вскоре они же приступили к разработке проекта новой программы ВКП(б).

Однако Берия и Маленков, по-прежнему находящиеся в руководстве Совета Министров СССР и сохранившие влияние во власти, усилили свое противостояние лидерам ленинградцев, развернули активную борьбу по их дискредитации и за влияние на вождя.

Виктор Семенович Абакумов интриговал до тех пор, пока его поддерживал Сталин. Но он совершенно не понимал его правил игры и не смог стать в этом смысле дальновидным «политиком». Берию и Маленкова он сделал своими врагами, а значит, уже не мог на них опираться. Тогда он сближается с секретарем ЦК Кузнецовым, куратором своего ведомства и принимает власть новой «ленинградской группировки».

На Алексея Кузнецова было возложено не только наблюдение за работой МГБ СССР, но его также ввели в оперативную Комиссию Политбюро по рассмотрению важнейших государственных вопросов.

Секретарь ЦК, по свидетельствам очевидцев, был чужд условностей кремлевского двора, негласным правилом которого, по мнению Хозяина, не рекомендовалось встречаться вне службы. Однако Абакумов и Кузнецов встречались вне служебной обстановки, и на даче Кузнецова в том числе.

В свою очередь Маленков и Берия на подмосковной даче вождя разжигали ненависть своего Хозяина к Жданову и его окружению, тем более что он в связи с ухудшением здоровья

появлялся все реже и реже.

Дошла очередь и до Кузнецова.

«Я помню, — писала дочь Сталина Светлана Аллилуева, — как тогда же Поскребышев говорил отцу, кто будет к обеду, и назвал имя Алексея Кузнецова. Отец не возразил ничего. Но когда гости приехали и молодой красивый Кузнецов, улыбаясь, подошел к отцу, тот вдруг не подал ему руки и сухо сказал: «Я вас не вызывал». Кузнецов мгновенно потемнел лицом, весь съежился и вынужден был уехать».

* * *

В борьбе Берии и Маленкова за власть очень скоро появился провоцирующий повод, который дал на их удачу сын А.А. Жданова Юрий. В декабре 1947 г. ассистента на кафедре органической химии МГУ Жданова назначили заведующим отделом науки управления пропаганды и агитации ЦК. Энергичный и сильно желающий показать себя на руководящей работе, двадцатисемилетний молодой человек сразу же решился атаковать научное творчество «ловкого авантюриста, демагога и более чем посредственного ученого, возглавлявшего с 1938 г. Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ)» Т.Д. Лысенко. Получив конкретную информацию от классических генетиков о плачевном положении дел в отечественной агробиологии, при этом использовав информацию Абакумова из научных биологических кругов (от заслуживающих доверие источников), Юрий Жданов на семинаре лекторов обкомов партии 10 апреля 1948 г. дал решительный бой лысенковщине.

В докладе «Спорные вопросы современного дарвинизма» он сказал:

— Мы скажем нашим биологам, которые воюют сейчас с Трофимом Денисовичем, — смелее в практику, смелее в жизнь.

Когда к Сталину за защитой обратился перепуганный Лысенко, он приказал расследовать разразившийся скандал и обсудить его на Политбюро. Маленков самым внимательным образом изучил доклад сына Жданова, а в мае 1948 г. Лысенко передал ему еще и собственные замечания по нему, которые представляли собой 24 выписки с комментариями и разъяснениями.

Таким образом, конфликт Жданова-младшего с Лысенко был умело представлен Маленковым в своих интересах, после чего Сталин отвернулся от А.А. Жданова.

На заседании Политбюро, открывшемся 31 мая, вождь, возмущаясь, заявил, что «Жданов-младший поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко, забыв, что тот сегодня является Мичуриным в агротехнике».

И, подводя итоги, Сталин, очень тихо и со «зловещей» нотой в голосе произнес:

— Надо примерно наказать виновных, но не Юрия Жданова, еще молодого и неопытного, а отцов, — указав при этом мундштуком трубки на Жданова-старшего.

1 июля 1948 г. Маленков вновь избирается секретарем ЦК и возвращается в Секретариат вместе с Пономаренко (еще один враг Абакумова), а 6 июля Политбюро отправляет Жданова в отпуск на два месяца.

В последний раз вождь принял опального соратника 12 июля, но из отпуска он так уже и не вышел, скончавшись 30 августа 1948 г. на Валдае.

Маленков сразу же приступил к реорганизации аппарата.

* * *

Поощряя соперничество среди руководителей группы лиц, Сталин не без основания поддержал попытки Г.М. Маленкова и Л.П. Берия скомпрометировать Н.А. Вознесенского и А.А. Кузнецова.

Есть свидетельство, что вождь в частных беседах высказывал предположения о том, что в качестве своего преемника по партийной линии он видел секретаря ЦК, члена Оргбюро А.А. Кузнецова, а по государственной — члена Политбюро, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н.А. Вознесенского.

Как сообщается в книге «Реабилитация. Политические процессы»:

«Поводом для фабрикации ложных обвинений в отношении А.А. Кузнецова послужила проведенная с 10 по 20 января 1949 г. в Ленинграде Всероссийская оптовая ярмарка. Г.М. Маленков выдвинул против А.А. Кузнецова и Председателя Совета министров РСФСР М.И. Родионова, секретарей Ленинградского обкома и горкома партии П.С. Попкова и Я.Ф. Капустина обвинения в том, что они провели ярмарку без ведома и в обход ЦК и правительства. Между тем документально установлено, что ярмарка была проведена во исполнение постановления Совета министров СССР».

В октябре 1948 г. на заседании Бюро Совета Министров под

председательством Г.М. Маленкова рассматривался отчет Министерства торговли СССР и Центросоюза об остатках залежавшихся товаров и мерах по их реализации. В связи с тем, что в государстве таких товаров скопилось на сумму до 5 млрд руб., которые не находили сбыта в обыкновенных условиях торговли, Бюро поручило Совмину и Министерству торговли разработать соответствующие мероприятия по решению этой проблемы.

В ноябре Бюро Совета министров СССР, опять-таки под председательством Маленкова, приняло постановление «О мероприятиях по улучшению торговли». Во исполнение этого постановления Министерство торговли СССР и Совет Министров РСФСР приняли решение провести в Ленинграде с 10 по 20 января Всероссийскую оптовую ярмарку. 13 января 1949 г. во время работы ярмарки Председатель Совета Министров РСФСР М.И. Родионов уведомил секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова об открывшейся в Ленинграде ярмарке с участием в ней торговых организаций союзных республик. Однако на этом сообщении Маленков начертал:

«Берия Л.П., Вознесенскому Н.А., Микояну А.И. и Крутикову А.Д.

Прошу Вас ознакомиться с запиской тов. Родионова. Считаю, что такого рода мероприятия должны проводиться с разрешения Совета Министров».

15 февраля 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) товарища Кузнецова А.А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М.И. и Попкова П.С.».

24 января Кузнецов последний раз присутствовал на заседании Оргбюро, а через четыре дня его назначили руководителем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б).

По правилам игры тех лет, Родионов, Кузнецов и Попков были сняты с занимаемых постов, им объявили партийные взыскания — выговор.

В отношении Н.А. Вознесенского в постановлении Политбюро говорилось: «Отметить, что член Политбюро ЦК ВКП(б) т. Вознесенский, хотя и отклонил предложение т. Попкова о «шефстве» над Ленинградом, указав ему на неправильность такого предложения, тем не менее все же поступил неправильно, что своевременно не доложил ЦК ВКП(б) об антипартийном предложении шефствовать над Ленинградом, сделанным ему т. Попковым».

7 марта Вознесенского освободили от обязанностей заместителя Председателя Совета министров и председателя

Бюро Совета министров по металлургии и химии, вывели из состава Политбюро и отправили в отпуск для лечения.

Дело в том, что против Вознесенского была использована докладная записка заместителя председателя Госснаба СССР М.Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства СССР на 1 квартал 1949 г., а 5 марта 1949 г. Бюро Совета Министров СССР принимает проект постановления Совета Министров СССР «О Госплане», в котором была записана фраза Сталина: «попытка подогнать цифры под то или иное предвзятое мнение есть преступление уголовного характера».

В этот же день Вознесенского сняли с поста председателя Госплана СССР. Назначенный на должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Е.Е. Андреев в июле 1949 г. представил записку об утрате Госпланом СССР за период с 1944 г. по 1948 г. более 200 документов, в том числе 9 из личного секретариата председателя. В числе их: записка о мерах по развитию нефтяной и угольной промышленности в 1947 г., материалы о восстановлении черной металлургии Юга, записка об основных показателях плана производства цветных металлов в СССР, мероприятия об организации производства радиолокационных станций и т. д.

Вначале сентября 1949 г. председатель КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятов внес предложение исключить Вознесенского из членов ЦК и привлечь его к судебной ответственности за утрату служебных документов. 11 сентября Политбюро приняло решение вынести оба эти предложения на Пленум ЦК ВКП(б), а 12 сентября 1949 г. Пленум утвердил их.

В МГБ подготовка «Ленинградского дела» началась уже летом 1949 г. С этой целью была осуществлена фабрикация ряда материалов по обвинению А.А. Кузнецова, М.И. Родионова и руководителей Ленинградской областной партийной организации в контрреволюционной деятельности.

21 июля 1949 г. Абакумов направил одну из докладных записок Сталину, после которой получил указание на арест Я.Ф. Капустина и начальника ленинградского областного управления МГБ П.Н. Кубаткина.

13 августа в кабинете Маленкова были арестованы А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, П.Г. Лазутин, Н.В. Соловьев.

Виктор Семенович прекрасно понимал, что Берия и Маленков, используя Станина, будут убирать Кузнецова и «ленинградцев» его руками. Но что ему оставалось делать? Что он мог противопоставить им всем?

Его люди следствие по Кузнецову и вообще по

«ленинградскому делу» вели, совершенно не копая вглубь. Да и дело Кузнецова Абакумов поручил вести Комарову. Оно и понятно, была у Виктора Семеновича с Кузнецовым дружба. С Кузнецовым они встречались во внеслужебной обстановке, в том числе и на семейных вечеринках. Когда Комаров доложил Абакумову план расследования дела Кузнецова и заговорил про шпионаж, Виктор Семенович встал из-за стола и, расхаживая по кабинету, рассуждал вслух:

— Собственно, какой из этих арестованных шпионаж? Они давно на виду, постоянно находились под охраной МГБ, каждый их шаг был известен… начни мы ставить вопросы об их связи с заграницей, в ЦК будут смеяться.

А потом министр сказал Комарову:

— Мы солдаты, что прикажут, то и должны делать!

Комаров понял все правильно и не стал допрашивать Кузнецова про шпионаж.

Филипп Денисович Бобков вспоминал: «Репрессии, обрушившиеся на Ленинград, не только не встретили понимания в низовых звеньях МГБ, но, насколько возможно, сотрудники сопротивлялись и тормозили мероприятия, направленные на расширение противозаконных акций. Если быть до конца откровенным — мы нередко задерживали подготовку документов, направляли их на доработку и согласование с руководством, попросту не давали им хода. Это, несомненно, сыграло положительную роль.

Так, например, было по существу сорвано массовое выселение людей из Ленинграда, как это произошло в тридцатые годы после убийства С.М. Кирова. И здесь немалая заслуга фронтовика и мужественного человека полковника Н.М. Зверева, который возглавлял тогда один из отделов МГБ».

Н.А. Вознесенского арестовали 27 октября 1949 года.

Примечательно, что ходом следствия по делу лично руководил Г.М. Маленков. Известно и о его присутствии на допросах, на которых ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания.

Как сообщается в книге «Реабилитация. Политические процессы», «более года арестованных готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т. д. Психологическая обработка обвиняемых усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса. Их обманывали, уверяя,

что признания «во враждебной деятельности» важны и нужны для партии, которой необходимо преподавать соответствующий урок на примере разоблачения вражеской группы, убеждали, что каким бы ни был приговор, его никогда не приведут в исполнение, и он явится лишь данью общественному мнению».

18 января 1950 г. В.С. Абакумов представил И.В. Сталину список сорока четырех арестованных и предложил «судить в закрытом заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде без участия сторон, то есть обвинения и защиты, группу 9–10 человек основных обвиняемых», а остальных в общем порядке.

В Ленинград на процесс Кузнецова и Вознесенского полковник Комаров выехал вместе с десятью следователями. Перед отъездом министр строго предупредил его:

— Запомни самое главное, чтобы на суде не было упомянуто имя Жданова. Головой отвечаешь!

4 сентября 1950 г. В.С. Абакумов и Главный военный прокурор А.В. Вавилов представили И.В. Сталину записку с предложением осудить к расстрелу Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, М.И. Родионова и П.Г. Лазугина, осудить к 15 годам лишения свободы И.М. Турко, к 10 годам — Т.В. Закржевскую и Ф.Е. Михеева.

А 30 сентября, по окончании судебного процесса (29–30 сентября) в Ленинграде, эти предложения были приняты Политбюро ЦК ВКП(б). В обвинении, предъявленном «ленинградцам», говорилось:

«Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 г. в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦКВКП(б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК… Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов Ленинградской организации мероприятиями ЦКВКП(б), распространяя клеветнические замыслы… А также разбазаривали государственные средства. Как видно из материалов дела, все обвиняемые на предварительном следствии на судебном заседании вину свою признали полностью».

О том, как эти признания выбивали в МГБ, в 1954 г. рассказал Турко: «Я никаких преступлений не совершал и виновным себя не считал и не считаю. Показания я дал в результате систематических избиений, т. к. я отрицал свою вину. Следователь Путинцев начал меня систематически избивать на допросах.

Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла кровь из уха. После таких избиений следователь направлял меня в карцер, угрожал уничтожить мою жену и детей, а меня осудить на 20 лет лагерей, если я не признаюсь… В результате я подписал все, что предлагал следователь».

В 2.00 часа 1 октября 1950 г., через час после оглашения приговора, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин были расстреляны в Ленинграде. Однако Д.А. Волкогонову рассказывал С.И. Семин, который утверждал, «что по некоторым сведениям, Н.А. Вознесенского еще три месяца после вынесения приговора продержали в тюрьме (может быть, «вождь» колебался — всю войну проработали вместе в ГКО; никто так много не сделал для развития экономики, как его заместитель). А в декабре по чьей-то команде Вознесенского в легкой одежде повезли в грузовой машине в Москву. Дорогой он то ли замерз, то ли его застрелили».

Аресты и судебные процессы продолжались и в 1951–1952 гг. Так, 15 августа 1952 г. были арестованы, а затем осуждены к длительным срокам тюремного заключения свыше 50 человек, работавших во время блокады секретарями райкомов партии и председателями райисполкомов.

* * *

«Ленинградское дело», в котором Сталин заставил Виктора Семеновича Абакумова уничтожить своего друга, стало для министра некоей проверкой его искренности в глазах вождя. Проверкой, отметим, жестокой.

И тем не менее в конце 1950 г. Абакумов попытался ближе сойтись с Мамуловым, у которого были прямые выходы на Берию. Виктор Семенович «просил его устроить так, — пишет П.А. Судоплатов, — чтобы Берия его принял, и утверждал, что он всегда был лоялен и никогда не участвовал в интригах против него».

Но Лаврентий Павлович не пошел на этот контакт. Ему было на что обижаться.

Последние месяцы до своего ареста Абакумов все реже и реже видел Сталина. Судя по кремлевскому списку посетителей, после ноября 1950 г. вождь почти не принимал своего министра госбезопасности.

Это становилось нормой как раз после окончания «Ленинградского дела».

3

В конце 1947 г. Сталин узнал, что некоторая конфиденциальная информация о его семейной жизни каким-то образом попала на страницы зарубежной печати. После этого Виктор Семенович Абакумов получил задание — найти каналы утечки такой информации и дал команду начать прослушивание квартирных и телефонных разговоров большинства родственников вождя, установить их связи и контакты. Очень скоро «оперативной техникой» были зарегистрированы критические разговоры о Сталине в квартире Анны Аллилуевой и Евгении Аллилуевой. Первая была сестрой, а вторая женой брата жены вождя.

В декабре 1947 г. арестовали Евгению Аллилуеву и ее нового мужа Молочникова, а в конце января 1948 г. Анну Аллилуеву. По угверждению Г.В. Костырченко, информация о личной жизни Сталина и судьбе членов его семьи уходила за границу по одному каналу через старшую дочь Евгении Аллилуевой — Киру Павловну и ее друга, работавшего в посольстве США в Москве (Зайцев В.В.), по другому — через друзей Аллилуевых,

Молочникова и дочери Сталина — Светланы и ее мужа Григория Морозова, и прежде всего И.И. Гольдштейна и З. Гринберга. Экономист Гольдштейн работал вместе с Молочниковым и Евгенией и Павлом Аллилуевыми в торговом представительстве СССР в Берлине с 1929 по 1933 год. Литератор Гринберг, друг и сотрудник Соломона Михоэлса по работе в Еврейском антифашистском комитете познакомил последнего с кружком Евгении Аллилуевой.

16 декабря Евгения Аллилуева «показала на допросе, что ее старый знакомый Гольдштейн, заходя периодически к ней в гости, расспрашивал о Сталине, его дочери Светлане».

Через три дня Гольдштейна арестовали по личному указанию Абакумова.

Летом 1953 г. полковник Комаров показал, что в конце 1947 — начале 1948 г. ему в кабинет в Лефортовской тюрьме позвонил министр и заявил: «Инстанции считают, что Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя Советского правительства по собственной инициативе, а что за его спиной стоит иностранная разведка».

Заместитель начальника следственной части по особо важным делам М.Т. Лихачев после получения этого указания приказал следователю полковнику Г.А. Сорокину, ведущему дело Гольдштейна: «размотать шпионские связи Гольдштейна и выявить его шпионское лицо».

Сам Гольдштейн в письме Маленкову 2 октября 1953 г. сообщал: «19 декабря 1947 г. я был арестован в Москве органами МГБ СССР и препровожден на Лубянку, а затем в следственную тюрьму в Лефортово. Здесь без сообщения причин моего ареста от меня потребовали, чтобы я сам сознался и рассказал о своей якобы вражеской деятельности против Родины.

Меня начали жестоко и длительно избивать резиновой дубинкой по мягким частям и голым пяткам. Били до того, что я ни стоять, ни сидеть не был в состоянии… Через некоторое время мне предложено было подписать протокол (якобы продиктованный мною), в котором говорилось, что я признаю себя виновным. Я отказался подписать такой протокол. Тогда следователь Сорокин и еще один полковник стали так сильно меня избивать, что у меня на несколько недель лицо страшно распухло, и я в течение нескольких месяцев стал плохо слышать, особенно правым ухом… За этим последовали новые допросы и новые избиения. Всего меня избивали восемь раз, требуя все новых и новых признаний».

В результате избиений Гольдштейн дал «показания о том, что со слов Гринберга ему известно, что в президиуме Еврейского

антифашистского комитета захватили руководство отъявленные буржуазные националисты, которые, извращая национальную политику партии и Советского правительства, занимаются несвойственными для комитета функциями и проводят националистическую деятельность. Кроме того, Гольдштейн показал о шпионской деятельности Михоэлса и о том, что он проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле. Такими сведениями у Михоэлса, как показал Гольдштейн, интересовались американские евреи».

Вскоре после выбитых показаний Виктор Семенович лично прибыл в Лефортовскую тюрьму и спросил у Гольдштейна:

— Итак, значит, Михоэлс — сволочь?

— Да, сволочь, — ответил узник.

9 января 1948 г. в МГБ был подготовлен соответствующий материал для вождя, в котором показания Гольдштейна звучали следующим образом: «Михоэлс дал мне задание сблизиться с Аллилуевой, добиться личного знакомства с Григорием Морозовым. «Надо подмечать все мелочи, — говорил Михоэлс, — не упускать из виду всех деталей взаимоотношений Светланы и Григория. На основе вашей информации мы сможем разработать правильный план действий и информировать наших друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами».

10 января вождь ознакомился с материалами и дал Абакумову «срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам».

В 1953 г., находясь в тюрьме, Абакумов показал: «Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И.В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса под видом несчастного случая, то есть чтобы Михоэлс и его спутник погибли, попав под автомашину.

В этом же разговоре перебирались руководящие работники МГБ СССР, которым можно было поручить проведение указанной операции. Было сказано — возложить проведение операции на Огольцова, Цанаву и Шубнякова.

После этого Огольцов и Шубняков вместе с группой подготовленных ими для данной операции работников выехали в Минск, где совместно с Цанавой и провели ликвидацию Михоэлса».

Вечером 7 января 1948 г. Михоэлс выехал из Москвы в крайне подавленном состоянии. В Минске он участвовал в просмотре театральных постановок как член комитета по Сталинским

премиям в области литературы и искусства. Мрачное настроение Михоэлса объяснялось арестами МГБ его друзей и знакомых. В поездке талантливого актера и режиссера сопровождал театровед В.И. Голубов-Потапов, завербованный органами госбезопасности. Итак, в Минск министру государственной безопасности генералу Цанава по «ВЧ» позвонил лично Абакумов и объяснил задание.

Заместитель министра генерал Огольцов вместе с начальником контрразведывательного отдела Второго Главного управления МГБ полковником Шубняковым решили отступить от первоначального плана и провести ликвидацию Михоэлса путем наезда на него грузовой машины на малолюдной улице. Прежде они усомнились в благополучном исходе операции во время «автомобильной катастрофы», так как в этом случае могли быть жертвы среди сотрудников.

В результате возник третий вариант:

«Было решено Михоэлса через агентуру в ночное время пригласить в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи Цанава Л.Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машиной. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращавшихся с гулянки людей, тем паче подобные случаи в Минске в то время были очень часты».

План был намечен на вечер 12 января… А 13 января 1948 г. трупы Михоэлса и Голубова обнаружил рабочий, шедший на утреннюю смену. Расследование обстоятельств смерти продолжалось около месяца, после чего докладная записка Главного управления милиции МВД 11 февраля 1948 г. легла на стол заместителя внутренних дел генерал-полковник И.А. Серова.

В заключительной части этого документа говорилось:

> «Так как контингент знакомых Михоэлса и Голубова-Потапова состоял главным образом из среды артистического мира, разработку которых целесообразно вести органами МГБ, то добытые следственные и агентурные материалы, касающиеся этих лиц, были переданы 2-му управлению МГБ СССР, и вся дальнейшая проверка этих связей проводилась аппаратом 2-го управления».

Все просто и ясно, если не считать, что осенью 1948 г. участники ликвидации были удостоены боевых орденов: генерал Цанава — ордена Красного Знамени, полковник Шубяков и еще

два офицера (полковник и старший лейтенант) ордена Отечественной войны I степени, а два майора — ордена Красной Звезды.

* * *

Как-то Абакумов вызвал к себе М.М. Зарубина и поинтересовался:

— Нет ли чего интересного по Молотову?

Ветеран вспоминал:

«Вести оперативную работу против членов Политбюро мы не имели ни малейшего права. Но приказ министра есть приказ.

Я аккуратно, не произнося прямо фамилий, проинструктировал ребят. Они вспомнили об агентурной информации, положенной в свое время под сукно: кто-то из ближайшего окружения жены Молотова сообщал о ее, мягко говоря, не вполне скромном образе жизни.

Полина Семеновна Жемчужина была начальником текстильно-галантерейного главка Министерства легкой промышленности. Пока ее супруг надрывался в Совете Министров, Министерстве иностранных дел и Комитете информации, Полина Семеновна переживала третью молодость — уделяла много внимания своей внешности, принимала молочные ванны. Довольно свободно вела себя с мужчинами — на улицах, конечно, никого не ловила, но грань дозволенного перешла уже давно.

Абакумов, выслушав эту информацию, поморщился: «Слухи нам ни к чему, но направление интересное. Попробуй вместе с охраной что-нибудь организовать такое»» (его рука изобразила что-то напоминающее вращение катушек магнитофона). Мы залегендировали свой интерес к Жемчужиной и вскоре получили то, что ждал министр. Жемчужина для какого-то небольшого ремонта вызвала к себе электрика. Сделать этот молодой и симпатичный парень ничего не успел — почтенная дама почти насильно уложила его в постель. Виктор Семенович остался доволен».

Жена второго человека в Советском Союзе (Молотова) покровительствовала Михоэлсу, и прямо скажем, не без ее поддержки директор Государственного еврейского театра был удостоен звания народного артиста СССР, награжден орденом Ленина и избран депутатом Моссовета.

Как раз с этого времени, в конце 30-х — начале 40-х, на многих известных деятелей еврейской культуры в НКВД стали

собирать компромат, который нередко выбивали из арестованных.

Например, у директора одного из институтов И. Белахова выбивали показания о его шпионской, контрреволюционной деятельности начиная с 1918 г., а потом ему «шили» интимную связь с женой Молотова. Но, ничего не добившись, расстреляли без суда в 1941 г.

Белахов писал из тюрьмы:

«С первого же дня моего ареста меня нещадно избивали по 3–4 раза в день и даже в выходные дни. Избивали резиновыми палками, били по половым частям. Я терял сознание. Прижигали меня горящими папиросами, обливали водой, приводили в чувства и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали.

Дело дошло до того, что я мочился кровью, перешибли позвоночник, я стал терять сознание, и появились галлюцинации. Врач все это видел и санкционировал дальнейшее избиение. Избиение происходило в Наркомате в комнате № 552-а. Избивали Визель, Зубов и еще одно лицо, потом Иванов (комната 234) и Подольский.

Избивая, от меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствовал с гр. Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщину, ибо это ложь и, кроме того, я импотент с рождения. Шпионской деятельностью я никогда не занимался. Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя Наркома, что я себя в этом признаю виновным, а факты мне они сами подскажут.

На такую подлость я идти не мог. Тогда меня отвезли в Сухановскую тюрьму и избили до полусмерти. В бессознательном состоянии на носилках отправили в камеру».

П.С. Жемчужина (Перл Карповская) была управляющей парфюмерным трестом «Жиркость» и осенью 1936 г. (ей 39 лет) побывала в Германии, Франции и в США, где посетила косметические фирмы.

В 1937 г. она стала заместителем наркома пищевой промышленности, а в 1938 г. уже наркомом. В 1939 г. Жемчужина возглавила наркомат рыбной промышленности, но из-за массы «вредителей» и «саботажников» ее освободили от этого поста «в порядке постепенности».

Правда, обошлись мягко, вскоре назначив начальником Главного управления текстильно-галантерейной промышленности наркомата легкой промышленности РСФСР. С тех пор прошло восемь лет. В 1948 г. на приеме по случаю 31-й годовщины Октябрьской революции, устроенном Молотовым для

аккредитованных в Москве иностранных дипломатов, Жемчужина говорила с Голдой Меир (израильский посол) на идише. Объясняя свое хорошее знание языка, жена Молотова сказала:

— Я еврейская дочь.

И одобрительно отзывалась о посещении Меир синагоги. Так она набирала висты.

17 декабря в одном из протоколов допросов, представленных Абакумовым, «впервые говорилось о причастности жены Молотова к преступной деятельности еврейских националистов». А через десять дней было готово и полное обвинение:

«В течение длительного времени поддерживала знакомства с лицами, которые оказались врагами народа, имела с ними близкие отношения, поддерживала их националистические действия и была их советчиком… Вела с ними переговоры, неоднократно встречалась с Михоэлсом, используя свое положение, способствовала передаче политически вредных, клеветнических заявлений в правительственные органы. Организовала доклад Михоэлса в одном из клубов об Америке, чем способствовала популяризации американских еврейских кругов, которые выступают против Советского Союза. Афишируя свою близкую связь с Михоэлсом, участвовала в его похоронах, проявляла заботу о его семье и своим разговором с Зускиным дала повод националистам распространять провокационные слухи о его насильственной смерти.

Игнорируя элементарные нормы поведения члена партии, участвовала в религиозном еврейском обряде в синагоге 14 марта 1945 г., и этот порочащий ее факт стал широким достоянием в еврейских религиозных кругах».

Как пишет Г.В. Костырченко, «Жемчужиной припомнили, что в 1943 г. она попросила Михоэлса встретиться в Нью-Йорке с ее братом, бизнесменом Сэмом Карпом. Не укрылось от недреманного ока власти и то, что летом 1946-го Михоэлс, придя однажды к Жемчужиной на работу, поделился с ней поступавшими к нему жалобами евреев на притеснения местного начальства, а потом поинтересовался, к кому лучше обратиться по этому поводу — к Жданову или Маленкову? На что Жемчужина ответила:

«Жданов и Маленков не помогут, вся власть в этой стране сконцентрирована в руках только одного Сталина. А он отрицательно относится к евреям и, конечно, не будет поддерживать нас»».

Сегодня не всем известно, что еще осенью 1944 г. Сталин созвал расширенное заседание в Кремле, на котором присутствовали члены Политбюро и Секретариата ЦК, первые

секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и государственной безопасности. Во вступительном слове вождь с оговорками высказался за осторожное назначение евреев на руководящие должности в государственных и партийных органах. Более подробно на этом совещании выступил Маленков, который обосновал необходимость «повышения бдительности» по отношению к еврейским кадрам. Это было только преддверие.

А началом репрессий по «сионистским» делам стало формальное закрытие Еврейского антифашистского комитета 20 ноября 1948 г. ЕАК через Совинформбюро входил в систему правительства, работой которого до марта 1948 г. руководил Молотов. Существует мнение, что аппарат МГБ был «профессионально» заинтересован в раскрытии различных заговоров (Жерес Медведев). При этом нельзя забывать о том, что в то время, в той системе, прежде всего сама власть нуждалась в таких заговорах.

В конкретном случае после доклада Абакумова Сталин дал санкцию на арест председателя ЕАК и нового директора Еврейского театра в Москве. Затем были арестованы еще десятки человек. Главным обвинением стала идея о «крымской еврейской республике», которая рассматривалась как международный заговор.

В эти сети попала и жена Молотова. 21 января 1949 г. ее арестовали. Все делалось, как обычно, просто. До этого, 29 декабря, на заседании Политбюро, Жемчужину исключили из партии. Там же, по воспоминаниям Молотова, Сталин «прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну», и у него задрожали коленки. И муж проголосовал «за».

В своей книге «Тайная политика Сталина» Г.В. Костырченко пишет:

«На допросах Жемчужина, несмотря на многочисленные телесные недуги, держалась с завидной стойкостью, решительно отвергая облыжные обвинения. Чтобы морально сломить неуступчивую узницу и одновременно позабавить кремлевского хозяина, ведомство Абакумова подготовило для нее сюрприз весьма гнусного свойства. Поскольку вместе с Жемчужиной арестовали нескольких ее бывших руководящих сотрудников, у следствия возникла идея использовать их как обличителей не только служебных, но и интимных пороков руководившей ими женщины. Вначале грязных «признаний» добивались от В.Н. Иванова, прежнего заместителя Жемчужиной и ее преемника на посту начальника главка. Следователь Г.А. Сорокин угрожал ему мерами физического воздействия, но так ничего и не добился.

Однако к клевете удалось принудить другого бывшего сослуживца, некоего Ивана Алексеевича Х. После недолгой следственной «обработки» этот отец семейства на одной из очных ставок с Жемчужиной неожиданно для себя заявил, что та, используя свое служебное положение, склонила его к сожительству».

Судя по всему, вождь не позволил включать жену Молотова в сионистское дело и ее обвинили в коррупции. Пять лет ссылки в Кустанайскую область — это все, что смог сделать Сталин для своего друга Молотова.

* * *

8 апреля 1948 г. в Ленинграде органами МГБ был арестован вице-адмирал Леонид Георгиевич Гончаров, профессор, начальник кафедры Высшей военно-морской академии им. А.Н. Крылова. За период советской власти выдающегося специалиста в области создания минно-торпедного оружия арестовывали в третий раз (первый в 1920 г., второй в 1930 г.).

И вот Леониду Георгиевичу предстояло побывать в Лефортовской тюрьме и лицезреть ее во всей красе. Следствие вел небезызвестный полковник Комаров, а обвиняли пожилого адмирала в том, что он с 1917 г. до последнего времени являлся шпионом одной из иностранных держав, которой передавал совершенно секретные сведения о советском военно-морском флоте.

В 1953-м Комаров вспоминал, что еще до ареста Гончарова Абакумов сказал ему:

— Гончарова нужно быстро «размотать», им очень интересуются наверху.

И адмирала истязали. С момента ареста его держали на допросах до 5–6 часов утра, совершенно лишив сна. И, если первые три раза с ним еще разговаривали, то потом, как обычно, в ход пошла резиновая палка.

Судя по словам Комарова, сначала вице-адмирал не признавался, а потом стал давать показания во вражеской работе. Затем снова отказался от них. И его снова стали бить.

27 апреля с десяти минут первого Гончарова допрашивали до 5 часов 50 минут утра, а 23 апреля с 24 часов до 4 часов 20 минут утра, после чего он умер от сердечного приступа.

Это было в воскресенье, 23 апреля.

Что происходит дальше?

Прекратив следственное дело за смертью арестованного,

Комаров подписывает заключение о конфискации имущества Гончарова — дачи, двух легковых автомобилей, денег (221 тыс. руб.), золотых часов, золотых цепочек и т. д.

Как говорится, с «паршивой овцы» хоть шерсти клок! Но честно скажу, шутка здесь неуместна. Жене Гончарова о смерти мужа сообщили только в марте 1953 г. До этого было некогда.

* * *

Заместитель В.С. Абакумова С.М. Зарубин вспоминал:

«Время от времени Виктор Семенович звонил мне по бериевским делам: «Что-нибудь есть там от Саркисова?» Брал с удовольствием. Через какое-то время интерес к этим материалам у него пропал. Говорит: «Ты больше не бери у Саркисова это дерьмо». К тому времени сообщений о похождении Лаврентия Павловича у него накопилось более чем достаточно. Он и пресытился, и увидел, что на этом дерьме легко поскользнуться. В сводках шла речь о женах такого количества высокопоставленных людей, что малейшая утечка этих материалов могла сделать Абакумова врагом не только Берии, но и половины руководителей партии и страны».

Вербовка полковника Саркисова — начальника охраны Лаврентия Павловича, была необходима Абакумову как одно из направлений компромата, собираемого на Берию.

И, заметим, по своему личному желанию. А по поводу того, что Виктор Семенович пресытился, то это не совсем точно. Просто наступил момент, когда набралось достаточно материалов, и, кроме того, Абакумов собирался идти на сближение с человеком в пенсне.

Другое дело, что ничего из этого не вышло. В 1953 г. Рафаэль Семенович Саркисов на допросе по делу Берии показал:

«На протяжении 18 лет я работал в охране Берии, вначале в роли прикрепленного и последнее время в должности начальника охраны.

Будучи приближенным Берии, я хорошо знаю его личную жизнь и могу характеризовать его как человека развратного и нечестного.

Мне известно, что через некую гражданку Субботину Берия был знаком с подругой Субботиной, фамилию которой я не помню, работала она в доме моделей. Впоследствии от Абакумова я слышал, что эта подруга Субботиной была женой военного атташе. Позже, находясь в кабинете Берии, я слышал, как Берия звонил по телефону Абакумову и спрашивал его, почему до сих

пор не посадили эту женщину (…).

По указанию Берии я вел специальный список женщин, с которыми он сожительствовал. Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии, имена, адреса и номера телефонов 25–27 таких женщин. Этот список находится на моей квартире в кармане кителя».

Таким образом, Виктор Семенович тщательно готовился к борьбе со своими врагами. И даже на тот случай, если его захотят убрать.

* * *

10 апреля 1948 г. на полпути к «Главсевморпути» «ЗИС-101» министра морского флота СССР А.А. Афанасьева остановился. Его шофер только и успел выйти из машины и осмотреть проколотые в нескольких местах покрышки. Далее я представляю слово автору статьи «Вечный иск» А. Головкову:

«В тот же момент подрулил «бьюик», из него вышли какие-то люди: «Александр Александрович?.. Давайте мы вас подвезем!» Не успел Афанасьев сказать «Спасибо», как его скрутили, бросили в машину, накинули на голову мешок. Возили по Москве долго. Потом, завязав глаза, привели в какой-то особняк. «Вы среди представителей американской разведки, — заявили ошарашенному Афанасьеву, показав «документы». — Предлагаем вам сотрудничество». «Я с вами говорить не буду, — ответил Афанасьев, — ничего вы от меня не получите». «Мы и не рассчитывали на другой ответ, — сказал солидный незнакомец. — Подумайте».

И назначил встречу возле Парка культуры со стороны Крымского моста. Затем ему снова завязали глаза, повезли и высадили в районе здания Моссовета.

Афанасьев пешком отправился в Кремль с намерением доложить о своем приключении Сталину. Вождь был занят, и Александр Александрович отправился к Берии, который курировал водный транспорт. Там уже сидел Абакумов. «Ты, товарищ Афанасьев, молодец! — одобрил министра Берия, выслушав его рассказ. — Теперь помоги нам поймать этих шпионов». Затем он вызвал двух офицеров и сказал им: «Поручаю вам охранять Афанасьева. Ни на шаг от него!» С этого момента возле пятого подъезда дома № 2 по улице Серафимовича круглосуточно дежурил милиционер, за министром повсюду следовала охрана.

Детектив по сценарию Абакумова продолжался. В назначенное время возле входа в Парк культуры и отдыха имени Горького Афанасьев увидел того самого «солидного незнакомца» из особняка. Сняв шляпу, он направился навстречу министру. Тут Александра Александровича охватила ярость, и вместо приветствия Афанасьев прямым ударом сбил с ног незнакомца. Тут же подскочили работники госбезопасности и увели «шпиона».

Лишь спустя годы Александр Александрович узнал, что незнакомцем оказался не кто иной, как полковник Шварцман».

Лев Леонидович Шварцман был моложе Абакумова на один год. Еврей с семилетним образованием очень скоро нашел себя в журналистике. Сначала трудился в газете «Киевский пролетарий», а в конце двадцатых уже во главе отдела внутренней информации «Московского комсомольца». С 1930 г. Шварцман — ответственный секретарь газеты «Рабочая Москва» и секретный сотрудник НКВД. В 1937 г. его приглашают в секретно-политический отдел НКВД, где он знакомится с Виктором Семеновичем.

В 1940 г. Лев Леонидович становится заместителей начальника следственной части по особо важным делам. И здесь, в органах, ему очень пригодилось журналистское ремесло, где с помощью пера он оформлял протоколы допросов. Оформлял профессионально. Да вот с министром морского флота опростоволосился.

Так ведь одно дело писать, а другое проводить операцию… Хотя, впрочем, это уже не важно.

Перед майскими праздниками Афанасьева арестовали в кабинете Абакумова. Потом его ожидали сто двадцать допросов.

4

Виктор Семенович никогда не был близким к Сталину человеком. Даже если посмотреть на все фотографии тех лет, то можно с легкостью отметить их вполне объяснимое удаление. Тем самым Сталин давал понять министру разницу между ними… А между ними всегда стояли особо приближенные… С другой стороны, Абакумов как министр госбезопасности был выше других министров по неписаному закону и в любом случае был несколько ближе к «самому».

Но несмотря на все это, не баловал вождь Виктора Семеновича орденами и званиями. Многие годы он так и проходил в чине генерал-полковника, а из наград после войны получил только орден Красной Звезды, да и тот за пятнадцать лет

службы в органах (1932–1947 гг.).

Хотя работы молодому министру хватало всегда. Но в конце сороковых это сплошные заговоры, заговоры и заговоры.

С этой целью пятое управление в декабре 1949 г. было реорганизовано в сугубо агентурно-розыскное, оперативное подразделение. К 1951 г. оно станет называться секретно-политическим.

В новом качестве пятое управление усилит политический сыск и слежку в среде духовенства, творческой и научной интеллигенции, возобновит опеку лиц, ранее входивших в «контрреволюционные» партии, в право-троцкистскую оппозицию, а также подозревавшихся в принадлежности к националистическим организациям. «Выявляя уязвимые места в психике людей, — пишет истории Г.В. Костырченко, — их тайные и явные пороки, применяя шантаж, угрозы, подкуп, провокацию, прикрываясь демагогией о патриотическом и гражданском долге, в общем, пуская в ход все возможные средства борьбы с «внутренними врагами», это управление постоянно расширяло глубоко законспирированную сеть тайных общественных агентов — информаторов, составлявшую по численности почти из 11 млн человек, и оплетало ею, как невидимой паутиной, коллективы работников учреждений, предприятий, религиозных организаций, творческих союзов, научных центров».

Пятое управление возглавлял А.П. Волков, которого считали близким к Абакумову человеком, доносившем ему обо всем, что творилось в центральном аппарате госбезопасности.

Таким образом, следчасть по особо важным делам и пятое управление были на особом счету. А когда из пятого оперативные функции выделили в седьмое управление, то еще и седьмое. В принципе все работало. Авторитет Абакумова был непререкаем, силы его ведомства огромны и несокрушимы, власть почти безгранична, а, кроме того, это подпитывалось страхом общества и поддержкой партии и правительства. А что, собственно, еще нужно, если за МГБ стоял сам вождь. Следовательно, ничего не предвещало самого страшного, которое приближалось весьма и весьма стремительно.

* * *

В 1951 г. произошел пожар на борту теплохода «Победа». Возвращаясь из США в Одессу, он загорелся недалеко от берегов Крыма. Во время пожара погибло несколько десятков человек, но многие скончались от ожогов уже в больнице. Как назло, в числе

погибших обнаружили китайского полководца, который по приглашению Мао Цзэдуна возвращался из эмиграции в Китай. Назревал скандал. Государственная комиссия очень быстро выяснила причины пожара на теплоходе. Оказалось, что киномеханик перематывал в аппаратной пленку для показа фильма и неосторожно закурил. Пленка вспыхнула, как порох. Сам матрос получил сильнейшие ожоги, но перед смертью успел рассказать, отчего загорелась «Победа». Госкомиссия составила акт и записку, однако Берии такие выводы не понравились, и он позвонил Сталину.

— Работу комиссии нельзя назвать удовлетворительной, — сказал Лаврентий Павлович, — потому что они там совсем не разобрались и нагло врут. По моим данным, товарищ Сталин, теплоход подожгла американская разведка, чтобы уничтожить Фынь Юйсяня и осложнить отношения между СССР и Китаем.

Сталин приказал провести вторичное расследование. Поэтому вместе с работниками Генеральной прокуратуры в Одессу вылетели сотрудники МГБ. Следственный эксперимент подтвердил выводы Государственной комиссии: в открытом море имитировали пожар, включили хронометр и все сошлось. Однако Генеральный прокурор Сафонов и министр госбезопасности Абакумов отказались подписывать это заключение. Страх перед вождем заставил их долго препираться, прежде чем Виктор Семенович все же сам решил доложить об этом.

И надо сказать, ему в буквальном смысле удалось застать Сталина в хорошем расположении духа. Поэтому все обошлось.

Сам Абакумов вспоминал об этом так: «Просто посмеялись мы вместе с Иосифом Виссарионовичем над Лаврентием, да разошлись».

«В мае или июне 1951 года, — писал Судоплатов, — когда я в последний раз провел несколько часов в кабинете Абакумова, он выглядел весьма уверенным в себе, без колебаний принимал решения».

А как же иначе! Виктор Семенович всегда был уверенным в себе и если колебался, то не показывал вида. Его сильной воле можно было бы позавидовать многим и теперь.

Думаю, что он прекрасно оценивал ситуацию вокруг себя, но каких-то вещей в принципе знать не мог. Потому что знать все не дано никому.

Абакумов знал или мог знать о стремлениях Берии и Маленкова устранить его. Но он не мог даже и предполагать, какими средствами для достижения своей цели воспользуются его враги. А такая возможность для них представилась очень скоро.

* * *

«2 июля 1951 г.

Сов. секретно.

Тов. Сталину И.В.

От старшего следователя МГБ СССР подполковника Рюмина М.Д.

В ноябре 1950 г. мне было поручено вести следствие по делу арестованного доктора медицинских наук профессора Этингера. На допросах Этингер признался, что он являлся убежденным еврейским националистом и вследствие этого вынашивал ненависть к ВКП(б) и Советскому правительству.

Далее, рассказав подробно о проводимой вражеской деятельности, Этингер признался также и в том, что он, воспользовавшись тем, что в 1945 г. ему было поручено лечить тов. Щербакова, делал все для того, чтобы сократить последнему жизнь.

Показания Этингера по этому вопросу я доложил заместителю начальника следственной части тов. Лихачеву, и вскоре после этого меня и тов. Лихачева вместе с арестованным вызвал к себе тов. Абакумов.

Во время «допроса», вернее, беседы с Этингером, тов. Абакумов несколько раз намекал ему о том, чтобы он отказался от своих показаний в злодейском убийстве тов. Щербакова. Затем, когда Этингера увели из кабинета, тов. Абакумов запретил мне допрашивать Этингера в направлении вскрытия его практической деятельности и замыслов по террору, мотивируя тем, что он — Этингер — «заведет нас в дебри». Этингер понял желание тов. Абакумова и, возвратившись от него, на последующих допросах отказался от всех своих признательных показаний, хотя его враждебное отношение к ВКП(б) неопровержимо подтверждалось материалами секретного подслушивания и показаниями его единомышленника арестованного Брозолимского, который, кстати сказать, на следствии рассказал и о том, что Этингер высказывал ему свое враждебное отношение к тов. Щербакову.

Используя эти и другие уликовые материалы, я продолжал допрашивать Этингера, и он постепенно стал восстанавливаться на прежних показаниях, о чем мною ежедневно писались справки для доклада руководству.

Примерно 28–29 января 1951 г. меня вызвал к себе начальник следственной части по особо важным делам тов. Леонов и, сославшись на указания тов. Абакумова, предложил прекратить работу с арестованным Этингером, а дело по его обвинению, как

выразился тов. Леонов, «положить на полку».

Вместе с этим я должен отметить, что после вызова тов. Абакумовым арестованного Этингера для него установили более суровый режим, и он был переведен в Лефортовскую тюрьму, в самую холодную и сырую камеру. Этингер имел преклонный возраст — 64 года, и у него начались приступы грудной жабы, о чем 20 января 1951 г. в следственную часть поступил официальный врачебный документ, в котором указывалось, что «в дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы может привести к неблагоприятному исходу».

Учитывая это обстоятельство, я несколько раз ставил вопрос перед руководством следственной части о том, чтобы мне разрешили по-настоящему включиться в дальнейшие допросы арестованного Этингера, и мне в этом отказывалось. Кончилось все это тем, что в первых числах марта Этингер внезапно умер, и его террористическая деятельность осталась не расследованной.

Между тем Этингер имел обширные связи, в том числе и своих единомышленников среди крупных специалистов-медиков, и не исключено, что некоторые из них имели отношение к террористической деятельности Этингера. Считаю своим делом сообщить Вам, что тов. Абакумов, по моим наблюдениям, имеет наклонности обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе органов МГБ.

Так, в настоящее время в моем производстве находится следственное дело по обвинению бывшего заместителя генерального директора акционерного общества «Висмут» в Германии Салиманова, который в мае 1950 г. убежал к американцам, а затем через 3 месяца возвратился в Советскую зону оккупации Германии, где был задержан и арестован.

Салиманов показал, что в мае 1950 г. его сняли с работы и он должен был возвратиться в СССР, однако этого не сделал и, воспользовавшись отсутствием наблюдения со стороны органов МГБ, перебежал к американцам. Далее Салиманов рассказал, что, изменив Родине, он попал в руки американских разведчиков и, общаясь с ними, установил, что американская разведка располагает подробными сведениями о деятельности акционерного общества «Висмут», занимающегося добычей урановой руды.

Эти показания Салиманова говорят о том, что органы МГБ плохо организовали контрразведывательную работу в Германии.

Вместо того чтобы информировать об этом правительственные инстанции и использовать показания арестованного Салиманова для устранения серьезных недостатков в работе органов МГБ в Германии, тов. Абакумов

запретил фиксировать показания Салиманова протоколами допросов.

Министерством государственной безопасности в разное время арестовывались агенты американской и английской разведок, причем многие из них до ареста являлись негласными сотрудниками органов МГБ и двурушничали.

В своих информациях по таким делам тов. Абакумов писал: «Мы поймали, мы разоблачили», хотя в действительности — нас поймали, нас разоблачили, и к тому же долгое время нас водили за нос.

Попутно несколько слов о методах следствия.

В следственной части по особо важным делам систематически и грубо нарушается постановление ЦКВКП(б) и Советского правительства о работе органов МГБ в отношении фиксирования вызовов на допрос арестованных протоколами допроса, которые, кстати сказать, почти по всем делам составляются нерегулярно и в ряде случаев необъективно.

Наряду с этим Абакумов ввел практику нарушений и других советских законов, а также проводил линию, в результате которой, особенно по делам, представлявшим интерес для правительства, показания арестованных под силой принуждения записывались с недопустимыми обобщениями, нередко искажающими действительность. Я не привожу конкретных фактов, хотя их очень много, поскольку наиболее полную картину в этом отношении может дать специальная проверка дел с передопросом арестованных.

В заключение я позволю себе высказать свое мнение о том, что тов. Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате, и он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как Министерство государственной безопасности.

Он опасен еще и тем, что внутри министерства на наиболее ключевые места и, в частности, в следственной части по особо важным делам поставил «надежных», с его точки зрения, людей, которые, получив карьеру из его рук, постепенно растеривают свою партийность, превращаясь в подхалимов, и угодливо выполняют все, что хочет тов. Абакумов.

(Рюмин)».

* * *

Профессор Я.Г. Этингер в поле зрения госбезопасности попал

еще в 1944 году, регулярно посещая ЕАК, где читал поступавшие туда иностранные еврейские издания и выступал в поддержку проекта создания еврейской республики в Крыму. В результате осенью 1949 г. его отстранили от руководства кафедрой во 2-м ММИи уволили.

В «разработку» органов он попал после того, как на допросе (22 апреля 1949 г.) на него показал арестованный ответственный секретарь ЕАК Фефер.

Последний рассказал о том, что «Этингер весьма недоволен тем, что Советский Союз не оказывает помощи государству Израиль, и обвинял советское правительство в том, что оно ведет якобы враждебную политику в отношении евреев».

После такого заявления оперативники из контрразведки МГБ установили в квартире профессора подслушивающие устройства и записали одну из бесед с приемным сыном Яковом, студентом МГУ, а затем и разговор между Этингером и профессором Збарским.

В.С. Абакумов доложил Сталину об этих «антисоветских» диалогах.

Как пишет Г.В. Костырченко, «вопрос об аресте Этингера руководство МГБ ставило перед Кремлем неоднократно: сначала в ноябре 1949-го, потом в апреле 1950-го. Однако Сталин удовлетворил просьбу Абакумова только незадолго до 18 ноября 1950 г., когда Этингера, собственно, и взяли под стражу. Препровожденному на Лубянку профессору предъявили обвинения в «клеветнических измышлениях» в адрес Щербакова и Маленкова, которых он, по «оперативным данным», считал главными вдохновителями и организаторами политики государственного антисемитизма в стране. Месяцем ранее взяли под стражу пасынка профессора Я.Я. Этингера (Ситермана), от которого потребовали дать показания против приемного отца. А 16 июля 1951 г. в тюрьму МГБ доставили жену Я.Г. Этингера Р.К. Викторову, которую заставили подтвердить, что ее муж и сын регулярно слушали антисоветские радиопередачи Би-би-си и «Голос Америки»».

В самом начале следствия Этингера обвиняли в буржуазном национализме и только. Профессор категорически отрицал это и настаивал на абсолютной правомерности своих разговоров о притеснении евреев в СССР. Дело Этингера вел старший следователь по особо важным делам следственной части МГБ подполковник Рюмин.

При первой встрече он сказал арестованному:

— Вы арестованы за распространение враждебности к Советской власти. Вы признаете себя виновным в этом?

— Нет. Яне признаю этого, поскольку не занимался ничем подобным, — ответил ему Этингер.

5 января 1951 г. упрямого профессора перевели в Лефортовскую тюрьму и посадили в холодную камеру. Ему запретили давать книги, пользоваться ларьком и совершать прогулки.

Позднее, находясь под следствием, Виктор Семенович рассказывал следователю: «Говорите правду, не кривите душой, — предложил я Этингеру. На поставленные мною вопросы он сразу же ответил, что его арестовали напрасно, что евреев у нас притесняют. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского — моего заместителя, а затем Щербакова.

Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком.

В процессе допроса я понял, что ничего совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет.

А дальше мне докладывали, что чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает».

Поэтому министр госбезопасности приказал следователю прекратить расследование, но Рюмин вместо этого продолжал допрашивать профессора, заставляя часами стоять на ногах без сна.

Второго марта после очередного допроса Этингер вернулся в камеру и в 5.15 умер. Согласно медицинскому заключению, он умер «внезапно от паралича сердца в результате тромбоза коронарной артерии, атеросклероза и грудной ангины».

При этом медики предупреждали следственную часть о слабом физическом состоянии Этингера, который мог умереть из-за дальнейших допросов.

А ведь полковник Лихачев указывал Рюмину на окончание протокола допроса профессора. Не выполнил Рюмин и приказа Абакумова составить общие протоколы официальных допросов Этингера.

Теперь, когда он умер, на заседании партбюро Рюмина отчитывали и объявили ему выговор.

Кроме этого, если верить авторам книги «Последнее дело Сталина» Д. Бренту и В. Наумову, то по Рюмину проводилось внутреннее расследование. И кто знает, к каким результатам оно могло привести.

Однако Рюмин оказался хитрее, чем кто-либо мог предположить об этом. До смерти Этингера он «успел выжать из

своего подследственного и «признание» в том, что тот заведомо неправильно «вредительским» лечением способствовал в 1945 г. смерти секретаря ЦК Щербакова». В этом он оказался последовательным. Г.В. Костырченко по этому поводу сообщает: «Эта версия выглядела настолько вздорной и надуманной, что Абакумов с самого начала решительно отверг ее, предчувствуя, какие непредсказуемые последствия она способна вызвать, если о ней было доложено болезненно подозрительному Сталину. Будучи человеком малообразованным, и от природы прямолинейным, шеф госбезопасности опасался подобного авантюризма, предпочитая иметь дело с предельно упрощенными, хотя и грубо сколоченными сценариями. Зная, что Сталин определил буржуазный национализм как злейшего врага Советского государства, Абакумов считал, что в качестве руководителя «вооруженного отряда партии» он должен прежде всего безжалостно бороться с действительными и мнимыми приверженцами этой идеологии, будь то, к примеру, вооруженные отряды украинских националистов или еврейская интеллектуальная элита — хранительница культуры и традиций своего народа.

Но из-за своей психологической примитивности он не уловил того нюанса, что Сталин, да и частично аппарат ЦК, давно уже зараженные антисемитизмом, объявили тайную войну не только носителям национальной идеи, но и связанной с ними узами общего происхождения ассимилированной части еврейства». Следовательно, гораздо дальновиднее своего министра оказался его подчиненный — подполковник.

По «делу ЕАК» от следователей МГБ требовалось доказать шпионаж и диверсии ее активистов. Политбюро готовилось к очередной пропаганде. Однако время шло, и дело не удавалось завершить. Оно буквально разваливалось. Тогда неугомонный Рюмин пытается расширить дело с помощью арестов все новых людей, косвенно участвующих в работе ЕАК. И, надо сказать, ему удается затягивать следствие.

* * *

Михаилу Дмитриевичу Рюмину в 1951 г. было тридцать восемь лет. В 1930 г. он закончил восемь классов и около года проработал в колхозе на Кубани. Потом его взяли бухгалтером-счетоводом в кооператив «Ударник», откуда направили на краткосрочные бухгалтерские курсы. С 1931 по 1937 г. Рюмин трудился на Урале. В пиковый год репрессий его обвинили в

незаконном присвоении административных средств, но лишь освободили от обязанностей. Тогда он переезжает в Москву, где по знакомству устраивается в планово-финансовый отдел дирекции по строительству канала Москва — Волга. К началу войны Рюмин становится начальником отдела. С 1941 г. он служит в особом отделе Архангельского военного округа. Там Рюмин отличился — «зверски избив ремнем с металлической пряжкой фотокорреспондента газеты «Патриот Родины» Ермолина, заставил последнего дать ложные показания в том, что он был английским шпионом». В 1944 г. этого подонка прикомандировывают, а чуть позже зачисляют в штат Главного управления контрразведки СМЕРШ — старшим следователем. Из СМЕРШа Рюмина переводят в МГБ, но выше старшего следователя он не поднимается. Свою злобу он вымещает на арестованных, которым с удовольствием давит каблуками пальцы ног.

Надменный, низкого роста, жестокий, грубый, глупый, лысоватый подполковник с животом не нравился многим коллегам. Больше всего их раздражала его вычурная надменность.

В анкетах он с важным видом и, не моргнув глазом, записывал себе незаконченное высшее образование, а потом не мог объяснить, какие экзамены сдавал в вузе. Однако карьера не складывалась.

В 1950 г. по дороге с Лубянки в Лефортово в служебном автобусе он забыл следственное дело. Ему объявили выговор. И пошло одно за другим, началось внутреннее расследование.

В конце мая Управление кадров МГБ заинтересовалось близкими родственниками Рюмина: он скрыл, что его отец был кулаком, что его родные брат и сестра обвинялись в воровстве, а тесть служил у Колчака. Таким образом, ему явно грозило увольнение из органов. Михаил Дмитриевич несколько позже вспомнит: «Я все тщательно обдумал и взвесил. Дело в том, что к лету 1951 г. я очутился в довольно неприятном, шатком положении».

Так что же делает «шибздик», как называл его Сталин?

Он обращается в приемную ЦК к помощнику товарища Маленкова. Как писал П.А. Судоплатов, «результат этой встречи стал роковым для судьбы советской еврейской интеллигенции».

Подполковник Рюмин одиннадцать раз переписывал свое письмо-донос, находясь в приемной около шести часов. Об этом свидетельствует Судоплатов, который добавляет: «(Суханов) сам вел переговоры по поводу содержания письма Сталину с Маленковым».

Когда вождь прочитал заявление Рюмина, он сказал:

— Вот, простой человек, а насколько глубоко понимает задачи органов госбезопасности. А министр не в состоянии разобраться.

5

Закрытое письмо ЦК ВКП(б)

«О неблагополучном положении в Министерстве Государственной Безопасности СССР»

13 июля 1951 г.

Сов. секретно.

Центральным Комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, министерствам государственной безопасности союзных и автономных республик, краевым и областным управлениям МГБ Центральный Комитет ВКП(б) считает необходимым довести до сведения ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, министерств государственной безопасности союзных и автономных республик, краевых и областных управлений МГБ нижеследующее постановление ЦК ВКП(б) от 11 июля 1951 года.

«2 июля 1951 г. ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализирует о неблагополучном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности Абакумова.

Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал комиссию в составе т.т. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым.

В процессе проверки комиссия допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ Леонова, его заместителей т.т. Лихачева и Комарова, начальника второго Главного управления МГБ т. Шубнякова, заместителя начальника отдела 2-го Главного управления т. Тангиева, помощника начальника следственной части т. Путинцева, заместителей министра государственной безопасности т.т. Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснения Абакумова.

Ввиду того, что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП(б) решил немедля отстранить Абакумова от обязанностей министра госбезопасности

и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра госбезопасности. Это было 4 июля с.г.

На основании результатов проверки Комиссия Политбюро ЦКВКП(б) установила следующие неоспоримые факты:

1. В ноябре 1950 г. был арестован еврейский националист, проявлявший резко враждебное отношение к советской власти, — врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима признал, что при лечении т. Щербакова А.С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь.

ЦКВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей, несомненно, существует законспирированная группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и правительства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенных в недавнем прошлом, как преступление врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения.

Однако министр госбезопасности Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, а также в присутствии преступника Этингера признал показания Этингера надуманными, заявив, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 г. Этингер умер в тюрьме.

Таким образом, погасив дело Этингера, Абакумов помешал ЦК выявить, безусловно, существующую законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии правительства. При этом следует отметить, что Абакумов не счел нужным сообщить ЦКВКП(б) о признании Этингера и, таким образом, скрыл это важное дело от партии и правительства.

2. В августе 1950 г. был арестован бывший заместитель генерального директора акционерного общества «Висмут» Салиманов, бежавший в мае 1950 г. к американцам. Салиманов —

крупный государственный преступник. Изменив Родине, он выдал американцам важные сведения. Несмотря на то что прошел почти год с момента ареста Салиманова, Абакумов до сих пор скрывает от Центрального Комитета ход следствия по этому делу, хотя это дело имеет большое государственное значение. При выяснении комиссией Политбюро — почему Абакумов скрыл от ЦК результаты следствия по делу Салиманова, сколько-нибудь вразумительных объяснений Абакумов дать не мог.

Таким образом, Абакумов обманул партию и по этому делу.

3. В январе 1951 г. в Москве были арестованы участники еврейской антисоветской молодежной организации. При допросе некоторые из арестованных признались в том, что имели террористические замыслы в отношении руководителей партии и правительства. Однако в протоколах допроса участников этой организации, представленных в ЦК ВКП(б), были исключены, по указанию Абакумова, признания арестованных в их террористических замыслах. Допрошенные комиссией Политбюро по этому вопросу начальник следственной части Леонов и его заместитель Лихачев, а также заместитель министра государственной безопасности т. Огольцов подтвердили, что показания арестованных об их террористических намерениях действительно не были включены в протокол допроса.

Указанные товарищи пытались объяснить преступную фальсификацию протоколов, посланных в ЦК ВКП(б), намерением произвести дополнительную проверку. Но несмотря на важность факта о террористических замыслах участников антисоветской молодежной организации и на то, что прошло достаточно времени, — никаких дополнительных сообщений из МГБ в ЦК ВКП(б) послано не было.

Следовательно, и по этому делу Абакумов обманул партию.

4. В МГБ грубо нарушается установленный Правительством порядок ведения следствия, согласно которому допрос арестованного должен фиксироваться соответствующим образом оформленным протоколом, а протокол должен сообщаться в ЦКВКП(б). В МГБ укоренилась неправильная практика составления так называемых обобщенных протоколов допроса арестованных на основании накопленных следователями заметок и черновых записей. Эта вредная и антигосударственная практика в следственной работе привела к безответственности среди работников аппарата МГБ, способствует затяжке сроков расследования о серьезных преступлениях, дает возможность скрывать от партии положения дел в МГБ.

Даже в нарушение закона об ограниченных сроках ведения следствия в МГБ имеется много фактов недопустимой затяжки

окончания следственных дел на очень длительные сроки.

В центральном аппарате МГБ есть следственные дела, которые ведутся два-три года, тогда как согласно закону полагается вести следствие не более двух месяцев.

Таким образом, Абакумов не только обманывал партию, но и грубым образом нарушал постановления ЦК ВКП(б) и правительства.

5. ЦК считает нужным отметить, что, будучи вызванным сначала в Политбюро, а затем в Комиссию ЦК ВКП(б), Абакумов встал на путь голого отрицания установленных фактов, свидетельствующих о неблагополучном положении в работе МГБ, при допросе пытался вновь обмануть партию, не обнаружил понимания совершенных им преступлений и не проявил никаких признаков готовности раскаяться в совершенных им преступлениях.

На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять Абакумова В.С. с работы министра государственной безопасности СССР как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР Леонова и заместителя начальника следственной части Лихачева, как способствовавших Абакумову обманывать партию и исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и заместителю Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ.

4. Обязать МГБ СССР возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации.

5. Назначить члена комиссии Политбюро по проверке работы МГБ и заведующего отделом партийных и комсомольских органов ЦКВКП(б) т. Игнатьева С.Д. представителем ЦК ВКП(б) в Министерстве государственной безопасности.

ЦК ВКП(б) надеется, что коммунисты, работающие в органах МГБ, не пожалеют сил для того, чтобы с полным сознанием своего долга и ответственности перед советским народом, партией и правительством, на основе большевистской критики, при помощи и под руководством ЦК компартий союзных республик, областных (краевых) и городских комитетов партий, быстрее покончить с недостатками в работе органов МГБ, навести в них большевистский порядок, повысить партийность в работе чекистов, обеспечить неуклонное и точное выполнение органами

МГБ законов нашего государства, директив партии, правительства».

Таким образом, 4 июля 1951 г. Виктора Семеновича Абакумова по решению Политбюро ЦК ВКП(б) отстранили от должности, а 11 июля 1951 г. было принято постановление ЦКВКП(б) о снятии Абакумова с должности министра, исключении его из партии и передаче его дела в суд. Для П.А. Судоплатова, по его воспоминаниям, крах Абакумова «был как гром среди ясного неба».

При всех тех интригах в кулуарах Кремля и при всей той борьбе за власть арест Абакумова вполне вписывался в начало новой чистки, которую затеял стареющий вождь.

Других объяснений этому шагу Сталина найти трудно. Все остальное можно считать только предлогом, не более.

* * *

Врач Кремлевской больницы Лидия Тимашук 29 августа 1948 г. написала письмо генералу Власику, в котором обвинила докторов в небрежном отношении к состоянию здоровья Жданова. Кроме того, письмо включало расшифровку электрокардиограммы Жданова за 28 августа, на основе которой она вполне объективно оспаривала заключения и предписания врачей. С июля 1948 г. Андрей Андреевич Жданов находится на лечении на Валдае. Первый сердечный приступ, случившийся с ним, произошел 23 июля. Ему прописали строгий постельный режим и различные медикаменты. Через несколько недель Жданов почувствовал себя лучше и получил разрешение вставать с кровати, гулять и ходить в кино. 28 августа на Валдай вызвали доктора Тимашук, которая в 12 часов записала электрокардиограмму сердца Жданова и пришла к выводу, что он совсем недавно перенес инфаркт миокарда. Она поделилась своим беспокойством с лечащим врачом Жданова Майоровым, который совершенно убежденно заявил, что Андрей Андреевич не мог перенести инфаркта, скорее всего он испытывал «функциональные расстройства, склероз и гипертонию».

29 августа Жданов перенес второй сердечный приступ, и Тимашук снова вызвали из Москвы. Однако происходили какие-то странные вещи: главный врач лечебно-санитарного управления Кремля П.Я. Егоров и профессор-консультант В.Н. Виноградов приказали ей отложить проведение электрокардиограммы на следующий день. И тогда она пожаловалась на неправильное

лечение начальнику охраны Жданова А.М. Белову, а тот, в свою очередь, предложил ей написать заявление на имя генерала Власика.

Уже 30 августа Виктор Семенович Абакумов доложил об этом вождю:

> **«Совершенно секретно.**
>
> **Товарищу Сталину И.В.,**
>
> Настоящим представляю Вам заявление заведующего электрокардиологического отдела Кремлевской больницы доктора Тимашук Л.Ф., написанное в связи с состоянием здоровья товарища Жданова А.А. Очевидно, что Тимашук настаивает на своем заключении, что товарищ Жданов перенес инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и внутрижелудочковой перегородки, в то же самое время глава санупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей изменить свое заключение так, чтобы не указывать инфаркт миокарда.
>
> **Приложение**: заявление Тимашук и электрокардиограмма товарища Жданова».

Вождь документ получил, расписался и размашисто, большими буквами ниже начертал: «В архив».

В этот день Тимашук делает еще одну ЭКГ Жданову, а 31 августа тот умирает.

О причине смерти секретаря ЦКМКи МГКВКП(б) А.С. Щербакова, умершего 10 мая 1945 г., позднее рассказывал Хрущев: «Кончил он печально. Берия тогда правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер. Сталин, правда, говорил: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил излишества с женой».

По официальной версии, Щербаков умер из-за того, что он, с согласия врачей Р.И. Рыжикова и Г.А. Каджардузова, 8 и 9 мая совершил продолжительные и утомительные поездки из подмосковного санатория «Барвиха» в столицу, где любовался иллюминацией и праздновал День Победы».

Теперь, в июле 1951 г., Сталин решил объединить антисемитскую кампанию (дело Еврейского Антифашистского Комитета) с заговором врачей в единое целое.

В этом и заключалась очередная дальновидность Сталина, о которой даже и не догадывался Виктор Семенович.

И его смели, как ненужную фигуру в шахматной партии Хозяина.

«Считайте себя под домашним арестом», — были последние слова вождя, сказанные Абакумову.

Глава восьмая
Враг инстанции, заплативший за все сполна

Неудачники мстят талантам. Скряги — щедрым. Глупцы — умным. Уроды — красивым. Лентяи — тем, кто наделен инициативой, смелостью и сметкой. Однако мир устроен так, что порой умный становится злейшим врагом умного — ревность, соперничество; щедрый — щедрого; сметливый — сметливого (конкуренция, несовместимость характеров); талант вступает в борьбу с талантом — порой это следствие продуманной провокации, никто еще не отменил римское «разделяй и властвуй» — союз талантов опасен власть предержащим; порой, впрочем, за этим стоят разность идейных позиций, комплексы, влияние жены (мужа, матери, брата); воистину именно благими намерениями устлана дорога в ад.

Юлиан Семенов

1

Обычно Абакумов, перед тем как ехать домой на Колпачный, всегда звонил своей жене. В тот день, 4 июля 1951 года, звонка от него не было долго. Время шло. «Задерживается», — подумала Антонина и позвонила сама. — Виктор Семенович три часа назад уехал домой, — необычайно строго ответили в трубке.

Вскоре щелкнул дверной замок, и вошел ее муж. Вошел быстро и, не снимая фуражки, подошел к ней, поцеловал в шнеку и сел в кресло. На бледном лице теперь уже бывшего министра было заметно волнение. Антонина Николаевна таким своего мужа не видела никогда.

— Что с тобой? Что-то случилось?

— Да нет, Тонечка, ничего не случилось, если не считать моего отстранения от должности, — ответил Абакумов.

— Но как же так, Витенька? — и она засыпала его вопросами. — Но почему они так обошлись с тобой? За что тебя сняли? Что же теперь с нами будет? — она смотрела на него, а в глазах ее можно было увидеть страх за ребенка, за семью, которая только сложилась.

Виктор Семенович разглядывая красивое и нежное лицо своей жены, которое после недавних родов стало еще красивее, думал сейчас не о ней. Так бывает, когда мы делаем вид или действительно пытаемся быть искренними слушателями, а сами находимся совершенно в другом пространстве, куда от сердца нас уводят беспокойные мысли, болью звенящие в голове.

Он видел эмоции на ее лице, видел шевеление губ, но не слышал ничего, что она ему говорила. В это мгновение его не было с ней. Точнее, было только тело, а он сам просчитывал ходы предстоящей комбинации с компроматом и некоторые другие позиции. Ситуация складывалась не лучшим образом, отличаясь непредсказуемостью. Но самое страшное было в том, что он не мог ее держать под контролем. Как это сделать, когда тебя оторвали от того, что ты создавал своими собственными руками долгие годы, как, если тебя лишили любимого дела? Сразу же вспоминается, как начальник Ивановского управления Журавлев написал донос на Ежова в тридцать восьмом и того сняли. Ситуация очень похожа. Но самое главное, в ее тени был Берия. А теперь эта сволочь Рюмин!

Он мог запросто раздавить этого надменного подполковника, но настолько был уверен в себе и в своих подчиненных, что не стал этого делать.

Да и было бы об кого мараться. Разве он мог подумать, что найдется всего лишь одно ничтожество и пойдет на сговор с врагами, очень серьезными и влиятельными. Такое и допустить было невозможно.

Словно нюх потерял, утратил навыки, приобретенные с годами. Обидно. Теперь оставался компромат, с которым тоже нужно было обращаться осторожно, дозированно.

Одно требовалось уничтожить и запомнить, другое оставить на случай отхода. Чекист должен предусматривать все варианты. Один из них в сложившейся обстановке — активная оборона.

Но получится ли?

* * *

По письму Рюмина работала специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) в составе Маленкова, Берии, Шкирятова и Игнатьева.

Как-то в эти сумрачные июльские дни Абакумова вызвал Лаврентий Павлович. Виктор Семенович решил, что поговорит с ним один на один откровенно и появится надежда. Но не тут-то было.

Там оказался еще и Маленков, который поинтересовался:

— Что там по отбывающим наказание авиаторам?

— У Новикова, Шиманова, Селезнева срок заключения истек, — ответил Абакумов.

— Почему вы их держите? — недовольно спросил Маленков.

— Это не в моей компетенции. Вы же знаете, кто принимает такие решения, — уклонялся от ответа Абакумов.

После этого Виктор Семенович все же встретился с Берией наедине и попросил его специально доложить по этому вопросу Хозяину. Тот его уже не принимал и не желал даже с ним разговаривать.

— Ведь если их выпустят, — сказал Виктор Семенович, — то Шахурин и Шиманов, несомненно, придут к Маленкову и расскажут, как они писали заявления против него на имя товарища Сталина.

Но Берия дал понять, чтобы он сам выкручивался из этой истории, к которой он не имеет никакого отношения.

В этот же день Маленков вызывает Рюмина и берет с него письменные объяснения. Затем вызывает Абакумова и дает их прочитать.

Таким образом, Маленков называет Виктора Семеновича единственным виновником «Авиационного дела».

Понимая это, и то, что его ждет в последующем, Абакумов 9 июля 1951 г. пишет на имя Сталина целых два письма. Первое после встречи с Берией наедине, где он указывает: «Я уклонился от ответа, имея в виду, что это дело специальное, так как они в процессе следствия писали заявления в Ваш адрес в отношении Маленкова Г.М.

После этого я отдельно встретился с товарищем Берией Л. П. и попросил его специально доложить товарищу Сталину И.В.».

Второе, после прочтения письменных объяснений Рюмина в кабинете Маленкова: «Действительно, как Вы знаете, по специальному указанию, арестованные Шахурин, Новиков, Шиманов и другие допрашивались в отношении Маленкова Г.М. При этом показания их в соответствии с полученными указаниями, оформлялись в виде собственноручных заявлений в Ваш адрес и были Вам представлены».

Дело в том, что заявление от имени Шахурина и Шиманова против Маленкова, подобные заявлению против Жукова, были подготовлены не в единственном экземпляре. Поэтому Виктор Семенович, оставивший у себя по одному экземпляру в качестве компромата, на всякий случай, лукавил вождю, как и тогда, когда отправлял эти заявления на его имя и указывал на них: «в единственном экземпляре». Он оставлял за собой право защищаться и нападать.

* * *

12 июля 1951 г. Виктора Семеновича вызвали в Прокура**туру** СССР. Он уже был готов к этому и все понял. Генеральный прокурор, государственный советник юстиции 1-го класса Г. Сафонов, объявил ему два постановления — о возбуждении уголовного дела по признакам статьи 58–1 «б» УК РСФСР (измена родине, совершенная военнослужащим) и об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей.

После необходимых в таких случаях «процедур», Виктора Семеновича поместили в одиночную камеру Матросской Тишины. Только начальник этой тюрьмы знал, кто обозначается в ней, как «заключенный № 15». Такие вот меры предосторожности были приняты в отношении бывшего всесильного и всемогущего министра госбезопасности СССР.

Примечательно, что «перед арестом Абакумова Лаврентий Павлович Берия распорядился переключить телефоны кремлевской АТС: домашний на дежурного офицера в комнате охраны, а служебный— на приемную; это было сделано для того, чтобы Абакумов не мог соединиться с ним».

Как рассказывали Евгению Жирнову ветераны госбезопасности: «Содержали его в более чем сносных условиях и будто бы даже обед доставляли из его любимого «Арагви». Никаких признательных показаний он не давал. И тогда в следственной части по особо важным делам МГБ составили альбом с фотографиями вещей, изъятых у Абакумова при обыске. Теперь такой список вряд ли кого-нибудь удивит, но тогда десятки пар обуви, ворох галстуков и все прочее было попаданием в десятку. Ходивший в латаных сапогах Сталин приказал обращаться с Абакумовым как с государственным преступником». Сразу же после ареста на квартире и на даче Абакумова были произведены обыски.

Особое внимание было обращено на большое количество пепла, обнаруженного в его кабинете, что свидетельствовало о

сожжении многих документов, которые он хранил у себя дома. Однако сжег бывший министр не все. В его столе изъяли документы, на которых стоял гриф «совершенно секретно». Это был компромат на Берию и Маленкова: милицейские протоколы, связанные со скандалами на сексуальной почве (Л.П. Берии) и копии заявлений 1946 г. по линии брака самолетов (Г.М. Маленкова). А что касается барахла, то для министра с зарплатой двадцать пять тысяч рублей все это были мелочи, учитывая еще и возможности Абакумова в прошлом как начальника ГУКР СМЕРШ.

Итак, у Виктора Семеновича нашли: «1260 метров различных тканей (это были в основном дешевые сорта вискозного шелка, использовавшиеся для декоративного оформления стен его квартиры), много столового серебра, 16 мужских и 7 женских наручных часов, в том числе 8 золотых, около 100 пар обуви, чемодан мужских подтяжек, 65 пар запонок, 22 фарфоровых сервиза, 78 художественных ваз», мебельные гарнитуры, холодильники, радиоприемники, множество фотоаппаратов, кинопроектор, автомобиль «Линкольн-зефир» и библиотека (тысяча пятьсот томов). В доме номер одиннадцать по Колпачному переулку в тот день окна на втором этаже были плотно зашторены. А когда-то отсюда выселили целых шестнадцать семей, чтобы министр жил и отдыхал в этом особняке после тяжелой работы с комфортом. И все-таки, даже по сравнению со своими подчиненными или коллегами, Абакумов жил не особо богато.

Например, в декабре 1951 г. органами МГБ СССР был арестован начальник Управления МГБ по Алтайскому краю генерал Карпенко Н.М. В конце войны он занимал должность начальника контрразведки СМЕРШ 15-й Ударной армии, штурмовавшей рейхстаг. При обыске на квартире этого генерала были изъяты 4 золотых портсигара, 30 дамских и мужских золотых часов, несколько десятков золотых колец, в том числе с массовыми бриллиантами, а также золотые серьги и броши.

У бывшего начальника его секретариата майора Зобова во время повторного обыска и того больше: до 100 золотых мужских и дамских уникальных наручных часов, значительное количество платиновых, золотых и серебряных брошей, серег и колец с бриллиантами и без них и других ювелирных изделий обшей стоимостью до 400 тысяч рублей.

Все это хранилось у майора в авоське, подвешенной на гвозде в чулане. Но самое страшное, что все эти ценности принадлежали евреям, уничтоженным в концентрационных лагерях фашистами.

Но кому какое было дело, если решал только сам Сталин. Он и решил: распоряжением Совета Министров СССР от 25 июля

1951 г. № 12 537 и от 26 июля 1951 г. № 12 636 квартиры № 2 в доме 1 1 по Колпачному переулку и № 8 в доме 8 по Телеграфному переулку, а также дача МГБ в поселке Петрово-Дальнее передавались в резерв Совмина. Оба эти документа были подписаны Сталиным.

Не зря же потом по Москве поползли слухи: «Жена Абакумова, нашего министра госбезопасности, со своей такой же подружкой ходили по таким квартирам, как твоя была, снимали печать и дограбливали остальные ценности. С разрешения своих мужей, стоящих у власти».

Следовательно, жена Абакумова грабила квартиры арестованных МГБ людей. Да не просто квартиры, а богатые квартиры.

Но откуда людям было знать, что вторая жена Абакумова — Антонина родила как два месяца назад. Да и зачем ей было грабить квартиры, если у нее все было?

13 июля арестовали ее вместе с грудным ребенком. Причем, как пишет К. Столяров: «ребенок причинил сотрудникам прокуратуры Союза массу хлопот — у матери сразу же пропало молоко, и чтобы мальчик выжил, им пришлось позаботиться об искусственном питании».

Антонина Николаевна Смирнова, официальная жена Абакумова, была младше мужа на двенадцать лет (31 год). Они познакомились, когда она работала в отделе военно-морской разведки МГБ.

В самую красивую женщину своего ведомства министр влюбился с первого взгляда. А потом закрутился бурный роман взаимной и зрелой любви.

В мае 1951 г. Антонина родила Виктору сына. Но, как говорится, счастье было недолгим.

Первая жена Абакумова, Татьяна Андреевна (кстати сказать, тоже Смирнова), тяжело переживала, как она думала, очередной роман своего мужа. Но все оказалось гораздо серьезнее.

Виктор Семенович ушел от нее, оставив все, в том числе и квартиру по Телеграфному переулку. Благо, им не надо было разводиться, так как они прожили вместе долгую жизнь нерасписанными (по тогдашней чекистской моде).

Обиженная Татьяна Андреевна еще в период первых встреч Абакумова с Антониной написала на него письмо, в котором «жаловалась на то, что Виктор Семенович изменяет ей, иногда поколачивает ее, просила, да нет, просто информировала о том, что Абакумов имеет любовную связь со Смирновой А.Н., сотрудницей своего ведомства!».

Тогда Виктору Семеновичу было наплевать на донос первой

жены. Но теперь он попал в число документов, «уличающих» бывшего министра в преступлениях.

Впрочем, это было уже неважно. Если на квартире у матери Антонины Николаевны (тещи Абакумова) во время обыска нашли две книги, выпущенные для служебного пользования, о работе английской контрразведки и американского Федерального бюро расследований, то хранение такой литературы лишь усугубило вину второй жены бывшего министра государственной безопасности.

Первой же жене повезло гораздо больше. Ее сначала тоже хотели арестовать, но Генпрокурор СССР не усмотрел достаточных оснований для ее ареста.

После серии допросов ее выселили из квартиры, разрешив забрать оттуда только личные вещи, а потом и вовсе оставили в покое.

2

Первым к допросам Абакумова приступил заместитель Генпрокурора К. Мокичев. Фактически он заменил своего шефа Сафонова, попавшего в автомобильную катастрофу и оказавшегося на несколько месяцев в Кремлевской больнице.

Итак, Мокичев спрашивает Абакумова:

— Почему вы долго не арестовывали Этингера, а после ареста запретили допрашивать его о терроре, сказав Рюмину, что Этингер «заведет в дебри»?

— Руководство 2-го управления доложило мне, — отвечает Виктор Семенович, — что Этингер является враждебно настроенным. Я поручил подготовить записку в ЦК. В записке были изложены данные, которые убедительно доказывали, что Этингер — большая сволочь. Это было в первой половине 1950 года, месяца не помню. Но санкции на арест мы не получили. А после того как сверху спустили санкцию, я попросил доставить Этингера ко мне, так как знал, что он активный еврейский националист, резко антисоветски настроенный человек. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского — моего заместителя, а затем Щербакова. Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком.

В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет. А дальше мне докладывали, что

чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает.

— Вам известно, что Этингер был переведен в Лефортовскую тюрьму с созданием необычного для него режима?

— Это неправильно. И внутренняя, и Лефортовская тюрьма одинаковы, никакой разницы нет.

— Вы давали указания о том, чтобы содержать Этингера в особых, опасных для его жизни условиях?

— В каких особых? — удивленно переспрашивает Абакумов.

— В более жестких, чем всех остальных? Ведь Этингера поместили в сырую и холодную камеру.

Виктор Семенович понимает вопрос и, улыбаясь, отвечает:

— Ничего особенного здесь нет, потому что он — враг. Мы можем и бить арестованных— в ЦКВКП(б) меня и моего первого заместителя Огольцова неоднократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к шпионам и другим государственным преступникам, когда это нужно.

Арестованный есть арестованный, а тюрьма есть тюрьма. Холодных и теплых камер там нет. Говорилось о каменном полу — так, насколько мне известно, пол везде каменный. Я говорил следователю, что нужно добиваться от арестованного правды, и мог сказать, чтобы тот не заводил нас в дебри».

Автор замечательной книги «Голгофа» Кирилл Столяров комментирует этот поединок так:

> «Надо сказать, что силы при допросе оказались неравными. Заместитель Генерального прокурора Мокичев был правоведом высшей квалификации с аттестатом профессора, тогда как, напоминаю, образовательный багаж Абакумова ограничивался четырьмя классами начальной школы. И все же у меня исподволь сложилось впечатление, что в протоколах допросов их следовало поменять местами — уж больно все это похоже на диалог профана с жестким, вполне компетентным собеседником».

Виктор Семенович категорично, но достаточно убедительно отрицал и другие обвинения, будь то «английский шпион» Юдин или учащиеся 9–10 классов или же студенты-первокурсники (дети репрессированных по 15–17 лет), объединенные в группу «СДР» (Союз движения за Революцию). Одни много болтали и были больными людьми, про другие вещи Абакумов слышал впервые. Но самое главное, что он, признавая свои ошибки, недостатки и неудачи в чекистской работе, больше ни в чем не считал себя виновным. А аргумент у него действительно был сильнейший: «Я

был весь на глазах у ЦК ВКП(б). Там повседневно знали, что делается в ЧК». Ну что тут скажешь в ответ?

В своих мемуарах П.А. Судоплатов вспоминает:

«В июле 1951 года Ильин был переведен в Матросскую Тишину и помешен в Специальный блок тюрьмы ЦК партии. Находившимися там подследственными занимался комитет партийного контроля, который расследовал дела членов ЦК и офицеров госбезопасности.

Начальник тюрьмы предупредил его о серьезных последствиях, если он не признает свою вину перед партией. Новый следователь, появившийся на очередном допросе в форме генерал-майор юстиции, был заместитель военного прокурора Советского Союза Китаев. К безмерному удивлению Ильина, Китаев потребовал от него показаний о вредительской деятельности Абакумова, в ответ Ильин попросил представить доказательства, что это не провокация. Охранник вывел его в коридор и подтолкнул к глазку камеры, где сидел заклятый враг Ильина Абакумов.

Тем не менее Ильин отказался свидетельствовать против Абакумова, дальновидно рассудив, что Абакумов в свое время обо всем докладывал Сталину и если он, Ильин, сейчас расскажет о сфабрикованных Абакумовым делах, то его могут обвинить в содействии этим преступлениям».

* * *

Камера была небольшая: маленькое окошечко с решетками и «намордник» снаружи. Над ее дверью горела лампа. Размеренные, громкие шаги надзирателя будто нарочно вторгались в мысли бывшего министра, бывшего генерала, а самое главное — бывшего верного слуги вождя.

И действительно: от сумы и от тюрьмы никогда не нужно зарекаться. Впервые Виктор Семенович понял, что говорить с самим собою по правде он начал только в тюремной камере. А до этого он запрещал себе задавать вопросы и тем более отвечать на них.

Что это было — идиотизм его профессии? Идиотизм ради идеи, на службу которой посвятил свою жизнь?

Тогда поделом за все, а жизнь, получается, прошла зря, сказал себе Абакумов.

Тут же вспомнилось…

Став заместителем наркома внутренних дел, он собрал близких и знакомых в своей новой столичной квартире. Когда

гости стали выходить из-за стола, кто на перекур, а кто просто размяться, к нему подошел закадычный друг его отца дядя Вася, который пил всю жизнь, но при этом не спился, и, глядя снизу вверх, чуть пошатываясь, сказал:

— Видать, поперло тебе, Витя, коли так взлетел высоко! Не боишься?

— А чего бояться — то? — уточнил Абакумов.

— Ну как чего. А что, ты не знаешь? Пока сидишь на коне, тебя все в задницу будут целовать. Ну а если упадешь с него иль того хуже, сбросят?

Дядя Вася прищурил правый глаз, кашлянул в кулак и еще раз пристально посмотрел на Виктора.

Абакумов рассмеялся и как-то так уклончиво ответил:

— Я, дядя Вася, не боюсь упасть. Такие, как я, не падают. Но поживем — увидим.

— Ну-ну, — только и нашел, что ответить захмелевший друг отца.

А ведь тогда Виктору Семеновичу не понравился этот разговор. Вроде хотел, как лучше, поделиться своей радостью, а тебе вон что говорят. В общем, списал в тот раз все на пропитые мозги.

А ведь действительно, нет ничего тяжелее, чем упасть с высоты на землю.

Свободомыслие в одиночке — это то самое открытие, которое сделал Виктор Семенович, оказавшись за решеткой.

И действительно, он впервые был так свободен в своих мыслях.

Да, стены камеры давят и душат, но жизнь продолжается. А значит, и борьба за нее продолжается!

В этот день ему принесли перо, черные чернила и бумагу. Почему-то ему показалось, что Хозяин ждет от него объяснения. Ждет именно сейчас, а завтра может быть поздно.

И Виктор Семенович, волнуясь, пишет письмо человеку, на которого смотрел как на Бога, на которого боялся дышать, которому верно служил и беспрекословно подчинялся.

Он делал этот шаг из камеры навстречу судьбе, которая может вдруг улыбнуться из оконца. В то крошечное оконце, откуда тусклый свет попадает в его камеру.

> «Теперь по поводу заявления тов. Рюмина о том, что я якобы намекнул Этингеру, чтобы он отказался от показаний по террору. Этого не было, и быть не могло. Это неправда. При наличии каких-либо конкретных фактов, которые дали бы возможность зацепиться, мы бы

с Этингера шкуру содрали, но этого дела не упустили бы. Должен прямо сказать Вам, товарищ Сталин, что я сам не являюсь таким человеком, у которого не было бы недостатков. Недостатки имеются и лично у меня и в моей работе. В то же время с открытой душой заверяю Вас, товарищ Сталин, что отдаю все силы, чтобы послушно и четко проводить в жизнь те задачи, которые Вы ставите перед органами ЧК. Я живу и работаю, руководствуясь Вашими мыслями и указаниями, товарищ Сталин, стараюсь твердо и настойчиво решать вопросы, которые ставятся передо мной. Я дорожу тем большим доверием, которое Вы мне оказываете за все время моей работы как в период Отечественной войны в органах Особых отделов и СМЕРШ, так и теперь— в МГБ СССР.

Я понимаю, какое большое дело Вы, товарищ Сталин, мне доверили, и горжусь этим, работаю честно и отдаю всего себя, как подобает большевику, чтобы оправдать Ваше доверие. Заверяю Вас, товарищ Сталин, что какое бы задание Вы мне ни дали, я всегда готов выполнить его в любых условиях. У меня не может быть другой жизни, как бороться за дело товарища Сталина.

В. Абакумов».

Виктор Семенович не случайно избегает некоторых слов («арест», «тюрьма»), С момента ареста прошло около трех недель, и он еще верит в то, что вождь разберется и объявит его невиновным.

Но тот, перед кем почтительно поклонился из камеры Виктор Семенович, получив письмо, прочитал и оставил его у себя. А через 20 дней Мокичев получил указание лично от Маленкова, переданное через нового министра госбезопасности С. Игнатьева: 20 августа 1951 г. «послать товарищу Сталину протокол допроса Абакумова».

* * *

Не знал Виктор Семенович, сидя в одиночной камере, что с июля 1951 по сентябрь 1952 г. из рядов МГБ вычистили 42 тыс. человек, 600 агентов исключили из агентурных сетей на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, 3 тыс. человек уволили за несоблюдение законности или нарушение дисциплины, 1583 уволили за профессиональную непригодность, остальных — по

другим причинам.

Вычищение ставленников Абакумова было скрытой причиной этой чистки. Официально: улучшалась работа и оперативные способности госбезопасности. Новый министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев (с августа 1951 г.) охарактеризовал МГБ как «косную, раздутую бюрократическую» структуру.

После ареста Абакумова обязанности министра исполнял его первый заместитель генерал Огольцов, а Игнатьев был назначен представителем ЦК в МГБ.

И вот он министр.

Сорок семь лет, в партии с 1926 г. В 1935 г. окончил Всесоюзную промышленную академию, и сразу же его взяли на работу в промышленный отдел ЦК. С 1937 г. — секретарь Бурят-Монгольского обкома, с 1943 г. — первый секретарь Башкирского обкома, с 1946 г. — первый заместитель начальника Управления по проверке партийных кадров, с 1947 г. — секретарь ЦК Белоруссии по сельскому хозяйству и заготовкам, с 1949 г. — секретарь среднеазиатского бюро ЦК и уполномоченный ЦК по Узбекской СССР, с 1950 г. — заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров ЦК.

По характеру мягкий человек и робеющий перед Сталиным, по свидетельству очевидца, он «полностью подчинялся требованиям вышестоящего руководства» и «беспрекословно выполнял любые указания».

Леонид Млечин пишет: «Мягкость Игнатьева не распространялась на арестованных, которых он приказал бить и пытать».

* * *

Мокичев снова вызывает на допрос Абакумова.

— Почему рассмотрение дел и сроки следствия в М ГБ недопустимо затягивались?

— Действительно, есть такие дела, — отвечает Виктор Семенович, — которые затягивались. Делалось это по специальному указанию ЦК ВКП(б) или же диктовалось оперативными соображениями. Приведу примеры: имеется дело генерала Телегина и других— 8 человек. Дело это весьма важное и его впредь тоже следует держать и не заканчивать. Оно связано с маршалом Жуковым, который является очень опасным человеком.

Мокичев все понимает и задает другой вопрос:

— Вашими сотрудниками систематически нарушалось

постановление ЦК ВКП(б), согласно которому необходимо оформлять каждый протокол допроса. С какой целью нарушалось постановление от 17 ноября 1938 года?

Виктор Семенович и здесь непреклонен:

— Пора ставить перед ЦК вопрос об его отмене, оно устарело.

— Ответьте, почему на допросах следователи МГБ делали лишь черновые заметки, а впоследствии составлялись «обобщенные» протоколы?

— В следственной части по особо важным делам есть хорошие следователи, но такие, которые не умеют писать. И есть, напротив, грамотные следователи, которые не умеют допрашивать. Отсюда и «обобщенные» протоколы.

Коротко и ясно. Но следует еще вопрос:

— Кому поручалось составление «обобщенных» протоколов?

— Леонову — как руководителю следственной части по особо важным делам, Шварцману — как его заместителю и грамотному человеку.

А в это время за кулисами кипела совершенно другая работа. В М ГБ была создана специальная следственная группа, которая тщательным образом изучала поднятые из архива данные агентурных наблюдений, фонограммы тайного прослушивания в квартирах и служебных кабинетах врачей, истории болезней.

Но самое страшное, что никто из арестованных врачей не давал нужных показаний. Однажды Сталин вызвал Игнатьева и поинтересовался:

— Как идет работа по делу врачей?

Новому министру сказать было нечего. Изменились времена и нравы, а самое главное — стиль работы госбезопасности. А вождь требовал самых решительных мер.

— Яне проситель у МГБ! — все больше и больше заводился Сталин. — Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут выполняться мои требования. Мы вас разгоним как баранов! — он был в ярости. — В М ГБ полно чекистов, которые не видят дальше собственного носа. Вы там докатились до состояния полных идиотов и не хотите выполнять директивы ЦэКа…

«К концу января 1952 г. почти во всех разговорах с тов. Сталиным, — вспоминал Игнатьев, — я слышал не только острую брань, но и угрозы приблизительно такого характера: «Если вы не раскроете террористов, американских агентов среди врачей, то вы будете там, где сейчас находится Абакумов», «Я не эмгэбэшник. Я могу требовать и прямо заявлять вам об этом, если не выполняете моих требований», «Мы будем управлять вами как баранами» и т. д.»

3

В конце 1951 г. Рюмин на докладе у Сталина высказал сомнения по поводу работы прокуратуры, мол, им вряд ли удастся размотать дело Абакумова.

— Они — чекисты, — размышляя, отвечал вождь. — От них уговорами ничего не добьешься, их надо, — и он несколько раз ударил ребром ладони по столу.

Теперь Рюмин стал заместителем министра, курировавшим следствие в МГБ, а 22 февраля 1952 г. он утвердил постановление, «согласно которому расследование уголовного дела Абакумова» было передано в Министерство государственной безопасности. После чего Абакумова и других арестованных очень скоро перевезли из Матросской Тишины в Лефортово.

Там Виктора Семеновича заковали в кандалы. Но и это было еще не все.

Арестованных круглые сутки держали в наручниках, допрашивали без сна и били в кровь. Били в кабинете № 65 Лефортовской тюрьмы только тех, кто был неразговорчив. «Однако избитый в кровь, изувеченный Абакумов ни в чем не признавался».

К. Столяров пишет: «От Абакумова добивались выдачи связей с иностранными спецслужбами. На ежедневных допросах его обвиняли в том, что он был «прислужником вражеских разведок», предлагали не увиливать, а говорить, что заставляло его «так старательно служить англичанам и американцам», и однажды заявили: «Установлено, что вредительски-подрывную работу вы проводили и в военной контрразведке. Абакумов, прекратите лгать и раскрывайте ваши подлинные вражеские замыслы!» У изнуренного пытками Абакумова хватило сил усмехнуться и спросить: «Что же я, по-вашему, и на немцев работал?»».

3 ноября 1952 г. Рюмин утвердил постановление о предъявлении дополнительного обвинения:

«Принимая во внимание, что следствием по делу Абакумова собраны доказательства, изобличающие его в том, что он:

а) вынашивал изменнические замыслы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу из еврейских националистов, с помощью которых обманывал и игнорировал ЦК КПСС, собирал материалы, порочащие отдельных руководителей Советского правительства, а также отгораживал чекистский аппарат от руководящих партийных органов;

б) опираясь на своих сообщников, проводил вредительскую подрывную работу в области контрразведывательной деятельности

— дополнительно предъявить Абакумову Виктору Семеновичу обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58–7, 17–58-8, и 58–11 УК РСФСР».

В Лефортовской тюрьме было холодно. Абакумова лишили прогулок, ларька, книг, а кормили, как выразился И.А. Чернов, «впроголодь».

Он же вспоминал: «Был у них отработан садистский прием — перевернут тебя на спину, снимут брюки, раздвинут ноги и давай хлестать сыромятной плетью. Боль невыразимая, особенно, если бьют с оттяжкой. После такой пытки я графин воды выпивал, жажда была — все внутри полыхало. Тут подпишешь даже то, что придумал собственную маму годика за три до своего рождения».

С февраля Виктора Семеновича, что называется, пропустили через Лефортовский конвейер: первые восемь дней держали в темной и холодной камере, а в течение месяца спать давали по часу-полтора в сутки.

18 апреля ему дали возможность написать письмо, и он пишет:

«Товарищам Берия и Маленкову»: «На всех допросах стоит сплошной мат, издевательство, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол. Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером 2 метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут. Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг. 23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть, впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой. Я все время спрашивал, кто разрешил проделать со мной такую штуку. Мне ответили: «Руководство МГБ». Путем расспросов я узнал, что это Рюмин, который делает, что и как хочет».

В заключение письма Виктор Семенович просит:

«1) Закончить все и вернуть меня к работе мне нужно лечение.

2) Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей. Может быть, надо вернуть в Матросскую тюрьму и дать допрашивать прокурорам.

Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я Вам

вечно буду за это благодарен. Она человек очень честный и хороший.

Уважающий Вас В. Абакумов.

В этом письме больше всего удивляет настойчивое обращение Абакумова к тем, кто в принципе не заинтересован в помощи. Причем можно заметить, что письмо скорее напоминает докладную записку не бывшего министра, а будто бы действующего, но временно находящегося под следствием.

Виктор Семенович, стойкий и мужественный человек, почему-то уверен в кратковременности своего пребывания за решеткой. Но уже за то короткое время, что он провел на допросах и в одиночках, его здоровье сильно подорвано и даже у тюремных медиков вызывает опасения:

«Заключенный № 15 еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение. Бледен, губы и слизистые с цианотичным оттенком. При пальпации спины болезненность мышц в области межреберных промежутков. Стопы гиперемированы, пастозны. По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру».

Теперь допрашивать его разрешено «только лежа в течение 2-х часов».

Осенью 1952 г. Виктору Семеновичу еще раз дают возможность написать:

«Прошло уже более года, а меня по-прежнему беспрерывно допрашивают. Все это время мне ставили большое количество вопросов — странных, нелепых и просто провокационных. Например, вопрос о суде над «ленинградцами»: «Почему я добился расстрела Вознесенского, Кузнецова и других?» Вы же хорошо знаете, как все было. Следователь Рюмин должен знать, что такие вопросы решает ЦК, но почему-то спрашивает об этом у меня. Теперь новая линия. Продолжают меня мучить, называя «узурпатором». Приводят умопомрачительные показания разных лиц. Многие сидели в холодильнике и лгут, кто как может. Об этом страшилище — холодильнике — я писал Вам прошлый раз».

Нет, Виктор Семенович не желает сдаваться. Он по-прежнему настойчиво обращается к Берии и Маленкову и, как раньше, лишь информирует их о своем положении, жутком и страшном, в котором долго не может находиться министр госбезопасности. Не бывший, а действующий!

«Сколько вранья, клеветы и грязи написано на бумаге. Они, очевидно, должны взять отказные протоколы от людей, которые врали и клеветали. Иначе, как можно оставить бумаги с такими записями.

Может быть, было бы лучше закончить всю эту историю до

отъезда тов. Сталина в отпуск? Говорю это потому, что иногда в период отпуска некоторые вопросы решались острее. Поймите мое положение и поэтому извините меня за такой совет.

Еще раз прошу Вас о жене и ребенке. Верните их домой. У жены здоровье плохое, а ребенку нужен воздух. Иначе можно погубить и ее, и моего дорогого, единственного сына. Прошу Вас, помогите мне в этом».

К. Столяров комментирует эти два письма следующим образом: «У писем есть еще одна особенность: все они снабжены постскриптумами, в которых Абакумов заверяет Берию в неизменной преданности, клянется, что «всем сердцем любит тов. Сталина и тов. Берию», называет его «самым близким человеком», намекает, что «крепко пригодится в будущем»», и т. п.

Для него это была последняя надежда, а она, как известно, и умирает последней. То, что писал Виктор Семенович своим врагам, это было одно, а другое он показывал всем, и им в том числе, что сломить Абакумова невозможно. Заставить показать против себя — тоже невозможно. Он верил, он надеялся, а может быть, даже был уверен в том, что они остановят эксперименты и освободят его.

И он упорно молчал.

На очередном допросе полковник Седов спрашивает Абакумова:

— Голословно отрицая совершенные вами преступления, вы еще раз показываете свое враждебное отношение к ВКП(б) и Советскому государству. Когда вы намерены разоружиться и рассказать правду о вашей преступной деятельности?

— На предыдущих допросах я уже показал, что преступлений против ВКП(б) и Советского государства не совершал. К этим своим показаниям на сегодняшнем допросе ничего добавить не могу, — будто заученными словами отвечает Виктор Семенович. (Перерыв с шестнадцати тридцати на семь часов. Итак до четырех часов сорока пяти минут.) Но абсолютно ничего нового. Хотя кое-что меняется.

14 ноября 1952 г. Рюмина убирают из МГБ и переводят в госконтроль СССР старшим контролером. Он не справился.

А 17 ноября 1952 г. помощник начальника следчасти по особо важным делам подполковник Гришаев докладывает рапортом заместителю начальника следчасти полковнику Соколову: «Согласно распоряжению Министра государственной безопасности Союза ССР товарища Игнатьева С.Д., 15 ноября 1952 г. арестованный № 15 перемещен в камеру № 77 Бутырской тюрьмы из шести камер, расположенных в конце коридора, где размещена камера № 77, выведены все заключенные, и, таким

образом, по соседству с арестованным № 15 других заключенных нет.

В целях конспирации эта часть коридора отгорожена специальной портьерой. У двери камеры выставлен круглосуточный пост из числа наиболее проверенных надзирателей. Надзиратели предупреждены, что арестованный № 15 способен допустить любую провокацию и может прибегнуть к самоубийству.

Поэтому за ним необходимо вести особо тщательное наблюдение. Также в целях конспирации принято решение прикрепить к арестованному № 15 наиболее проверенного, умеющего держать язык за зубами врача и вызов других врачей к арестованному производить только в экстренных случаях. Согласно указанию министра, арестованный № 15 закован в наручники, которые будут сниматься только во время принятия пищи. Все остальное время арестованный № 15 будет сидеть в наручниках, причем в дневное время с руками за спину, а в ночное время — с руками на животе».

Допросы продолжались и в Бутырской тюрьме. Там его допрашивал бывший секретарь ЦК ВЛКСМ В.Н. Зайчиков, который рассказывал Месяцеву, как в первый раз привели Абакумова:

— А, мне следователя-новичка дали?

— Как вы определили?

— Вы были депутатом Верховного Совета, у вас еще на лацкане след от значка, ботинки из-за границы.

Абакумов его сразу раскусил.

Снова Виктор Семенович отрицал измену Родине, говорил, что были ошибки, недостатки, промахи.

— За них я готов отвечать. Я Родине не изменял, — твердил он.

Пытать же его больше не решались, потому что здоровье Абакумова ухудшается.

А что же с ним делать тогда? Например, секретарь партбюро парторганизации следчасти по особо важным делам МГБ СССР Цветаев в своем рапорте указывает:

«По имеющимся врачебным заключениям, арестованный № 15 якобы страдает болезнью сердца, а наблюдающий за ним врач разрешил допрашивать его не более 3–4 часов и только в дневное время.

При таком положении, учитывая поведение арестованного № 15, на мой взгляд, добиться от него признания вины в совершенных им преступлениях невозможно». Далее он предлагает:

«Мне кажется, целесообразно было бы поставить об этом в известность Инстанцию и предпринять необходимые меры в направлении получения от арестованного № 15 признательных показаний. Такой мерой, по-моему, может быть тщательное медицинское освидетельствование арестованного № 15 и в случае необходимости — применение срочных медицинских средств для быстрого восстановления его здоровья с тем, чтобы после этого его можно было бы активно допрашивать и обязательно пользоваться при этом острыми методами».

Зато бывшие подчиненные Виктора Семеновича старались вовсю.

Например, бывший заместитель начальника секретариата полковник Яков Михайлович Броверман, одногодка министра и житомирский еврей, «молотил» со страху так, что следователи не успевали записывать:

«Так, в 1945 г. вместе с Палкиным, бывшим главой отдела «Д» МГБ СССР, с Уткиным, бывшим главой 1-й коллегии МГБ, с Леоновым, главой отдела по расследованию особо важных дел, по приказу Абакумова я сфабриковал фотоальбом, посланный затем в ЦК, о подрывной деятельности организации белых эмигрантов в Маньчжурии.

Я должен сказать, что большая часть документов, фотокопии которых были помещены в альбом, относились к 30-м гг. и никоим образом не к 1945 г. Тем не менее Абакумов, желая создать впечатление, что контрразведывательные органы СМЕРШ преуспели в якобы полном уничтожении белой эмиграции и захватили документы об их деятельности в период Второй мировой войны, приказал нам вклеить даты в документы альбома.

В процессе подготовки для ЦК общей информации о работе органов МГБ, касающейся поиска и поимки агентов иностранных разведок и вдобавок авторов и распространителей антисоветских газет и анонимных писем, по приказу Абакумова я указал в этом материале только раскрытых шпионов и авторов анонимных документов и скрыл тот факт, что в течение длительного периода времени органы МГБ не могли установить, кто они, и что несколько десятков тысяч преступников, указанных выше, были еще на свободе.

Это дало возможность Абакумову скрыть от ЦК неудовлетворительную ситуацию, касающуюся поиска шпионов и авторов анонимных вражеских документов».

Другие тоже не отличались молчаливостью. Один бывший министр продолжал в том же духе. К чему это привело, свидетельствуют документы:

«Больной ходит, пошатываясь в разные стороны, пользуется при этом либо поддержкой окружающих, либо опирается на стены и предметы. Жалобы на боли в сердце, иррадиирующие в левую руку, на боли в ногах и отеки ног, отмечает слабость, быстрое утомление». Однако врачи считали Виктора Семеновича работоспособным в течение рабочего дня (до шести часов).

И вдруг случается непредвиденное — умирает Сталин. Виктора Семеновича пока не трогают. Не до него. Игнатьева 5 марта избирают секретарем ЦК по правоохранительным органам, МГБ объединяют с МВД, и министром становится Берия.

Началась новая чистка. Уже 16 марта Лаврентий Павлович распорядился арестовать Рюмина (7 июля 1954 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла ему расстрельный приговор, а 22 июля его расстреляли).

Абакумов продолжал сидеть. П.А. Судоплатов вспоминал: «Абакумова не освободили. Берия и Маленков имели на него зуб. Его обвинили в фальсификации дела Жемчужиной. В то время меня не интересовал Абакумов, у меня были свои причины его не любить, но я узнал от Райхмана, что Абакумов отрицал обвинения, связывающие его с сионистским заговором, несмотря на то что Рюмин зверски его пытал. Райхман рассказывал мне, что он вел себя как настоящий мужчина с сильной волей».

4

Последний вариант обвинительного заключения по Абакумову был подготовлен еще в феврале 1953 г. Этот документ вызывает интерес только потому, что его правил лично И.В. Сталин:

«Проводя подрывную деятельность, Абакумов и его помощники Леонов и Комаров (Сталин вычеркнул «и его помощники») игнорировали распоряжения Центрального Комитета, касающиеся обнаружения связей с иностранной разведкой врага народа Кузнецова и участников группы предателей, действовавших в партии и советском аппарате (Сталин добавил «в Ленинграде»). Преследуя преступные цели, они (Сталин вычеркнул «они» и добавил «он») ориентировали расследование по делу Кузнецова и его последователей в таком ключе, что это локальная изолированная группа, не имеющая зарубежных связей. Обвиняемый Комаров по этому поводу показал, что «он (Абакумов) прямо сказал, что дело Кузнецова и его вражеской группы является локальным. Он настаивал, что среди арестованных нет и не может быть людей, связанных с

зарубежными странами (шпионов). Результатом вражеской деятельности Абакумова, Леонова, Комарова было то, что шпионская деятельность участников группы Кузнецова не была расследована, а следственное дело было изъято из обращения (Сталин вычеркнул это и написал «скрыто»).

Обвиняемый Абакумов вместе с другими, проходящими по этому же делу (Леоновым, Лихачевым, Шварцманом, Комаровым, Броверманом), саботировали расследование преступной деятельности арестованных американских шпионов и еврейских националистов, действовавших под прикрытием Еврейского Антифашистского Комитета.

После поверхностных допросов арестованных, в ходе которых их шпионская активность не была вскрыта в полной мере, а вопрос террора вообще не расследовался, расследование вышеуказанных дел было остановлено и в течение длительного времени не возобновлялось».

После смерти вождя изменилось немногое. П.А. Судоплатов:

«Берия и Маленков решили покончить с Абакумовым. На совещании у себя в кабинете Берия официально объявил, что хотя обвинения Абакумова в заговоре были несостоятельны, но он все равно остается под следствием за разбазаривание правительственных средств, злоупотребление властью и, что было серьезней, за фальсификацию дела против бывшего руководства Министерства авиационной промышленности, командования ВВС, против Полины Жемчужиной, за убийство Михоэлса».

Но неожиданный поворот истории выручает Абакумова и на этот раз: 26 июня 1953 г. арестован Л.П. Берия (23 декабря 1953 г. Берия, Кобулов, Меркулов, Деканозов, Мешик, Влодзимирский, Гоглидзе— расстреляны).

3 августа Абакумова переводят в Лефортовскую тюрьму. Там он в буквальном смысле умирает.

Между тем заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Серов в августе 53-го утверждает план мероприятий по окончанию следствия. Срок три недели.

Как отмечает К. Столяров, «позднее Серов снова устанавливал жесткие сроки, которые постоянно срывались».

* * *

Многие пытались сломать Виктора Семеновича Абакумова с июля 1951 г. в течение трех с лишним лет, но это не удалось никому. Он держался так, что даже у ярых врагов вызывал уважение. Но живым он не нужен был ни одним и ни другим.

Когда Геннадий Афанасьевич Терехов вызвал его и дал прочесть газету с сообщением о разоблачении Берии, Виктор Семенович молча прочитал и, «не дрогнув бровью, перевернул лист и стал читать о спорте».

Тому же Терехову он как-то сказал уверенно:

— У тебя слишком красивые глаза, мне жаль тебя расстреливать!

На очередном допросе, где присутствовал бывший подчиненный Абакумова, Виктор Семенович не удержался и спросил его:

— Как вы могли допустить, что следствие по делу Берии вела прокуратура?

И на невразумительный ответ эмгэбэшника сказал:

— И ты веришь, что меня, министра госбезопасности, будут судить?! Да? Тогда надевай цилиндр, органов больше нет!

Е. Жирнов пишет:

«В тюрьме даже во вред себе он продолжал вести себя по-прежнему— грубо и прямолинейно. Говорят, что, когда его пришел допрашивать новый генеральный прокурор СССР Руденко, Абакумов спросил: «Ну что, Никита теперь стал у нас самым главным?» — «Как ты узнал?» — поразился Руденко. «Ну кто же, кроме него, назначит тебя, мудака, генеральным прокурором?»

Руденко поинтересовался у Виктора Семеновича его взаимоотношениями с Берией. Абакумов же был непреклонен:

— На квартире и на даче с Берией я никогда не бывал. Отношения у нас были чисто служебные, официальные и ничего другого.

Но все равно генпрокурор назовет его членом банды Берии.

Лефортово «прогрессивно» ухудшало здоровье Абакумова. Его переводят во Внутреннюю тюрьму МВД, где отказывают в бумаге, но разрешают пользоваться ларьком.

Там он покупает себе яйца, а в библиотеке берет книги.

П.А. Судоплатов вспоминал:

«В 1990 г. меня вызвали в качестве свидетеля, когда его дело проверялось военной прокуратурой; я изменил свое мнение о нем, потому что какие бы преступления он ни совершал, он заплатил за все сполна в тюрьме. Ему пришлось вынести невероятные страдания (он просидел три месяца в холодильнике в кандалах), но он нашел в себе силы не покориться палачам. Он боролся за жизнь, категорически отрицая «заговор врачей». Благодаря его твердости и мужеству в марте и апреле 1953 года стало возможным освободить всех арестованных, замешанных в так называемом заговоре, поскольку именно Абакумову вменялось в вину, что он был их руководителем».

* * *

К неволе тюрьмы, а тем более одиночной камеры, никогда невозможно привыкнуть. А такому сильному человеку, как Виктор Семенович, и подавно. Но со временем он все же перестал слепнуть от ярости. Надоело.

Он ждал суда и надеялся на его объективность. Нет, он не был глуп и наивен и думал, что все документы, а также установленные факты будут свидетельствовать в его пользу. В этом была определенная логика.

В свое время Абакумова обслуживала самая маленькая охрана, а ведь численность сотрудников охраны № 2, выделявшихся советским руководителям, отражала их статус. Если к Молотову было приставлено 120 человек, к Берии около ста, к Булганину, Маленкову, Хрущеву — от семидесяти пяти до ста, к маршалу Жукову около 20, то у Виктора Семеновича было и того меньше.

Парадоксально, но, несмотря на этот факт, Абакумов знал гораздо больше всех их вместе взятых. В этом-то он и был опасен абсолютно для всех. И самое страшное — он слишком долго возглавлял МГБ.

У Сталина никогда не было любимчиков, а особенно не могло их быть на такой важной, в его понимании, политической должности.

В свое время вождь убрал Ягоду, убрал Ежова и только Берию отодвинул от НКВД, потому что ценил за организаторский талант. Но пришло время Абакумова. Когда-то оно должно было наступить. Дело было только в предлоге. Им и оказался Рюмин.

«Дело врачей» стало хорошим поводом для устранения Абакумова чужими руками. А ведь он единственный не имел политических амбиций. Его задача заключалась в руководстве ведомством, которое занималось самыми главными для политики Сталина делами. И основной нитью в ее проведении считалось как можно больше знать обо всех. При этом, несмотря на огромные полномочия, несмотря на то, что он делал в своем ведомстве, что хотел, Виктор Семенович не принимал решения в одиночку. Политика государства, как внутри, так и за его пределами, решалась по приказу самого Сталина.

Кроме всего прочего, Абакумов охранял подступы к нему, контролируя очень и очень многое. Виктор Семенович отличался особой осторожностью и если конфликтовал, то делал это с ведома вождя или с его молчаливого согласия.

Однако в «деле врачей» он проявил «преступную» инициативу по меркам Сталина, что и переполнило чашу терпения

последнего. Скрыв факты в выбитых показаниях Этингера Рюминым, Виктор Семенович ускорил конец своей стремительной карьеры. Больной и стареющий Иосиф Виссарионович, боявшийся отравления и не доверяющий никому, даже из тех, кто верой и правдой служил ему многие годы, не мог понять, почему Абакумов позволил себе такую самодеятельность.

* * *

По мнению историков, деятельность СМЕРШа, которой руководил и которую направлял Виктор Семенович, «превзошла все ожидания Сталина».

И действительно, Абакумову принадлежит идея вести активную зафронтовую работу, внедряться в разведшколы противника, перевербовывать фашистскую агентуру и отправлять обратно за линию фронта в тыл врага. Неоспорим и успех радиоигр по дезинформации противника, которые Абакумов ввел в 1942 г.

Историки спецслужб утверждают, что «именно они помогли прорвать, блокаду Ленинграда, организовать контрнаступление под Сталинградом, перехватывать и уничтожать тяжелые транспортные самолеты противника».

Сегодня, даже несмотря на демократические времена, невозможно отрицать факт успешной работы военной контрразведки во время войны, которая в буквальном смысле спасла Красную Армию от развала и паники в самые первые и суровые годы.

Жесткий механизм репрессий, по сути, предотвратил более серьезные последствия катастрофы 41-го. И в этом тоже была несомненная заслуга Абакумова.

Но было и другое. Были и другие репрессии, обоснованные политикой государства и ее вождя, но не обоснованные никакими юридическими и общечеловеческими нормами. Участие в них Абакумова как начальника ГУКР СМЕРШ, как министра госбезопасности также несомненно.

Виновен ли в этом Виктор Семенович?

С одной стороны, он вполне мог заблуждаться и считать, что поступает правильно, но мог и понимать, что творит злое, преступное дело.

Тогда давайте на немного задумаемся и спросим себя: а был ли у него выбор?

К.А. Столяров, например, считает, что «Абакумов действовал в условиях крайней необходимости и выполнял волю Сталина». И

я соглашусь с этим. Однако истина находится совершенно в другой плоскости. Нужно было родиться и жить в то время, нужно было пройти тот путь, который прошел Виктор Семенович, как до службы в органах, так и во время нее, чтобы понять психологию того времени, в которое он жил. Чтобы осознать то, что он делал и совершал. Думаю, что нельзя судить человека той эпохи по меркам сегодняшнего дня. Это в корне неправильно. Здесь должны быть другие критерии оценки. Но это лично мое мнение.

«Никакие справедливые цели и намерения, — писал ДА. Волкогонов, — не могут оправдать безнравственных средств, которые являются не только злом моральным по своему характеру, но и злом социальным по своим последствиям».

Сточки зрения философии и это верно.

Но с точки зрения юридической Абакумов вполне законно выполнял все приказы своего начальника— Иосифа Виссарионовича Сталина, о преступности которых он вряд ли задумывался.

Тогда была своя идеология, принципы которой сформулированы большевиками в далеком семнадцатом. А разве их кто-то оспаривал?

* * *

Решая судьбы тысяч и миллионов, вождь стал незаурядным политическим режиссером. Почему стал? Потому что для этого ему понадобилось время. В репрессиях он проводил свою линию законности, в которой они служили оправданием действий его власти. Уничтожая неблагодарных, болтливых, зарвавшихся, обнаглевших и т. д., и т. п., он не хотел никому объяснять правду. И в этом ему помогла «блестящая» фальсификация, в которую верили безоговорочно. Верили многие. А кто не верил — был обречен.

Со временем механизм работы органов госбезопасности совершенствовался. Прослушка также давала чрезвычайно весомые результаты для плетения заговоров. Обыкновенная болтовня на кухне с нецензурной бранью в адрес вождя становилась очень значительным компроматом, который за подписью Абакумова докладывался лично Сталину. А дальше решение принимал вождь.

«От сравнения гестапо — МГБ уклониться никому не дано: слишком совпадают и годы и методы, — пишет А.И. Солженицын в «Архипелаге». — Еще естественнее сравнивали те, кто сам прошел и гестапо и МГБ, как Евгений Иванович Дивнич,

эмигрант. Гестапо обвиняло его в коммунистической деятельности среди русских рабочих в Германии, МГБ — в связи с мировой буржуазией. Дивнич делал вывод не в пользу МГБ: истязали и там, и здесь, но гестапо все же добивалось истины, а когда обвинение отпало — Дивнича выпустили. МГБ же не искало истины и не имело намерения кого-либо взятого выпускать из когтей».

Арест по меркам органов госбезопасности тех лет — это уже был «момент истины». Парадокс заключался в том, что следствие и суд не могли изменить участи арестованного. По этим лекалам в органах работали не один десяток лет.

Человека арестовывали, уже имея на него какой-либо «компромат», а дальше шла техника фальсификации.

Такая была система, созданная Советской властью, которая периодически вращала маховик мясорубки. Поэтому оценить личность Абакумова без учета советского беззакония невозможно.

Д.А. Волкогонов обнаружил в архивах совершенно секретный документ, на котором стояла подпись Абакумова. Речь шла об американском гражданине, которого обвинили в шпионаже. За это он просидел восемь лет. Срок закончился, и посольство США сообщило, что готово вернуть его на родину. Однако министр госбезопасности доложил Сталину: «Нельзя выпускать. Пробыл столько лет в наших лагерях, столько видел. Надо ликвидировать». Вождь начертал «Согласен», и иностранца уничтожили.

А ведь в этом конкретном случае Виктор Семенович был убежден в своей правоте.

5

Суда Виктор Семенович ждал долго. А когда дождался, стало легче. При Сталине он просидел один год и восемь месяцев. «Дело врачей» затягивалось, и только смерть вождя подарила ему еще больше года жизни. Сегодня можно с достоверностью сказать, что если бы Сталин прожил дольше, участь Абакумова была бы решена в 1953 г.

Арест Берии продлил жизнь Виктору Семеновичу еще на месяцы, а потом его спасла борьба за власть в Кремле Хрущева. Это тоже сыграло свою положительную роль. Как говорится, карты так легли. Следовательно, после смерти вождя Абакумов просидел еще один год и девять месяцев.

Итак, 14 декабря 1954 г. началось открытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда

СССР.

Происходило это действие в Доме офицеров Ленинградского военного округа, там же, где судили «ленинградцев». Отказавшись от услуг адвоката, Виктор Семенович держался на суде с большим достоинством. В ответ на вопрос суда, признает ли он себя виновным, он заявил: «Виновным себя не признаю. Это дело провокационное, оно сфабриковано Берией, Кобуловым и Рюминым».

К.А. Столяров в своей книге «Голгофа» пишет:

«В ходе судебного разбирательства Абакумов заявил следующие ходатайства:

— приобщить к делу его докладные записки в ЦК ВКП(б) и в Совет Министров СССР, касавшиеся всех вопросов рассматриваемого дела;

— приобщить к делу постановление директивных органов о расследовании преступной деятельности Кузнецова, Вознесенского, Попкова и других;

— приобщить к делу изданные им приказы и директивы, направленные на ликвидацию недостатков, имевшихся в работе следственного аппарата МГБ СССР;

— приобщить к делу постановление директивных органов о сокрытии Меркуловым некоторых материалов по делу «авиационников»;

— приобщить к делу протокол об окончании следствия, подписанный в январе 1953 года т.т. Ильичевым и Китаевым;

— вызвать в суд в качестве свидетеля бывшего первого заместителя министра государственной безопасности С.М. Огольцова, который непосредственно курировал следственную часть по особо важным делам;

— рассмотреть в судебном заседании факты применения к нему мер физического воздействия в период предварительного следствия;

— занести в протокол судебного заседания, что на следствии ему не разрешали писать заявления в Президиум ЦК КПСС».

Обосновывая эти ходатайства, Абакумов был убежден, что без них суд не может установить объективность принимаемых им решений.

Речь шла о выполнении приказов руководителей партии и государства, проведении в жизнь постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) или же о собственной инициативе министра.

Государственный обвинитель Р.А. Руденко на это заявил: «Я считаю, что большинство ходатайств, заявленных подсудимым Абакумовым, несостоятельны и удовлетворению не подлежат».

А значит, вопрос по Абакумову был решен задолго до суда в

Кремле.

В свою защиту Виктор Семенович говорил следующее: «Я заявляю, что настоящее дело против меня сфабриковано. Я заключен под стражу в результате происков Берии и ложного доноса Рюмина, три года нахожусь в тюрьме, в тяжелейших условиях. Меня избивали. Администрация не дает мне бумаги. Жена с маленьким ребенком содержится в тюрьме. Мое обвинение начал фальсифицировать Рюмин, который обвинил меня в тягчайших преступлениях и докатился до абсурда, признав меня за главаря еврейской контрреволюционной организации. Одни обвинения в отношении меня прекращались, другие появлялись. Все недостатки в органах ЧК, скопившиеся за длительный период, вменяются мне как преступления. Я ничего не делал сам. В ЦК давались указания, а я их выполнял. Государственный обвинитель ругает меня, с одной стороны, за допущенные перегибы, а с другой — за промахи, смазывания. Где же тут логика?»

Виктор Семенович, имея четырехклассное образование, был достаточно самообразован, отличался умом и сообразительностью. Но он никак не мог понять: в чем он виноват? Обвинения власти действительно были несостоятельны. Но в том-то и заключалась советская система беззакония, что В.С. Абакумов уже более трех лет отсидел в тюрьме, а значит, он не мог быть невиновным. Бывший всемогущий министр так и не понял, что к нему применили тот же механизм, который отлаженно работал и до него, и при нем, а теперь уже и после. Где действовал блатной принцип: «Умри ты сегодня, а я завтра!»

* * *

Виктора Семеновича Абакумова расстреляли в Ленинграде 19 декабря 1954 г. через один час пятнадцать минут после вынесения приговора. Ему даже не дали возможности обратиться с просьбой о помиловании.

Сорок шесть лет и вся жизнь.

— Я все напишу в Политбюро, — успел сказать Абакумов до того, как пуля попала ему в голову.

* * *

28 июля 1994 г. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела в судебном заседании

уголовное дело в отношении Абакумова и других. Руководствуясь статьей 8 закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и ст. 377–381 УПК РСФСР, Военная коллегия определила: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1954 г. в отношении Абакумова, Лихачева, Комарова и Бровермана изменить, переквалифицировав действия осужденных на статью 193–17 п. «б» УК РСФСР (в редакции 1926 г.) и оставив им прежние меры наказания.

Через несколько лет Генеральная прокуратура России вновь внесла протест на приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1954 г. по делу Абакумова и других.

В результате 17 декабря 1997 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь п. 5 ст. 378 УПК РСФСР, постановил: определить Абакумову В.С., Леонову А.Г., Лихачеву М.Т. и Комарову В.И. наказания в виде 25 лет заключения в исправительно-трудовые лагеря каждому, исключив в отношении всех осужденных дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества.

А значит, полностью Виктора Семенович не реабилитируют никогда. Но если все должно быть по закону, то это правильно. А насчет памятника, который предлагают воздвигнуть некоторые господа, спешить не стоит.

Памятник Виктор Семенович поставил себе сам еще при жизни, когда возглавлял военную контрразведку, а потом и МГБ.

Памятник из черно-белого мрамора так и будет стоять в истории веками.

Вот только необходимо определиться с пропорцией одного и другого цвета. Для этого еще есть время у профессиональных историков.

> «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою».
>
> *Евангелие от Матфея, глава 16, стих 26*

Прости, Господи, несчастного раба твоего, Виктора.

Вместо эпилога

Жена Абакумова, Антонина Николаевна, вместе с сыном провела за решеткой 2 года 8 месяцев и вышла на свободу 9 марта 1954 г. А через десять месяцев, 26 января 1955 г., ее вызвали в милицию, где отобрали паспорт и выдали взамен другой — без права проживания в Москве.

Генерал Б.В. Теплинский суда ожидал восемь с половиной лет. Когда он спросил, что это за суд через столько времени, ему заявили: «Надо же юридически оформить ваше пребывание в тюрьме». Генерала авиации реабилитировали в 1955 году. Он умер 1 декабря 1972 года.

В.Н. Ильин в тюрьме отсидел 9 лет. Когда его освободили, ему было сорок восемь лет и он начал свою вторую жизнь в Рязани грузчиком. В 1954 г. его реабилитировали и разрешили вернуться в Москву. С 1956 по 1977 г. — оргсекретарь Союза писателей СССР. Генерал-майор. Умер в 1990 г.

С.Д. Игнатьев 5 апреля 1953 г. был выведен из секретариата ЦК, а 28 апреля из состава ЦК. Затем четыре года работал первым секретарем Башкирского обкома и еще три года первым секретарем Татарского обкома. В 1960 г. его отправили на пенсию. Умер 27 ноября 1983 года.

Г.М. Маленков в феврале 1955 г. был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Его назначили министром электростанций СССР, в 1957 г. — директором Усть-Каменогорской ГЭС, а затем директором Экибастузской ГРЭС. Там он получил выговор: «за панибратство с рабочими». В 1961 г. после XXII съезда Маленкова исключили из партии. В Москву он вернулся в 1968 г., после выхода на пенсию. Умер в 1988 г.

С.Н. Круглова от должности министра освободили в январе 1956 года, после десяти лет работы.

Сначала его назначили заместителем министра строительства электростанций, а потом вообще отправили из Москвы заместителем председателя совнархоза в Киров.

В 1958 г. Круглов получил инвалидность, а в 1959 г. его лишили генеральской пенсии и выселили из большой квартиры.

В 1960 г. — исключили из партии, а в июне 1977 г. больной пенсионер Круглов попал под поезд, находясь за городом.

И.А. Серов 13 марта 1954 г. был назначен Председателем КГБ, а в 1955 г. ему присвоили звание генерала армии. Однако через несколько лет Хрущев уберет его с Лубянки (8 декабря 1958 года), после смещения Жукова, и назначит 9 декабря

начальником Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР.

Не пройдет и четырех лет, как карьеру Серова вконец сломает арест полковника ГРУ О.В. Пеньковского.

«За потерю политической бдительности и недостойные поступки» Серова понизили до званая генерал-майора, а 12 марта 1963 г. лишили звания Героя Советского Союза.

Серов умер в июле 1990 г.

«И живые позавидуют мертвым».

Библиография

(мемуары, дневники, литература, опубликованные и неопубликованные документы)

1. Окунев И.П. Дневник Москвича. 1917–1920: в 2-х т. М.: Воениздат, 1997.

2. Сикорский Е.А. Деньги на революцию. 1903–1920. Смоленск: Русич, 2004.

3. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991.

4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Минск: Харвест, 2002.

5 Воейков В.И. С царем и без царя. М.: Воениздат, 1995.

6. Шульгин В. Последний очевидец. М.: Олма — Пресс, 2002.

7. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991 гг. М.: Прогресс — Академия, 1992.

8. Млечин Л. Русская армия между Троцким и Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002.

9. Млечин Л. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М.: Центрполиграф, 2003.

10. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М.: Молодая гвардия, 2003.

11. Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. П. М.: Русский путь, 2002.

12. Солженицын А. В круге первом. М.: Художественная литература, 1990.

13. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М.: Центр «Новый мир», 1990.

14. Степаков В.Н. Нарком СМЕРШа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003.

15. Сысоев Н.Г. Жандармы и чекисты. М.: Вече, 2002.

16. Богданов Ю.В. Строго секретно. 30лет в ОГПУ-НКВД-МВД. М.: Вече, 2002.

17. Ильинский М. Нарком Ягода. М.: Вече, 2002.

18. Полянский А. Ежов. История «железного сталинского наркома». М.: Вече. Ариа — АиФ, 2001.

19. Вайнеры А. и Г. Евангелия от палача. М.: 2000.

20. Семенов Ю. Ненаписанные романы. М.: ДЭМ, 1990.

21. Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М.: 1995.

22. Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отшепенца. М.: Центрполиграф, 1999.

23. Шидловский С. И. Воспоминания. Часть III. Берлин:

Книгоиздательство Отто Кирхнер и К^0, 1923.

24. Росляков М. Убийство Кирова. Л.: Лениздат, 1991.

25. Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: Издательство Олма — Пресс, 2002.

26. Чуев Ф. Молотов. М.: Олма — Пресс, 2002.

27. Чуев Ф. Так говорил Каганович. М.: Отечество, 1991.

28. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гея», 1996.

29. Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М.: Олма — Пресс, 2001.

30. Волкогонов Д.А. Сталин. Кн. 1, 2. М.: Новости, 1996.

31. Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн. 2. М.: Новости, 1992.

32. Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 1. М.: Новости, 1995.

33. Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 1997.

34. Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. М.: Терра, Издательство политической литературы, 1990.

35. Сухомлинов А. Кто Вы, Лаврентий Берия? М.: Детектив-пресс, 2004.

36. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.

37. Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М.: Центрполиграф, 2001.

38. Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия 1938–1941 гг. М.: Вече, 2003.

39. Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М.: Московский рабочий, 1997.

40. Зенькович Н.А. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997.

41. Столяров К. Голгофа. М., 1991.

42. Мельтюхов М. И. У пушенный шанс Сталина. М.: Вече, 2002.

43. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1, 2. М.: Воениздат, 1985.

44. Телицын В. СМЕРШ: операции и исполнители. Смоленск: Русич, 2002.

45. Яковлев А.Н. По мошам и елей. М.: Евразия, 1995.

46. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Воениздат, 1984.

47. Мерецков К.А. На службе народу. М.: Воениздат, 1983.

48. Даллес Ален. Искусство разведки. М.: Международные отношения, МП «УЛИСС», 1992.

49. Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. М.: Вече, 2002.

50. Симонов К. Глазами человека моего поколения. АПН, 1989.

51. Гераскин Б.В. За семью печатями. М.: Международные отношения, 2000.

52. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.
53. Райле Оскар. Тайная война. М.: Центрполиграф, 2002.
54. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1, 2. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003.
55. Гелен Райнхард. Война разведок. М.: Центрополиграф, 2003.
56. Шелленберг Вальтер. Лабиринт. М.: Дом Бируни, 1991.
57. Кейтель Вильгельм. Размышления перед казнью. М.: Терра, 1998.
58. Куманев Г. Рядом со Сталиным. Смоленск: Русич, 2001.
59. Попов А. Диверсанты Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
60. Дуглас Г. Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы. М.: Совершенно секретно, 2000.
61. Мазер Вернер. Адольф Гитлер. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
62. Колпакиди А.П., Прохоров Д.П. Все о внешней разведке. М.: АСТ, Олимп, 2002.
63. Яковлев Н. Жуков. Москва: Молодая гвардия, 1992.
64. Сульянов А. Маршал Жуков. Минск: Харвест, 2004.
65. Черненко М. Чужие и свои. М.: «Текст», Дружба народов, 2001.
66. Мэнвэм Р., Франкель Г. Генрих Гиммлер. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
67. Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М.: Вече, 1994.
68. Карпов В. Жуков на фронтах Великой войны. М.: Вече, 1996.
69. Карпов В. Маршал Жуков. М.: Воениздат, 1992.
70. Карпов В. Генералиссимус. Кн. 1. Калининград: Янтарный сказ, 2002.
71. Бучин А.Н. 170 000 километров с Г.К. Жуковым. М.: Молодая гвардия, 1994.
72. Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004.
73. Ткаченко С. Повстанческая Армия: Тактика борьбы. Минск-Москва, 2000.
74. Новикова С.А. Война. Авиация. Жизнь. М.: Воениздат, 2000.
75. Пыжиков А., Данилов А. Рождение сверхдержавы 1945–1953 годы. М.: Олма — Пресс, 2002.
76. Хруцкий Э. Тайны уставшего города. М.: Детектив-пресс, 2003.
77. Богомолов В. Момент истины. М.: Правда, 1985.
78. Безыменский Лев. Будапештский мессия. Рауль Валленберг. М.: Совершенно секретно, 2001.

79. Синицын Е. Резидент свидетельствует. М.: 1996.
80. Карпов В. Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 1999.
81. Свердлов Ф.Д. Ошибки Г.К. Жукова (год 1942). М.: Монолит, 2002.
82. Аллилуева С.И. Только один год. М.: Книга, 1990.
83. Медведев Рой. Они окружали Сталина. М.: Издательство политической литературы, 1990.
84. Медведев Жорес. Сталин и еврейская проблема. М.: АСТ, 2004.
85. Громов С. Записки «важняка». М.: Детектив-пресс, 2001.
86. Дерябин П. Стражи Кремля. М.: Центрполиграф, 2000.
87. Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. М.: Проспект, 2004.
88. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М.: Международные отношения, 2003.
89. Смыслов О.С. Загадки Советских наград. 1918–1991 гг. М.: Вече, 2005.
90. Смыслов О.С. Василий Сталин. Заложник имени. М.: Вече, 2003.
91. Смыслов О.С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004.
92. На Волховском фронте. 1941–1945 гг. М.: Наука, 1985.
93. Реабилитация. Политические процессы 30–40-х годов. М.: Издательство политической литературы.
94. Военно-исторический архив. Вып. 1. М.: Изд. дом «Грааль», 1997.
95. 1941 г. Уроки — выводы. М.: Воениздат, ГШ ОВССНГ, 1992.
96. Военно-исторический архив № 11(47), ноябрь 2003 г. А.С. Чайковский.
97. Виноградов В.К., Погоний Я.Ф., Тепцов Н.В. Агония и смерть Адольфа Гитлера. М.: Издательский дом «Звонница», 2000.
98. Великая Отечественная. Битва за Берлин. Русский архив 15–4(5). М.: Терра, 1994.
99. Великая Отечественная. Приказы НКО СССР 1941 г. Русский архив (13) 2(1), М.: Терра, 1994.
100. Необходимое руководство для агентов чрезвычайных комиссий. М.: Леке Эст, 2001.
101. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД в 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999.
102. Нюрнбергский процесс. Сб. мат. в 8-ми т. Т. 7. М.: Юридическая литература, 1997.
103. Военно-энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983.

104. Военные архивы России. Вып. 1, 1993.
105. Кодина Е.В. Смоленский архив. Вопросы истории. № 11. 2003 г.
106. Смоленский архив, д. 465, л. 308.
107. Смоленский архив, д. 220, л. 140–143.
108. Смоленский архив, д. 232, л. 125.
109. Смоленский архив, д. 388, л. 332–333 об.
110. Неизвестная Россия. XX век. Тепцов Н.В. Историческое наследие 1992 г. ЦГАНХ СССР. Ф. 9414, оп. 1, д. 1944, лл. 17–25.
111. Там же, ЦГАОР СССР. Ф. 3316, оп. 2, д. 515, лл. 2–7.
112. Там же, РЦХИДНИ. Ф. 589, оп. 3, д. 9296, т. 1, лл. 358–361.
113. Там же, РЦХИДНИ. Ф. 589, оп. 3, д. 9384, лл. 85–96.
114. Там же, РЦХИДНИ. Ф. 589, оп. 3, д. 9296, т. 1, лл. 53–72.
115. Там же, РЦХИДНИ. Ф. 589, оп. 3, д. 9384, т. 1, лл. 298–302.
116. Там же, РЦХИДНИ. Ф. 589, оп. 3, д. 9384, т. 1, лл. 303–305.
117. Там же, РЦХИДНИ. Ф. 589, оп. 3, д. 9384, т.1, лл. 455.
118. Неизвестная Россия XX век. Ф. 1870, оп. 3, д. 6, лл. 88–90.
119. Там же, Ф. 3, оп. 23, д. 57, л 13.
120. Там же, Ф. 3, оп. 23, д. 57, л 46.
121. РГВА. Ф. 29, оп. 47с., д. 248с, лл 4, 10–13.
122. Неизвестная Россия. XX век. Вып. 3. Историческое наследие, 1993 г. ЦХСД, Ф.5, оп. 30, д. 4, лл. 80–105.
123. Неизвестная Россия. XX век. Вып 2. Историческое наследие, 1992 г. Ерошин В., Ямпольский В.
124. Исторический архив, 1996. № 2–4, АПРФ. Ф. 45, оп. 1, д. 412, лл. 153–190, лл. 1–75, д. 414, лл. 5–12, лл. 12–85об, д. 415, лл. 1–83 об, лл. 84–96 об, д. 116, лл. 12–104, д. 417, ллю 1–2 об.
125. Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 гг. Справочник. М.: Материк, 2003.
126. Там же, ЦАФСБ. Ф. 66, оп. 1, д. 194, лл. 230–234 об.
127. Там же, ГАРФ Ф. Р-9401, оп. 2, д. 518, с. 329–334.
128. Там же, ГАРФ Ф. Р-9401, оп. 2, Д. 512, с. 277–280.
129. Там же, ГАРФ Ф. Р-9401, оп. 1, Д. 478, лл. 391–404.
130. Там же, ЦАФСБ. Ф. 66, оп. 1, Д. 252, лл. 542–544.
131. Там же, ЦАФСБ. Ф. 66, оп. 1, д. 252, лл. 83–84.
132. Там же, Архив НИПЦ «Мемориал». Коллекция документов.
133. Там же, ЦАФСБ. Ф. 66, оп. 1, т. 3, д. 6, лл. 2–3.
1 34. Там же, ЦА ФСБ. Ф. 3-ос, оп. 2, д. 6, лл. 24–36.

135. Там же, ЦАФСБ. Ф. 66, оп. 1, д. 358, лл. 52–55.
136. Там же, ЦАФСБ. Ф. 3, оп. 4, д. 21, лл. 1–47.
137. Там же, ЦАФСБ. Ф. 3, оп. 4, д. 139, лл. 309–312.
138. Там же, ГАРФ. Ф. Р-9401, оп. 2, д. 513, с. 172–174.
139. Там же, ЦАФСБ. Ф. 66, оп. 1, д. 496, лл. 42–42об.
140. Там же, РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 3, л. 118.
141. Там же, РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 108, лл. 152–157.
142. Там же, РГАНИ. Ф. 89, оп. 18, д. 12, лл. 1–10.
143. Там же, ЦАФСБ РФ. Ф. 4ос, оп. 7, д. 27, лл. 223–240.
144. Там же, АПРФ. Ф. 3, оп. 58, д. 10, лл. 7–10.
145. Там же, АПРФ. Ф. 3, оп. 58, д. 10, лл. 11–1 Зоб.
146. Кокурин А.И., Петров И.В. ГУЛАГ (Главное Управление лагерей). 1918–1960. Справочник. М.: Материк, 2002.
147. Там же, ГАРФ. Ф. 9423, оп. 35, д. 8, лл. 27–44.
148. Там же, ЦАФСБ. Ф. 66, оп. 1а, д. 21, лл. 327–330.
149. Там же, ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, д. 77, лл. 66–108.
150. Там же, ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, д. 368, лл. 31–61.
151. Там же, АПРФ. Ф. 57, оп. 1, д. 271, лл. 715–749.
152. Там же, ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, д. 3, лл. 51–52.
153. Там же, ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 15, лл. 22–25.
154. Там же, ГАРФ. Ф. 9414, оп. 1, д. 7, л. 15.
155. Там же, ГАРФ. Ф. 7523, оп. 67, д. 1, л. 5.
156. Виноградов В.К., Жадобин А.Т., Жидяев В.И., Марковчин В.В., Перемышленникова Н.М., Сигачев Ю.В. Лубянка в дни битвы за Москву. М.: Издательский дом «Звонница», 2002.
157. ЦАФСБ РФ. Ф. 3, оп. 8, д. 7, л. 5.
158. Там же, ЦАФСБ РФ. Ф. 13, оп. 4, д. 44, лл. 7–15.
159. Там же, Ф. 14, оп. 4, д. 125, лл. 483–488.
160. Там же, Ф. Зое, оп. 9, д. 4, лл. 132–133.
161. Там же, АРХ № Н — 16 640, лл. 28–38, л л. 66–70.
162. Там же, Ф. 40, оп. 10, д. 21, лл. 4–8.
163. Там же, Ф. 14, оп. 4, д. 321, лл. 16–46.
164. Там же, Ф. 14, оп. 4, д. 321, лл. 64–74.
165. Христофоров В.С., Виноградов В.К, Матвеев О.К-, Лазарев В.И-, Лузан Н.Н., Макаров В.Г., Перемышленникова Н.М., Черепков А.П. СМЕРШ. М.: Издательство Главархива Москвы, 2003.
166. Берия Серго. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.
167. Жадобин А. Т., Марковчин В.В., Сигачев Ю.В. Сталинградская эпопея. М.: Звонница-МГ, 2002.
168. ЦА ФСБ РФ. Ф. 14, оп. 4, д. 222, лл. 45–46.
169. Там же, Ф.14, оп. 4, д. 912, лл. 325–328.
170. Жадобин А. Т., Марковчин В.В., Христофоров В.С.

«Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. Московские учебники и картолитография. М.: 2003.

171. ЦА ФСБ РФ. Ф. 4, оп. 1, д. 190, лл. 53–56.

172. Там же, ЦАФСБ РФ. Ф. 14, оп. 5, д. 23, лл. 386–391.

173. Там же, Ф. 3, оп. 10, д. 16, лл. 177–181.

174. Жирнов Е. «Коммерсант. Власть». 21.05.2002.

175. «Вестник Верховного Суда СССР». 1991 г. № 5 и № 6.

176. Борисов Ю.С. «Комсомольская правда». 2 апр. 1988 г.

177. Яковлев В.П. ВИЖ. Май 2001 г.

178. Крамар В. «Независимое военное обозрение». 2004. № 32.

179. Кодачигов В. «Независимое военное обозрение». 25 апр. 2003 г. № 15.

180. Решин Л.Е., Степанов В.С. Военно-исторический журнал, 1993.

181. Токарев К. «Комсомольская правда». 3 марта 1988 г.

182. Хинштейн А. «Московский комсомолец». 25 апреля 2003 г.

183. Самоделкина С. «Московский комсомолец». 27 февраля 2003 г.

184. Аптекарь П. «Аргументы и факты». 1996. № 19.

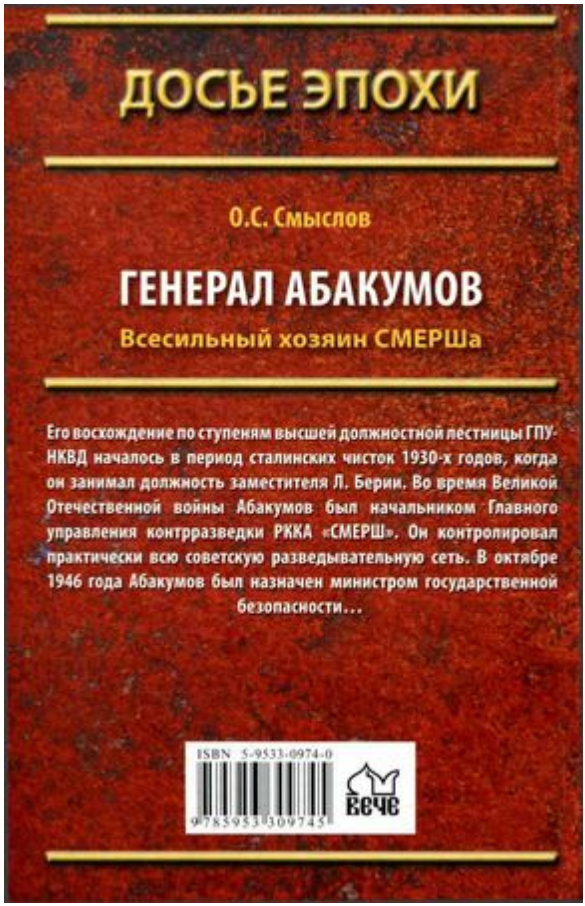
185. Решин Л.Е., Степанов В.С. «Военно-исторический журнал», 1992.

186. Хинштейн А. «Московский комсомолец». 14 марта 2002 г.

187. Головков А. «Огонек». Вечный поиск. 80-е гг.

188. Известия. 1992. № 163.

189. Сопельняк Б. «Совершенно секретно». 1995. № 5.


ДОСЬЕ ЭПОХИ
О.С. Смыслов
ГЕНЕРАЛ АБАКУМОВ
Всесильный хозяин СМЕРШа
Его восхождение по ступеням высшей должностной лестницы ГПУ-НКВД началось в период сталинских чисток 1930-х годов, когда он занимал должность заместителя Л. Берии. Во время Великой Отечественной войны Абакумов был начальником Главного управления контрразведки РККА «СМЕРШ». Он контролировал практически всю советскую разведывательную сеть. В октябре 1946 года Абакумов был назначен министром государственной безопасности...
ISBN 5-9533-0974-0
9785953309745
ВЕЧЕ

notes

Примечания

1

Ввиду обилия цитат из исторических источников, а также в целях сохранения единообразия текста издательство сочло целесообразным оставить изначальное написание полуаббревиатуры Смерш со всеми прописными. — *Примеч. ред.*

2

Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация оригинала.